А. А. ЧЕРМЕНСКИЙ

БУРЖУАЗИЯ И ЦАРИЗМ В РЕВОЛЮЦИИ 1905-1907 гг.

ОГИЗ - СОЦЭКГИЗ
1936

В

ГЖС461
Ч 455

Е. Д. ЧЕРМЕНСКИЙ

БУРЖУАЗИЯ И ЦАРИЗМ В РЕВОЛЮЦИИ 1905-1907 гг.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. А. Быстрянского

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1939 ЛЕНИНГРАД

К. 1984
9(с)173
Ч—48
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2006
БИБЛИОТЕКА ИНЭЛ при ЦК ВКП(б)
ГЖС461Р
Ч 455
53694

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вопрос о роли либеральной буржуазии в нашей буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг., как известно, имел важнейшее значение для выработки тактики нашей партии в пятом году. Этот вопрос являлся одним из важнейших пунктов разногласий между большевиками и меньшевиками, формально входившими тогда в одну партию, но на деле составлявшими две партии. От того или иного отношения к либеральной буржуазии зависела вся тактическая линия пролетариата в буржуазно-демократической революции.

Ленин и Сталин в своих работах, посвященных обоснованию тактики большевиков в революции 1905 г., дали блестящий образец применения метода исторического материализма в решении данной проблемы. Вопрос о роли буржуазии в революции

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
4	15 сверху	Бастилии,	Бастилий
165	24 снизу	с насилием»	с насилием»[1]
263	сноска	Государственная дума, стенографические отчеты — 1906, сессия I	Винавер, Конфликты в Первой думе,
287	12 снизу	13 июля	3 июля

Черменский — 1257.

зие международной и внутренней обстановки, в которой протекала революция 1905 г. Они подошли к решению вопроса о роли либеральной буржуазии в русской буржуазной революции, исходя из конкретных исторических данных, из отличительных моментов и особенностей нашей буржуазной революции.

...«Ошибка Плеханова состоит в подмене к о н к р е т н о г о исторического вопроса а б с т р а к т н ы м соображением. Это во-первых. А во-вторых, ошибка тов. Плеханова состоит в совершенно н е и с т о р и ч е с к о м воззрении его на буржуазную демократию в России. Плеханов забывает, как меняется положение различных слоев этой буржуазной демократии по мере того, как идет вперед революция. Чем выше поднимается революция, тем быстрее отпадают от нее наименее революционные слои буржуазии. Кто не понимает этого, тот ничего не

К. 1984
9(с)173
Ч—48
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008
БИБЛИОТЕКА ИНЭЛ ИМЭЛ при ЦК КПСС
ГЖС461р
Ч 455
53694 Ч

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вопрос о роли либеральной буржуазии в нашей буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг., как известно, имел важнейшее значение для выработки тактики нашей партии в пятом году. Этот вопрос являлся одним из важнейших пунктов разногласий между большевиками и меньшевиками, формально входившими тогда в одну партию, но на деле составлявшими две партии. От того или иного отношения к либеральной буржуазии зависела вся тактическая линия пролетариата в буржуазно-демократической революции.

Ленин и Сталин в своих работах, посвященных обоснованию тактики большевиков в революции 1905 г., дали блестящий образец применения метода исторического материализма в решении данной проблемы. Вопрос о роли буржуазии в революции нельзя было решать абстрактно, метафизически, на основе голой априорной схемы, как это делали Плеханов и меньшевики. Последние заучили истину, что революция 1905 г. есть буржуазная революция и делали отсюда вывод, что буржуазия должна стать передовой силой революции, что пролетариат обречен играть роль хвоста у буржуазии. Меньшевики тем самым обрекали пролетариат на роль пушечного мяса в политике буржуазии.

Вожди большевиков Ленин и Сталин дали образец конкретной постановки вопроса. К уяснению роли буржуазии в буржуазной революции они подходили, не ограничиваясь повторением шаблона о буржуазном характере нашей революции. Вожди большевистской партии учитывали конкретное своеобразие международной и внутренней обстановки, в которой протекала революция 1905 г. Они подошли к решению вопроса о роли либеральной буржуазии в русской буржуазной революции, исходя из конкретных исторических данных, из отличительных моментов и особенностей нашей буржуазной революции.

...«Ошибка Плеханова состоит в подмене к о н к р е т н о г о исторического вопроса а б с т р а к т н ы м соображением. Это во-первых. А во-вторых, ошибка тов. Плеханова состоит в совершенно н е и с т о р и ч е с к о м воззрении его на буржуазную демократию в России. Плеханов забывает, как меняется положение различных слоев этой буржуазной демократии по мере того, как идет вперед революция. Чем выше поднимается революция, тем быстрее отпадают от нее наименее революционные слои буржуазии. Кто не понимает этого, тот ничего не

сумеет объяснить в ходе буржуазной революции вообще», — писал Ленин. [1]

Учение большевизма о роли буржуазии в буржуазно-демократической революции является блестящим образцом творческого марксизма, дальнейшей разработкой теории научного социализма применительно к новым условиям классовой борьбы пролетариата. В различные исторические эпохи буржуазия действовала на исторической сцене по-разному: было время когда она выступала в качестве прогрессивной силы, как передовой отряд общества. То была классическая эпоха буржуазных революций — великая английская буржуазная революция XVII века и особенно великая буржуазная французская революция XVIII века. Тогда еще буржуазия вела за собой народ, она шла во главе народных масс, поднявшихся на штурм Бастилии, абсолютизма и феодализма.

«Буржуазные революции Запада (Англия, Франция, Германия, Австрия) пошли, как известно, по другому пути. Там гегемония в революции принадлежала не пролетариату, который не представлял и не мог представлять по своей слабости самостоятельную политическую силу, а либеральной буржуазии». [2]

Но недолго длилась пора революционности буржуазного класса, «облетели цветы, догорели огни». Когда буржуазия замечает, что позади нее поднимается ее могучий наследник, могильщик — пролетариат, то она перестает быть прогрессивной силой. Она круто поворачивает в сторону реакции, она становится оплотом порядка, она ищет союза со всеми силами средневековья против поднимающегося нового революционного класса. Классовая борьба между буржуазией и пролетариатом отбрасывает ее в сторону реакции. Уже 1848 год в Европе застает буржуазию по ту сторону баррикады.

Еще в 1848 г. Маркс писал о роли буржуазии в Пруссии: «Крупная буржуазия, антиреволюционная с самого начала, заключила оборонительный и наступательный союз с реакцией из страха перед народом, то-есть перед рабочими и демократической буржуазией». [3]

Энгельс в 1870 г. в предисловии к «Крестьянской войне в Германии» исчерпывающе показал, почему буржуазия становится реакционным классом по мере роста капитализма.

«Своеобразная особенность буржуазии по сравнению со всеми остальными господствовавшими ранее классами именно в том и состоит, что в ее развитии наступает поворотный пункт, после которого всякое дальнейшее увеличение средств ее могущества, следовательно в первую очередь ее капиталов, приводит лишь к тому, что она становится все более и более неспособной к политическому господству. «За спиной крупной буржуазии стоит пролетариат». В той мере,

[1] Ленин, т. IX, стр. 298.
[2] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 37.
[3] Цитируем по Ленину, т. VIII, стр. 121.

в какой буржуазия развивает свою промышленность, торговлю и средства сообщения, в той же мере она порождает пролетариат. И в определенный момент, который наступает не всюду одновременно и не обязательно на одинаковой ступени развития, она начинает замечать, что этот ее спутник — пролетариат — начинает перерастать ее. С этого момента она теряет способность к исключительному политическому господству; она ищет вокруг себя союзников, с которыми, смотря по обстоятельствам, она или делит свое господство, или уступает его им целиком.

В Германии этот поворотный пункт для буржуазии наступил уже в 1848 г. И испугалась тогда немецкая буржуазия не столько немецкого, сколько французского пролетариата. Парижские июньские бои 1848 г. показали ей, что ее ожидает; немецкий пролетариат находился в состоянии достаточно сильного возбуждения, чтобы доказать ей, что и здесь уже заложены семена для подобной же жатвы; и с этого момента острие политического действия буржуазии было сломлено. Она стала искать союзников, продавать себя им за какую угодно цену, — и вплоть до сегодняшнего дня она не продвинулась вперед ни на шаг».[1]

1905 г. в России наша буржуазия встречала в эпоху обострения борьбы между рабочим классом и капиталом на Западе. Вместе с тем и российский пролетариат уже занял к этому времени почетное место авангарда международного рабочего класса. Таким образом, как международная обстановка, так и рост классовой борьбы в самой России обрекали нашу буржуазию на роль не вождя революции, не гегемона, а толкали ее к союзу с монархией и помещиками против рабочих и крестьян.

Еще в марте 1898 г. первый съезд РСДРП провозгласил в своем манифесте: «Чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия, тем большие культурные, политические задачи выпадают на долю пролетариата».

Тов. Сталин писал в 1920 г.: «Русская буржуазно-демократическая революция (1905 г.) протекала при условиях, отличных от условий на Западе во время революционных переворотов, например, во Франции и в Германии. В то время, как революция на Западе разыгралась в условиях мануфактурного периода и неразвитой классовой борьбы, когда пролетариат был слаб и малочислен, не имел своей собственной партии, могущей формулировать его требования, а буржуазия была достаточно революционна для того, чтобы внушить рабочим и крестьянам доверие к себе и вывести их на борьбу с аристократией, — в России, наоборот, революция началась (1905 г.) в условиях машинного периода и развитой классовой борьбы, когда сравнительно многочисленный и сплоченный капитализмом русский пролетариат имел уже ряд боев с буржуазией,

[1] Маркс и Энгельс, Сочинения, том XIII, часть I, стр. 372—373.

имел свою партию, более сплоченную, чем буржуазная, имел свои классовые требования, а русская буржуазия, жившая к тому же заказами от правительства, была достаточно напугана революционностью пролетариата для того, чтобы искать союза с правительством и помещиками против рабочих и крестьян». [1]

Недаром «Краткий курс истории ВКП(б)» говорит о «русской буржуазии», как о «сравнительно слабом, плохо организованном, политически мало опытном враге» пролетариата. [2]

Положение, обоснованное в трудах Ленина и Сталина, стало краеугольным камнем большевистской тактики в 1905 г. Боевой союз рабочих и крестьян против монархии должен преодолеть шатания и колебания буржуазии и привести революцию к победе — такова была тактическая формула большевиков, полностью оправданная ходом истории.

Ленин и Сталин еще не имели тогда в своем распоряжении того фактического материала, которым мы пользуемся в настоящее время. Тем более поражает нас глубина их научного анализа: на основе сравнительно немногих известных им данных они сделали правильный вывод о предательской роли буржуазии в буржуазно-демократической революции и установили, что буржуазная революция в нашей стране может победить только против буржуазии. Ход событий полностью оправдал предвидение вождей революции.

В работе т. Черменского обобщен обильный фактический материал о буржуазных партиях в первой революции, полностью подтверждающий данный Лениным и Сталиным анализ роли буржуазии в пятом году в нашей стране. В этом значение настоящей работы. На основе как литературного, так и архивного материала автор дал поучительную картину роли либеральной буржуазии в 1905 г. в нашей стране. Вот почему книга будет полезна изучающему историю СССР, историю ВКП(б), может служить пособием и при изучении «Краткого курса истории ВКП(б)».

В. Быстрянский.

---

[1] Ленин и Сталин, Избранные произведения в одном томе, Партиздат, 1935, стр. 12.

[2] «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 202.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
КАНУН РЕВОЛЮЦИИ

ГЛАВА 1

КРУПНАЯ БУРЖУАЗИЯ ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ 1905 ГОДА

1. Вступление России в империалистическую фазу развития

Девяностые годы прошлого столетия — это годы исключительно быстрого — в условиях капиталистической экономики — развития российской промышленности. Расширение товарооборота в стране, усиленное железнодорожное строительство, переход царизма от фритредерства 70-х гг. к покровительственной политике и, наконец, мощный приток иностранного капитала в ж.-д. строительство и промышленность — вот те основные условия, которые определили промышленный подъем в конце XIX века.

За 1890—1899 гг. выплавка чугуна в России увеличилась на 221,8%, производство железа и стали — на 157,5%, добыча угля — на 272,2%, нефти — на 179,2%, переработка хлопка — на 94%. Особенно стремительным был рост южнорусской металлургии. За десятилетие 1890—1900 гг. выплавка чугуна на юге увеличилась на 692,6%, а производство готового железа и стали на 345,7%.

Наряду с количественным ростом промышленного производства интенсивно развертывается процесс его концентрации. О значительной степени концентрации производства, достигнутой в 90-х гг., дает представление следующая таблица:

Концентрация производства в 1887—1897 гг.

Годы	Число фабрик и заводов	Число рабочих	Валовая продукция (в тыс. руб.)
1887	30 888	1 318 000	1 334 500
1897	39 029	2 098 000	2 839 000
Увеличение в %	26	59	113

В то время как количество заводов и фабрик за десятилетие 1887—1897 гг. возросло только на 26%, число рабочих за тот же период увеличилось на 59%, а ценность выработанных продуктов на 113%.

Особенно высокой концентрации достигла горнозаводская промышленность. За десятилетие 1891—1900 гг. доля участия в выплавке чугуна мелких заводов, с производством меньше одного миллиона пудов ежегодно, понизилась с 58,3% в 1891 г.

до 26,5%. Зато значительно возрос удельный вес крупных заводов. Если в 1891 г. их участие в общей выплавке чугуна составляло только 8,25%, то в 1900 г. это участие поднимается до 37,6, а по отношению к продукции Донбасса даже до 72,5%.

Результаты концентрации производства в Донецкой каменноугольной промышленности рисуются в следующем виде: в 1900 г. 17 крупных фирм с добычей угля свыше 10 млн. пуд. ежегодно, составлявшие 6,2% всего количества предприятий, сосредоточили в своих руках добычу, равную 67,1% добычи Донецкого бассейна, или 45,6% добычи угля во всей стране. Значительных размеров концентрации достигла также нефтяная промышленность. В 1900 г. доля крупных фирм, с добычей свыше 10 млн. пуд., составила 67,5% всей добычи Бакинского района.

Девяностые годы характеризуются усиленным процессом концентрации капитала. За 1893—1899 гг. основной капитал акционерных предприятий увеличился на 134% (в металлургической промышленности — на 665%), причем, в среднем, капитал, приходившийся на одно вновь учреждаемое акционерное предприятие, увеличился с 950 тыс. руб. в 1894 г. до 1290 тыс. руб. в 1899 г.

Наряду с концентрацией производства и промышленного капитала происходил интенсивный процесс банковской концентрации. За пятилетие 1895—1899 гг. акционерный капитал крупнейших банков (с основным капиталом от 10 млн. руб. и выше) удвоился, в то время как капитал мелких банков (с основным капиталом до 5 млн. руб.) уменьшился на 4,8%. Акционерный капитал восьми крупнейших банков (около $^1/_5$ общего числа банков) составлял на 1 января 1900 г. 56,3% общей суммы банкового капитала. Рост банкового капитала и его концентрация находились в прямой связи с расширением операций банков по финансированию промышленности. За пятилетие 1895—1899 гг. рекордное повышение акционерного капитала (на 100%) имело место в восьми крупнейших банках. И как раз эти банки принимали наиболее деятельное участие в финансировании промышленности. Если акционерный капитал восьми крупнейших банков равнялся 56,3% всего акционерного банкового капитала, то доля их в промышленном финансировании была еще значительнее: в 1899 г. эти банки сосредоточили в своих руках 72,4% всех операций по финансированию промышленности.

Финансирование промышленности банками вело неминуемо к слиянию банкового капитала с промышленным. Основная масса возникавших в конце XIX века крупных предприятий принимала акционерную форму, которая чрезвычайно облегчала налаживание тесных связей между промышленными предприятиями и банками. Признаки финансово-капиталистического сращивания раньше всего наметились в тяжелой промышленности. В этом нет ничего удивительного, если учесть, что эти отрасли промышленности и по темпу

роста продукции и по концентрации производства занимали ведущее место. К тому же в указанных отраслях промышленности руководящая роль принадлежала иностранному капиталу, который импортировал в Россию готовые монополистические формы организации.

Концентрация производства и капитала в годы промышленного подъема подготовила почву для монополистических объединений в главнейших отраслях промышленности. Слияние банков с промышленными предприятиями, в свою очередь, ускорило создание монополий. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в годы промышленного подъема («Омниум», Сахарный синдикат, Электрический синдикат, Экспортный синдикат бакинских керосинозаводчиков и др.), но в широких размерах синдицирование русской промышленности начинает проводиться в период промышленного кризиса. Инициатива создания монополий по большей части принадлежала банкам. Заинтересованность банков в ряде отраслей тяжелой индустрии, куда они вложили крупные капиталы, толкала их на путь синдицирования этих отраслей промышленности, чтобы таким образом поднять цены, резко упавшие в период кризиса. Так, например, при деятельном участии банков возник в 1902 г. металлургический синдикат («Продамет»), который уже в 1903—1904 гг. монополизировал 71% имперского сбыта листового железа, 75% сбыта балок и швеллеров и пр. Далее, в 1903—1904 гг. учреждаются зеркальный и цементный синдикаты, «Продвагон», монополизировавший почти все производство вагонов в России, «Гвоздь» и др. При этом необходимо иметь в виду, что если окончательное оформление ряда крупнейших синдикатов, как, например, «Продуголь» и другие, вследствие препятствий главным образом юридического порядка могло осуществиться лишь после 1905 г., то предпосылки для образования этих монополистических объединений были налицо уже в предреволюционный период.

Процесс образования в важнейших отраслях промышленности монополий и сращивание их с банками бесспорно свидетельствуют о вступлении в начале 900-х годов российского капитализма в империалистическую фазу развития. Но историческая особенность России заключалась в том, что капитализм, вступивший в последнюю империалистическую фазу своего развития, был еще опутан густой сетью докапиталистических отношений (неограниченная самодержавная власть, необъятные крепостнические латифундии, обрабатываемые крестьянским инвентарем и пр.). Учитывая преобладание в российском империализме пережитков средневековья и крепостничества над чертами, свойственными капиталистическому империализму, Ленин и Сталин определяли империализм царской России, как военно-феодальный империализм. Военно-феодальные черты российского империализма придавали особо реакционный характер всей внешней и внутренней политике царизма.

«Начать с того, что царская Россия, — писал тов. Сталин, — была очагом всякого рода гнета — и капиталистического, и колониального, и военного, — взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме. Кому не известно, что в России всесилие капитала сливалось с деспотизмом царизма, агрессивность русского национализма — с палачеством царизма в отношении нерусских народов, эксплоатация целых районов — Турции, Персии, Китая — с захватом этих районов царизмом, с войной за захват? Ленин был прав, говоря, что царизм есть «военно-феодальный империализм». Царизм был средоточием наиболее отрицательных сторон империализма, возведенных в квадрат». [1]

Второй отличительной чертой исторического развития России конца XIX и начала XX века была все растущая зависимость царизма и русского капитализма от западноевропейского империализма. Поражение крепостной России в Крымской войне, обнаружившее ее государственную, экономическую, военную и культурную отсталость, привело к умалению международного престижа царизма и пошатнуло положение его внутри страны. Чтобы преодолеть экономическое отставание России, грозившее ей утратой политической независимости, и предупредить революционный взрыв, царизм в 60-х годах делает первый шаг к буржуазной монархии. Однако буржуазные реформы 60-х годов, проводимые помещиками-крепостниками, носили непоследовательный и половинчатый характер, оставляя нетронутым целый ворох крепостнических пережитков как в экономике, так и в государственном строе царской России. Эти реформы не были в состоянии ликвидировать вековую отсталость страны, не могли обеспечить капиталистическое преобразование ее по «прусскому» образцу. Накопление капиталов в стране, придавленной господством крепостников и самодержавия, шло медленно и было недостаточным, чтобы создать на основе внутренних ресурсов крупную промышленность. Аграрный и промышленный кризисы 80-х годов, увенчавшиеся всероссийским голодом 1891 г., с особой силой подчеркнули узость экономической базы, на которой держался русский капитализм. Они вызвали даже рецидив крепостнических форм эксплоатации в деревне и контрреформы в государственном аппарате царской монархии. [2] В 90-х годах царизм делает попытку преодолеть экономическое отставание страны путем «оплодотворения» русского народного хозяйства иностранными капиталами. В основе экономической

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 4—5.

[2] Закон 1886 г., ограничивавший право семейных разделов у крестьян-общинников; закон 1886 г., запрещавший батракам отказываться от работы в помещичьей экономии по требованию помещика; законы 1893 г., ограничивавшие право крестьян в распоряжении их надельной землей и запрещавшие выход из общины без согласия «мира»; закон 1889 г. о земских начальниках, расширявший власть дворянства в деревне; закон 1890 г. о преобразовании земских учреждений, значительно сокративший крестьянское представительство в земстве, и др.

политики Вышнеградского и особенно Витте (покровительственный тариф 1891 г., денежная реформа 1897 г., усиленное железнодорожное строительство, казенные заказы и субсидии промышленникам и пр.) лежало создание наиболее благоприятных условий для привлечения в Россию капиталов из-за границы. Эта политика дала известные результаты.

«... в последнее время, — писал Ленин в 1895 г., — иностранные капиталисты особенно охотно переносят свои капиталы в Россию, строят в России отделения своих фабрик и заводов и основывают [общества] для новых предприятий в России. Они жадно набрасываются на молодую страну, в которой правительство так благосклонно и угодливо к капиталу, как нигде, в которой они находят рабочих менее объединенных, менее способных к отпору, чем на Западе, в которой жизненный уровень рабочих, а потому и их заработная плата гораздо ниже, так что иностранные капиталисты могут получать громадные, неслыханные у себя на родине, барыши». [1]

Иностранный капитал, подстрекаемый высокой нормой прибыли, устремился в Россию. Промышленный подъем второй половины 90-х годов совершался главным образом на основе широкого притока иностранного капитала. По вычислениям Оля, приток иностранного капитала в акционерные предприятия за период 1894—1899 гг. выразился в сумме 582,2 млн. руб., что составляет около 52% всего прироста акционерных капиталов за эти годы.

Но как ни значительны были достигнутые успехи (за одно только десятилетие 1887—1897 гг. валовая продукция горной и фабрично-заводской промышленности более чем удвоилась), тем не менее русская экономика по сравнению с иностранными государствами продолжала сильно отставать, что видно из следующей таблицы:

Производство чугуна, угля, хлопка и обороты внешней торговли в расчете на 1 жителя (по данным 1898 г.)

	Чугун (в пуд.)	Уголь (в пуд.)	Хлопок (в фунтах)	Обороты внешней торговли (в руб.)
Великобритания	13,1	311,7	52	164
Соедин. штаты Сев. Америки	9,8	162,4	28	48
Бельгия	9	204	—	192
Германия	8,1	143,8	14	75
Франция	3,96	50,7	11	75
Россия	1,04	5,8	5	10

Русский капитализм вследствие своей слабости не был в состоянии ассимилировать иностранные капиталы и, наоборот, сам попал под их влияние. Командные позиции в русском народном хозяйстве были прочно захвачены иностранными капиталистами. К 1900 г. в руках иностранцев сосредоточилось 87,7% акций горнопромышленных предприятий, 48,9%

[1] Ленин, т. I, стр. 436.

акций предприятий по обработке металлов и машиностроению, 52,9% акций предприятий по обработке минеральных веществ и т. д. Удельный вес всего иностранного акционерного капитала возрос к 1900 г. до 38,8%, в то время как в 1890 г. он составлял лишь 26,0%. Первое место по вложениям в русскую промышленность занимали франко-бельгийские капиталисты. В 1900 г. на их долю приходились 57,3% всей суммы иностранных капиталов, занятых в акционерных предприятиях. Затем следуют германские капиталы — 24,1%, английские — 15% и т. д. Экспорт прибылей из России по средним нормам прибыльности акционерных капиталов за 10 лет (1895—1904) составил сумму в 831,8 млн. руб., превысив импорт капиталов за соответствующий период.

Но зависимость России от иностранного финансового капитала не исчерпывалась проникновением его в промышленность. В поисках средств для финансирования железнодорожного строительства и программы вооружений, а также для покрытия расходов по содержанию полицейско-чиновничьего аппарата власти царизм в конце XIX века усиленно прибегал к заключению иностранных займов. Внешний долг возрос за 1895—1903 гг. на 1 779 млн. руб. Одни проценты по иностранным займам в начале XX века достигали ежегодно 100 млн. руб.

Главным держателем русских государственных займов была Франция. Курс русских государственных фондов и возможность новых займов полностью зависели от парижских банков. Долговая петля, которой империалистическая Франция все туже охватывала Россию, вместе с фактом господства французского капитала в решающих отраслях русской промышленности не могли не повлиять на внешне-политическую ориентацию царизма. От традиционной дружбы с Германией царизм переходит к союзу с Францией, причем в этом союзе царской России была отведена собственно роль пушечного мяса.

«Индустриализация» страны по плану Витте вместо упрочения экономической самостоятельности в действительности вела к экономическому и политическому порабощению России иностранным империализмом.

Полуколониальные черты зависимости России от западноевропейского империализма иллюстрируются, между прочим, крайней отсталостью ее в области машиностроения. Чтобы помешать русской промышленности стать на собственные ноги и продлить таким образом экономическое пленение страны, иностранный финансовый капитал, занимавший господствующее положение в русском народном хозяйстве, намеренно тормозил развитие в России машиностроения, о чем свидетельствует следующая табличка.

Поступление на рынок продуктов национальной промышленности в процентах ко всему потреблению страны в начале XX века:

Чугун	Каменный уголь	Паровозы	Вагоны	Паровые машины	Машины для обработки железа	Сельскохоз. машины	Текстильные машины
86	80	90	99	46	37	39	2

Иностранный империализм стремился превратить Россию в аграрный придаток и поставщика промышленного сырья для западноевропейских государств, что ему в значительной мере и удалось. В 1903 г. экспорт хлеба составил 62,4% всего вывоза, сырья и полуфабрикатов — 31,9%, а промышленных изделий — лишь 3,6%.

Если сопоставить иностранные инвестиции (государственные и железнодорожные займы, капиталовложения в промышленность) с чистым доходом от них, то окажется, что иностранный империализм в дореволюционные годы выкачал из России значительно больше материальных ценностей, чем их поступило к нам из-за границы. Для уплаты дани западноевропейским капиталистам в виде прибылей на иностранные капиталы, вложенные в русскую промышленность, и процентов по внешнему долгу царское правительство должно было всячески форсировать вывоз за счет внутреннего недопотребления (вспомним крылатую фразу министра финансов Вышнеградского: «сами не доедим, а вывезем») и до крайности усиливать налоговый пресс, что в общей сложности вело к разорению страны.

«...ни один из старых классов, — писал тов. Сталин, — ни феодальная аристократия, ни буржуазия, не мог разрешить задачу ликвидации отсталости нашей страны. Более того, эти классы не только не могли разрешить эту задачу, но они были неспособны даже поставить ее, эту задачу, в сколько-нибудь удовлетворительной форме. Вековую отсталость нашей страны можно ликвидировать лишь на базе успешного социалистического строительства. А ликвидировать ее может только пролетариат, построивший свою диктатуру и держащий в своих руках руководство страной». [1]

2. Противоречие между экономическим весом буржуазии и ее политическим положением

Объективный ход исторического развития приводил к упадку российского дворянства и увеличению в экономике страны удельного веса буржуазии. При таких условиях самодержавие, оставаясь органом крепостников-помещиков, вынуждено было все в большей степени считаться с потребностями развивающегося буржуазного общества. По поводу бюрократии Ленин еще в 1894 г. писал: «Это постоянный флюгер, полагающий высшую свою задачу в сочетании интересов помещика и буржуа». [2]

[1] Сталин, Об индустриализации страны и о правом уклоне, стр. 9—10.
[2] Ленин, т. I, стр. 186.

Однако, несмотря на то, что в своей экономической политике самодержавие во многом считалось с интересами магнатов финансового капитала, определяющей силой экономической политики царизма при всех ее поворотах были безусловно интересы помещика-полукрепостника.

Коснемся, например, сферы налоговой политики. В то время как обложение городской недвижимости и торгово-промышленных предприятий составляло 10,4% их доходности, обложение частновладельческих земель равнялось 5,7% доходности. При Витте, в финансовой политике которого, казалось, больше всего наблюдалось буржуазных тенденций, были повышены все налоги, кроме поземельного. Оклады поземельного налога были даже уменьшены (манифест 1896 г.). Точно также были понижены налоги с наследств и увеличены льготы в области крепостных пошлин. Мы уж не упоминаем здесь о майоратах, заповедных имениях, которые в отношении налогового обложения находились в исключительно благоприятных условиях.

Система покровительства национальной промышленности, усвоенная царским правительством в 90-х годах, была обусловлена, в первую очередь, интересами русского помещика.

Рассмотрим этот вопрос ближе. Помещик как главный экспортер сельскохозяйственных продуктов был, разумеется, заинтересован в форсировании железнодорожного строительства. Но пока железнодорожные материалы приобретались преимущественно за границей, темп постройки железных дорог, в силу ограниченности русских кредитных источников, был явно недостаточен. Переход к покровительственным пошлинам содействовал подъему русской промышленности. Благодаря этому открылась возможность передавать изготовление железнодорожных принадлежностей отечественным заводам и притом в размере, значительно превышающем прежние заграничные заказы.

Кроме того, ограждение промышленности высокими пошлинами было обусловлено интересами государственного казначейства. За десятилетие 1872—1881 гг. превышение ввоза над вывозом составило изрядную сумму в 324 734 тыс. руб. Ежегодные росписи государственных поступлений и расходов с конца 70-х годов и на всем протяжении 80-х годов сводились со все возрастающим дефицитом, для покрытия которого приходилось усиленно прибегать к внешним займам. Рост государственной задолженности вызывал обесценение валюты и падение кредитоспособности России на мировом денежном рынке. Чтобы восстановить свою пошатнувшуюся кредитную репутацию, правительство должно было стать на путь ликвидации пассивности торгового баланса, на путь ограничения ввоза фабрично-заводских изделий. Эта задача была решена с введением высоких пошлинных ставок.

Наконец, покровительственная политика, забота о создании тяжелой индустрии была продиктована, как это было подмечено еще Энгельсом, военными соображениями.

«С того момента, — писал Энгельс в письме к Николаюону, — как военное дело стало одной из отраслей крупной промышленности (броненосцы, нарезная артиллерия, скорострельные и магазинные ружья, пули со стальной оболочкой, бездымный порох и пр.), крупная промышленность, без которой все эти вещи не могут изготовляться, стала и для вас политической необходимостью». [1]

Стало быть, поворот царизма от фритредерства к покровительственной политике стоит в прямой связи с жизненными запросами помещичьего класса, прежде всего с его кровной заинтересованностью в усилении темпа железнодорожного строительства, в активном торговом балансе и создании технической базы для военного дела.

Каждый раз когда вожделения буржуазии в области таможенных ставок затрагивали существенным образом интересы помещичьего класса, правительство становилось на защиту последнего. В виде иллюстраций можно сослаться на сравнительно низкий уровень пошлин на сельскохозяйственные машины и снятие пошлин в 1898 г. с морских судов.

Яркий свет на неустойчивость царского правительства в деле таможенной защиты русской промышленности от иностранной конкуренции проливает история торговых переговоров с Германией. По признанию официального органа министерства финансов, во время переговоров в 1904 г. с Германией о заключении торгового договора русское правительство, «ставя на первое место интересы сельского хозяйства, направляло наиболее энергичные усилия на то, чтобы добиться согласия германского правительства на уменьшение пошлин на хлеба ниже новых минимальных ставок германского тарифа». В виде компенсации со своей стороны «русское правительство готово было пойти в уступках нашего тарифа в пользу германского ввоза значительно далее тех пределов, которые установлены в опубликованной ныне дополнительной Конвенции». [2] Как видим, чтобы добиться уменьшения таможенных ставок на русские хлеба, царское правительство склонно было снизить в ущерб отечественным фабрикантам пошлины на германские промышленные изделия.

Российская буржуазия, благодаря пресловутой политике «воспособления» (переплаты на казенных заказах, льготные тарифы, премии, банковые ссуды и т. д.), в известном смысле находилась «на содержании» у правительства. Эта политика «воспособления» была неизбежна в условиях преобладания военно-феодальных черт в российском империализме, когда сильные пережитки крепостнических отношений в деревне страшно суживали покупательную способность крестьянства, этого естественного рынка для фабрично-заводских изделий. В этой обстановке нельзя было обеспечить развития промыш-

[1] «Летописи марксизма», 1930, III/XIII, стр. 138.

[2] «Вестник финансов, торговли и промышленности», 1905, № 3, стр. 78.

ленности в тех пределах, которые необходимы были в интересах самосохранения самого же помещичьего государства (железнодорожное строительство, военное дело) иначе, как с помощью всякого рода премий, льгот, казенных заказов и субсидий.

Но как бы то ни было, учитывая и переплаты казны по железнодорожному строительству (по подсчетам Мигулина, в течение 10 лет казна на этом переплатила полмиллиарда рублей!) и приплаты государственного казначейства частным железнодорожным обществам, которые за 10 лет (1892—1901) составили солидную сумму в 122 319 тыс. руб., деятельность государственного банка по финансированию промышленности, который особенно в период промышленного кризиса щедрой рукой раздавал казенные субсидии и скупал заведомо убыточные предприятия, мы все же должны признать, что пальма первенства по части «кормления» за счет государственной казны принадлежала «первенствующему сословию».

Бюджетные ресурсы, стягиваемые правительством в огромных размерах за счет крайнего перенапряжения платежных сил трудящегося населения, в львиной доле шли на удовлетворение паразитических «дворянских нужд». Достаточно указать здесь на деятельность дворянского банка, который оказывал помещикам благотворительный кредит, т. е. более дешевый, нежели тот, которым пользовалось само государство, на винную монополию и сахарную нормировку, благодаря которым дворянское сахароварение и винокурение получали сказочные прибыли. Необходимо обратить внимание также на то, что значительная часть «промышленных» ссуд из государственного банка выдавалась, по признанию Витте, «барам-промышленникам из придворной камарильи»,[1] которые на $^{9}/_{10}$ принадлежали к лицам, обладающим очень большим политическим кредитом и полным отсутствием экономического кредита. По подсчету проф. Озерова, к 1905 г. внеуставных (по существу безнадежных) ссуд государственный банк выдал на 100 млн. руб. Упомянем, наконец, о тех десятках и сотнях миллионов, которые попадали в дырявые карманы «благородного сословия», благодаря его монопольному праву на занятие «хлебных местечек» в государственном аппарате царской монархии.

«Могучие остатки средневековья» сказывались и в тех стеснениях, которым подвергалась предпринимательская деятельность. Предоставим по этому поводу слово самим промышленникам. Вот что писали, например, уральские горнозаводчики: «Отсталость законодательства особенно отражается на подвижной и чуткой промышленности. Об этом можно судить по следующим примерам. Реформа акционерного закона стоит на очереди более 30 лет, пересмотр паспортной системы потребовал 45 лет и до сих пор еще не закончен в самой важной своей

[1] Витте, Воспоминания, Л., 1924, т. I, стр. 405.

части — отмене паспортов. Издание нового вексельного устава было плодом 12 комиссий на протяжении 55 лет. Развязка поземельных отношений на Урале растянулась на полстолетия», и т. д.

Но, может быть, промышленники в припадке раздражения преувеличивают «строгость и стеснительность» регламентации предпринимательской деятельности. Выслушаем свидетеля из рядов царской бюрократии. «Закон, или, вернее, произвол, в образовании акционерных обществ, — пишет Витте в своих «Воспоминаниях», — всячески стеснял их развитие. Сколько раз я ни поднимал вопрос о введении явочной системы при образовании акционерных обществ, я всегда встречал затруднение в министерстве внутренних дел». [1]

Как видим, экономическая политика самодержавия не могла целиком удовлетворить торгово-промышленную буржуазию. Сравнивая льготы и привилегии, которыми пользовались поместное дворянство и буржуазия, нельзя не прийти к заключению, что в целом равнодействующая экономической политики царизма проходила ближе к интересам помещика, затронутого капиталистическим перерождением, но еще далеко не превратившегося в юнкера.

Если в сфере экономической политики царизма явно преобладали помещичьи интересы, то политически буржуазия, несмотря на чрезвычайное усиление своей экономической мощи, продолжала оставаться и вовсе бесправной.

Не говоря уже об участии в общегосударственном управлении, которое до революции 1905—1907 гг. было для буржуазии «запретной зоной», даже в органах местного самоуправления — мы имеем в виду земские учреждения — ей было отведено незначительное место. В 1903 г. в составе губернских земских управ было дворян и чиновников — 94,12%, крестьян — 1,96%, разночинцев — 3,92%. О неравномерности земского представительства можно судить по следующему факту: в Московской губернии один гласный дворянин был представителем имущества, оцененного для взимания земских сборов в 39 861 руб., а гласный от торгово-промышленного сословия — представителем имущества, оцененного в 2 714 535 руб., т. е. в 70 раз больше.

Далека от действительности и меньшевистская версия о том, что для объединения буржуазии был предоставлен «полный простор» и что «представительные» организации крупного капитала «затрагивали и властно диктовали решение крупнейших вопросов социально-политической жизни страны». [2] В основе этой легенды лежит игнорирование своеобразия исторического развития России, получившего предельно четкое выражение в классической ленинской формуле: «...самое отсталое землевладение, самая дикая деревня — самый передо-

[1] Витте, Воспоминания, Л., 1924, т.I, стр. 415.

[2] А. С. Гушка, Представительные организации торгово-промышленного класса в России, СПб., 1912, стр. 61.

вой промышленный и финансовый капитализм!» [1] Между тем, «могучие остатки средневековья», ставившие тысячи преград для промышленного развития страны, не могли не повлиять и на «представительные» организации крупной буржуазии. [2] Вопреки утверждению Гушки — Ерманского о «коалиционном просторе» для буржуазии мы знаем, что даже съезды капиталистов были строго регламентированы законом. Каждый съезд мог быть созван лишь на основе предварительного разрешения правительства под председательством лица, назначенного последним; обсуждению съезда подлежали вопросы, исключительно касающиеся нужд данной отрасли промышленности; на обязанности председателей съездов лежало наблюдение, чтобы на съезде не обсуждались другие вопросы, кроме указанных в одобренной правительством программе, причем председателю предоставлялось право объявлять съезд закрытым, если не будет соблюдено это условие; постановления съездов имели лишь совещательное значение и т. д. [3]

При такой мелочной регламентации, когда из круга ведения съездов автоматически исключались вопросы, имеющие хотя бы отдаленное отношение к вопросам общей политики, правительство не только не возражало против объединения капиталистов, но в отдельных случаях даже поощряло их объединительные попытки, рассчитывая с помощью «съездов» облегчить себе наблюдение и контроль за торгово-промышленной жизнью. Так, например, некоторые уральские горнозаводчики первоначально просили министерство государственных имуществ о разрешении созвать съезд только для обсуждения вопроса о железнодорожных заказах. По словам органа ураль-

---

[1] Ленин, т. XII, стр. 124.

[2] Накануне революции 1905 г. основными формами «представительных» организаций торгово-промышленной буржуазии были: 1) комитеты и отделения совета торговли и мануфактур, 2) биржевые комитеты и 3) съезды. Первые две формы выборных учреждений торгово-промышленного класса возникли еще в эпоху крепостного права, и с того времени в их устройство не вносилось почти никаких изменений. Неудивительно, что в начале XX века указанные формы «представительных» организаций оказались, по признанию даже официальной записки отдела торговли министерства финансов, мало соответствующими потребностям буржуазии и нежизнеспособными. Поэтому возникла необходимость найти корректив к официальному представительству интересов торговли и промышленности. И этот корректив был найден в виде порайонных съездов промышленников.

[3] Стеснения «представительных» организаций достигали иногда весьма значительных размеров. В этом отношении особенно неблагополучным было положение организаций, подчиненных не центральному правительству, а местным властям. Например, съезд терских нефтепромышленников мог расходовать свои средства только по сметам, утвержденным управлением терского казачьего войска. Доведенные до «отчаяния» придирками со стороны последнего, терские нефтепромышленники на своем съезде в 1903 г. заявили, что впредь до изменения положения о съездах в смысле предоставления съезду права самому распоряжаться своими средствами, они отказываются от составления смет, выбора совета и дальнейшего созыва съездов. Эта своеобразная «забастовка» продолжалась с 17 октября 1903 г. до 16 апреля 1906 г., т. е. больше 2 лет.

ских горнопромышленных съездов, министерство «взглянуло несколько шире, придав съезду значение собрания, которое могло бы обсуждать и другие вопросы уральской промышленности». [1] По поводу создания при министерстве государственных имуществ совета по горнопромышленным делам, куда были допущены промышленники, «Нефтяное дело» совершенно правильно заметило, что этот совет будет иметь «практическое значение», потому что «вопросы, на нем обсуждающиеся, имеют сравнительно отдаленное отношение к общим началам финансовой и внутренней политики». [2]

3. Корни политического бессилия буржуазии

Российская буржуазия, будучи политически бесправной, тем не менее не решалась стать в открытую оппозицию к самодержавию.

Что же удерживало российскую буржуазию от оппозиционных выступлений? Решающую роль в данном случае играла боязнь революционных потрясений. Ленин в своей статье «Отсталая Европа и передовая Азия» писал: «В цивилизованной и передовой Европе, с ее блестящей развитой техникой, с ее богатой, всесторонней культурой и конституцией, наступил такой исторический момент, когда командующая буржуазия, из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом, поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое. Отживающая буржуазия соединяется со всеми отжившими и отживающими силами, чтобы сохранить колеблющееся наемное рабство». [3] Эти слова Ленина, характеризующие общий поворот буржуазии в сторону реакции, который присущ эпохе империализма, особенно применимы к России, ибо Россия в начале XX века была узловым пунктом всех противоречий империализма «...не только в том смысле, что противоречия эти легче всего вскрывались именно в России ввиду особо безобразного и особо нетерпимого их характера, и не только потому, что Россия была важнейшей опорой западного империализма, соединяющей финансовый капитал Запада с колониями Востока, но и потому, что только в России существовала реальная сила, могущая разрешить противоречия империализма революционным путем». [4] В России был самый революционный в мире пролетариат, который под руководством партии Ленина—Сталина шел в авангарде как русского, так и международного революционного движения, развивавшегося в условиях новой эпохи, эпохи империализма и пролетарской революции.

Развивая в своей знаменитой книге «Что делать?» план создания партии рабочего класса в условиях царской самодержавной России, Ленин писал: «История поставила теперь

[1] «Уральское горное обозрение», 1899, № 19.
[2] Там же, 1904, № 13, стр. 1137.
[3] Ленин, т. XVI, стр. 395.
[4] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 6.

перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата». [1]

Российская буржуазия опасалась, что своими оппозиционными выступлениями она может поколебать авторитет государственной власти и невольно развязать «подземные силы» революции. Царизм казался ей несокрушимой плотиной против «революционных увлечений», и поэтому магнаты крупного капитала предпочитают мириться с его «самовластными» формами, полукрепостническим характером экономической и внешней политики, — лишь бы иметь гарантию от революции.

Политическая реакционность русской буржуазии объясняется также тем, что многие банковые и промышленные деятели (Авдаков, Ясюкович, Вышнеградский, Манташев, Лианозов и т. д.) в сущности были наемниками западноевропейских империалистов, например французских Ротшильдов или немецких Мендельсонов, и должны были смотреть глазами своих хозяев. [2] Между тем, для последних сохранение самодержавия в России было выгоднее, чем буржуазно-демократический переворот. Ведь царизм был международным жандармом, величайшим резервом западного империализма и сторожевым псом его на Востоке. Западный империализм опасался, что падение самодержавия может стать прологом к общеевропейской революции и восстанию колониальных рабов на Востоке. Но даже реформы в буржуазно-демократическом духе с точки зрения Ротшильдов и Мендельсонов таили в себе опасность пробуждения экономического национализма, что могло бы вылиться в аннулирование или, по крайней мере, в досрочный выкуп внешних займов и создание различных затруднений для деятельности иностранных предприятий. Напротив, царизм с его продажной и безответственной бюрократией предоставлял иностранному империализму неограниченные возможности для кабальной, хищнической эксплоатации рабочего класса и природных богатств страны. Неудивительно, поэтому, что речь

[1] Ленин, т. IV, стр. 382.

[2] В России существовали узаконения, которые ограничивали права иностранных компаний как относительно приобретения недвижимости, так и состава администрации на местах (русское подданство, христианское вероисповедание и пр.). Чтобы обойти эти придирки, иностранные предприятия нередко вынуждены были иметь два правления: одно настоящее, которое состояло из иностранцев и обычно находилось за границей, а другое — русское и более или менее фиктивное. Привлечение местных деятелей в состав административных советов иностранных компаний вызывалось иногда также стремлением использовать их деловые связи и знание экономического положения страны. Как пишет Ленин, «Американские, английские, немецкие капиталисты собирают прибыль при помощи русских капиталистов, которым перепадает очень хорошая доля» (т. XV, стр. 555).

Николая II 29 января 1895 г. при приеме депутаций от дворянства и городов, в которой он назвал бессмысленными мечтаниями всякие надежды о реформе самодержавного строя, была встречена рукоплесканиями со стороны западных империалистов.

Следующей причиной политического раболепства русской буржуазии была экономическая зависимость ее от царизма. Мы указывали выше, что в обстановке, когда развитие страны направлялось руками помещиков-крепостников по «прусскому пути», самодержавие неминуемо должно было «подкармливать» буржуазию в тепличной атмосфере высоких таможенных ставок, премий, льгот, казенных заказов и субсидий, так как иначе промышленности, при крайней узости массового рынка, было бы не сдобровать. О том, какую существенную роль играли для промышленности казенные заказы, можно судить, например, по тому, что в 1899 г. казной было потреблено $^2/_3$ всей выработки металла. Если к этому добавить, что цены на предметы заказов фиксировались казной значительно выше рыночных, то понятной становится та атмосфера «искательства» и «попрошайничества», которая создавалась на почве распределения казенных заказов. Правительство своей системой заказов, при которой отдавалось предпочтение отдельным заводам-фаворитам, еще больше усиливало раболепство промышленников. «Что же удивительного в том, — читаем мы в «Исповеди наболевшего сердца» хлопчатобумажного фабриканта, напечатанной в «Промышленном мире», — что наши торгово-промышленные классы отличаются попрошайничеством, когда их веками учили просить милостей». [1] «Наше купечество и промышленники, — вторит ему в следующем номере этого же журнала «Ученый фабрикант», — издавна приученные к сосанию соски, конечно, не вышли из состояния младенчества, но это не их вина, а бюрократии». В приведенных нами рассуждениях есть несомненно значительная доля истины: политическое «младенчество» российской буржуазии, ее раболепство перед царизмом в известной мере объясняется развращающим влиянием казенных заказов и подачек.

И не случайно, когда разразился промышленный кризис (1900—1903 гг.), промышленники в огромном большинстве случаев считали спасительной панацеей усиление традиционной политики «воспособления». Известный московский металлозаводчик Гужон в докладной записке от 12 января 1901 г. писал, что «крайне было бы полезно усилить насколько возможно, в течение двух или трех лет раздачу казенных заказов, чтобы поддержать в достаточной мере производство существующих заводов». [2] Съезд южных горнопромышленников в 1901 г. требовал выкупа на средства казны некоторых частных заводов с тем, чтобы эти заводы были закрыты, а причитающиеся на их долю заказы переданы другим заводам. Уральские горно-

---

[1] «Промышленный мир», 1900, № 46.
[2] Труды Всероссийской конторы железозаводчиков за 1901 г.

промышленники в качестве меры для преодоления промышленного кризиса выдвинули нормировку производства, которая должна «непременно исходить от правительства», [1] и т. п.

Ход аргументации промышленников при этом был очень несложен: «Беспримерно быстрый рост нашей промышленности — рассуждали они, — есть дело рук нашего финансового ведомства, а потому на его обязанности лежит поддержать и выручить из беды еще неокрепшие наши предприятия». [2] Они не представляли себе, как министерство финансов, которое, по их словам, «еще недавно поощрительными мерами чуть не заманивало в устройство новых дел», [3] может оставить их теперь без поддержки. «Предоставить, — читаем мы в «Горнозаводском листке», — южнорусскую металлургию собственной, ныне столь горькой судьбе — все равно, что советовать опекунам равнодушно смотреть на тяжелый недуг богато одаренного питомца». [4] Любопытно, что на этой точке зрения стояли и иностранные кредиторы, сильно заинтересованные в русской горнозаводской промышленности. Они также считали, что в условиях русской действительности надо лечить кризис казенными заказами. В этой связи заслуживает внимания статья «О положении железной и угольной промышленности в России», напечатанная в «L'économiste Français». Автор статьи Поль Леруа-Болье, поставив вопрос, нужно ли предоставлять правительственные ссуды и заказы русским металлургическим и угольным предприятиям, дает очень характерный ответ: «В западноевропейской стране это бы не особенно рекомендовалось; но при особенной организации России это могло бы быть сделано». [5]

Между тем, кризис не поддавался лечению традиционными казенными подачками, и промышленники невольно должны были задуматься над действительным тормозом экономического роста страны — слабой покупательной способностью крестьянской массы.

Если в 1899—1902 гг. проблема массового рынка в расчетах промышленников почти не фигурирует и все усилия их направлены в сторону максимального усиления казенных заказов, то в последующие годы, непосредственно перед революцией, в промышленной среде раздаются голоса о необходимости обернуться лицом к массовому рынку. «При 140 млн. населения нашей страны, — пишет «Горнозаводский листок», — каждый лишний десяток фунтов железа, падающий ежегодно на душу земледельческого класса, который составляет свыше 80% русского народа, в общей сложности представляет гро-

---

[1] «Уральское горное обозрение», 1903, № 7, стр. 5.

[2] Тиме, Размышления о современном кризисе в горной промышленности («Горнозаводский листок», 1901, № 20, стр. 5221).

[3] «Вестник финансов, торговли и промышленности» от 25 ноября 1901 г.

[4] «Горнозаводский листок», 1903, № 10, стр. 6093.

[5] Там же, 1901, № 21, стр. 5259.

мадную величину, перед которой в конце-концов отступают на второй план даже казенные заказы». [1]

Но сделав приятное открытие, что потенциально «крестьянская изба есть лучший рынок», [2] промышленники пришли ко второму открытию, но уже менее утешительного свойства. Лидер южных горнопромышленников Авдаков формулировал это «открытие» следующим образом: «На крестьянских лаптях далеко не уедешь». Промышленники видели, что вследствие архаических приемов крестьянского труда русская деревня в очень слабой степени может участвовать в потреблении фабрично-заводских изделий. Вместе с тем они начинают сознавать, что слабая покупательная способность крестьянства находится в прямой связи с хищнической эксплоатацией крестьян помещиками, с консервированием крепостнических пережитков в деревне, т. е. в конечном счете зависит от общего политического положения страны. Но, нащупав связь слабой покупательной способности крестьянства с характером политической системы, верхи торгово-промышленной буржуазии были далеки от мысли выступить с требованием реформ.

Дело в том, что противоречие между интересами развивающегося капитализма и «могучими остатками средневековья» в деревне и в государственном строе России смягчалось вследствие того, что у нас капитализм мог развиваться «вширь». «Если бы русскому капитализму, — писал Ленин, — некуда было расширяться за пределы территории, занятой уже в начале пореформенного периода, то это противоречие между капиталистической крупной индустрией и архаическими учреждениями в сельской жизни (прикрепление крестьян к земле и пр.) должно было бы быстро привести к полной отмене этих учреждений, к полному расчищению пути для земледельческого капитализма в России. Но возможность искать и находить рынок в колонизуемых окраинах (для фабриканта), возможность уйти на новые земли (для крестьянина) ослабляет остроту этого противоречия и замедляет его разрешение». [3]

Монархия Романовых была названа Лениным «тюрьмой народов». Царская политика удушения и угнетения национальностей встречала полное одобрение со стороны великорусского купечества, занимавшегося рука об руку с помещиками и военщиной хищнической эксплоатацией и грабежом так называемых «инородцев». Крепостнический лозунг: «Единая неделимая Россия» являлся путеводной нитью и для буржуазии.

Общие интересы с царизмом в борьбе против национально-освободительного движения угнетенных народностей парализовывали политические притязания российской буржуазии. И если наиболее влиятельные идеологи обуржуазившейся части помещиков и крупной буржуазии (Кавелин, Б. Чичерин и др.)

[1] «Горнозаводский листок», 1904, № 31, стр. 7047.
[2] Заявление В. Ковалевского на «железном съезде» («Горнозаводский листок», 1903, № 11, стр. 6120).
[3] Ленин, т. III, стр. 465.

не отваживались полным голосом потребовать от царского правительства дарования конституции, то подобное политическое самоограничение российской буржуазии во многом объясняется опасением, как бы в результате установления представительного образа правления в многонациональной Российской империи не усилились бы центробежные стремления, и она не распалась бы на куски. Не случайно польское восстание 1863 г., угрожавшее царской монархии потерей ее завоеваний на Западе, привело к сплочению под знаменем великодержавного шовинизма либеральной буржуазии и самой черной реакции. Русские либералы, зачитывавшиеся перед этим «Колоколом», теперь аплодируют Муравьеву-вешателю (приветственные адреса литовскому диктатору от городских дум, земств, различных обществ и т. д).

Великодержавный национализм российской буржуазии приобретает особо агрессивный характер со времени вступления российского капитализма в стадию империализма, ибо «империализм есть прогрессирующее угнетение наций мира горсткой великих держав, есть эпоха войн между ними за расширение и упрочение гнета над нациями...»[1] Это обстоятельство еще более сближало российскую буржуазию с царизмом, культивировавшим наиболее зверские методы угнетения порабощенных народностей, и умеряло оппозиционные поползновения крупной буржуазии.

Не рассчитывая особенно на развитие рынка для промышленности «вглубь», железные и угольные бароны связывают свои надежды с авантюрными планами колониальной и внешней политики царизма.

На страницах предпринимательских органов печати и в торгово-промышленных организациях перед русско-японской войной оживленно дебатировался вопрос о захвате внешних рынков. Так, например, наиболее влиятельный орган промышленников, «Горнозаводский листок», в статье, посвященной кризисному положению промышленности юга, после тирады, что нельзя возлагать «слишком больших надежд» на внутренний рынок, продолжает: «Естественно скорее ожидать, что расширение рынка для продуктов русского металлургического и железоделательного производства пропзойдет привычным путем для капиталистической индустрии, за счет внешних рынков; имеющих явиться в результате дальнейшей колонизации сибирских и азиатских окраин России, и проведения новых железных дорог, связующих ее с азиатскими странами. Новые государства Азии, за обладание рынками которой борются между собой европейские нации, представляют крайне благоприятную почву для капиталистической промышленности России, находящейся по сравнению с Западной Европой в этом отношении в наиболее счастливых условиях».[2] В перегонку

---

[1] Ленин, т. XVIII, стр. 324.
[2] «Горнозаводский листок», 1903, № 24, стр. 6360—6368.

с южными горнопромышленниками специфический интерес к «Желтороссии», как наши промышленники поспешили окрестить Манчжурию, проявляет и петербургское общество для содействия русской промышленности и торговле. В 1903 г. в обществе состоялись доклады Меркулова «О возможных судьбах России на Дальнем Востоке» и Левитова «О Желтой России». Эти доклады любопытны своей агрессивностью, с которой может поспорить, пожалуй, лишь безобразовский авантюризм. Оба докладчика в один голос утверждают о «неизбежности войны России с Японией», «о необходимости для России в видах безопасности манчжурской дороги, а также сокращения нашей границы с Китаем, занять Монголию и Манчжурию». Мечтая об устройстве в «Желтороссии» заводов бобовых жмыхов и шелковых коконов, русские промышленники уверяют, что «миллионы китайских рабочих в Манчжурии и Китае ждут только вожака, чтобы пустить в ход величайшие фабрики в мире». [1]

Как видим, воинственные планы царизма находили живой отклик среди верхов торгово-промышленной буржуазии. И в этой позиции буржуазии нет ничего странного: она была неизбежным следствием того факта, что буржуазия, страшась революции, неминуемо должна была итти на поводу у полуфеодального царизма и искать разрешения проблемы рынка для капиталистической индустрии посредством колониальных авантюр и захвата новых внешних рынков.

Понадобился военный разгром царизма и январские события 1905 г., чтобы буржуазия, наконец, усомнилась во всемогуществе русского самодержавия как защитного вала от революции и сделала робкую попытку отрешиться от своей традиционной политической аморфности и в своих либеральных записках подняться до более широкого понимания интересов капиталистического развития страны.

---

[1] Труды общества для содействия русской промышленности и торговле, 1904, ч. 27, стр. 11 и 13.

ГЛАВА 2

ЗЕМСКАЯ ФРОНДА

1. Земские учреждения как очаг буржуазной оппозиции

По поводу оппозиционной речи орловского предводителя дворянства М. А. Стаховича на миссионерском съезде в 1901 г. Ленин писал: «... интересы самодержавия совпадают только при известных обстоятельствах и только с известными интересами имущих классов, и притом часто не с интересами всех этих классов вообще, а с интересами отдельных слоев их. Интересы других слоев буржуазии, а также более широко понятые интересы в с е й буржуазии, всего развития капитализма вообще необходимо порождают либеральную оппозицию самодержавию». [1]

Оппозиция эта возникла и развивалась до революции 1905 г. почти исключительно в русле земских учереждений. Невольно напрашивается вопрос: почему очагом буржуазной фронды, отразившей «более широко понятые интересы всей буржуазии», явилось дворянское земство, а не представительные организации крупного капитала или органы городского самоуправления?

Чтобы решить этот вопрос, надо прежде всего выяснить, в руках какой группы поместного дворянства находилось земство. Как известно, русское дворянство в начале XX века не было чем-то сплошным, однородным, вылитым из одного куска. Под влиянием буржуазной эволюции образовались значительные трещины между отдельными его слоями. Рядом с помещиками-крепостниками встречаются — и чем дальше, тем все чаще — помещики, ставившие свое хозяйство на капиталистическую ногу. Ясно, что последние не могли быть в восторге от крепостнического направления политики царизма, особенно по отношению к деревне. Цитаделью оппозиционного движения капиталистических помещиков и явились земские учреждения.

Каким же образом либерально настроенным помещикам удалось овладеть земством? Земское положение 1864 г. отдало земское дело в руки среднепоместного дворянства. Контрреформа 1890 г. не внесла в этом отношении сколько-нибудь значительных изменений. В рядах среднепоместного дворянства численно несомненно преобладали крепостники, проникнутые

---

[1] Ленин, т. IV, стр. 355.

«охранительным духом». При желании реакционное большинство дворянства без особого труда могло бы захватить руководящую роль в земстве. Однако помещиков-крепостников земская деятельность с ее культурными функциями (школы, больницы, дорожное строительство) обычно не прельщала. Они предпочитали занимать более выгодные с точки зрения карьеры и доходов административные посты (исправники, губернаторы, предводители дворянства, директора департаментов и т. д.). Историк русского земства Б. Веселовский, указывая на победу либеральной группы на земских выборах в Твери (1903 г.), совершенно правильно объясняет это тем, что либералы, будучи более сплоченными, приезжали на собрание почти в полном составе, а среди консерваторов был сильно развит абсентеизм. [1]

Чем же объяснить, что либеральные помещики, группировавшиеся в земствах, стали застрельщиками буржуазно-оппозиционного движения?

Капиталистический помещик, заинтересованный в победе «прусского» типа капиталистической эволюции сельского хозяйства, убеждался на каждом шагу, что самодержавие является помехой буржуазному развитию, что на пути аграрного прогресса России стоит множество препятствий в виде кабальных форм эксплоатации в деревне (отработки, испольщина), податей и выкупных платежей, круговой поруки, административного произвола и т. д., которые вели непрерывно беднеющее крестьянство к полному разорению и вымиранию. Даже у помещиков-крепостников начинало закрадываться сомнение в пригодности разоренных крестьян в качестве работников на помещичьей земле и плательщиков высокой арендной платы. Обуржуазившийся помещик был непосредственно заинтересован в расчистке густой заросли крепостнических пережитков в деревне, так как иначе нельзя было вести хозяйство по-капиталистически. Вот почему он особенно сильно чувствовал необходимость реформы государственного строя, которая, не трогая основ помещичьего землевладения и военно-полицейского аппарата самодержавия, явилась бы новым шагом (после реформ 60-х годов) по пути превращения царской России в буржуазную монархию.

Следующей причиной «земской» окраски русского либерализма является то, что капиталистические помещики, благодаря активному участию в земских органах самоуправления, которые в известной мере были «школой» представительных учреждений, значительно раньше, чем торгово-промышленная буржуазия, начали сплачиваться в политическую силу. Поэтому-то они первые и выступили с программой политических реформ. Крайняя политическая дряблость буржуазии объясняется «... не только революционностью русского пролетариата,

[1] Б. Веселовский, Исторический очерк деятельности земских учреждений Тверской губ., 1914, стр. 579.

отбросившего русскую буржуазию в объятия царизма, но и прямой зависимостью этой буржуазии от казенных заказов».[1] В случае фронды со стороны промышленников, правительство могло прибегнуть к целому ряду «санкций» (лишение казенных заказов и субсидий, ослабление таможенной защиты, повышение железнодорожных тарифов и т. д.). «Если бы мы вздумали делать оппозицию, нас бы в бараний рог согнули», — заявил как-то председатель нижегородского ярмарочного комитета Осипов в оправдание пресмыкательного поведения своих коллег.[2]

Наконец, необходимо отметить еще один момент, который содействовал превращению земства в центр буржуазной оппозиции. Земские учреждения включали в свою деятельность ряд функций (статистика, агрономия, народное образование, медицина и проч.), для выполнения которых приходилось пользоваться услугами так называемого третьего элемента, т. е. наемных служащих из интеллигенции, в значительной мере пополнявшейся лицами, репрессированными царским правительством (студентами, исключенными из высших учебных заведений, лицами, высланными из столичных городов под гласный или негласный надзор полиции и пр.). Численность третьего элемента непрерывно возрастала: в то время как количество выборных членов земских управ за 1886—1903 гг. осталось почти без изменений, армия наемных служащих более чем удвоилась.

Наплыв в земство «политически неблагонадежных» статистиков, врачей, учителей и агрономов не мог не внушать опасений царскому правительству. «При земских управах, — бил тревогу Плеве, — образуются когорты санкюлотов, которые приобретают доминирующее влияние на ход земских дел, отстраняя от них те элементы, которые призваны законодателем к самоуправлению». Эти слова царского временщика, конечно, преувеличивают значение третьего элемента в земстве, но несомненно одно: широкое участие интеллигенции в земской жизни накладывало известный отпечаток на политическую физиономию земства, повышало его оппозиционность и усиливало значение органов земского самоуправления как центра общебуржуазной фронды.

2. «Левение помещиков было симптомом назревающего кризиса»

Истоки земского либерализма восходят еще к эпохе падения крепостного права. Именно тогда, под воздействием кризиса крепостного хозяйства, поражения в Крымской войне и крестьянских «бунтов», в передовой части дворянства обнаружились явные признаки оппозиционного брожения. Это

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 38.

[2] Б. Н. Чичерин, Воспоминания, Земство и московская дума, М., 1934, стр. 259.

брожение вылилось в заявления дворянских собраний 1859—1860 гг. о необходимости общего дворянского представительства, о даровании дворянству «участия и власти в делах политических».

На желательность привлечения выборных представителей «общества» к участию в управлении указывали также некоторые губернские дворянские комитеты по крестьянскому делу и депутаты комитетов, вызванные в редакционные комиссии для представления своих замечаний на проект положения об «улучшении быта» помещичьих крестьян. 5 депутатов от Харьковского, Ярославского и Тверского комитетов, во главе с Унковским, представили царю адрес, в котором настаивали на образовании всесословного хозяйственно-распорядительного управления, основанного на выборном начале, учреждении суда присяжных и смягчении цензурного гнета.

Издание положения 19 февраля не приостановило роста революционного движения. Характеризуя революционную ситуацию, сложившуюся в начале 60-х годов, Ленин писал: «Оживление демократического движения в Европе, польское брожение, недовольство в Финляндии, требование политических реформ всей печатью и всем дворянством, распространение по всей России «Колокола», могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров, появление прокламаций, возбуждение крестьян, которых «очень часто» приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови заставлять принять «Положение», обдирающее их как липку, коллективные отказы дворян-мировых посредников применять такое «Положение», студенческие беспорядки — при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной». [1]

Ряд дворянских собраний в 1862 г. принял адреса, в которых была высказана мысль о своевременности политических реформ (свобода печати, гласное судопроизводство, отмена телесных наказаний и обнародование бюджета). Наиболее решительным был адрес тверского дворянства, требовавший созыва собрания «выборных от всей земли русской как единственного средства к удовлетворительному разрешению вопросов, возбужденных, но не разрешенных положением 19 февраля».

Поднимая голос политического протеста против «крайностей» самодержавия, земские либералы исходили из того соображения, что именно эти «крайности» (военные экзекуции, казематы и ссылки, цензурный террор и т. п.) питают революционное движение. Испытывая жестокий страх перед грозными признаками революционного движения, либералы ука-

[1] Ленин, т. IV, стр. 126.

зывали, что самодержавие само по себе, без поддержки «общества», не в состоянии найти средство спасти страну от «ужасов революции». Таким средством, по мнению либералов, может быть только созыв на общий совет «лучших людей страны».

Волна общественного недовольства и революционного натиска заставила самодержавие пойти на уступки, в частности ввести местное самоуправление. Однако, играя на паническом страхе либералов перед революцией и воспользовавшись взрывом великодержавного шовинизма в либеральных кругах в связи с польским восстанием 1863 г., правительство постаралось сделать эту уступку как можно менее чувствительной для себя. По земскому положению 1864 г. круг действия земства был крайне ограничен, и оно было поставлено под неослабный надзор администрации. Из земской реформы был вытравлен всякий намек на конституцию, на какое-либо ограничение царского самовластия.

Но скоро и эта безвредная уступка правящим кругам показалась чрезмерной. Разгромив революционно-демократическое движение 60-х годов, восторжествовавшая реакция повела систематический поход на земство. «Начинается трагикомическая эпопея: земство ходатайствует о расширении прав, а у земства неуклонно отбирают одно право за другим и на ходатайства отвечают «отеческими» поучениями».[1] 21 ноября 1866 г. был издан закон об установлении предельности обложения земскими сборами торгово-промышленных заведений. На критику этого закона в Петербургском земском собрании 1867 г. правительство ответило приостановлением деятельности земских учреждений Петербургской губернии и репрессиями против видных земцев. Циркуляром министра внутренних дел 12 октября 1866 г. земские служащие — врачи, учителя и пр. — были поставлены в полную зависимость от администрации, а 16 декабря этого же года сенат «разъяснил», что губернаторы имеют право отказывать в утверждении всякого избранного земским собранием лица по мотивам политической «неблагонадежности».

В 1867 г. была установлена губернаторская цензура для земских отчетов о заседаниях, прениях и речах, запрещены сношения между земствами различных губерний, усилена власть председателей земских собраний и ограничена публичность земских собраний. В 1869—1874 гг. рядом правительственных мероприятий земство было устранено от действительного заведывания народным образованием.

Русско-турецкая война и революционный подъем в конце 70-х годов снова заставили зашевелиться либералов. Поводом к их оппозиционным выступлениям послужило обращение правительства к «Обществу» (20 августа 1878 г.) с призывом «всеми зависящими от него мерами способствовать правительству в иско-

---

[1] Ленин, т. IV, стр. 131.

ренении нашего общего врага». 20 ноября 1878 г. Александр II обратился в Москве к представителям сословий за «содействием, чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на том пагубном пути, на который люди неблагонадежные стараются ее завлечь».

5 губернских земских собраний (Харьковское, Полтавское, Черниговское, Тверское и Самарское) в своих адресах, изъявляя готовность сражаться с «общим врагом», в то же время «с невыразимым огорчением» заявляли о своем «полном бессилии принять какие-либо практические меры в борьбе со злом», ибо «при существующем положении земские силы не имеют никакой организации», они разобщены и не располагают соответствующими орудиями для борьбы с «разрушительными идеями». Поэтому земства молили царя дать «верному народу» то, что царь «дал болгарам», и предупреждали, что без дарования обществу «истинного самоуправления, неприкосновенности прав личности, независимости суда, свободы печати», словом, без изменения внутренней политики правительства никакое содействие общества для уничтожения крамолы невозможно.

Не довольствуясь адресным давлением, либеральные земцы сделали попытку создать свою нелегальную организацию и свой политический орган. В конце 1878 г. по инициативе некоторых земцев Черниговской губернии в Киеве состоялся съезд, в котором приняли участие земские либералы, украинофилы и народники. На этом съезде земцы предложили народникам приостановить террористическую деятельность, чтобы дать либералам возможность убедить правительство легальными средствами, посредством подачи петиций, вернуться на путь реформ. Однако соглашение с народниками не состоялось, так как последние прекращение террора ставили в зависимость от выполнения правительством следующих условий: устранения стеснений свободы слова и печати, обеспечения прав личности и призвания населения к участию в управлении.

После неудачной попытки объединиться с народниками для получения конституции, либеральные земцы созвали два съезда: в Харькове в конце 1878 г. — съезд земцев южных губерний и в Москве в апреле 1879 г., на котором присутствовало 30 представителей от 16 земств. Эти съезды, собственно, и положили основание земской нелегальной организации — земскому союзу. Перед земским союзом была поставлена задача: используя исключительно мирные пути, расширить сферу общественного воздействия на правительство. Земский союз должен был пропагандировать на местах конституционные идеи и побуждать земские собрания требовать от правительства политических реформ. Земский союз пытался даже наладить издание собственного органа за границей. Однако в Галиции, где начато было печатание земской агитационной литературы, вскоре последовал провал. В руки полиции попала программная брошюра «Ближайшие задачи земства», в которой выдвигались основные лозунги либеральной оппозиции: свобода слова и

печати, гарантий личности и созыв учредительного собрания.

Под давлением все возрастающей революционной «смуты» правительство вынуждено было прибегнуть к либеральным маневрам. С назначением Лорис-Меликова начальником верховной распорядительной комиссии (12 февраля 1880 г.) началась так называемая «диктатура сердца». Сущность лорис-меликовской системы состояла в том, чтобы, подавляя кровавыми репрессиями революционное движение, заручиться в борьбе с «крамолой» помощью «благомыслящей части общества», подкупая ее видимостью уступок конституционным стремлениям либералов.

В своем обращении к жителям Петербурга 12 февраля 1880 г. Лорис-Меликов заявил, что «на поддержку общества он смотрит, как на главную силу, могущую содействовать власти в возобновлении правильного течения государственной жизни, от перерыва которой страдают интересы самого населения». Заигрывая с либералами, Лорис-Меликов хотел отделаться мелкими уступками. Было упразднено ненавистное III отделение, удален известный мракобес, душитель народного просвещения гр. Д. Толстой, несколько смягчен цензурный гнет, ослаблен намордник на земских учреждениях. Но Лорис-Меликов был далек от мысли пойти на введение конституции. По его утверждению, «народ еще не подготовлен к представительным учреждениям, дарование их имело бы вид, вынужденный обстоятельствами», и было бы «несвоевременно».

Несмотря на то что уступки Лорис-Меликова были мало осязательны, со стороны земских собраний, как из рога изобилия, посыпались выражения признательности Лорис-Меликову за его «доверие» к «здоровым силам страны». Съезд участников земского союза в 1880 г., принявший решение начать агитацию в пользу подачи петиций о расширении прав земства, о допущении его к участию в центральном управлении, в то же время рекомендовал земцам не брать «высоких политических нот», «не забегать вперед», проявлять «должный такт» и не обращаться к правительству с «чрезмерными просьбами».

28 января 1881 г. Лорис-Меликов представил царю проект об образовании особых законосовещательных комиссий с участием выборных представителей земств и городов. В призвании последних к участию в предварительном рассмотрении правительственных законопроектов Лорис-Меликов видел «именно то средство, какое и полезно и необходимо для дальнейшей борьбы с крамолой». Лорис-меликовский проект получил одобрение Александра II, однако убийство царя 1 марта 1881 г. отсрочило принятие проекта. Он был снова подвергнут обсуждению в заседании совета министров 8 марта 1881 г. под председательством нового царя, Александра III.

На этом заседании либеральные сановники (Лорис-Меликов, Милютин, Абаза и др.) указывали, что лорис-меликовский проект «вызывается неотложной потребностью опереться на здоровые силы страны». Министр финансов Абаза говорил:

«Необходимо привлекать образованные классы общества к участию в управлении, выслушивать их мнение, а не пренебрегать их советами, весьма часто разумными». Реакционеры во главе с Победоносцевым, окрыленные поддержкой Александра III, яростно нападали на лорис-меликовский проект, утверждая, что «путь этот ведет прямо к конституции». Определенного решения на заседании принято не было, но оно вскрыло колебания внутри правительства, часть которого стояла за решительную борьбу с либерализмом, другая — за уступки... «При таком колебании правительства только сила, способная на серьезную борьбу, могла бы добиться конституции, а этой силы не было: революционеры исчерпали себя 1-ым марта, в рабочем классе не было ни широкого движения, ни твердой организации, либеральное общество оказалось и на этот раз настолько еще политически неразвитым, что оно ограничилось и после убийства Александра II одними ходатайствами». [1]

Умоляя царя «выслушать свободный голос Русской земли через посредство ее истинных представителей», земства особенно подчеркивали в своих ходатайствах, что в этом случае перед обществом открывается возможность принять участие в борьбе с «внутренним врагом». Чичерин представил 11 марта 1881 г. Победоносцеву обширную записку о задачах нового царствования, в которой причиной «смуты» объявлялась не правительственная реакция, не «мнимый» деспотизм губернаторов, а та быстрота, с которой совершались преобразования. По его мнению, «периодическая печать требует у нас сдержки, а не простора». Чичерин не видит нужды в коренном преобразовании местного управления и высказывается против «завершения здания» (т. е. конституции) в настоящее «смутное» время. «Злоба дня, — заявляет он дальше, — состоит в борьбе с социализмом... Напрасно мечтают о возможности умиротворения путем уступок... Всякое послабление было бы гибелью; всякое старание держаться пути закона будет признаком слабости. В настоящее время насущная потребность состоит лишь в том, чтобы дружным союзом правительства и народа дать отпор разрушительным силам и создать центр, откуда можно было бы руководить общественным движением в России... Нет необходимости, чтобы таким органом был непременно парламент, облеченный политическими правами. Достаточно приобщения выборных от дворянства и земства к Государственному Совету», причем мнению последнего не присваивается решающая сила.

Колебания правительства разрешились изданием 29 апреля 1881 г. манифеста об утверждении и охране самодержавия от всяких на него поползновений. «Второй раз, после освобождения крестьян, волна революционного прибоя была отбита, и либеральное движение вслед за этим и вследствие этого второй раз сменилось **реакцией**...» [2]

---

[1] Ленин, т. IV, стр. 136 и 137.
[2] Там же, стр. 138.

Впрочем, правительство Александра III не сразу после издания манифеста о незыблемости самодержавия отказалось от «либеральных» маневров. Новый министр внутренних дел гр. Игнатьев, сменивший Лорис-Меликова, прикрывая переход правительства к открытой реакции, по выражению Ленина, «выступал не раз как чистейший демагог и обманщик». Он приглашал к себе «сведущих людей» из состава земских и городских гласных для обсуждения вопроса о снижении выкупных платежей, о борьбе с народным пьянством и пр. и даже заверял отдельных земцев, что правительство призовет представителей страны к участию в законодательной работе.

Только 30 мая 1882 г. к власти пришел «министр борьбы» гр. Д. Толстой, и с этого времени в России установился режим неприкрытой, тупой и жестокой реакции. Зловещий триумвират — Катков — Толстой — Победоносцев, панически боясь грядущего революционного урагана, стремился «подморозить» Россию, затормозить ее поступательное движение.

В те годы дальние, глухие
В сердцах царили сон и мгла,
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла.

(Блок.)

Оплакивая крушение своих надежд на «увенчание здания», либералы вовсе не собирались, однако, перейти к открытой оппозиции самодержавию. О том, каких пределов достигло политическое холопство либералов в 80-х годах, можно судить по выступлению московского городского головы Чичерина на обеде городских голов во время коронации (1883 г.): «Одно правительство, очевидно, не в состоянии справиться с этой задачей [подавления революционного движения. — *Е. Ч.*]. Нужно содействие общества... Мы по собственному почину должны сомкнуть свои ряды против врагов общественного порядка. Мы не становимся в оппозиционное отношение к правительству; мы не требуем себе прав. Мы спокойно ожидаем, когда сама власть признает наше содействие; но когда этот зов последует, он не должен застигнуть нас врасплох. Мы должны быть готовы».

Прав был великий русский сатирик Щедрин, заклеймивший ползучую тактику русского либерализма в следующих уничтожающих словах: «Он [либерал. — *Е. Ч.*] ничего не требовал наступя на горло, а лишь по возможности... Позднее ему указали, что действовать по возможности преждевременно, и он помирился на «хоть что-нибудь», которое, однако, не принесло результатов, тогда ему посоветовали сведущие люди действовать «применительно к подлости» (т. е. сократить идеалы по масштабу сведущих людей)... В конце-концов либерал сдался».

По отношению к земским учреждениям гр. Толстой проводил линию всяческого стеснения их деятельности. Он подго-

товлял проект такой «реформы» земства, которая была бы равносильна его уничтожению. Земские управы заменялись подчиненными губернаторам присутствиями. Все постановления земских собраний подлежали утверждению губернаторов. Государственный совет несколько смягчил проект Толстого и сохранил в новом земском положении, изданном в 1890 г., некоторые признаки самоуправления. Главное отличие земского положения 1890 г. от положения 1864 г. состояло в том, что оно значительно сократило крестьянское представительство в земстве, усилив представительство дворян. В состав земских собраний, кроме выборных лиц, были введены предводители дворянства, земские начальники и другие правительственные чиновники. Расширен был также административный надзор за действиями земства.

Земская контрреформа 1890 г. не вызвала открытых протестов со стороны либералов. Несмотря на возрастающее расхождение между интересами полуфеодального царизма и «более широко понятыми интересами всей буржуазии», земсколиберальная оппозиция самодержавию до начала 900-х годов была чрезвычайно анемичной. Самым крупным проявлением либеральной фронды в 90-х годах были адреса губернских земских собраний 1894—1895 гг. по случаю восшествия на престол Николая II. В этих адресах содержались «бессмысленные мечтания» о желательности привлечения земцев к «участию в делах внутреннего управления», о доверии власти общественным учреждениям и о «предоставлении земству доступа его голоса о нуждах народа к престолу». Ни в одном из них не говорилось об ограничении самодержавия, о конституции и т. п. Крайняя ублюдочность либеральной оппозиции в то время объясняется тем, что царизм, поддерживая внешний порядок в стране, гарантировал помещикам и буржуазии охрану от революционного движения. Поэтому она мирилась с абсолютизмом, рассчитывая на его естественную эволюцию. «Мы терпеливо ждали, — говорилось в «открытом письме от группы земских деятелей», напечатанном в № 1 «Освобождения», — что, подобно тому как зрелый плод сам падает на землю, молодые учреждения общественного самоуправления получат свое завершение, и народу будет предоставлено бо́льшее участие в управлении страной. И в этом терпеливом ожидании целые поколения земцев удовлетворялись своей скромной муравьиной работой».

Что же вызвало оживление буржуазной фронды в начале XX века? Яркий свет на причины оппозиционного возбуждения в земской среде проливает письмо графа Гейдена от 26 августа 1902 г. к министру внутренних дел по поводу объявленного ему за участие в московском земском совещании высочайшего неудовольствия. В своем письме Гейден прежде всего утверждает, что недавние крестьянские волнения на Украине доказали бессилие власти «одной строгостью наказаний умиротворить то, что вытекает хотя из неверного, но глубокого убежде-

ния народа, эксплоатируемого элементами, ищущими крутого переворота». При таких условиях, по мнению Гейдена, «представители земельной собственности не могут быть только свидетелями того, как правительственная власть станет лицом к лицу с крайними элементами, стремящимися к социальному перевороту самыми опасными мерами». Нет, в интересах «самосохранения» представители имущего класса должны «выступить на почве закона и справедливости на защиту порядка». [1]

Могучий подъем революционного движения в начале XX века — быстрый рост стачечного движения, переход рабочих от экономических стачек к политическим стачкам и демонстрациям, героическая Обуховская оборона в Петербурге в 1901 г., знаменитая стачка и демонстрация батумских рабочих в марте 1902 г., организованная батумским социал-демократическим комитетом во главе с тов. Сталиным, ростовская стачка 1902 г., массовые политические стачки в 1903 г. на юге, охватившие Закавказье — Баку, Тифлис, Батум — и крупнейшие города Украины — Одессу, Киев, Екатеринослав — и происходившие под руководством революционной социал-демократии; крестьянские волнения в 1902 г. в Поволжье и на Украине, особенно в Полтавской и Харьковской губерниях, где выступало до 150 тысяч крестьян в 165 селениях; наконец, широкое студенческое движение — обнаружил полнейшее банкротство царской политики репрессий. Чувствуя «приближение великой бури» и пытаясь предупредить решительное столкновение революционного народа с самодержавием, либеральная буржуазия выступила с требованием частичных политических реформ. Либералы «...стояли, конечно, за царское правительство, но они были против «крайностей» царизма, опасаясь, что именно эти «крайности» могут усилить революционное движение. Боясь «крайностей» царизма, они еще больше боялись революции. Протестуя против «крайностей» царизма, либералы преследовали две цели: во-первых, «образумить» царя, во-вторых, — накинуть на себя маску «большого недовольства» царизмом, войти в доверие народа, отколоть народ или часть народа от революции и ослабить тем самым революцию». [2]

3. Легальный марксизм

Либеральная буржуазия больше всего боялась политического пробуждения рабочего класса и его борьбы за гегемонию в освободительном движении. Она стремилась подчинить своему влиянию народные массы, чтобы сделать невозможной буржуазно-демократическую революцию под руководством пролетариата.

---

[1] «Освобождение», 1904, № 41, стр. 177.
[2] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 29.

Одной из попыток идейного воздействия либеральной буржуазии на пролетариат был легальный марксизм. Легальные марксисты под личиной «дальнейшего критического развития» марксизма извращали и опошляли революционное учение Маркса, стремясь приспособить его к интересам капиталистического развития, подменить революционную душу марксизма буржуазной идеологией.

Легальные марксисты подчеркивали только положительную и прогрессивную сторону капитализма, восхищались капиталистическим прогрессом. Они развернули пропаганду своих ревизионистских идей посредством устройства лекций, диспутов, издания целого ряда легальных журналов, выпуска брошюр и книг. Наиболее видными представителями этого направления были П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, С. Н. Булгаков и др. Еще в 1894 г. вышла книга Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», в которой он занимался открытой апологетикой капиталистического строя. Величая капитализм «могущественным фактором культурного прогресса», Струве обращался к марксистской интеллигенции с призывом: «Признаем свою некультурность и пойдем на выучку к капитализму». В этой книге Струве выступает поклонником архи-мирного, постепенного, строго легального развития. Будучи сторонником превращения полукрепостнического самодержавия в конституционную буржуазную монархию, Струве строит свои расчеты на том, что самодержавие само поймет необходимость реформирования государственного строя и пойдет на политические уступки в пользу буржуазии.

Легальные марксисты отрицали непримиримую противоположность интересов пролетариата и буржуазии, проповедуя теорию смягчения классовых противоречий и «затухания» классовой борьбы. Они отвергали идею гегемонии пролетариата в революционном движении, идею социалистической революции и диктатуры пролетариата.

Легальные марксисты преследовали задачу — превратить начинающееся рабочее движение в безвольный придаток буржуазии. В этих видах они пытались помешать возникновению и росту самостоятельной революционной партии пролетариата, которая вела бы борьбу во главе всего народа против самодержавия и буржуазии.

Неудивительно поэтому, что основоположники большевизма — Ленин и Сталин — объявили беспощадную войну легальным марксистам.

Борьба большевиков против легального марксизма прошла через два этапа. Вначале революционные марксисты в интересах разгрома народничества, тормозившего оформление пролетарской идеологии, заключили временный блок с «легалистами». Как пишет Ленин, «...соединение с легальными марксистами было своего рода первым действительно политическим союзом русской социал-демократии. Благодаря этому союзу

была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма...».[1]

Но блокируясь с «легалистами», революционные марксисты в то же время подвергали уничтожающей критике попытки легальных марксистов навязать рабочему движению буржуазную идеологию и таким образом поставить пролетариат в зависимость от либеральной буржуазии. Ленин в своей работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» вскрыл буржуазную сущность взглядов Струве о государстве (с точки зрения Струве «государство есть прежде всего организация порядка»), струвистский объективизм, отрицание краха капитализма и неизбежности пролетарской революции, отказ Струве от философской основы марксизма — диалектического материализма (взамен которого Струве выдвинул неокантианство) и от марксовой теории трудовой и прибавочной стоимости, которая является стержнем экономического учения Маркса.

Блок революционных марксистов с «легалистами» продолжался недолго. Объясняя мотивы разрыва с струвистами, Ленин в книге «Что делать?» писал: «Разрыв вызван был, конечно, не тем, что «союзники» оказались буржуазными демократами... Необходимым условием такого союза является полная возможность для социалистов раскрывать рабочему классу враждебную противоположность его интересов и интересов буржуазии. А то бернштейнианство и «критическое» направление, к которому повально обратилось большинство легальных марксистов, отнимало эту возможность и развращало социалистическое сознание, опошляя марксизм, проповедуя теорию притупления социальных противоречий, объявляя нелепостью идею социальной революции и диктатуры пролетариата, сводя рабочее движение и классовую борьбу к узкому трэд-юнионизму и «реалистической» борьбе за мелкие, постепенные реформы. Это вполне равносильно было отрицанию со стороны буржуазной демократии права на самостоятельность социализма, а следовательно, и права на его существование; это означало на практике стремление превратить начинающееся рабочее движение в хвост либералов».[2]

Не будучи в силах воспрепятствовать возникновению и росту революционной социал-демократии, либералы направили свои усилия на то, чтобы поддержать оппортунизм в рядах социал-демократов, чтобы с его помощью подчинить классовую борьбу пролетариата интересам буржуазии. Через Credo Кусковой-Прокоповича мы можем проследить связь и прямую историческую преемственность легального марксизма с экономизмом и меньшевизмом.

---

[1] Ленин, т. IV, стр. 374.
[2] Там же, стр. 374—375.

4. «Освобождение» и кристаллизация либеральной программы и тактики

Первой вехой буржуазной фронды как о р г а н и з о в а н н о г о политического движения надо считать основание группой земских деятелей журнала «Освобождение», который начал выходить с 1902 г. в Штутгарте (Германия) под редакцией бывшего легального марксиста П. Б. Струве. На страницах этого журнала происходила кристаллизация программных взглядов и тактической линии либеральной оппозиции.

С самого начала «Освобождение» поставило своей задачей захват руководства массовым движением, для того чтобы ввести его в русло мирной борьбы за частичные реформы. С этой целью на страницах «Освобождения» неустанно варьируется мысль, что борьба за свободу может восторжествовать только как широкое национальное движение, но ни в коем случае не может быть «делом одного класса, одной партии». «Пусть национальное освобождение, — патетически восклицает Струве в № 1, — будет открыто провозглашено общим делом детей и отцов, революционеров и умеренных».

Претендуя играть роль руководителя в борьбе за политическую свободу, либералы не могли не отдавать себе отчета в трудности этой задачи. «В то время как крайние направления нашей страны организованы, — сокрушенно замечает Струве, — либерально-умеренное ядро русского общества пребывает в состоянии почти бесформенном». Поэтому он призывает либералов к сплочению и активности. Чтобы играть «первую скрипку» в движении, чтобы «получить право призывать революционеров к умеренности и отклонять их от насилий и крайностей», либералы не должны быть пассивными зрителями поединка между правительством и революционным пролетариатом, а обязаны «бросить на весы истории свои политические действия, свое гражданское мужество».[1]

Вместе с тем, Струве сознает, что русский либерализм может приобрести силу и значение только как «демократическое течение с широким размахом». Поэтому он предостерегает своих единомышленников от выпячивания помещичьей сердцевины земского движения. Земская партия, по его словам, не должна «пасть до простого представительства помещичьих интересов», напротив, она всячески должна маскировать свою классовую природу и драпироваться в оппозиционные цвета.

Прицепив демократическую розетку к своему знамени, либералы соглашаются даже «занять позицию — не против социал-демократии, а рядом и в союзе с ней», но лишь при условии, если последняя пойдет на «небольшое» самоограничение — на отказ от революционных методов борьбы с самодержавием — и от предъявления социальных требований.

---

[1] «Освобождение», 1902, № 1, стр. 5.

«Освобождение» непрерывно вело атаку против революционных методов борьбы, которым противопоставлялась позиция легальной борьбы — парламентскими средствами. Отвергая «старое бунтарское представление о революции как о насильственном перевороте», «освобожденцы» уверяли, что «самодержавие может пасть только под общим действием восставшего против него освободительного общественного мнения». [1]

«Напор» либерального общественного мнения на самодержавие осуществлялся почти исключительно в виде... обращения к монарху с мольбой о реформах. «Крупнейшим проявлением либеральной оппозиции, — пишет Ленин, — были только х о д а т а й с т в а либералов к царскому правительству о привлечении народа к управлению». [2] Начиная с «бессмысленных мечтаний», с которыми обращались к царю либеральные земства в 1894—1895 гг., и кончая ноябрьским земским съездом 1904 г. и банкетной кампанией, через все либеральные выступления красной нитью проходит надежда, что «верховная власть сама дарует стране права, требуемые обществом». Рисуя перед властью неизбежную перспективу революции, либералы призывали царя предупредить революцию частичными политическими реформами.

Из помещенной в № 1 «Освобождения» программной декларации «русских конституционалистов» мы узнаем, что основное требование, которое должно быть начертано на земском знамени, — это «представительство в постоянном высшем законодательном учреждении». Дальше идут требования личной свободы, гарантированной независимым судом, равенства всех перед законом, свободы печати, собраний и союзов, права петиций, амнистии. Будущее учредительное собрание мыслилось ими в виде земского собора.

В платформе земской оппозиции прежде всего бросается в глаза недоговоренность, крайняя неопределенность ее очертаний. Так, обойден молчанием вопрос об избирательной системе, ряд пунктов был сформулирован столь двусмысленно, что открывает простор для самых различных толкований. Ясно, что этим либералы хотели оставить себе лазейку для измены, для сделки с самодержавием по более дешевой цене, чем выдвинутая ими программа.

Второй отличительной чертой либеральной платформы в то время было отсутствие в ней социальных требований. Политических «вольностей» земцы наобещали целый короб, а вот о земле — насущном вопросе для многомиллионного крестьянства — ничего не сказали. И это не случайно: слишком близки были земцам общепомещичьи интересы, чтобы они могли пойти на какие-либо поблажки крестьянам в аграрном вопросе.

---

[1] «Освобождение», 1903, № 37.
[2] Ленин, т. II, стр. 544.

5. Вокруг «Особого совещания»

Известные шаги по сплочению либеральных сил были сделаны в связи с работой особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. [1]

В мае 1902 г. в Москве состоялся «слет» земских деятелей, на котором обсуждался вопрос, следует ли представителям земства принимать участие в работе сельскохозяйственных комитетов ввиду того, что в состав последних не допущены выборные представители земских учреждений. Часть делегатов высказалась за пассивную обструкцию и даже за демонстративный отказ от занятий в комитетах. Однако подавляющим большинством план бойкота был отвергнут и решено было воздержаться от демонстраций в связи с игнорированием земства при созыве сельскохозяйственных комитетов.

Но этот «слет» замечателен в другом отношении. На нем была выработана программа требований, которую представители земства должны были выдвигать в сельскохозяйственных комитетах, и оформлена общеземская организация (решено было периодически созывать земские совещания и было избрано постоянное бюро).

Исходя из того, что вопрос сельскохозяйственный в значительной мере сводится к вопросу крестьянскому, программа майского «слета» настаивала на уравнении крестьян в правах с другими сословиями и на реформе земства на всесословном начале.

Эта программа послужила сигналом для либеральных выступлений в большинстве губернских и многих уездных комитетов. Наиболее резкие выступления, естественно, произошли там, где особенно сильно давало себя знать аграрное движение. Под влиянием поджогов помещичьих экономий более дальновидные помещики приходят к заключению, что «дальше так жить в глухой провинции, как мы живем, — в опасении за себя и за свое имущество — нельзя». [2] «Надо быть слепым, — говорил Бржезовский в уманском комитете, — чтобы не видеть, что темная и недавно непробудно у ног наших спавшая масса подняла голову... Может прийти время, что масса... обратится к представителям высшего сословия с такой претензией: «Canaille, tu mange mon pain!» (Каналья, ты жрешь мой

---

[1] Обеспокоенное «оскудением» деревни, все понижающейся «платежеспособностью» крестьян и особенно ростом крестьянских волнений правительство учреждает в 1902 г. особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, имея в виду обещанием незначительных поблажек заткнуть рты голодным крестьянам. Во главе совещания был поставлен слывший либералом министр финансов Витте. На местах были образованы губернские и уездные комитеты, которым было дано право по усмотрению председателей приглашать для участия в своих занятиях «сведущих» людей из местных помещиков.

[2] Доклад воронежскому уездному комитету о нуждах сельскохозяйственной промышленности (Веселовский, К вопросу о классовых интересах в земстве, СПб., 1905, вып. I, стр. 71).

хлеб!). Люди, трезво смотрящие на дело, должны понять, что пришло время пойти навстречу нуждам низших сословий». [1] Пойти навстречу народным низам либеральные помещики соглашались, как мы видели, лишь по линии уравнения крестьян в гражданских правах с другими сословиями, благодаря чему — мечтали они — исчезнет отчуждение народа от высших классов и воцарится полное с ними единение.

Кульминационного пункта оппозиционные выступления достигли в воронежском уездном комитете, где представители земской оппозиции впервые выступили с требованием конституции.

Правительство ответило репрессиями на попытки земских либералов поставить в сельскохозяйственных комитетах вопросы, не предусмотренные программой. Так, воронежские земские гласные Мартынов и Булгаков были подвергнуты административной ссылке, председатели местных комитетов, не в достаточной мере пресекавшие либеральную болтовню на заседаниях комитетов, получили «высочайшие» выговоры.

6. Группа земцев-конституционалистов и «Союз освобождения»

В ноябре 1903 г. по инициативе группы «освобожденцев» был основан союз земцев-конституционалистов, поставивший своей задачей подготовку конституционных выступлений на земских собраниях. Немного спустя, 3—5 января 1904 г., состоялся учредительный съезд «Союза освобождения».

Первоначально, повидимому, предполагалось, что земский конституционный союз будет формально включен в «Союз освобождения» в качестве особой «профессиональной группы». Однако на съезде союза земцев-конституционалистов 23 февраля 1904 г. эта мысль была отвергнута под тем предлогом, что включение земского конституционного союза в «Союз освобождения» могло бы сузить рамки первого «ввиду непривычки земцев к конспирации и разношерстности». [2]

Командующую роль в обеих группах играл либеральный помещик — с той лишь разницей, что в первом случае он выступал преимущественно собственной персоной, а во втором действовал через посредство буржуазной интеллигенции. Впрочем, строго говоря, разграничительной линии между союзом земцев-конституционалистов и «Союзом освобождения» не было, так как нередко одни и те же лица состояли в той и в другой организации. По свидетельству Шаховского, «оба союза действовали в близком единении и составляли как бы две связанные друг с другом части одного сложного целого». [3]

В деятельности обоих союзов наблюдался известный параллелизм. Так, освобожденческий съезд 20 октября 1904 г. поста-

---

[1] Веселовский, op. cit., стр. 19.

[2] Д. Шаховской, Союз освобождения (Зарницы», 1909, сб. № 2, стр. 119).

[3] Там же, стр. 120.

новил «поднять через своих членов-земцев на земских собраниях вопрос о введении в России конституционного строя». [1] Но подготовка конституционных выступлений была, как мы видели, главной целью и союза земцев-конституционалистов.

Чем же оправдывалось, с точки зрения либералов, раздельное существование союзов? Конечно, официальный мотив — боязнь сузить рамки земского союза в случае его вхождения в «Союз освобождения» — играл второстепенную роль. Подоплека формальной обособленности этих союзов заключалась в другом. Дело в том, что «Союз освобождения», помимо подготовки конституционных выступлений на земских собраниях, претендовал играть роль направляющего общественное движение центра, ставил своей конечной целью «объединение широких демократических кругов в достаточно сильную для материального успеха партию». [2]

Но рассчитывая со временем превратить свой союз в партию, освобожденцы, естественно, стремились всячески затушевать его классовую природу. Включение земского союза в «Союз освобождения» сразу же обнаружило бы помещичье «нутро» последней организации и помешало бы союзу лавировать между самодержавием и революционным народом. Отсюда — разделение труда, формальная обособленность этих связанных друг с другом частей одного целого. Стремлением затушевать свою помещичью окраску объясняется также отказ освобожденцев от признания земских съездов главным центром оппозиционного движения.

7. «Эпоха доверия». Земский съезд 6—9 ноября 1904 года. Банкетная кампания

Осенью 1904 г. под давлением нарастающего революционного движения и военных поражений на Дальнем Востоке самодержавие решило прибегнуть к «левому» маневру. С назначением Святополк-Мирского министром внутренних дел была объявлена «эпоха доверия». «Мимолетные либеральные веяния» самодержавия заключались в ослаблении узды над земствами, возвращении из ссылки опальных земцев и в смягчении репрессий против либеральной печати.

«Новый курс» царизма вызвал необычайное оживление в земско-либеральных кругах, которое было верно схвачено в четверостишии Амфитеатрова:

Всегда, везде, во всем я влеве...
Отрежу правду хоть царю...
Молчал, как мертвый, я при Плеве,
Зато при Мирском говорю.

Земские собрания, либеральные общества и просто отдельные либералы выступают с приветствиями Святополк-Мир-

[1] Д. Шаховской, Союз освобождения («Зарницы», 1909, сб. № 2, стр. 132).
[2] Там же, стр. 171.

скому, в которых выражают удовлетворение по поводу «доверия» зрелым общественным силам. «Освобождение» спешило заверить министра, что либералы готовы «поддержать все хорошее, идущее сверху», и что они «готовы также и ждать». Надо только немедленно объявить, что народ будет призван к управлению страной. После такого заявления «общество может временно удовлетвориться разными смягчениями и полумерами». [1] Достаточно было самого легкого заигрывания правительства с земскими конституционалистами, чтобы последние сделались совершенно ручными.

6—9 ноября 1904 г. в Петербурге состоялся земский съезд, в котором приняли участие председатели всех губернских земских управ и земские гласные, уполномоченные соответствующими собраниями.

Значение этого съезда состоит в том, что на нем впервые выборные представители земства отважились поднять вопрос о политических реформах. «Они были приведены к этому, — вспоминает Вернадский, — ходом событий, ибо все возраставший непорядок в жизни нашей страны, рост недовольства в широких кругах общества и народа... явно грозили... и могли привести к гибели». [2]

На съезде все делегаты сошлись на том, что если в ближайшем времени не будут произведены «спасительные» реформы, то произойдет такой стихийный и бурный разлив революции, против которого никакие репрессии не помогут.

Политические реформы рисовались съехавшимся земцам в чрезвычайно скромном виде. Даже само слово «конституция» было на съезде под запретом. Правда, один либерал из Тамбовской губернии расхрабрился было и рекомендовал съезду не бояться «страшных» слов, но минуту спустя и он сдал свои позиции, заявив, что если большинство съезда «против введения в формулу постановления термина «конституция», — можно пойти и на уступку». [3]

По вопросу о характере народного представительства голоса разделились: большинство съезда (60 голосов) требовало предоставления представительному учреждению законодательных прав, меньшинство же (27 голосов), предводительствуемое бывшим председателем московской губернской земской управы Шиповым, было против ограничения самодержавия, полагая, что народу должна принадлежать лишь «сила мнения», право подавать советы, а «сила власти» должна полностью остаться в руках монарха.

Шиповцы, отражавшие интересы той части помещиков, у которых капиталистическая система хозяйства переплеталась еще с полукрепостническими формами эксплоатации кре-

---

[1] «Освобождение», 1904, № 57, стр. 125.

[2] Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ), фонд «Земцы», л. 72.

[3] Частное совещание земских деятелей 6—9 ноября 1904 г., М., 1905, стр. 56.

стьянства и которые в силу этого цеплялись за «старину», пуще огня боялись политического пробуждения народа. Поэтому они развивали славянофильскую доктрину о том, что «русскому народу чуждо стремление к народовластию и в нем очень сильна привязанность к идее самодержавия». [1] Требование прав и обеспечение их конституционными гарантиями, по их мнению, может пробудить в народе «честолюбивые» мечтания об участии в государственной власти.

Конечно, и освобожденцы не были в восторге от того, что «темная масса заколыхалась и заволновалась». Но они понимали, что «это море нельзя высечь и успокоить, как то сделал некогда Ксеркс». [2] Они видели, что политическое пробуждение народа — уже совершившийся факт и остается только сделать попытку перевести его на позиции мирной борьбы парламентскими средствами и таким образом предотвратить плебейскую расправу масс с самодержавием.

Несмотря на расхождение между земцами-конституционалистами и шиповцами по вопросу о характере народного представительства, в основе тактики и тех и других лежала надежда убедить правительство в необходимости реформ для предотвращения революции. Как шиповцы, так и «освобожденцы» не мыслили себе изменения государственного строя иначе, как с «соизволения» царя. С полным правом Шипов мог заявить в беседе с Святополк-Мирским, что «все земские деятели держатся одинакового убеждения, что необходимое государственное преобразование может совершиться правильно и спокойно только в том случае, если оно будет произведено сверху». [3]

По признанию Вернадского, ноябрьский съезд прежде всего «стал искать точек соприкосновения с верховной властью, чтобы в союзе с нею вывести страну из того опасного положения, в котором она находилась». [4] Предложение одного делегата о передаче проекта основного закона Российской империи на обсуждение «выбранного всеобщей подачей голосов собрания» [5] сочувствия на съезде не встретило; при этом не только шиповцы, но и конституционалисты обнаружили чрезвычайную народобоязнь. Гейден прямо заявил, что «если мы считаем спасение России в правовом порядке, то удовлетворительного ответа от народа мы не получим... Пока крестьяне будут говорить о мужицких интересах, надо признать их еще недоросшими до понимания политических прав». [6]

Единодушное одобрение съезда вызвала речь саратовского земца Н. Львова, который заявил, что «настало время, когда

[1] Там же, стр. 60.
[2] «Освобождение», 1902, № 24, стр. 435.
[3] Шипов, Воспоминания и думы о пережитом, М., 1918, стр. 280.
[4] Объяснения Вернадского сенатору Постовскому 30 июля 1905 г. (ГАФКЭ, фонд «Земцы», л. 72).
[5] Частное совещание земских деятелей 6—9 ноября 1904 г., М., 1905, стр. 52.
[6] Там же, стр. 87.

преобразование должно совершиться так, как совершилось освобождение крестьян, по почину верховной власти». [1]

После закрытия совещания земскими деятелями была подана записка Святополк-Мирскому, в которой комментировались принятые совещанием положения. Эта записка, составленная кн. С. Трубецким, подверглась коллективному обсуждению руководящего ядра земского движения. Она представляет значительный интерес как выражение настроений либеральных кругов накануне 1905 г.

Указав, что под влиянием войны, экономического кризиса и отсутствия правопорядка в деревне разрастается брожение и общее недовольство, могущее вызвать революционную бурю, записка обращает внимание правительства на необходимость политических реформ, которые оградили бы страну от надвигающейся революции. Эти «спасительные реформы» могут быть осуществлены только при согласном действии сильной царской власти с обществом. «Да не совершится, — восклицает автор записки, — это грядущее освобождение без верховной власти и помимо ее произволения». Чтобы сохранить руководящую роль, «как в эпоху освобождения крестьян, правительство должно стоять впереди, а не позади общества, и активно организовать политическую свободу России на началах народного представительства». [2]

До ноябрьского съезда либеральным движением были захвачены почти исключительно земские круги. Органы городского самоуправления и организации торгово-промышленной буржуазии не проявляли никаких политических поползновений. Когда бакинская городская дума по случаю 200-летия Петербурга выразила пожелание, чтобы «священные принципы самоуправления восторжествовали над обратными течениями», то оно явилось, по выражению Плеве, «единственным темным пятном на светлом празднике петербургского юбилея». [3]

Одной из причин, вызвавших размолвку между промышленниками и правительством, был переход последнего в самом конце XIX века к политике «сердечного попечения» о рабочих, которая вылилась в форму так называемого «полицейского социализма» или зубатовщины. Эта политика ставила своей целью рассосать революционное возбуждение пролетариата посредством мелких экономических уступок. «Допуская в виде опыта, — пишет в своих воспоминаниях Зубатов, — вступление рабочих на путь самопомощи, самостоятельности и самоопределения в фабрично-заводских делах, вне слепого подчинения хозяйской указке, администрация имела в виду внести тем самым успокоение в рабочую среду в отношении социалистической пропаганды».

---

[1] Частное совещание земских деятелей 6—9 ноября 1904 г., М., 1905, стр. 80.

[2] Шипов, Воспоминания и думы о пережитом, стр. 581—587.

[3] «Освобождение», 1903, № 27, стр. 46.

Легализация рабочего движения, под контролем и руководством полиции, вовсе не имела в виду, по словам того же Зубатова, причинить какой-либо урон интересам предпринимателей. Напротив, зубатовцы всячески заклинали рабочих не прибегать к забастовкам. Они хотели направить рабочее движение по линии организации касс взаимопомощи, устройства семейных вечеринок с танцами, лекций либеральных профессоров и религиозных собеседований под руководством духовенства. Либеральные профессора, например Озеров, Виноградов, Мануйлов, Новгородцев и др. — принимали вначале живейшее участие в зубатовских организациях, преследуя при этом задачу развращения рабочих струвизмом. Они читали в зубатовских собраниях лекции о кассах взаимопомощи, о биржах труда, о потребительских обществах, о продолжительности рабочего дня и постановке в России фабричного законодательства, о коллективных договорах и третейском суде, о работе клубов, о санитарной гигиене и т. п. Однако подобная «просветительная» деятельность не могла удовлетворить рабочих. Они стали обращаться в зубатовские организации с жалобами на своих хозяев. Агенты охранки ходят по заводам, чтобы склонить предпринимателей на уступки. Те упорствуют. Требования рабочих возрастают. Охранники уже не в состоянии остановить движение. Чтобы не оказаться изолированными, они вынуждены санкционировать экономические стачки. Летом 1902 г. в Москве разлилась широкая волна стачечного движения. Зубатовцы были захлестнуты революционным потоком. Как пишет Ленин, «...вся эта зубатовская эпопея кончилась жалким крахом, сделав гораздо больше на пользу социал-демократии, чем на пользу самодержавия...» [1]

Московские промышленники, которые сперва выражали сочувствие зубатовским опытам и делали даже взносы в зубатовскую кассу взаимопомощи, теперь забили тревогу по поводу «революции на казенный счет», якобы устраиваемой московской администрацией. Они обратились к министру финансов с запиской, в которой жаловались на «опасную игру» полиции с рабочими. По их мнению, потворствуя антикапиталистическим настроениям рабочих, московская администрация рубит сук, на котором сидит сама. «Если в предоставлении рабочим, — говорилось между прочим в записке, — известной организации имеется в виду отвлечение их от участия в антиправительственной политической деятельности, то не менее опасным оказывается допущение их к деятельности антикапиталистической, которая несомненно имеет одинаковое политическое значение, тем более, что справиться с массами, увлеченными каким-либо успехом в этом отношении, может впоследствии оказаться чрезвычайно трудным, если даже не совершенно невозможным».

В этой записке мы не найдем нападок на общий курс правительственной политики, промышленники еще не требуют кон-

[1] Ленин, т. V, стр. 349.

ституционных гарантий, которые оградили бы страну от повторения нелепых опытов с «царистской рабочей партией». Они склонны приписать эти опыты произволу, превышению власти со стороны московской администрации, на которую и жалуются «высшему» правительству.

«Эпоха доверия» пробила брешь даже в традиционной политической инертности городских деятелей и представителей крупного капитала. Накануне земского съезда 6—9 ноября 1904 г. на предварительных совещаниях, выработавших проекты резолюций съезда, наряду с земскими деятелями принимали участие представители торгово-промышленного мира Москвы — В. П. Рябушинский, Савва Морозов, Сабашников и др. [1] После закрытия съезда организационное бюро, считая, что положения, установленные ноябрьским съездом, надо внедрить в сознание общества, повело соответствующую агитацию.

«В кругу солидных московских буржуа, — докладывал Муромцев организационному бюро, — разъяснения строятся на той мысли, что политическая реформа необходима в интересах подъема подорванного авторитета самой государственной власти». [2] На собрании кружка либеральных гласных московской городской думы решено было провести через думу особое заявление политического характера. Действительно, 30 ноября 1904 г. московская городская дума единогласно приняла постановление о необходимости «твердого установления начала законности» и «создания законов при постоянном участии выборных от населения». [3] Это была первая ласточка политического пробуждения «отцов города». Как мы видим, начальные шаги своего политического воспитания они совершали под руководством земских деятелей, как обладавших уже известным стажем политической деятельности.

Осенью 1904 г. развернулась банкетная кампания, в которой главное участие принимает буржуазная интеллигенция. В заявлениях, под которыми собирались подписи на банкетах, глухо говорилось о необходимости конституционных гарантий, об участии в законодательстве страны народных представителей. 20 ноября по указанию центрального бюро «Союза освобождения» во многих крупных городах были устроены банкеты по поводу сорокалетия судебных уставов. Выступления ораторов и принятые на этих банкетах резолюции отличались весьма умеренным тоном и, как правило, не поднимались над уровнем решений ноябрьского земского съезда. [4]

---

[1] Центральный архив революции (ЦАР), фонд моск. охр. отд., 1904, д. № 471, л. 21.

[2] ГАФКЭ, фонд «Земцы», л. 165.

[3] ЦАР, фонд моск. охр. отд., 1905, д. № 316, лл. 45—46.

[4] Вот как описывает либеральный банкет, устроенный в Самаре, освобожденец Д. Протопопов: «Сперва молчали. «Мы все едим, да молчим», — заговорил наконец управляющий банком М., — взывая к ораторам. Начались речи, в общем очень умеренные. Адвокат Г., например, высказал пожелание о восстановлении судебных уставов в их первоначальной чистоте. Я предложил подписаться под заранее заготовленным

23 ноября 1904 г. Святополк-Мирский представил царю доклад, в котором, повторив свои обычные рассуждения о необходимости для правительства считаться с общественным мнением, высказался за осуществление ряда либеральных реформ и в том числе за допущение населения к участию в законосовещательной деятельности путем включения в Государственный совет представителей от губернских земских собраний и городских дум.

Для обсуждения этих предположений Мирского у царя состоялось совещание министров. В то время как твердолобые крепостники во главе с Победоносцевым ратовали за продолжение прежней реакционной политики, либеральные сановники предлагали в целях раздробления освободительного движения итти навстречу «умеренной и благоразумной» части общества. Министр финансов Коковцов защищал необходимость некоторых уступок либеральной буржуазии, между прочим, ссылкой на то, что при сохранении реакционного курса царизм теряет доверие в финансовых кругах за границей, а это обстоятельство при неблагоприятном ходе войны может привести к полному расстройству финансов страны.

Плодом этого совещания явился указ от 12 декабря 1904 г., обещавший в крайне расплывчатых выражениях постепенное уравнение крестьян в правах с другими сословиями, введение государственного страхования рабочих, расширение компетенции земских и городских учреждений, некоторое ограничение исключительных законов, пересмотр законодательства о раскольниках и евреях и устранение излишних стеснений печати.

В царском указе нарочито подчеркивалось, что все эти преобразования должны быть осуществлены при непременном сохранении незыблемости самодержавия. Из проекта указа царем вычеркнут был даже пункт о привлечении общественных деятелей в Государственный совет.

Чтобы не оставить и тени сомнений в отрицательном отношении царизма к конституционным домогательствам либералов, одновременно с указом 12 декабря было опубликовано правительственное сообщение, в котором земским и городским учреждениям запрещалось касаться вопросов о политических реформах, как выходящих из пределов предоставленных их ведению предметов.

Тем не менее, несмотря на лицемерие самодержавия и ничтожность обещанных им уступок, либералы в своем неискоренимом холопстве готовы были видеть в царском указе 12 декабря «полный разрыв со всей политикой последних десятилетий». [1]

заявлением с требованием свобод и народного представительства. Начали подписывать заявление и собирать открыто на «Освобождение» («Русская мысль», 1907, № 11, стр. 23).

[1] «Освобождение», 15/2 янв. 1905, № 63, стр. 217.

8. Отношение большевиков и меньшевиков к либералам

Отличие революции 1905 года от западноевропейских революций XVII—XIX вв. состоит в том, что «...буржуазная революция развернулась в России при более развитых условиях классовой борьбы, чем на Западе...» [1] В царской России, вступившей в эпоху империализма, велись две социальных войны: одна — общенародная борьба против царизма и помещиков-крепостников за демократию, другая — борьба пролетариата с буржуазией за социализм. Этим объясняется и своеобразная расстановка классовых сил в 1905 г. Буржуазия не была и не могла стать движущей силой революции, ибо она была запугана революционностью пролетариата, который выступал как передовой борец за политическое раскрепощение страны, стремясь возглавить революционное движение всех демократических элементов города и деревни и оттереть буржуазию от руководства революцией.

Как ставился вопрос об отношении к либералам в РСДРП?

В 1895—1901—1902 гг., когда у либералов не было ни своего органа, ни нелегальной организации, революционная социал-демократия помогала политическому развитию либералов, «будила» их, занималась «встряхиванием» и «расшевеливанием» их оппозиционного духа, толкала их на путь протеста и политических обличений царско-полицейского произвола. В то время старая «Искра» вела атаку против узости экономистов, которые «... доходили до прямого отрицания буржуазной демократии в России, до игнорирования задач воздействия пролетариата на оппозиционные слои общества и в то же время, суживая размах политической борьбы пролетариата, они, сознательно или бессознательно, предоставляли политически-руководящую роль либеральным элементам общества, отводя рабочим «экономическую борьбу с хозяевами и с правительством». [2]

С появлением «Освобождения», когда либералы выступили с самостоятельным органом и с особой политической программой, задача воздействия пролетариата на либералов изменилась. Как пишет Ленин, теперь революционная социал-демократия «... должна была поставить во главу угла революционную критику той половинчатости, которая ясно обнаружилась в политической позиции либерализма. Наше воздействие на либеральные слои приняло форму постоянных указаний на непоследовательность и недостаточность политического протеста гг. либералов (достаточно сослаться на «Зарю», критиковавшую предисловие г. Струве к записке Витте, и на многочисленные статьи «Искры»)». [3]

Статья Ленина «Гонители земства и аннибалы либерализма» была написана по поводу предисловия Струве к записке Витте, направленной против проекта министра внутренних дел Горе-

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 38.
[2] Ленин, т. VII, стр. 5.
[3] Там же, стр. 6.

мыкина о введении земства в западных губерниях. В этом предисловии Струве выдвигал умереннейший лозунг: «Права и властное земство». В своей статье Ленин с непревзойденной глубиной и гениальной прозорливостью вскрыл стремление либералов к сделке с царизмом против революции на базе частичного удовлетворения политических притязаний буржуазии. Обсуждение статьи Ленина в редакции «Искры» вызвало разногласие по вопросу об отношении революционной социал-демократии к либералам. Плеханов, Аксельрод и Засулич выступили против беспощадного разоблачения Лениным контрреволюционных тенденций либеральной оппозиции и требовали от него смягчения тона статьи и устранения ряда резких формулировок.

На II съезде РСДРП по вопросу об отношении к либералам Плеханов, поддержанный Лениным, внес резолюцию, в которой подчеркивался «антиреволюционный и противопролетарский характер «Освобождения» и ставилась перед социал-демократией задача «разоблачать перед пролетариатом ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии всюду, где бы ни проявились эта ограниченность и недостаточность».

Диаметрально противоположную тактику по отношению к либералам выдвигали меньшевики. Предстоящая революция — буржуазная, — утверждали они, — поэтому гегемония в революции может принадлежать только буржуазии. Крестьянство, в силу своей мелкобуржуазной природы, реакционно. Пролетариат должен итти за либеральной буржуазией, как вождем революции. Меньшевики проповедывали тактику соглашения с либералами, подчинения рабочего класса буржуазному влиянию и предоставления буржуазии руководящей роли в надвигающейся революции. Еще на II съезде РСДРП меньшевик Старовер (Потресов) внес резолюцию о «временных соглашениях с либералами», в которой защищал необходимость поддержки земского движения. Осенью 1904 г. меньшевистская «Искра» выступила с так называемым «планом земской кампании».

В чем заключалась сущность этого плана? По мнению меньшевиков, накануне 1905 г. «политическая сцена» была «заполнена тяжбой между организованной буржуазией и бюрократией». Центральным фокусом борьбы против самодержавия меньшевики считали выступления земских собраний с конституционными адресами, банкеты и тому подобные проявления буржуазной оппозиции. Рабочий класс должен был, по плану меньшевиков, ограничить свою роль поддержкой ходатайств, с которыми либеральные земцы обращались к царю. Эта поддержка мыслилась меньшевиками в виде устройства перед зданиями земских собраний народных манифестаций. Делегация от манифестантов выступает на собрании земцев с заверениями, что рабочие охотно будут таскать каштаны из огня для либералов. Распространяя в народе иллюзию о возможности присоединения земской оппозиции к требованиям пролетариата, то есть

о возможности перехода либеральной буржуазии на точку зрения революционного пролетариата, меньшевики хотели вызвать доверие к земству со стороны широких масс, окружить его ореолом защитника народных интересов и дать таким образом либеральным земцам моральное право выступать от имени народа.

Партия большевиков с самого начала повела беспощадную борьбу против меньшевистского «плана земской кампании». Ленин указывал, что своим заявлением, будто на арене политического движения в России только две главные силы — самодержавие и либералы, меньшевики разоблачали свое неверие в силы пролетариата, в его способность к самостоятельной политической борьбе. Бичуя попытку меньшевиков изобразить земцев «друзьями народа», Ленин указывал, что либералы «... боятся революционно-социалистических целей «крайних» партий, они боятся уличных листков, этих первых ласточек революционной самодеятельности пролетариата, который не остановится, не сложит оружия, пока не свергнет господства буржуазии». [1] Большевики разоблачали перед лицом широких масс сокровенный замысел меньшевиков: заигрыванием с земской оппозицией отвлечь рабочих от прямого натиска на самодержавие, от подготовки вооруженного восстания в союзе с крестьянством.

Благодаря настойчивой, непримиримо последовательной борьбе большевиков инсценировка меньшевиками народных манифестаций в честь либеральных земцев потерпела полное фиаско. Сами меньшевики вынуждены были впоследствии признать, что «пролетариат в лице широкой рабочей массы никакого участия в этой земской кампании не принял, а дело свелось только к появлению на либеральных банкетах социал-демократов интеллигентов и небольших кучек передовых [?! — *Е. Ч.*] рабочих. Своими «выступлениями» эти кучки социал-демократов вносили много возбуждения и раздражения в либеральные круги, но никакого серьезного действия в смысле давления на правительство или либералов эти выступления произвести не могли». [2]

9. Либералы и эсеры

Если меньшевики выполняли функции буржуазной агентуры внутри рабочего движения, то в деревне проводником либерального влияния стала возникшая в 1902 г. из обломков старых народовольческих кружков партия социалистов-революционеров.

Вскоре после образования партии эсеров Ленин в «Искре» разоблачил всю шаткость, непрочность и беспринципность эсеровского «революционаризма». По выражению Ленина, весь

---

[1] Ленин, т. VII, стр. 8.
[2] Череванин, Пролетариат в революции, М., 1907, стр. 21.

идейный багаж эсеров «состоит из лохмотьев народничества и нарядных заплат модной критики» [1] [«модной критики» марксизма, т. е. ревизионизма]. Обратив внимание на облачение оппортунистической сущности эсеровских взглядов несуразно «левой» фразой, Ленин назвал их «революционными авантюристами». Политический авантюризм эсеров очень ярко проявился в оценке эсерами характера русской революции и в отношении их к буржуазии.

Эсеры отрицали, что надвигающаяся в Россию революция будет буржуазной революцией. Полемизируя по этому вопросу с «Искрой», эсеровские «теоретики» утверждали, что еще в период реформ 60-х гг. царская Россия превратилась в буржуазную монархию. Россия «избежала фазы буржуазной революции, как революции снизу. Абсолютизм предупредил ее, совершив эту революцию сверху». [2] Грядущая революция будет не буржуазная, а «социальная» (?). Низвергая самодержавие, народ должен снести не только остатки крепостничества, но заодно и «нынешнее почти неограниченное господство буржуазии в нашей родине». [3] Смешивая требования программы-минимум с программой максимум, эсеры демагогически выдвигали в качестве ближайшей задачи предстоящей революции «социализацию всех устоев народной жизни». В прокламации «Крестьянского союза партии социалистов-революционеров», опубликованной без всяких возражений в центральном органе партии, говорилось буквально следующее: «Мы силой отнимем всю землю у помещиков и передадим в руки всех крестьян... Долой всех фабрикантов и заводчиков! Отнимем все фабрики и заводы и передадим их в руки рабочего народа». [4]

Если российская буржуазия, с точки зрения эсеров, не была политически обездоленной, а, напротив, в результате реформ 60-х гг. стала господствующим классом, то естественно, что ни о каком участии ее в освободительном движении не могло быть и речи. Эсеры не жалели красок, чтобы заклеймить реакционность крупной буржуазии. «Нам не к чему компрометировать себя союзами с буржуазией, — горделиво заявляла «Революционная Россия». «Все наши усилия должны быть направлены к тому, чтобы в решительный момент буржуазия не торжествовала, а трепетала так же, как будут трепетать все другие прихвостни самодержавия». [5]

Однако как только эсеры от расплывчатой декламации о буржуазии в о о б щ е переходят к характеристике ее п о л и т и ч е с к и х представителей-либералов, с ними происходит изумительная перемена. Они решительно не согласны с «Искрой», что либеральное «Освобождение» — «классовое буржуазное издание». По их мнению, либеральная оппозиция охва-

[1] Ленин, т. V, стр. 158.
[2] «Революционная Россия», 1902, № 9, стр. 4.
[3] Там же, № 8, стр. 4.
[4] Там же, 1903, № 32, стр. 7.
[5] Там же, 1903, № 33, стр. 2.

тывает лишь «промежуточные в классовом отношении элементы образованного общества». Эти элементы объединяются «не во имя их классовых интересов, а во имя лежащих на интеллигенции обязанностях прийти на помощь угнетенному народу». Приукрашивая истинную физиономию освобожденцев, «Революционная Россия» заявляла, что они «не враждебны социализму, они просто плохо в него верят... Но программу-минимум социалистической партии они не прочь взять целиком... Эти элементы не прочь и от борьбы...» [1] и т. д. Отсюда эсеры делали вывод, что «взаимная помощь и поддержка» эсеров и либералов «возможна, уместна и желательна». [2]

Заигрывание эсеров с либералами встречало сочувственный отклик со стороны последних. Отрицание эсерами «догм» марксизма, особенно идеи диктатуры пролетариата, стремление затушевать классовую противоположность между пролетариатом и мелким хозяйчиком, неверие в массовое движение, изображение либералов как «активных борцов за дело политического освобождения», — вся эта мешанина из народнических предрассудков и бернштейнианской «критики» Маркса, составлявшая идейный багаж партии эсеров, была очень наруку либеральной буржуазии, ибо облегчала ей идейное и политическое подчинение своему влиянию народных масс. Разглагольствования эсеров о «немедленном социальном перевороте» ни мало не смущали либералов, так как они отлично понимали, что это — лишь словесный маскарад, прикрывающий буржуазную сущность эсеров.

Не внушал либералам опасений и основной метод борьбы эсеров — индивидуальный террор. Дело в том, что эсеры вовсе не стремились к низвержению монархии. Своим «бомбометанием» эсеры хотели только застращать царизм, чтобы добиться от него конституции. Так, в листовке, выпущенной эсерами после убийства министра внутренних дел Сипягина, говорилось: «Занимается заря великой борьбы, грозящей ужасами и бедствиями наполнить всю страну... Предотвратить ее возможно только одним — предоставить народу мирным и культурным способом сдерживать произвол представителей власти». Ясно, что террористическими актами эсеры в сущности стремились произвести только психологическое давление на власть. Но ведь эту же задачу ставили перед собой и либералы, когда они запугивали самодержавие «ужасами» народной революции, если оно во-время не одумается и не возьмет более либеральный курс. Правда, сами либералы не бросали бомб, они облекали свои требования в форму всеподданнейших адресов и петиций, но пострашать царских министров эсеровскими бомбами и браунингами они были не прочь. Накануне революции 1905 года большой популярностью пользовалась каррикатура, изображающая «различие» между либералами и эсерами:

---

[1] «Революционная Россия», 1903, № 33, стр. 2.
[2] Там же, 1902, № 9, стр. 5.

Эсер (обращаясь к правительству): Не уступите, — я брошу бомбу.

Либерал: Не уступите, — он бросит бомбу.

При подобном родстве исходных позиций неудивительно, что либералы и эсеры быстро пришли к мысли об объединении своих действий. Осенью 1904 г. в Париже состоялась межпартийная конференция «оппозиционно-революционных организаций российского государства», которая должна была, по словам ее инициаторов, выработать способы «согласованных действий различных борющихся против самодержавия сил». Ввиду отказа принять участие в этой конференции РСДРП и социал-демократии Польши и Литвы, она составилась из представителей либеральной оппозиции («Союз освобождения»), партии социалистов-революционеров и буржуазных националистических партий (финляндская партия активного сопротивления, грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров, армянская революционная федерация, польская национальная лига, ППС и латышский с.-д. союз). От имени конференции была опубликована декларация с изложением основных принципов и требований, которые были признаны всеми ее участниками. Эти требования являются неудовлетворительными даже с точки зрения буржуазной демократии. Декларация умалчивала об Учредительном собрании и о республике. В ней глухо говорилось лишь о «замене самодержавного строя демократическим режимом». Не была дана в этой декларации и полная формула демократического избирательного права. Эсеровские «максималисты» при первом соприкосновении с действительностью разоблачали себя как буржуазных «штопальщиков» существующего строя. Мы увидим, что на всех решающих поворотах революции 1905—1907 гг. эсеры выступают как оруженосцы либеральной буржуазии.

10. Отношение либералов к русско-японской войне

Русско-японская война была одним из эпизодов борьбы империалистических государств за безраздельное господство в Китае. Захват Маньчжурии, послужившей яблоком раздора между императорской Россией и Японией, был не только в интересах царизма и полукрепостнического дворянства, стремившихся путем покорения новых народов расширить сферу своего «военно-феодального» грабежа и использовать победоносную внешнюю войну как «отвлекающее средство» против внутренней революционной опасности, но и в интересах российской империалистической буржуазии, которая мечтала о новых рынках для русской промышленности и о выгодных железнодорожных и промышленных концессиях в странах Дальнего Востока.

С объявлением войны «Освобождение» не замедлило излить свои патриотические чувства, заявляя, что «русское обществен-

ное мнение не безучастно к войне и не держит себя стороной». [1] 11 февраля 1904 г. Струве выпустил листок, в котором призывал студенческую молодежь принять активное участие в лжепатриотических манифестациях, устраиваемых царскими властями из переодетых городовых, сыщиков и дворников. В воззвании «К русскому обществу» от съезда земцев-конституционалистов говорилось, что «сражаться за Россию является теперь уже национальным делом». [2] Ярославское, московское, саратовское, харьковское и многие другие земства выступили с верноподданическими адресами и жертвовали миллионные суммы на военные расходы «по непосредственному усмотрению государя».

Но как быть с оппозиционными выступлениями во время войны? На этот счет в либеральных кругах, группировавшихся вокруг «Освобождения», не было единодушия. Радикальное крыло «Союза освобождения» предлагало использовать «энергию патриотического подъема в целях грозного усиления оппозиционной борьбы». [3] Наоборот, правый фланг либеральной оппозиции настаивал на безоговорочном примирении с самодержавием. [4]

Редактор «Освобождения», по обыкновению, виляет. Правда, он что-то невнятно бормочет о необходимости «слить здоровое патриотическое чувство с освободительными стремлениями», но в то же время заявляет, что «действовать после начала войны теми же приемами, как до войны, невозможно». [5] Вместе с тем, Струве начинает торговать своей лойяльностью, обещая активную поддержку правительству, если последнее теперь же, во время войны, созовет земский собор.

По мере того как непрерывные поражения царизма на суше и на море с поразительной ясностью обнажали внутреннюю гниль самодержавного колосса, происходило освобождение либералов от шовинистического угара и раболепия, объявших их в первые дни войны.

После отступления Куропаткина из Ляояна в либеральном еженедельнике «Право» появилась статья Евг. Трубецкого под заглавием «Война и бюрократия». В этой статье самодержавие объявлялось единственным виновником неудач русского оружия. Автор статьи еще верит в успешный исход войны, он величает Куропаткина «надеждой России» и полагает, что он может победить и победит. Но, по убеждению Трубецкого, чтобы одолеть грозного внешнего врага, правящие круги должны

---

[1] «Освобождение», 1904, № 43, стр. 331.
[2] Там же, 1904, № 46, стр. 407.
[3] Там же, 1904, № 46, стр. 398.
[4] «Вопрос о водворении в нашей стране политической свободы, первостепенный и неотложный вопрос мирного времени, должен в настоящий момент отойти на второй план. На первом плане должно стоять достижение Россией победы над внешними врагами, не разбирая того, какая у нас форма правления — самодержавная или конституционная» («Освобождение», 1904, № 46, Письмо к редактору, стр. 400).
[5] «Освобождение», 1904, № 43, стр. 332.

поспешить с претворением в действительность слов Святополк-Мирского о необходимом доверии правительства к обществу. Бюрократия «должна пропитаться общественным духом и подчинять свою деятельность общественным целям. Она должна стать доступною общественному контролю и править с обществом, а не вопреки обществу. Она должна быть не владыкою над безгласным стадом, а орудием престола, опирающегося на общество». [1]

Под впечатлением неудач царской армии, защищавшей подступы к Порт-Артуру, Струве выступил с требованием разрыва перемирия и возобновления оппозиционной борьбы против самодержавия. В № 61 «Освобождения» он предлагает добиться немедленного созыва всероссийского земского собора для решения вопросов о немедленном прекращении войны и «упразднении» самодержавного режима.

Падение Порт-Артура произвело на буржуазию впечатление потрясающей катастрофы. Либералы с горечью увидели полнейшую несостоятельность самодержавия в наиболее близкой ему — в о е н н о й специальности. Померкли надежды российской буржуазии использовать «военно-феодальный империализм», как таран для осуществления своих агрессивных планов в области внешней политики. Самодержавие перестало быть в глазах буржуазии и защитным валом от революции, ибо капитуляция Порт-Артура в гигантской мере ускорила революционный взрыв внутри страны. Вот почему либеральная буржуазия все настойчивее выступает с требованием политических уступок и заключения мира хотя бы ценой ухода из Манчжурии.

Военный крах царизма вызвал сильнейшее беспокойство и в лагере европейской буржуазии. Консервативную буржуазию Европы начинают терзать сомнения в прочности царского режима. Осязательно близкой стала перспектива гибели самодержавия,что грозило бы усилением боевого духа европейского пролетариата. Наконец, пошатнулось доверие к платежеспособности России. Иностранные кредиторы выступают с предостережением, что при сохранении прежнего реакционного курса и продолжении войны царскому правительству нечего рассчитывать на заключение новых займов за границей. Изверившись в самодержавие, иностранная буржуазная печать начинает отстаивать мысль о необходимости некоторого обновления царской монархии.

«Россия, — писал английский полуофициоз «Таймс» 13/26 января 1905 г., — без сомнения, является страной «великого будущего», но возникает вопрос, насколько великая будущность может быть достигнута при существующем самодержавном режиме, который оказался непригодным даже в том отношении, в котором самодержавный строй действительно имеет преимущество перед конституционным, а именно — для войны.

[1] «Право», 1904, № 39, стр. 1875.

И разве не вполне очевидно, что экономическое расстройство страны, которое и без того уже было довольно серьезно, значительно усилилось за время нынешней войны, и что до тех пор, пока Россия не выработает более совершенных форм администрации, давать дальнейшие ссуды русскому правительству было бы крайне неблагоразумно».

Итак, отношение либералов к русско-японской войне можно сжато изобразить следующим образом: в начале войны — взрыв шовинистических чувств, свертывание оппозиционных знамен и установление фактического перемирия с царизмом; после военных поражений — требование заключения мира и политических реформ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

9 ЯНВАРЯ И БУРЖУАЗНОЕ ОППОЗИЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ

ГЛАВА 3

ЯНВАРСКИЕ СОБЫТИЯ И ПЕТИЦИОННАЯ КАМПАНИЯ БУРЖУАЗИИ

1. Отклики либералов на 9 января

Январское кровавое воскресенье застало либералов врасплох. Правда, они предчувствовали появление «зловещих призраков» народной революции, но они представляли ее себе в форме стихийных бунтов и мятежей и никак не ожидали встретиться с таким размахом и революционным энтузиазмом, которые проявил пролетариат в январские дни. За несколько дней до «Кровавого воскресенья» редактор «Освобождения» писал: «Революционного народа в России еще нет... Русский рабочий культурно отстал, забит и еще недостаточно подготовлен к организованной общественной политической борьбе». [1] Струве рекомендовал либералам воспользоваться тем, что пролетариат еще «не развращен» социалистической агитацией, и ввести в программу своей деятельности создание профессиональных рабочих организаций по типу английских тред-юнионов.

Когда осенью 1904 г. Гапон занялся новой «усовершенствованной» организацией зубатовщины среди питерских рабочих, члены «Союза освобождения» не преминули войти с ним в сношения, пытаясь внедрить через его посредство в рабочую массу либеральные лозунги. По словам Белоконского, «мысль... освобожденцев состояла в том, чтобы предложить рабочим принять во всех гапоновских «отделах» приблизительно те же резолюции, которые тогда принимали везде на банкетах». [2]

Несомненно, что сам Гапон находился под известным влиянием освобожденцев; мысль о подаче царю петиции была заимствована им у освобожденцев, которые как раз в это время развертывали свою петиционную кампанию; в составлении петиции принимали участие освобожденцы Прокопович и Кускова.

Но перед лицом надвинувшихся событий либералы проявили полную растерянность. Ни о каком активном вмешательстве в ход событий они и не помышляли. Либеральная

---

[1] «Освобождение», 15/2 января 1905, № 63, стр. 221.
[2] Белоконский, Земское движение, 1914, стр. 211.

интеллигенция устраивала совещания в редакциях газет, где читали петицию рабочих, письма Гапона к Святополк-Мирскому и пр. 8 января у Витте и Святополк-Мирского побывала депутация литераторов с просьбой принять меры против возможного побоища. Этим и ограничились шаги, предпринятые либералами перед 9 января. Под непосредственным впечатлением кровавых событий 9 января либералами овладела паника. По рассказу одного делегата на III съезде РСДРП, вечером 9 января в зале Вольно-экономического общества собралось 800—1000 чел. петербургской интеллигенции, чтобы обсудить вопрос «как быть, что делать». На это собрание явилась депутация рабочих Нарвского района. Один из либеральных вожаков, будущий «беззаглавец» Прокопович, обратился к рабочим с «советом»: «Главное, не бейте стекол, пожалуйста, не бейте стекол». [1]

9 января вызвало некоторое оживление либеральной оппозиции. Московской группой «Союза освобождения» по поводу январских событий был издан ряд листков («К офицерам русского войска, не принимавшим участия в бойне 9 января», «Обращение о. Гапона к войскам» и др.), в которых освобожденцы прокламируют свою солидарность с требованиями рабочих и обращаются ко «всем живым силам русского общества» с призывом (выраженным, правда, в очень абстрактной форме) «прийти на помощь рабочим, вставшим на борьбу за общее дело». [2] При этом они пытаются заработать себе политический капитал, изображая январские события как отголосок земского движения.

Январские события совпали во времени с очередной сессией губернских земских собраний, которые под влиянием известий о петербургских событиях дали известный крен влево. По подсчетам Веселовского, за исключением курского и симбирского собраний, в постановлениях всех остальных собраний была выражена — правда, весьма расплывчато, мысль о созыве народного представительства. [3] Ряд собраний объявил «забастовку», заявив, как это сделало саратовское собрание, что они могут приступить к своим обычным занятиям лишь тогда, когда им будет предоставлена возможность спокойно обсудить общие вопросы, выдвинутые насущными потребностями жизни. В костромском собрании гласный Сафонов, указав, что «Россия находится накануне величайшей катастрофы, пролог которой совершился в столице», обратился к собранию с призывом стать на путь «откровенного выражения правительству о наболевших нуждах». Но тут же, — и это очень характерно для либеральной линии поведения в революции, — земец спешит отвести от себя подозрение в крамоле, подчеркивая, что голос земства должен прозвучать перед лицом правительства «не

---

[1] Протоколы III съезда РСДРП, 1937, стр. 390.
[2] ЦАР, фонд деп. пол., 1905, д. № 5, ч. 2, л. А.
[3] Веселовский, История земства, СПб., 1911, т. IV, стр. 611.

голосом врага и изменника, не кучкой злонамеренных людей, а голосом искреннего друга». [1]

Наиболее либеральное постановление вынесло саратовское губернское собрание, которое высказалось за созыв народного представительства на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Прения, которые происходили по этому поводу в собрании, рельефно обнажают действительную подоплеку либерализма саратовских земцев. Когда был внесен в собрание проект адреса, в котором говорилось о всеобщем избирательном праве, то один из гласных, напуганный упорной стачечной борьбой рабочих (в Саратове в эти дни происходила всеобщая забастовка), запротестовал было: «Как же с этим так решать? Ведь они громят фабрики». [2] Но его успокоил Н. Львов, указав, что народное представительство необходимо по той именно причине, чтобы «поднять нравственное значение верховной власти и создать сильную монархическую власть». [3]

Аналогичная картина наблюдалась и в других местах. «Воронежское собрание,— вспоминает Будберг,— было 12 января 1905 г., т. е. тотчас за кровавыми событиями в Петербурге 9 января; эти события сильно взволновали земское собрание и в значительной степени помогли провести адрес». [4]

2. Либеральные записки промышленников

Революция 1905 года, будучи по своему общественно-экономическому содержанию буржуазной, «...была вместе с тем и пролетарской, не только в том смысле, что пролетариат был руководящей силой, авангардом движения, но и в том смысле, что специфически пролетарское средство борьбы, именно стачка, представляло главное средство раскачивания масс и наиболее характерное явление в волнообразном нарастании решающих событий». [5] 9 января, ставшее началом первой русской революции, подняло невиданную ни в одной стране мира волну массовых стачек, которая с молниеносной быстротой распространилась из Петербурга по всем промышленным районам страны. 23 января началась всеобщая забастовка в Москве, 24 января — в Ярославле, Ковно и Вильно, 25-го — в Риге, Ревеле, Саратове, Киеве, Минске, 26-го — в Тифлисе, 27-го — в Варшаве, Лодзи, Белостоке, 28-го — в Брянске, 30-го — в Батуме, Екатеринославе и Харькове. В течение одного месяца, в январе 1905 г. бастовало 440 тысяч человек, т. е. больше чем за целое десятилетие перед революцией (430 тысяч)! Массовые рабочие стачки сопровождались митингами, политическими демонстрациями и кровавыми столкновениями рабочих

---

[1] Там же, стр. 607.
[2] Земства и полит. свобода. Журналы комиссии собрания саратовского губ. земства, Париж, 1905, стр. 16.
[3] Там же, стр. 26.
[4] «Минувшие годы», 1908, № 1, стр. 221.
[5] Ленин, т. XIX, стр. 345.

с полицией и войсками. Мощный боевой клич: «Долой самодержавие! Да здравствует революция!» — перекатывался по всей стране. Пролетариат вступал в революцию 1905 года, как передовой боец и основная сила в борьбе за политическое раскрепощение России.

Отличительной чертой стачечной волны в 1905 г. было соединение экономической и политической форм движения. Экономические и политические стачки то перемежались друг с другом, то сливались в одно неразрывное целое. Рабочие сплачивали свои ряды против общих врагов — «ненасытных капиталистов и их защитника, царского правительства», как говорилось в одной революционной прокламации. В январе было 121 тысяча политических и 321 тысяча экономических стачечников.

В тесной связи обоих видов стачки Ленин видел не слабость движения, как утверждали меньшевики,[1] а, наоборот, — источник его силы. «...только самая тесная связь этих двух форм стачек гарантировала большую силу движения. Широкие массы эксплуатируемых нельзя было бы никоим образом вовлечь в революционное движение, если бы эти массы не видели перед собою ежедневно примеров, как наемные рабочие различных отраслей промышленности принуждали капиталистов к непосредственному, немедленному улучшению своего положения. Благодаря этой борьбе новый дух повеял во всей массе русского народа... Только экономическая борьба, только борьба за немедленное, непосредственное улучшение своего положения способна встряхнуть отсталые слои эксплуатируемой массы, дает им действительное воспитание и превращает их — в революционную эпоху — в течение немногих месяцев в армию политических борцов».[2]

Необычайная сила натиска рабочего движения, который царизм и буржуазия не в состоянии были подавить своими «испытанными» средствами (расстрелы, высылки, закрытие заводов с последующей «сортировкой» рабочих и пр.), вызвала впервые на оппозиционную арену представителей крупного капитала. Поводом для их оппозиционных выступлений послужила очередная попытка правительства в рабочем вопросе подсластить политику кровавых репрессий незначительными экономическими уступками.

«Кровавое воскресенье» несомненно было гранью, за которой даже твердокаменные представители старого режима начинают усваивать всю нелепость идеи «царистской рабочей партии».

Но усомнившись в «полицейском социализме», самодержавие не отказалось от своего стремления путем крохотных экономических уступок отвлечь рабочих от революционной пропаганды. Рабочие выступления комитет министров объяснил

---

[1] Меньшевики, в том числе Троцкий, считали, что экономические стачки, борьба рабочих с капиталом, отпугнет от революции буржуазию и тем ослабит ее размах.

[2] Ленин, т. XIX, стр. 347, 348.

«задержкой в развитии нашего фабричного законодательства», вследствие чего «рабочее наше движение, не будучи удерживаемо в течении своем определенными рамками положительного закона, уклонилось от свойственного ему пути экономического характера и подпало под влияние политической агитации и полицейского воздействия».

В соответствии с этими соображениями министерство финансов устроило совещание промышленников различных районов, на котором Коковцов поставил в известность фабрикантов, что правительство вступило на путь реформ в области фабричного законодательства. Но пока реформы осуществятся, — заявил министр, — промышленникам надо обсудить, «какие домашние средства уврачевания частных нужд заводской жизни возможно применить теперь же, не теряя ни минуты». «Если фабриканты не отзовутся на зов общества, — пугал он собравшихся толстосумов, — оно в праве будет укорять их в нежелании помочь умиротворению рабочего класса, облегчить его нужды и устранить повод к бурно проявившемуся неудовольствию». [1]

Однако фабриканты отнеслись весьма сдержанно к обращению министра. Выступивший от имени промышленников директор Путиловского завода Смирнов заявил, что «частичные уступки ни к чему не ведут, только раздражают рабочих соседних заводов, не сделавших этих уступок, и побуждают вообще всех добиваться все большего и неисполнимого». Не решаясь прямо отвергнуть предложение министра, он выдвинул компромиссное предложение: «Промышленники должны собраться по отдельным группам производств, решить, что они могут сделать теперь же, и затем не отступать от этого ни на пяту до разрешения вопроса в законодательном порядке». [2] Это предложение и было принято, но когда промышленники стали собираться по отдельным группам производства, то выяснилось, что «ни одной общей меры в удовлетворении требований рабочих не может быть принято». Фабриканты стойко держались директивы, разосланной петербургским обществом фабрикантов и заводчиков о том, что «всякая уступчивость под гнетом стачек порождает новые требования, границ которым нет». [3]

Такую же непримиримую линию поведения по отношению к экономическим требованиям рабочих заняли и промышленники других районов. Иваново-вознесенский фабрикант И. Дербенев в письме из Москвы от 13 января сообщал, что собрание московских фабрикантов осталось очень недовольно уступками, сделанными рабочим со стороны отдельных фабрикантов. Несмотря на прорыв «единого фронта», московские промышленники «все-таки решили всеми мерами удержаться от уступок».

[1] Центральный архив Октябрьской революции (ЦАОР), фонд СПб. о-ва ф. и з., д. № 130, л. 92.
[2] Там же, л. 103.
[3] Там же, д. № 136, л. 4.

Опасаясь, что в их собственной среде могут оказаться новые «штрейкбрехеры», они решили просить старшего фабричного инспектора «объединить как фабрикантов, так и инспекторов в твердом уклонении от всяких уступок». Озабоченные вопросом, как организоваться для отпора рабочим, промышленники решили «раздобыться сведениями о союзах за границей». [1] Вместе с тем, москвичи налаживают контакт с петербуржцами, чтобы установить общую линию поведения в рабочем вопросе.

В ответ на попытку правительства внести умиротворение в рабочую среду посредством одних только экономических уступок, промышленники различных районов выступили с пространными записками, в которых раздались необычные дотоле для промышленников оппозиционные нотки. Инициатива в этом отношении принадлежала москвичам: 27 января они выступили с запиской, основные положения которой с различными вариациями повторялись затем и в записках промышленников других районов.

В своих записках промышленники с нескрываемым возмущением говорят о «зажигательной» работе бюрократии по объединению рабочих в союзы. «Рабочие, — плачутся московские фабриканты, уверенные во всесильности своих покровителей, — заявляли самые несуразные и противозаконные требования, отказываясь в то же время от исполнения принятых на себя обязательств... Опека администраторов-бюрократов над рабочим вопросом привела к полнейшей деморализации рабочих масс, к поселению раздора между самими рабочими и к обострению отношений между ними и фабрикантами». Дальше промышленники заявляют, что экономические мотивы в рабочих стачках, в сущности... только шахматный ход. Оказывается, что свои политические идеалы рабочие стремятся осуществить, за отсутствием другого пути, при помощи экономической борьбы с фабрикантами и заводчиками. «Рабочие не решаются сразу заговорить откровенно и открыто об улучшении своего правового политического положения, и вот выставляется ряд требований, относительно которых у рабочих не может быть колебаний — они убеждены, что их требования будут отвергнуты. Но в последнем и заключается весь смысл объявленной стачки; промышленники выступают перед обществом в роли железных королей, не идущих ни на какие уступки; волнения разрастаются, а затем ничего другого не остается, как добиваться политических прав, с помощью которых рабочие надеются осуществить свои заветные мечты». [2] В этих рассуждениях нетрудно заметить искусно направленный удар в самое чувствительное место самодержавия. Последнее, как известно, было склонно итти на некоторое развязывание экономической борьбы рабочих, но пуще огня боялось их политического пробуждения. А тут выходит, что стачки рабочие устраивают вовсе не для

---

[1] «1905 год в Иваново-Вознесенском районе», 1925, стр. 24.
[2] «Право», 1905, № 4, стр. 265.

борьбы с хозяевами, а единственно с целью сокрушения самодержавия.

Полемизируя с официозной версией о причинах рабочих волнений, записки промышленников единодушно (иногда даже в одних и тех же выражениях) считают причиной рабочих волнений исключительно общую «неустроенность» политической жизни. По заключению собрания петербургских заводчиков и фабрикантов, средством к умиротворению рабочего движения являются реформы общегосударственного значения. [1] Гораздо ясней та же мысль выражена в записке московских фабрикантов, которая считает «главнейшей причиной периодических рабочих волнений общее нестроение государственной жизни, отсутствие политических прав, отсутствие гласного заступничества перед престолом за народные интересы в лице свободно избранных представителей народа». [2] Фабриканты считают, что «при прочном правовом порядке, при равенстве всех перед законом, при неотъемлемых гарантиях неприкосновенности личности, при свободе коалиций и союзов неудовольствие рабочих могло бы вылиться в спокойные законные формы борьбы, как то наблюдается в Зап. Европе и Америке». [3]

Наряду с утверждением, что политические реформы являются единственным средством к умиротворению рабочих, через все записки промышленников красной нитью проходит мысль, что эти реформы необходимы также в интересах освобождения страны от колодок крепостнических порядков. Сильнее всего этот мотив звучит в записке уральских горнопромышленников. В этом нет ничего удивительного, если мы вспомним, что на Урале бюрократическая опека над промышленностью осложнялась прямыми пережитками крепостного права. По мнению уральских горнозаводчиков, в условиях деспотического режима даже протекционизм дает отрицательные результаты.

Если до революции промышленники редко задумывались над вопросом о тесной зависимости роста индустрии от благосостояния народных масс, то после 9 января в их записках мы неоднократно встречаем упоминание об этой связи. Слабая покупательная способность населения стала для русского промышленника «очевидным и крайне тягостным явлением особенно после того, как русская промышленность перестала быть главным образом поставщицей по казенным заказам». [4] В этих условиях среди промышленников крепнет убеждение, что «народный желудок — лучший рынок» и что «подъем благосостояния сельского населения будет лучшим покровительством для русской промышленности». Но для развития благосостояния

---

[1] «Право», 1905, № 6, стр. 433.
[2] Там же, 1905, № 4, стр. 262.
[3] Там же, стр. 261.
[4] Докладная записка конторы железозаводчиков по рабочему вопросу председателю Комитета министров от 28 января 1905 («Право», 1905, № 12, стр. 919).

деревни, по словам промышленников, «может быть только один путь: участие в законодательстве самого населения».[1]

Отличительной чертой всех записок промышленников является боязнь выйти за пределы половинчатых политических реформ. Последние ими рассматриваются прямо как какой-то талисман, как универсальная отмычка, с помощью которой можно и внести умиротворение в рабочую среду и поднять благосостояние деревни. Вопрос о социальных реформах, в частности вопрос о фабричном законодательстве и об увеличении крестьянского землевладения, в либеральных записках промышленников вовсе не фигурирует: повидимому, они рассчитывали «заговорить» и недовольство занятых в промышленности рабочих и народную нищету одними только частичными политическими уступками.

3. Акты 18 февраля и отношение к ним либеральной буржуазии

Под влиянием роста революционного движения и непрерывных военных поражений правительство приходит к убеждению о необходимости некоторого, по крайней мере, внешнего обновления самодержавного строя.

На этот шаг толкал царизм и иностранный капитал своим отказом в кредитах. По воспоминаниям Витте, «на заседании совета по вопросу о привлечении выборных к законодательству Коковцов заявил, что без такого шага будет трудно сделать заем, который является необходимым ввиду войны». Русский посол в Лондоне Бенкендорф в своем донесении от 12 февраля, сообщая, что начавшаяся в России революция внушает страх «серьезной и трезвой английской публике», писал: «Спасение здесь видят в реформах, если не конституционных, для которых, как полагают, страна не созрела, то, по крайней мере, в умеренно-представительных».

Самодержавие, не приостанавливая, а, наоборот, усиливая репрессии против революционного движения (отставка Святополк-Мирского и назначение Трепова, аресты среди избирателей и выборщиков в комиссию Шидловского, массовые высылки рабочих, подавление вооруженной силой малейших выступлений народных масс, введение военного положения в Польше, на Кавказе, в Прибалтике и пр.), организуя черные сотни, разжигая расовую и религиозную ненависть в темных элементах населения (еврейские погромы, армяно-татарская резня в Баку и т. д.), прибегает к либеральному зигзагу — издаются манифест с призывом к борьбе с крамолой, указ Сенату о праве петиций и рескрипт на имя Булыгина о разработке проекта законосовещательного «представительного» учреждения. Этим маневром царизм хотел привлечь к себе симпатии буржуазных слоев населения, чтобы при их содействии подавить революцию.

---

[1] Записка уральских горнозаводчиков («Право», 1905, № 9).

Умеренно-либеральные буржуа неоднократно подчеркивали, что они готовы сразиться с революцией, но, к сожалению, им «нет доступа на сцену». Поэтому они вынуждены стоять в стороне, «без всякого влияния на толпу», и молча наблюдать за поединком правительства с революционным народом. В этом отношении значительный интерес представляет беседа с Плеве одного из лидеров петербургских промышленников В. Белова. Последний, указывая на отсутствие со стороны правительства должного доверия к капиталистам, говорил: «Как министр внутренних дел, вы бесспорно представляете из себя большую силу, но тем не менее с крамолой, с революционным движением вам не совладать. Это не ваш враг, а наш; нас же вступить с ним в борьбу вы не допускаете. Вы говорите нам: ваше дело сидеть в партере и смотреть, что делается на сцене, на сцену же ни шагу. Мы сидим и смотрим». [1]

Обещая созыв законосовещательной думы, царизм как раз и имел в виду этим развязать несколько руки умеренно-либеральной буржуазии и использовать ее для борьбы с растущей революцией. Естественно, что крупная буржуазия реагировала благоприятно на акты 18 февраля. На следующий день после их опубликования заметно поднялись на бирже курсы ценных бумаг. Умеренно-либеральное «Слово» (впоследствии центральный орган партии октябристов) 20 февраля призывало «дружной семьей теперь сплотиться под знаменем провозглашенного с высоты престола нового принципа нашей государственности... и помочь правительству осуществить великое дело преобразования нашего государственного управления». Московское биржевое общество, съезд южных горнопромышленников, московское губернское земское собрание и тому подобные организации цензовой буржуазии наперебой спешат повергнуть к стопам «обожаемого монарха» чувства своей безграничной благодарности.

Однако вскоре на горизонте показались тучки, значительно охладившие верноподданнический пыл общественных деятелей. Дело в том, что правительство не спешило выполнить свои обещания о совместной работе с «зрелыми» силами общества. В роли полицейского диктатора страны попрежнему оставался генерал Трепов, который был принципиальным противником политики уступок. Еще 16 февраля в докладной записке царю Трепов предостерегал его от уступок «толпе и улице». «Я глубоко убежден, — писал он, — что ни сегодня, ни в ближайшем будущем никакими обещаниями не удастся достигнуть успокоения умов; так называемый третий элемент никакими уступками не удовлетворишь». [2] Трепов советовал не издавать никакого акта о послаблениях, а, наоборот, усилить еще больше правительственный террор. Министерство внутренних дел разослало губернаторам специальный циркуляр, в котором предлагало «пре-

[1] Труды о-ва для содействия промышленности и торговле, ч. 28, стр. 394.

[2] ГАФКЭ, фонд б. царскосельского дворца, д. № 536, л. 120.

секать» попытки общественных организаций обсуждать вопросы о государственном преобразовании. Многочисленные ходатайства земств, городов и организаций крупного капитала о привлечении их к разработке проекта «представительного» учреждения оставались безрезультатными.

Это явное нежелание правительства пойти навстречу домогательствам либеральной буржуазии на фоне подъема весной 1905 г. рабочего и аграрного движений (массовые рабочие стачки и демонстрации, сопровождавшиеся, как правило, вооруженными столкновениями рабочих с полицией и войсками, крестьянские выступления, охватившие в период январь-апрель 85 уездов и принявшие особенно резкие формы в Поволожье и Гурии, которая уже в марте пылала в огне всеобщего крестьянского восстания, и т. д.) не могло не увеличить оппозиционного брожения в буржуазной среде. «... недовольство, озлобление и дух пассивного сопротивления, — писал Ленин в марте 1905 г., — проникает особенно быстро в круги имущих классов, охватывает и помещиков-земцев, и торгово-промышленных капиталистов, фабрикантов, купцов и интеллигенцию вообще». [1]

Внешне рост оппозиционного движения проявляется в виде усиления петиционной кампании.

Во всех обращениях буржуазных организаций к правительству повторяется один и тот же ход мыслей: надвигаются ужасы народной анархии; правительство, утратившее доверие у своего народа, бессильно; только немедленное вступление царизма на путь политических реформ может предотвратить разлив революции. Чрезвычайно сильно этот мотив звучит в постановлении самарского биржевого общества 15 марта 1905 г. Во время прений на собрании выяснилось, что «на самарских мельницах и заводах происходит в настоящее время целый ряд забастовок, которые грозят обостриться и принять общий характер. Затем близится наступление весны, при начале которой собрание ожидает массовых беспорядков между рабочими при нагрузке и выгрузке судов. Члены общества сообщали об ожидающихся с открытием весны аграрных беспорядках... Полиция бессильна остановить народные массы. На содействие войск полагаться рискованно, так как войска, может быть, откажутся итти против рабочих и мужиков. Собрание нашло нежелательным и не достигающим цели полицейские меры к подавлению волнений среди рабочих, причины которых коренятся глубоко и охватывают весь строй русской жизни». Вслед за этим идут обычные требования политических свобод и законодательных учреждений. [2]

Оппозиционные выступления буржуазии были проникнуты страхом перед стремительным подъемом революционного дви-

---

[1] V Ленинский сборник, стр. 98.

[2] Центральный Государственный архив внутренней политики, культуры и быта в Ленинграде, фонд канцелярии совета министров, 1905, д. № 98, т. III, л. 503.

жения. «Те ужасы разгрома, — говорил на чрезвычайной сессии херсонского губернского земского собрания одесский городской голова Зеленый, — которые имели уже место в северо-западном крае, Орловской, Черниговской и Курской губерниях, не говоря о Кавказе, дают нам право открыто заявить опасение не только за производство, но и за жизнь. Правительство, потерявшее нравственный авторитет у своего народа, легко может оказаться бессильным и физически, и русская земля может сделаться ареной стихийного движения народных масс с его разрушительными последствиями, которые не поддаются никакому учету... Надо спешить, пока еще не поздно. Не исключительные меры, не «охраны» и «военные положения» выведут страну из анархии. Этого может достигнуть только быстрая преобразовательная работа при деятельном участии общественных сил». [1]

Все чаще и чаще либералы заклинают правительство «не пропустить окончательно времени» и пойти на уступки.

Оппозиционное возбуждение охватывает и представителей крупного капитала, и они от либеральных записок поднимаются на следующую ступеньку — к попытке политического объединения.

4. Попытка политического объединения торгово-промышленной буржуазии

На 10 марта, по инициативе Саввы Морозова, в Москве было созвано совещание представителей промышленности различных районов. Первоначально на этом совещании предполагалось ограничиться только «обменом мыслей по рабочему вопросу». Но под влиянием быстро развертывающихся революционных событий совещание уклонилось от намеченной программы и приобрело политическую окраску. Еще перед открытием совещания 10 марта на завтраке в «Метрополе» лидер петербургских фабрикантов Триполитов заявил, что «прежде всего внимание должно быть отдано кардинальному вопросу — представительному правлению, прочие же вопросы могут быть отложены». К нему присоединился В. Ковалевский, указав, что сначала надо провести основные реформы, а затем решать частные вопросы, как, например, рабочий. [2] Такой постановкой вопроса представители крупного капитала приблизились к позиции либеральных земцев, которые в это время тоже считали непродуктивным «зарываться» в работу по отдельным реформам и полагали, что требованию «коренной реформы» необходимо подчинить все частные требования.

Однако попытка объединения промышленников на определенной политической платформе, сделанная на мартовском совещании, успехом не увенчалась. На совещании был сделан В. Ко-

---

[1] «Сборник херсонского земства», 1905, № 4, стр. 140.
[2] ЦАОР, фонд СПб. о-ва ф. и з., д. № 147, л. 1.

валевским доклад о форме представительства и всеобщем избирательном праве, но вопрос этот был оставлен открытым. Большую роль сыграло при этом отсутствие среди промышленников единодушия. Часть южных горнопромышленников была уже охвачена испугом перед революцией в такой сильной мере, что лозунг реформ ими был встречен несочувственно. В довольно несвязной речи представитель горнозаводчиков Юга Ясюкович говорил: «Уступки везде только усиливали волнения и обостряли отношения. На Юге паника, грабежи, поджоги. Люди бегут. При таких условиях нельзя говорить о реформах. Надо дать средства к существованию» [под последними Ясюкович, очевидно, подразумевал войска для охраны горнопромышленников и их имущества. — *Е. Ч.*] Представитель Царства Польского Жуковский тоже не поддержал Триполитова и Ковалевского. Указав на то, что «в Домбровском районе стачки уже 8-ю неделю», причем «рабочие грабят владельческие копи», он предложил образовать бюро для объединения промышленников, но не для политических выступлений, а для противодействия рабочим. [1]

Мысль Жуковского о постоянной организации промышленников была принята с полным единодушием, и была избрана организационная комиссия во главе с Ковалевским. Однако программа деятельности центрального бюро промышленников не была установлена. Ковалевский и его единомышленники склонны были видеть задачу этой организации в объединении политических выступлений промышленников, в то время как представители Польши, Юга и часть москвичей рассматривали новую организацию как союз предпринимателей, задачей которого должно быть координирование действий промышленников для отпора рабочему движению. В этих условиях, при крайне неопределенном очертании функций, организационная комиссия, избранная на мартовском совещании, не стала действительным центром для объединения промышленников различных районов страны и не играла сколько-нибудь значительной роли в дальнейшем. Реальным результатом работы мартовского совещания была лишь посылка делегации к Булыгину, которая ходатайствовала о привлечении представителей от промышленников к участию в разработке положения о выборах народных представителей.

30 мая представители промышленных районов, обеспокоенные слухами о предстоящем в скором времени опубликовании избирательного закона, в котором «интересам промышленников не отведено должного внимания», представили министру финансов записку, в которой возражали против сословного начала, положенного в основу избирательного закона, как отжившего, и считали, что лучше всего было бы построить избирательную систему на началах «представительства интересов», и выборы

[1] Краткий отчет о совещании представителей промышленности разных районов в Москве 10 и 11 марта 1905 г. (ЦАОР, фонд СПб. о-ва ф. и в., д. № 147, л. 1).

депутатов в будущую Государственную думу от промышленности предоставить существующим организациям крупного капитала.[1]

5. Платформа либеральной оппозиции

В то время как Булыгин старался выиграть время, всячески откладывая обещанные царем реформы, либералы поставили перед собой задачу «врубить в представление общества надлежащий образ русской конституции». Из недр «Союза освобождения» вышел проект конституции, изданный редакцией «Освобождения» под заглавием: «Основной государственный закон Российской империи». По этому проекту сохранялась монархия, устанавливалась двухпалатная система парламента со всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием для нижней палаты и двухстепенными выборами в верхнюю палату.

На третьем съезде «Союза освобождения» в Москве 25—28 марта была принята программа, которая в своей общеполитической части воспроизводила освобожденческий проект русской конституции, а в области экономических отношений отделывалась общими фразами о необходимости вместо покровительства отдельным предприятиям и предпринимателям — «усиленного покровительства развитию производительных сил народа», содействия «расцвету промышленности», наделения крестьян землей при обязательной гарантии «вознаграждения помещикам за имеющие отойти к крестьянам земли» и т. д.

Новая программа освобожденцев представляла известный шаг вперед по сравнению с их дореволюционными лозунгами. Тогда они не отваживались выдвинуть даже требование конституции, ограничиваясь лозунгом: «права и властное земство». В дальнейшем под влиянием «толчков» со стороны революционной социал-демократии и нарастания революционного движения либералы потребовали конституционной монархии, но с ограниченным избирательным правом. Теперь освобожденцы выступают уже с признанием принципа всеобщего голосования и украшают свою программу обещанием социальных реформ.

В связи с опубликованием этой программы Лениным была написана статья «Революционная борьба и либеральное маклерство», в которой разоблачалась эквилибристика либералов. Отметив, что название «конституционно-демократическая партия» придумано для того, чтобы скрыть м о н а р х и ч е с к и й характер партии, Ленин вскрывает подоплеку этой показной мишуры: «...сейчас их и н т е р е с ы требуют свободы, а свободы нельзя добыть б е з н а р о д а, а поддержку народа нельзя обеспечить себе, не называя себя «демократом» (=сторонником самодержавия народа), н е с к р ы в а я с в о е г о м о н а р х и з м а».[2]

---

[1] Записка Ковалевского, Жуковского, Енакиева, Гукасова и Глезмера 30 мая 1905 г. об изменении избирательного законопроекта (ЦАОР, фонд СПб. о-ва ф. и з., д. № 141, лл. 143—144).

[2] Ленин, т. VII, стр. 341.

Обратив дальше внимание на оговорку освобожденцев, что решения их Союза «могут считаться обязательными и лишь постольку, поскольку политические условия остаются неизменными», что допускается «временный и условный элемент» в программе, Ленин замечает: «Эта оговорка... безусловно необходима для партии «соглашения» народа с царизмом. Эта оговорка дает понять яснее ясного, что во имя торгашеской («реальной») политики члены «Союза Освобождения» откажутся от очень и очень многих из своих демократических требований. Их программа — не выражение их непреклонных убеждений... Нет, их программа — простое запрашивание, заранее считающееся с неизбежной «скидкой с цены», смотря по «твердости» той или другой воюющей стороны. Конституционно-«демократическая» (читай: конституционно-монархическая) буржуазия сторгуется с царизмом на более дешевой цене, чем ее теперешняя программа...»[1]

И действительно, за кулисами шла уже бойкая торговля между либеральными дельцами и царизмом. По желанию Трепова, в начале апреля царю была представлена записка Ковалевского, в составлении которой принимали участие такие «столпы» русского либерализма, как Милюков, Головин, Муромцев и И. Гессен. Эта записка документально подтверждает, как далеко готовы были итти в «скидке с цены», в предательстве народных интересов либеральные торгаши. Записка начинается с заявления, что «Россия находится накануне жесточайшей из революций, последствия которой не дано предвидеть» и что «если легко справиться с местными бунтами, то нет возможности подавить общенародное революционное движение. Его можно только своевременно предупредить». Указав дальше, что причиной правительственного бессилия остановить революцию является «недостаточное доверие к общественным силам» и отсутствие определенной программы, авторы записки переходят к вопросу: что же можно и нужно сделать для предотвращения революции? Оказывается, что прежде всего «необходимо снять оковы с русской мысли и русского духа и дать здоровый исход сжатым общественным силам». Практически «снятие оков» рисуется автором записки в виде отмены некоторых статей закона об усиленной охране, в частности отмены права министра воспрещать обсуждение в печати любого вопроса по распоряжению административной власти, и предоставления права собраний. Проектируемое в этой записке право собраний обставлено целым частоколом оговорок: обязательное представление за сутки местной полиции программы собрания, предоставление полиции права присутствовать на собрании и закрывать его в случае возникновения беспорядков или уклонения от программы.

---

[1] Ленин, т. VII, стр. 345.

Ни требования законодательной власти для народного представительства на основе всеобщего голосования, ни обязательного отчуждения частновладельческих земель или других демократических лозунгов, которые украшали в то время освободженческую программу, в записке нет и в помине. Она глухо упоминает только о предоставлении будущей Государственной думе бюджетных прав и о внесении в Думу «предположений правительства о расширении крестьянского землевладения». [1]

В своей исторической книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции», посвященной защите тактических решений III съезда партии, Ленин дал блестящую характеристику поведения буржуазии в буржуазно-демократической революции. Возражая меньшевикам, которые признавали руководящей силой в революции буржуазию, а роль пролетариата сводили к отстаиванию его особых, чисто классовых интересов, Ленин указывал, что буржуазия в отличие от пролетариата и крестьянства не заинтересована в решительной победе над царизмом и в силу этого не может быть вождем революции «...буржуазии выгодно опираться, — писал Ленин, — на некоторые остатки старины против пролетариата, например, на монархию, на постоянную армию и т. п. Буржуазии выгодно, чтобы буржуазная революция не смела слишком решительно все остатки старины, а оставила некоторые из них, то-есть, чтобы эта революция была не вполне последовательна, не дошла до конца, не была решительна и беспощадна... Буржуазии выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении произошли медленнее, постепеннее, осторожнее, нерешительнее, путем реформ, а не путем революции..., чтобы эти преобразования как можно меньше развивали революционной самодеятельности, инициативы и энергии простонародья, т.-е. крестьянства и особенно рабочих, ибо иначе рабочим тем легче будет, как говорят французы, «переложить ружье с одного плеча на другое», т.-е. направить против самой буржуазии то оружие, которым снабдит их буржуазная революция, ту свободу, которую она даст, те демократические учреждения, которые возникнут на очищенной от крепостничества почве». [2]

Нарастание революции привело к необходимости вооруженного восстания народа для низвержения царизма, которое в случае успеха должно будет поставить у власти временное революционное правительство. Последнее для того, чтобы довести до конца буржуазно-демократическую революцию и обеспечить полную победу над царизмом, не могло быть ни чем иным, как революционной диктатурой пролетариата и крестьянства, ибо только диктатура этих классов, интересы которых против самодержавия (в вопросах демократизма и в борьбе за республику) совпадают, в состоянии было бы «...закрепить завоевания рево-

[1] «Красный архив», т. XI—XII.
[2] Ленин, т. VIII, стр. 57—58.

люции, подавить сопротивление контрреволюции и осуществить программу-минимум Российской социал-демократической рабочей партии». [1]

В противоположность меньшевистской конференции, III съезд партии признал допустимым, а при благоприятных условиях и обязательным, участие социал-демократии во временном революционном правительстве, чтобы действовать против контрреволюции не только «снизу», но и «сверху». С точки зрения меньшевиков, социал-демократия в буржуазной революции должна была помочь либеральной буржуазии приобщиться к власти, а самой оставаться партией «крайней оппозиции». Участие же РСДРП во временном революционном правительстве, по мнению меньшевиков, «заставит буржуазные классы отшатнуться от дела революции и тем ослабит ее размах». Действительно, решительное и последовательное осуществление демократических преобразований — провозглашение республики, конфискация помещичьих земель в пользу крестьян, 8-часовой рабочий день и т. д. — неминуемо должно было перебросить буржуазию в лагерь реакции. Но как раз «...только тогда начнется настоящий размах русской революции, только тогда это будет действительно наибольший революционный размах, возможный в эпоху буржуазно-демократического переворота, когда буржуазия отшатнется и активным революционером выступит масса крестьянства наряду с пролетариатом. Для того, чтобы быть последовательно доведенной до конца, наша демократическая революция должна опереться на такие силы, которые способны парализовать неизбежную непоследовательность буржуазии, (т.-е. способны именно «заставить ее отшатнуться»...)» [2]

Яростное сопротивление крупной буржуазии доведению до конца буржуазно-демократической революции во много крат усилится от сознания, что осуществление глубоких демократических преобразований, полная победа над царизмом необычайно укрепила бы пролетариат и расчистила бы ему путь для успешной борьбы за социализм. «Диктатура пролетариата и крестьянства нужна была Ленину не для того, чтобы, завершив победу революции над царизмом, з а к о н ч и т ь на этом революцию, а для того, чтобы п р о д л и т ь как можно больше состояние революции, уничтожить дотла остатки контрреволюции, перекинуть в Европу пламя революции и, дав за это время пролетариату просветиться политически и организоваться в великую армию, — начать прямой переход к социалистической революции». [3]

Превращение полукрепостнического самодержавия в буржуазную монархию не только облегчило бы капиталистическое развитие страны, но и должно было, по мысли либеральной буржуазии, вырвать почву из-под ног революции. Однако рос-

[1] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 68.
[2] Ленин, т. VIII, стр. 95—96.
[3] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 70.

сийская буржуазия показала себя решительно неспособной к последовательной борьбе с самодержавием. Буржуазия не требовала свержения существующей власти, замены монархии республикой, ибо она опасалась, что пролетариат, который шел в авангарде революционного движения, не остановится на буржуазно-демократическом этапе, а пойдет дальше к социалистической революции. Призрак последней неотступно преследует буржуазию и парализует ее «борьбу» против самодержавия. Классовое положение буржуазии, — класса, сжатого между самодержавием и пролетариатом,—заставляет буржуазию добиваться не уничтожения старой полукрепостнической власти, а только ее частичного обновления по «прусскому» образцу, раздела власти между буржуазией и помещиками полукрепостниками. Осуществить эту дележку либеральная буржуазия стремится путем «возможно более мирной сделки» с царизмом.

Колеблющееся и предательское поведение либеральной буржуазии, вытекавшее из объективных условий новой эпохи, эпохи «политических потрясений и революции», в которую Европа вступила в начале XX века, требовала от революционных марксистов и новой установки по вопросам тактики в буржуазно-демократической революции. «Теперь, в новой исторической обстановке, дело поворачивалось по установке Ленина таким образом, что пролетариат становился руководящей силой буржуазной революции, буржуазия оттиралась от руководства революцией, а крестьянство превращалось в резерв пролетариата». [1]

6. Апрельский общеземский съезд

Чтобы выяснить отношение земской среды к вопросу о характере народного представительства, организационное бюро земских съездов решило созвать 22 апреля в Москве общеземский съезд. При составлении доклада об основах народного представительства в бюро возникли разногласия между земцами-конституционалистами и шиповским «меньшинством». Последнее отрицательно относилось к замене самодержавия парламентским строем. Воскрешая старую славянофильскую доктрину, Шипов и его сторонники утверждали, что народу должна принадлежать лишь «сила мнения», а «сила власти» должна полностью остаться у царя. Шиповцы боялись такого изменения государственного строя, которое бы вовлекло в политическую игру народную массу. Поэтому они считали, что для осуществления государственной реформы «достаточно будет произвести в существующем Государственном совете смену его состава людьми, избранными органами земского и городского самоуправления». [2]

Апрельский общеземский съезд огромным большинством высказался за законодательные функции представительного

[1] Там же, стр. 67.

[2] К мнению меньшинства частного совещания земских деятелей 5—8 ноября 1904 г., М., 1905.

собрания и за производство выборов путем всеобщей, равной, тайной и прямой подачи голосов. [1] Этим голосованием масса местных деятелей земских учреждений стала на позиции крайней левой либерального движения. Такой успех освобожденческой программы был неожиданностью для самих освобожденцев. [2] Несомненно, что принятие общеземским съездом «радикальной» программы государственного преобразования было в значительной мере обусловлено опасением разрыва связи с массовым движением, стремлением ковылять за растущим революционным движением. Один из участников съезда писал: «Ясно заметно опасение не оказаться на высоте положения и обмануть ожидания передовой публики. Несмотря на кажущиеся довольно дружные баллотировки, пахнет не единодушием, а расколом и недоумением». [3]

Повышенная оппозиционная температура на апрельском съезде проявилась также при обсуждении вопроса об участии в правительственных комиссиях. Считая, что все усилия должны быть направлены к одной цели — скорейшему созыву народных представителей, съезд признал непродуктивной работу по отдельным реформам и высказался против участия в правительственных комиссиях и, в частности, в комиссии по пересмотру земского положения. С особым пафосом съезд отверг мысль об участии земских деятелей в комиссиях о порядке возмещения убытков, нанесенных помещикам крестьянскими беспорядками. В самом деле, было неудобно драпироваться в тогу друзей народа и одновременно самим вырабатывать в указанных выше комиссиях карательные меры против крестьян-«бунтовщиков».

Но, выступая против участия в правительственных комиссиях, апрельский съезд сделал исключение для одной комиссии: он нашел не только возможным, но и желательным участие представителей губернских земских собраний в булыгинском совещании. Этим самым съезд дал понять правительству, что по основному вопросу — вопросу о государственном преобразовании — общественные деятели готовы лойяльно сотрудничать с бюрократией.

Если значительная часть рядовых участников апрельского съезда была охвачена «недоумением», обеспокоенная чересчур «радикальными» решениями съезда, то активные шиповцы,

---

[1] Результаты голосования:

	За	Против	Воздерж.
Всеобщая подача голосов	127	8	—
Равная » »	133	3	—
Тайная » »	136	0	—
Прямая » »	86	49	3

[2] «События нашей внутренней жизни, — писал один из лидеров союза освобождения, — развертывались с поразительной быстротой, и эта демократическая программа, невозможная, казалось, еще в ноябре, в апреле неожиданно для бюро объединила подавляющее большинство местных деятелей» (ГАФКЭ, фонд «Земцы», л. 73).

[3] Выписка из перлюстрированного письма Шишковой в Симбирск (ЦАР, фонд деп. пол., 1905, д. № 1000, л. 20).

оставшиеся при баллотировках в меньшинстве, ушли со съезда и решили заняться отдельно консолидацией своих сил. «Бывшему нашему меньшинству, — писал умеренный земец Языков Шипову, — необходимо собраться, договориться в главных чертах, и оно сделается, я надеюсь, в скором времени не только большинством, но и настоящим выразителем земской мысли и пожеланий». [1] Действительно, равнодействующая настроений земской среды проходила гораздо ближе к позиции «меньшинства», чем это могло показаться на первый взгляд. Ряд «левых» делегатов попал на съезд только благодаря инертности правой части земских собраний. Так, в воронежском губернском земском собрании либералы, по словам Будберга, прошли в комиссию для участия в общеземских совещаниях только потому, что «представители правой не ожидали никаких милостей и благ от этих съездов». [2] Когда Шипов разослал приглашения земским деятелям, «не сочувствующим началу всеобщей и прямой подачи голосов», собраться для объединения и выработки соответствующей программы, то в ответ на его призыв поступили многочисленные заявления о желании принять участие в совещании «меньшинства» земских съездов. [3]

7. Цусима и новая волна либерального движения. Обращение майского съезда к царю

Но в это время произошло событие, которое сразу подняло волну оппозиционного движения и содействовало его сплочению. Мы имеем в виду уничтожение царского флота в Цусимском проливе.

«Все ополчается против самодержавия, — писал Ленин в своей знаменитой статье «Разгром» — и оскорбленное национальное самолюбие крупной и мелкой буржуазии, и возмущенная гордость армии, и горечь утраты десятков и сотен тысяч молодых жизней в бессмысленной военной авантюре, и озлобление против расхищения сотен миллионов народных денег, и опасения неизбежного финансового краха и долгого экономического кризиса вследствие такой войны, и страх перед грозной народной революцией, которую (по мнению буржуазии) царь мог бы и должен бы был избежать путем своевременных «благоразумных» уступок. Растет и ширится требование мира, негодует либеральная печать, начинают грозить даже умереннейшие элементы, вроде землевладельцев «Шиповского» направления, требует немедленного созыва народных представителей даже холопское «Новое Время». [4]

Под свежим впечатлением цусимского разгрома московская городская дума 24 мая постановила сделать представление со-

---

[1] ЦАР, фонд деп. пол., 1905, д. 1000, л. 23.
[2] «Минувшие годы», 1908, № 11, стр. 223.
[3] Шипов, Воспоминания и думы о пережитом, М., 1918, стр. 312—313.
[4] Ленин, т. VII, стр. 336.

вету министров о необходимости немедленного созыва народных представителей, первой задачей которых должно быть разрешение вопроса о войне и мире. Либеральную буржуазию тревожил не только самый факт военного краха царизма, оскорблявший ее национальное самолюбие, но и опасения, что в результате его «внутренняя междуусобица» может принять угрожающие размеры. Под влиянием «пожара недовольства», охватившего широкие слои населения, вологодское губернское земское собрание в эти дни выдвинуло даже лозунг немедленного созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Если такие решения принимали организации цензовой буржуазии, то на крайне левом фланге либерального движения — в «Союзе союзов» — зазвучали прямо «революционные» ноты. В резолюции, принятой по поводу Цусимы, говорилось: «Все средства теперь законны против страшной угрозы, заключающейся в самом факте дальнейшего существования настоящего правительства, и все средства должны быть испробованы». [1]

После Цусимы европейский капитал усиливает нажим на самодержавие, чтобы склонить его к скорейшему заключению мира с Японией и к либеральным реформам. Когда Витте в беседе с Рувье стал было зондировать вопрос о возможности устроить заем во Франции, в случае если ему не удастся заключить мир, то французский премьер-министр сразу же рассеял всякие иллюзии в этом отношении. «Россия должна иметь в виду, — заявил он, — что при настоящем положении вещей она не может рассчитывать на французский денежный рынок, что России необходимо заключить мир... Франция, как союзница России, заинтересована в том, чтобы Россия покончила эту войну и развязала себе руки в Европе». Президент французской республики Лубэ указал Витте на необходимость привлечения выборных представителей буржуазии к законодательству. «Без системы представительства и конституции, — предостерегал он, — Россия более итти не может». Финансовый агент России в Париже Рафалович в своем письме Коковцову, передавая содержание своих разговоров с влиятельными представителями французского политического мира, сообщал 25 мая (7 июня) 1905 г.: «Бывшие министры и депутаты, которых я вчера видел, расточают уверения в симпатиях и соболезновании по поводу наших поражений, но все настоятельно советуют прекратить войну, которая «вас ослабляет, тогда как Европа нуждается в вашей силе». Известный лондонский банкир лорд Ревельсток, много хлопотавший о вовлечении России в орбиту английского влияния и с этой целью стремившийся открыть для русских займов лондонский денежный рынок, признавался в беседе с царским послом в Англии гр. Бенкендорфом в тщетности своих усилий до тех пор, пока «внутри России не установится способный внушить доверие порядок вещей». Характе-

[1] ЦАР, фонд моск. охр. отд., 1905, д. № 792, л. 55.

ризуя отношение европейского капитала к царизму после Цусимы, Ленин писал: «Европейская буржуазия, этот вернейший оплот царской власти, начинает тоже терять терпение. Ее пугает неизбежная перегруппировка в международных отношениях, растущее могущество молодой и свежей Японии, потеря военного союзника в Европе. Ее беспокоит судьба тех миллиардов, которые она великодушно ссудила самодержавию. Ее серьезно тревожит революция в России, слишком волнующая европейский пролетариат и грозящая всемирным революционным пожаром. Во имя «дружбы» с царизмом она взывает к его благоразумию, настаивает на необходимости мира — мира с японцами и мира с либеральной русской буржуазией». [1]

Как только была получена весть о цусимском бое, организационное бюро земских съездов решило для обсуждения создавшегося положения созвать на 24 мая в Москве общеземский съезд, с привлечением на него, по возможности, всех оттенков буржуазной оппозиции. С этой целью председатель оргбюро Головин обратился к шиповцам с предложением принять участие в общеземском съезде.

Переговоры, которые в связи с этим вел Головин с Шиповым, очень рельефно обнажают главную пружину, толкавшую земских деятелей на либеральные выступления. В беседе с Шиповым Головин аргументировал необходимость объединенного съезда тем, что «ввиду переживаемого Россией грозного времени, необходимо отложить всякую рознь и разномыслие в земской среде и единодушно обратиться к государственной власти, чтобы общими усилиями внести умиротворение в нашу государственную жизнь и предупредить возможность дальнейших потрясающих ее событий». Когда Шипов выразил опасение, как бы в погоне за популярностью большинство съезда не увлеклось «левыми» жестами по адресу правительства, что может только разжечь революционные страсти и еще больше уронить престиж власти в народе, Головин поспешил его успокоить, подчеркнув, что «такого рода опасения напрасны и что организационное бюро в настоящее время проникнуто желанием доброжелательного соглашения и сознает необходимость при угрожающем России положении поддержать авторитет власти». [2] Получив эти заверения, съехавшиеся на шиповское совещание представители «меньшинства» решили принять участие в общеземском съезде, имея в виду, по словам Шипова, оказать «примиряющее воздействие на настроение съезда». [3]

---

[1] Ленин, т. VII, стр. 336.

[2] Это стремление Головина любой ценой построить мост между «обществом» и самодержавием интересно сопоставить с тем презрением, с каким «обожаемый» монарх относился к своим либеральным холопам. Вот один из многочисленных примеров. На задержанной цензурой агентской телеграмме о созыве на 24 мая земского съезда Николай II положил резолюцию: «Надеюсь, что съезд не будет допущен. Теперь довольно наболтались они» (ГАФКЭ, фонд б. царскосельского дворца, д. № 562, л. 10).

[3] Шипов, Воспоминания и думы о пережитом, М., 1918, стр. 314.

Съезд открылся под знаком тревоги по поводу непрекращающегося роста революционных выступлений. «Не одна война бьет по нервам, — говорил смоленский делегат Лапин, — а и то, что было в январе в Петербурге, рабочие волнения, аграрные беспорядки». В этой обстановке мысль организационного бюро обратиться к государственной власти, чтобы общими усилиями внести умиротворение в страну, была поддержана подавляющим большинством делегатов. Формулируя общее настроение съезда, представитель Саратова Пустошкин говорил: «Признаки революции налицо. Посылка петиции — это стремление предотвратить революцию».

Против подачи петиции раздались лишь одиночные голоса. «Бесполезно подавать петиции, — заявил Садовский, — главное подкрепить наше мнение мнением народа». Его поддержал Пржевальский (Москва), указав, что «время адресов прошло... Надо обсудить меры обструкции по отношению к правительству, например, отказ от уплаты налогов». Однако значительным большинством (против 36) решено было «в последний раз» сделать попытку «доброжелательного» соглашения «общества» с царизмом посредством представления царю через депутацию петиции. [1]

Дискуссия на съезде велась, преимущественно, вокруг внесенного от имени бюро проекта адреса, который сводился к мольбе «пока не поздно» созвать народных представителей. «Первый день земского городского съезда, — узнаем мы из перлюстрированного письма Вернадского, — был очень труден и тяжел, между правыми и левыми... В конце концов дело все-таки наладилось». [2] Соглашение между освобожденцами и шиповцами «наладилось» таким образом, что первые, несмотря на свой численный перевес, фактически капитулировали перед дельцами из шиповского лагеря.

Шиповская группа выступила с возражениями против включения в проект адреса требования всеобщего избирательного права и вообще настаивала на смягчении отдельных «резких» выражений адреса. Считая, что «недопустимо во время войны обнаруживать конфликт правительства с народом», шиповцы предлагали исключить из адреса какие бы то ни было нападки на правительство: «Вопрос должен быть поставлен не о недовольстве правительством, а о недовольстве законами, которые после войны должны быть изменены». [3]

Правда, так далеко большинство съезда не пошло, но основные требования шиповцев были удовлетворены. Указание, что избрание народных представителей должно быть произведено путем всеобщей, равной, тайной и прямой подачи голосов, было заменено словами: «избранных для сего равно и без различия всеми подданными вашими». Точно так же был

[1] Протокол земского съезда, заседавшего в Москве с 25 мая 1905 г. («Освобождение», № 74, стр. 403—408).
[2] ЦАОР, фонд моск. охр. отд., 1905, д. № 792, л. 72.
[3] «Освобождение», 1905, № 74, стр. 403.

принят ряд поправок шиповцев, которые смягчали «агрессивный» тон проекта.

Когда проект в измененной редакции снова был внесен на обсуждение съезда, то отдельные «радикалы» пробовали было выразить упрек бюро за то, что оно «представило проект адреса с отступлением от прежних постановлений общеземских съездов». [1] При этом они высказывали опасение, что страна такого «бледного» адреса не поддержит, и моральный авторитет земской организации много проиграет в народном мнении. Но после выступления лидеров съезда с призывом показать единодушие перед лицом народа «левые» сняли свое предложение о пересоставлении адреса, и последний был принят в смягченной редакции чуть ли не единогласно. [2]

Новые пререкания [3] возникли при выборах депутации, которая должна была представить царю петицию. Левая часть съезда предлагала избрать многочисленную депутацию по два человека от губернии и по одному от городов. «Разгон такой депутации, — защищал это предложение Ковалевский, — вызовет, по крайней мере, сенсацию». [4] Но после категорического заявления шиповцев, что «никаких демонстраций они не желают», предложение о выборе депутатов по губерниям было отклонено большинством 104 голосов против 90. Депутация была избрана съездом из двенадцати человек, причем от «меньшинства» в нее был избран Шипов. Однако последний отказался принять участие в депутации.

Чтобы понять мотивы отказа Шипова, необходимо принять в расчет, что окончательный текст петиции представлял равнодействующую желаний разномастных фракций, представленных на съезде. [5] В результате, по словам одного участника съезда, «как при всяком компромиссе, получилось нечто такое, чем никто не доволен. Местами адрес хорош, преимущественно в своей критической части, но местами слишком уже верноподданническим духом пахнет». [6] Несмотря на то, что равнодействующая этого адреса прошла ближе к соображениям шиповской группы, последняя, все-таки, не была удовлетво-

---

[1] «Освобождение», 1905, № 74, стр. 406.

[2] Текст петиции был подписан 25 председателями губернских земских управ, 20 городскими головами, 135 губернскими гласными, 13 городскими гласными и 6 приглашенными лицами.

[3] Надо заметить, что ввиду разношерстности состава съезда над ним все время висела угроза раскола. «Только по вопросу о войне, — говорил Петрункевич, — мы способны объединиться». Заправилам съезда приходилось применять различные средства, чтобы предотвратить раскол. Если сегодня у нас будет раскол, — пугали они рядовых участников съезда, — это будет большой скандал». Они сглаживали «колючие места» в адресе, чтобы добиться, по крайней мере, внешнего единства на съезде.

[4] «Освобождение», 1905, № 74, стр. 407.

[5] На съезде были представители пяти групп: общеземской, конституционной (освобожденческой), шиповской, губернских предводителей дворянства и городской («Освобождение», 1905, № 74, стр. 408).

[6] Из перлюстрированного письма 26 мая 1905 г. О. А. Цирг (ЦАР, фонд деп. пол., 1905, д. № 1000, л. 48).

рена адресом даже в новой редакции. Находя, что многие выражения, включенные в петицию, придавали ей характер «демонстративного предъявления требований», Шипов уклонился от участия в депутации к царю, и она составилась исключительно из конституционалистов.

После того как участники майского коалиционного съезда сошлись на «бледном» адресе, который должен был открыть возможность сделки с самодержавием, они перешли к обсуждению вопроса: как воздействовать на народные массы во избежание кровавой революции? В принятой по этому поводу резолюции съезд подверг довольно резкой критике «приказный строй» и выдвинул следующие три пункта, необходимые для «спасения страны»:

1. Безотлагательный созыв свободно избранного всенародного представительства для совместного с монархом решения вопроса о войне и мире и установления государственного правопорядка.

2. Немедленная отмена законов, учреждений, постановлений и распоряжений, противных началам свободы личности, слова, печати, союзов и собраний, и объявление политической амнистии.

3. Немедленное обновление состава администрации путем призвания к руководству центральным управлением лиц, искренне преданных делу государственного преобразования и внушающих доверие обществу.

Любопытно, что в этой резолюции, предназначенной «для страны», либералы всячески избегают вызова широких слоев населения на какую-либо акцию, хотя бы в виде мирных протестов, манифестаций и т. п. Больше того. Всем своим поведением на майском съезде либералы стремились усыпить революционную энергию народных масс, распространяя иллюзию, что сумеют «вырвать» необходимые реформы исключительно путем переговоров с царем. Эта народобоязнь не была, конечно, случайной. Либералы остерегались вовлекать массы в движение, даже под освобожденческими лозунгами, так как это могло спутать карты в их закулисной игре с самодержавием. Поэтому они предпочитали, чтобы народ оставался безмолвным наблюдателем. Это, несомненно, облегчило бы им поиски «точек соприкосновения» с верховной властью, чтобы в союзе с нею предотвратить «ужасы» революции.

Ярким примером, иллюстрирующим стремление либералов к сделке с царизмом, может служить речь кн. Трубецкого на приеме депутации майского съезда царем. Самым «смелым» местом в его речи было заявление, что собрание представителей по сословиям, как проектирует Булыгин, «недопустимо», так как «вы, ваше величество, не царь дворян, купцов и крестьян, а царь всей России». О требованиях, выдвинутых в резолюции майского съезда, вроде объявления политической амнистии или «обновления» состава администрации, кн. Трубецкой, как и следовало ожидать, не проронил ни звука. Ведь «ради-

кальная» резолюция съезда служила «размалеванными кулисами» для народа. Сторговаться же с царем либералы были готовы по более дешевой цене, чем их программа. Вот почему на приеме кн. Трубецкой горячо расхваливал перед Николаем II земско-городских деятелей, как защитников «порядка и мира», прозрачно намекая, что если им будет оказано царское доверие, то они окажутся недурными усмирителями «крамолы». [1]

Царь, выигрывая время, заявил земской депутации, что «мое желание созвать народное собрание непоколебимо», и либералы поверили. Они пачками рассылали телеграммы, распространяли в народе листовки с царским словом и т. д. Доверие их к царским обещаниям было безгранично. Даже последовавший вскоре прием царем черносотенной депутации не заронил сомнения в души «доверчивых» либералов.

8. Комиссия Коковцова и промышленники

Как ни умеренны были решения майского съезда земских и городских деятелей и текст адреса к царю, настроения промышленной буржуазии были еще значительно более реакционными. Если же промышленники проявляли «либерализм», то главным образом в связи с попытками правительства умиротворить рабочих частичными экономическими уступками. После неудачи обращения Коковцова к промышленникам с приглашением найти «домашние средства уврачевания частных нужд заводской жизни», министерство финансов занялось разработкой проекта фабричного законодательства, в котором предполагало установление 10-часового рабочего дня, ограничение сверхурочных работ, введение государственного страхования рабочих и отмену 1358-й статьи уголовного уложения, карающей за произвольное оставление работ. Как ни скромны в сущности были эти предположения правительства, промышленники выступили против них сомкнутой стеной.

Застрельщиком похода против «революции в рабочем вопросе, проектируемой Коковцовым», явилось петербургское общество фабрикантов и заводчиков. Оно распространило записку, в которой утверждалось, что законопроекты министерства финансов выдвинуты «не жизнью», а «экстренными обстоятельствами», а именно — «недавними рабочими беспорядками», и что осуществление этих «беспримерных мероприятий» «чревато весьма печальными последствиями». [2]

Под влиянием январской стачечной волны капиталисты различных районов лихорадочно сплачиваются в порайонные

---

[1] Упоминание Трубецкого о крамоле поучительно сопоставить с следующей репликой Родичева на майском съезде: «мы не крамольники... наоборот, нашими руками крамола исчезнет, это мы с крамолой боремся»... Как видим, у либералов так и чесались руки, чтобы сразиться с революционным движением и главным образом для этого они добивались конституции.

[2] ЦАОР, фонд СПб. о-ва ф. и в., д. № 141, л. 71.

союзы для отпора требованиям рабочих. 8 февраля в Москве совещание заводчиков механического производства при обсуждении рабочих требований пришло к заключению, что настоящий момент не является подходящим для уступок рабочим. На этом совещании было решено избрать бюро для объединения действий заводчиков с тем, чтобы без его ведома не вводить никаких изменений в правила внутреннего распорядка и в условия с рабочими.

Южные горнопромышленники на двух своих совещаниях 17 и 21 февраля (в Екатеринославе и Харькове) решили не допускать сокращения рабочего времени, нормировки заработной платы, отмены сверхурочных работ, обысков, штрафов, уплаты за время забастовок и участия рабочих в определении расценок. После этих совещаний горнопромышленники юга России обратились к министру внутренних дел с докладной запиской, в которой говорилось: «Успокоение в южном горнопромышленном районе, насчитывающем несколько сот тысяч рабочих, может быть достигнуто только при проявлении правительством надлежащей твердости и согласования действий полиции, воинской силы и руководителей промышленных предприятий по определенной программе. Необходимо дать заводам и рудникам достаточно сильную воинскую охрану... Тем же предприятиям, которые придут к заключению о невозможности продолжать работы, должны быть предоставлены средства к осуществлению принадлежащего им права — выселить рабочих, не желающих подчиниться установленным правилам... Без воинской силы немыслимо проведение намеченной программы». Агрессивность южных горнопромышленников показалась чрезмерной по условиям момента даже екатеринославскому губернатору, который в телеграмме к министру внутренних дел от 25 февраля высказал опасение, что проектируемый промышленниками массовый локаут, как мера подавления стачечного движения, вызовет еще бо́льшие волнения рабочих, для усмирения которых на месте войска не хватает.

На заседании комиссии по рабочему вопросу при московском биржевом комитете 18 февраля «общее сочувствие» встретила идея объединения капиталистов и было решено созвать съезд фабрикантов внутреннего района. Вместе с тем комиссия пришла к заключению о невозможности понижения рабочего времени ниже 11-часовой нормы. По вопросу о стачках было признано необходимым карать: а) предъявление требований скопом или большой толпой, в) всякие угрозы и насилия как против лиц заводской администрации и владельца предприятия, так и против штрейкбрехеров.

Комиссия выработала также проект конвенции по объединению действий фабрикантов и заводчиков в рабочем вопросе. Условия конвенции: 1) пока не следует делать изменения в рабочем времени, 2) оплата прогульного времени является невозможной, 3) участие рабочих в определении зара-

ботной платы и в вопросах внутреннего распорядка фабрики признается невозможным, 4) право увольнения рабочих должно оставаться за администрацией фабрики, 5) сохранение штрафов за дурную работу, 6) гарантия заработной платы для рабочих по сдельным расценкам не осуществима и 7) обязательные сверхурочные работы не подлежат нормировке. [1]

Приглашая представителей промышленников различных районов на совещание 10 марта, московские фабриканты имели в виду предложить этот проект конвенции ввести в действие по всей империи. На совещании мысль о конвенции была поддержана представителями Петербурга, Риги и Баку, но вследствие разногласия среди представителей центрального района и в виду отрицательного отношения представителей Юга, Варшавы, Домброва вопрос о конвенции был снят с очереди. [2] Сопротивление промышленников Юга и Польши заключению конвенции объясняется тем, что в этих районах промышленники под влиянием упорного стачечного движения вынуждены были пойти на ряд уступок рабочим и поэтому, естественно, не были заинтересованы в сохранении status quo в тех местах, где промышленники не шли ни на какие уступки. Точно также разногласия среди представителей Центрального района объясняются тем, что часть фабрикантов ввела уже 10-часовой и даже 9-часовой рабочий день и стремилась, чтобы это сокращение рабочего дня было распространено на все предприятия. Однако, несмотря на известное расхождение взглядов на пределы допустимых уступок в своей собственной среде, перед лицом правительства промышленники решили держаться сплоченно и уполномочили выступить в комиссии Коковцова по рабочему вопросу от имени всех промышленных районов страны сторонника «твердокаменной» позиции в рабочем вопросе — представителя московского биржевого комитета Крестовникова.

На первом заседании комиссии Коковцова 16 марта Крестовников повторил излюбленное промышленниками объяснение причин массовых забастовок «сторонними обстоятельствами» и заявил, что «разрешение намеченных законопроектов не послужит к успокоению рабочих». Вслед за этим он сделал попытку перевести обсуждение вопроса в плоскость необходимости политических реформ, как единственного средства, способного внести умиротворение в «крайне возбужденное состояние всех классов»; и начал зондировать почву относительно предположений правительства о свободе союзов. В заключение Крестовников выразил пожелание «придать настоящей работе значение работы подготовительной для внесения ее в предусмотренное высочайшим рескриптом от 18 февраля учреждение». [3] После заверения Коковцова, что комиссия «никаких иных, кроме подготовительных задач и не пресле-

---

[1] ЦАОР, фонд СПб. ф. о-ва ф. и з., д. № 141, лл. 41, 47.
[2] ЦАОР, фонд СПб. о-ва ф. и з., д. № 147, л. 2.
[3] «Горнозаводский листок», 1905, № 22, стр. 7802—7803.

дует», занятия комиссии были прерваны, и следующее заседание состоялось лишь спустя два месяца, 18 мая.

Во время перерыва занятий комиссии обсуждение законопроектов по рабочему вопросу сосредоточилось в совете по горнопромышленным делам. При обсуждении министерского проекта о продолжительности рабочего дня Ауэрбах и Авдаков, ссылаясь на практику южной угольной промышленности, доказывали полнейшую невозможность введения 10-часового рабочего дня. Это выступление вызвало возражения со стороны представителей Польши и Баку, где промышленники были вынуждены раньше ввести в первом случае 10-часовой рабочий день, а во втором — даже 9-часовой рабочий день. Представитель польских промышленников Жуковский не без злорадства заметил, что «в Царстве Польском давно уже установлен 10-часовой рабочий день, и он не видит никаких препятствий к принятию такого же рабочего дня в других районах». Представитель московских промышленников вообще отрицал «какое бы то ни было право государства на нормирование рабочего времени». По его убеждению, «взрослый человек должен иметь право работать столько часов, сколько он хочет». В конце-концов большинством голосов высказались все же за нормировку рабочего дня, но по отдельным районам и отраслям промышленности. [1]

Не лучшая участь постигла и остальные предположения министерства финансов в области рабочего законодательства. Промышленники высказались против регламентации продолжительности праздников, за допущение сверхурочных работ без испрашивания всякий раз разрешения, ибо, по бесподобному объяснению Ясюковича, «сверхурочные работы убыточны для производства, но для рабочих удобны»; за установление гражданской ответственности рабочих за убытки, которые могут произойти от внезапной забастовки, и т. д. Особенно непосчастливилось законопроекту о государственном страховании рабочих: он целиком был признан «нежизнеспособным» за проявленное в нем «рабочелюбие».

В связи с приближением срока созыва комиссии Коковцова, промышленные деятели выступают с рядом заявлений, в которых они намечают общую линию поведения. В этом отношении значительный интерес представляет записка В. Ковалевского от 3 апреля. Записка начинается с резкого обвинения правительства в том, что оно «выступает в опасной и недостойной роли заигрывания с рабочими, затравливания фабрикантов и сознательного разрушения промышленности». «Такой политикой, — предупреждает Ковалевский, — правительство бессильно будет водворить порядок». Обращаясь к промышленникам, он рекомендует «высказать голосом всей промышленности о несвоевременности и нецелесообразности в настоящее время разрешения рабочего вопроса». И дальше в записке

[1] «Горнозаводский листок», 1905, № 15—16, стр. 7689.

Ковалевского прорывается заветная мечта буржуазии о получении доступа к власти: «для правильного разрешения рабочего вопроса необходим тот же единственно возможный путь, как и для разрешения других наболевших вопросов русской жизни»,— это «призыв к законодательной работе народного представительства, ограждение населения от административного произвола и предоставление ему необходимых гарантий для правильного развития всей его материальной и духовной культуры». [1]

Вслед за Ковалевским и ряд других промышленных деятелей выступает с заявлением, что «решение рабочего вопроса следует отложить до созыва народных представителей». [2] Костромской комитет торговли и мануфактуры в своей «памятной записке» от 8 апреля пришел к выводу, что намеченная комиссией Коковцова цель не может быть основательно осуществлена без предоставления политических прав рабочим. Но этот вывод «равносилен убеждению, что выполнение возложенной на комиссию задачи вообще немыслимо без предварительного проведения в жизнь со стороны правительства тех коренных реформ, о которых высказалось уже русское культурное общество».

Таким образом, аргументацию, которая неизменно повторяется во всех выступлениях промышленников, можно изобразить в виде следующего силлогизма:

Без предоставления рабочим права собраний, союзов и т. д. невозможно их умиротворение.

В то же время было бы несправедливо, да практически и невозможно, предоставить эти права одним только рабочим.

Следовательно, необходимы реформы общегосударственного значения. Необходимо привлечь к управлению страной «зрелые общественные силы» (читай — буржуазию).

При наличии расхождения во взглядах на разрешение рабочего вопроса между правительством и промышленниками естественно было ожидать, что последние станут в отношении комиссии Коковцова на путь обструкции. И действительно, некоторые промышленники предлагали демонстративно отказаться от участия в выборах представителей в комиссию Коковцова. Большинство промышленников, однако, так далеко не шло, но во всяком случае склонялось к мысли оказать упорное противодействие министерским проектам во время занятий комиссии Коковцова. Лидер московских промышленников Крестовников в письме к председателю петербургского общества заводчиков и фабрикантов Глезмеру от 8 апреля, предлагая предварительно столковаться перед открытием занятий комиссии Коковцова, намечает следующую линию поведения в этой комиссии: «представителям промышленности надо держать себя так, чтобы, с одной стороны, не давать поводов прессе и известным партиям возбуждать и публику и рабочих про-

---

[1] ЦАОР, фонд СПб. о-ва ф. и з., д. № 136, лл. 89—91.
[2] Заявление фабриканта Корнилова (там же, л. 38.).

тив фабрикантов, что несомненно готовится, а с другой стороны, надо во что бы то ни стало отстоять и свои права и потребности». [1]

Занятия комиссии Коковцова возобновились 18 мая, т. е. непосредственно после Цусимы. В обстановке, созданной Цусимой, среди промышленников еще больше крепнет убеждение, что министерские законопроекты не остановят роста рабочего движения. Поэтому они решили прибегнуть к бойкоту комиссии Коковцова. На первом же заседании комиссии Крестовников выступил с декларацией, в которой промышленники потребовали отложить занятия комиссии «до более благоприятных обстоятельств», ибо «тревожное настроение, вызванное последними событиями на Дальнем Востоке, в связи с тем, что происходит в Польше, Литве, на Кавказе и других местностях России, приводит нас в такое нервное настроение, что, право, нет возможности в разбираемых вопросах притти к каким-либо выводам». [2]

Разумеется, борьба против рабочего движения и боязнь даже ничтожных уступок правительства рабочим была главным двигателем буржуазной оппозиционности. Однако было бы неверно думать, как это утверждают некоторые меньшевистские исследователи в дореволюционной литературе и их последыши в послеоктябрьский период, что «патриотическая скорбь», да и вообще «оппозиционность» служила для промышленников только «флером», которым они «считали необходимым прикрыть противодействие попыткам усовершенствовать рабочее законодательство». [3] Объяснение отказа промышленников работать в комиссии Коковцова исключительно их несогласием с «либеральными» законопроектами министерства финансов исходит из неправильной предпосылки о том, что крупная буржуазия уже давно занимает «видное место за столом российской государственности», [4] и что поэтому у нее не было никаких оснований,— если не считать отрицательного отношения ее к правительственным экспериментам в области фабричного законодательства, — быть недовольной самодержавием.

В действительности, если до революции буржуазия мирилась с самодержавными формами государственной власти, то, главным образом, в силу того, что видела в самодержавии оплот против революционных поползновений пролетариата. Январские рабочие выступления показали буржуазии, что самодержавие не в состоянии больше гарантировать ей даже полицейскую охрану против рабочих, что оно своей политикой

---

[1] ЦАОР, фонд СПб. о-ва ф. и-з., д. № 141, л. 79.

[2] «Горнозаводский листок», 1905, № 24, стр. 7838—7839.

[3] С. Айнзафт, Правительственные совещания по рабочему вопросу в 1905—1907 гг. (Материалы по истории профессионального движения в России, сб. 3, М., 1925, стр. 42).

[4] Гушка, Представительные организации торгово-промышленного класса в России, СПб., 1912, стр. 207, а также Ерманский, К характеристике российской крупной буржуазии («Наша заря», 1912, № 1—2, стр. 50 и след.); его же, Тоже критика («Наша заря», 1912, № 7—8).

репрессий бесспльно остановить революционное движение и может привести страну к «ужасной катастрофе». «Недовольство самодержавием, — писал Ленин, — усиливается среди буржуазии несмотря на боязнь пролетариата, — отчасти уже просто потому, что полиция при всей ее безмерной власти не может вытравить рабочего движения». [1] Представители крупного капитала выступают с либеральными записками, в которых присоединяются к требованиям политических реформ, о которых уже высказалась земская оппозиция.

И если в этих записках, как и в своих выступлениях в правительственных совещаниях по рабочему вопросу, промышленники подчеркивают, что рабочее движение вызвано не столько экономическими причинами, сколько протестом против политического гнета, то в этом нельзя усматривать только дымовую завесу, под прикрытием которой промышленники хотели похоронить вопрос об усовершенствовании рабочего законодательства. Нет, в этот период промышленники действительно верили, что при помощи политических реформ можно внести успокоение в рабочую массу и даже по части экономических уступок отделаться значительно дешевле, чем в условиях деспотического режима. Не даром нефтепромышленники в это время неоднократно заявляли, что «продолжительность и убыточность, разгромы и убийства, которыми сопровождаются забастовки, являются результатом отсутствия в России правового порядка». [2]

Объединяясь для отпора рабочим требованиям, наиболее передовая часть промышленников в это время поднимает вопрос о «европейских» формах борьбы с рабочим классом и о желательности образования в России желтых профессиональных союзов, которые бы вели не классовую, а тред-юнионистскую политику. «Интеллигентные буржуа, — писал Ленин, — прекрасно знают, что рабочего движения им не избыть. Они поэтому выступают вовсе не против рабочего движения, вовсе не против классовой борьбы пролетариата, — нет, они даже расшаркиваются всячески перед свободой стачек, культурной классовой борьбой, понимая рабочее движение и классовую борьбу в брентановском или гирш-дункеровском смысле». [3] На заседании комиссии по рабочему вопросу при московском биржевом комитете 18 февраля по инициативе Саввы Морозова и П. Рябушинского была признана «желательной» организация фабричных масс. Свое решение московские фабриканты мотивировали тем, что «лучше иметь дело с какой-либо организацией, чем с необузданной толпой».

Указывая правительству, что рабочее движение приобрело политический характер и что для удержания его в мирных берегах необходимо реформирование государственного строя,

---

[1] Ленин, т. VII, стр. 74.

[2] «Что нужно русской промышленности?» («Нефтяное дело», 1905, № 3—4).

[3] Ленин, т. VIII, стр. 112.

промышленники в этот период революции пытались воспользоваться стесненным положением царизма, чтобы добиться от последнего политических уступок в пользу буржуазии.

Слегка фрондируя против правительства, промышленники, однако, были далеки от мысли прекратить деловые отношения с ним, пока не будут удовлетворены их политические притязания. Мы уже указывали на стремление промышленников работать в Булыгинской комиссии.

Но промышленники не отказывались от «живого общения» со старым режимом и в более «скоромных» областях. Вот один из многочисленных примеров. В совете по горнопромышленным делам 16 марта Ковалевский поднял вопрос о необходимости заменить съезды, подчиненные министерской опеке, союзами, которые сами выбирали бы своих председателей, могли бы собираться, когда им угодно, и т. д. Казалось, среди промышленников, ратовавших в то время за свободу союзов, широкую самодеятельность и пр., двух мнений на этот счет не могло быть. Однако против предложения Ковалевского высказалось большинство членов совета. Полемизируя с противниками регламентации деятельности организаций крупного капитала, Авдаков говорил: «Практика такова, что нас правительство не стесняло... Между правительством и съездами существует столь тесная связь, что съезды представляются по своему характеру как бы полуправительственными учреждениями; ослаблять эту связь, а тем более совершенно порывать представляется нежелательным». [1] В конце-концов промышленники постановили сохранить в чистом виде прежние порядки: разрешительный порядок созыва съездов, назначение председателя министерством и т. д., т. е. оставляли съезды попрежнему в полной зависимости от министра. Этим самым горнопромышленники показали, как трудно было им даже в медовые месяцы своего либерализма (весна и лето 1905 г.) расстаться с административной опекой.

Равным образом промышленники были далеки от мысли отрешиться от закорузлой, «узко-купцовской» точки зрения в области политики «воспособления». Так, совет съездов металлозаводчиков Северного и Прибалтийского районов 14 апреля 1905 г. обратился к министру финансов с ходатайством о предоставлении промышленности северного и Прибалтийского районов заказов морского ведомства на постройку новых военных судов в качестве компенсации за то, что «северная промышленность приняла на себя... почти первый и самый сильный удар последних рабочих волнений». На общем собрании союза писчебумажных фабрикантов (27 мая 1905 г.) решено было ходатайствовать о повышении существующей пошлины на финляндские бумажные товары под тем предлогом, что законодательные

---

[1] Журнал заседания 9 апреля 1905 г. совета по горнопромышленным делам. (Центральный архив народного хозяйства в Ленинграде, фонд совета съездов уральских горнопромышленников, д. № 47, л. 139).

меры, намеченные правительством для урегулирования рабочего вопроса, вызовут вздорожание производства.

Но — и это самое главное — капиталисты и царские власти не прерывали ни на минуту согласованных действий по искоренению рабочего движения. На забастовки рабочих капиталисты обычно отвечали вызовом войск, закрытием предприятий и поголовным расчетом рабочих. Правительство никогда не отказывало капиталистам в воинской силе. Местные власти совместно с промышленниками обсуждали вопрос о расположении войск в заводских районах, организовывали охрану заводов и защиту штрейкбрехеров от забастовщиков.

Часто промышленники, застигнутые стачкой врасплох и согласившиеся на уступки, с прибытием войск брали свои обещания назад. Царские опричники беспрестанно провоцировали массовые расстрелы бастующих рабочих (Рига, Лодзь, Иваново и т. д.).

Помимо посылки войск на заводы, полиция в широких размерах прибегала к арестам «подстрекателей», высылке стачечников на родину и к отправлению бастующих из запасных на войну. Иногда правительство берет на себя инициативу объединения действий промышленников для отпора рабочим. В ряде случаев оно предостерегало промышленников от уступок рабочим требованиям. Одной из форм содействия капиталистам следует признать давление на рабочих фабричных инспекторов, которые, разыгрывая роль «посредников», прибегали по адресу бастующих к запугиванию (мол, ваши требования незаконны и невыполнимы) и угрозам высылкой. Излюбленным методом дезорганизации рядов стачечников в руках царизма было натравливание рабочих разных национальностей друг на друга (армяно-тюркская резня 6—9 февраля в Баку и пр.) и устройство еврейских черносотенных погромов (Одесса, Белосток, Баку и т. д.). Казенные заводы нередко подавали сигнал к массовому локауту, чтобы голодом проучить «непокорных» рабочих (Мотовилиха и др.).

Именно открытая поддержка царизмом капиталистов превращала столкновения, возникавшие на экономической почве, в политическую борьбу. Наблюдая тесный союз полиции, фабричных инспекторов и войск с фабрикантами, рабочие убеждались, что главным препятствием для успеха даже экономических стачек является самодержавие. Большевики с своей стороны неустанно напоминали рабочим о необходимости вести борьбу на два фронта: и против царского самодержавия и против капиталистов. Не было ни одной большевистской прокламации, которая не разъясняла бы необходимости тесной связи экономической и политической форм пролетарской борьбы. «Когда рабочие чахнут на фабриках и заводах, — говорилось, например, в листовке Николаевского комитета РСДРП, — от непосильного труда, а тунеядцы-капиталисты жиреют их потом, царское правительство спокойно позволяет кровопийцам высасывать соки рабочих». 14 июня большевики

г. Николаева призвали рабочих к забастовке протеста «против самодержавия, которое, как в железных тисках, сдавило пролетариат и всячески мешает ему в борьбе с капиталом». Большевистская агитация давала свои всходы. Даже сравнительно отсталые слои рабочих — текстильщики — стали понимать, как это сказано в постановлении общего собрания рабочих фабрики Саввы Морозова, что «улучшение быта рабочих несовместимо с существующим государственным строем».

Промышленники в своей борьбе с стачечным движением все чаще прибегают к локаутам. При возобновлении работ они устраивают обычно фильтровку с тем, чтобы очистить свои предприятия от «смутьянов», а заодно и от престарелых рабочих. В тех районах, где рабочее движение принимало особо напряженный характер (Баку, Лодзь и др.), капиталисты нанимали вооруженные шайки, которые подстреливали из-за угла революционных рабочих и провоцировали отдельные группы малосознательных рабочих на различные эксцессы.

Наряду с этим капиталисты применяли и более тонкие средства борьбы с революционным движением, в виде поддержки «мирных рабочих союзов». Так, в Баку нефтепромышленники субсидировали организацию шендриковцев — полузубатовцев, полуменьшевиков, — которые, действуя по меньшевистскому рецепту — «не отталкивать буржуазию», пытались переключить революционное настроение рабочих в сторону организации «примирительных камер» и т. п.

Мы видим, таким образом, что оппозиционные требования буржуазии великолепно уживались с объединенными действиями правительства и промышленников против рабочего движения.

Любопытно, — сам Ковалевский, выступавший с требованием «коренного изменения всего строя законодательства и государственного управления», поддерживал в то же время тайные сношения с царскими властями. Например, 14 мая 1905 г. он обратился с телеграммой к министрам внутренних дел и финансов, в которой просил дать указания начальникам Уфимской, Пермской и Оренбургской губерний о присылке войск на заводы. [1] Одновременно с этим, обеспокоенный «заигрыванием с рабочими» министерства финансов, он начинает обивать пороги передних Витте и... Победоносцева, чтобы заручиться их поддержкой против «беспримерных мероприятий ведомства Коковцова». [2]

Чем же объясняется подобная «двойственность» в позиции буржуазии? Нельзя упускать из виду, что буржуазия пере-

[1] Центральный архив народного хозяйства в Ленинграде, фонд совета съездов уральских горнопромышленников, д. № 29, л. 17.

[2] Между прочим, Витте вполне согласился с Ковалевским в том, что «нельзя строить сооружение в волнующейся воде» и что «правительство должно быть твердо и не может ставить себя в положение, что оно должно что-то сделать для рабочих, потому что они мутят», и дал ему рекомендательное письмо к Победоносцеву («Красный архив», т. XI, стр. 113).

ходила в оппозицию к самодержавию не во имя, а во избежание революции. Оппозиционность буржуазии, как мы неоднократно подчеркивали, питалась, помимо ее заинтересованности в получении доступа к управлению страной, преимущественно неверием в способность царизма утихомирить расходившиеся волны массового движения. Другими словами, оппозиционность буржуазии была лишь оборотной стороной контрреволюционной позиции, которую она занимает в буржуазно-демократической революции.

Но если либеральные выступления буржуазии были навеяны испугом перед революцией (пока он еще не превратился в панику в период революционного вихря), то последний в свою очередь ставил очень узкие рамки для оппозиционных поползновений буржуазии и вызывал непрерывные сношения ее с «властями предержащими» в целях подавления революционного движения.

ГЛАВА 4

ВОССТАНИЕ БРОНЕНОСЦА «ПОТЕМКИН» И ОБЪЕДИНЕННОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ

Революционные события летом 1905 г., особенно ярко проявившиеся в восстании броненосца «Потемкин», вызвали нескрываемую тревогу в широких кругах буржуазии. Под свежим впечатлением черноморского «бунта» либеральные «Русские ведомости» (№ 168 от 24 июня 1905 г.) писали: «Страшно становится за участь городов черноморского побережья, которым угрожает кучка 700 людей, располагающих самыми ужасными орудиями истребления». Страх перед «физическим» вмешательством армии в политическую борьбу передается и эмигрантскому «Освобождению» (№ 73, 1905, стр. 371). В статье «Князь Потемкин» и «Что же дальше» П. Струве скорбит о «классовой розни», обнаружившейся во время восстания между офицерами и солдатами, и считает, что «участие вооруженных сил в политическом движении страны представляет для дела истинной революции крупные опасности», так как-де приучает страну к идее и практике «пронунциаменто».

О том, какой резонанс произвело восстание броненосца «Потемкин» на Западе, можно судить по следующему отрывку из донесения русского посла в Англии гр. Бенкендорфа от 25 июня 1905 г.: «По поводу недавних печальных событий, разыгравшихся в России, я должен указать, что ни одно из них — даже наши военные неудачи — не произвело на общественное мнение и, полагаю, на правительство более тягостного впечатления, чем последние одесские события и восстание на «Кн. Потемкине». Впервые я увидел ясно, что здесь серьезно встал вопрос, не угрожает ли вспыхнувшая в России революция незыблемости существования правительства».

Но страх перед революцией охватил буржуазию к этому времени еще не в такой сильной мере, чтобы заставить ее броситься без всяких условий в объятия самодержавия. Напротив, убедившись в бессилии правительства, буржуазия после одесских событий начинает «краснеть». «Переход рабочих к массовым политическим стачкам и демонстрациям, усиление крестьянского движения, вооруженные столкновения народа с полицией и войсками, наконец, восстание в Черноморском флоте, — все это говорило о том, что назревают условия для вооруженного восстания народа. Это обстоятельство заставило либеральную буржуазию серьезно защевелиться. Боясь

революции и вместе с тем пугая царя революцией, она искала сделки с царем против революции и требовала небольших реформ «для народа», чтобы «успокоить» народ, расколоть силы революции и предупредить тем самым «ужасы революции». [1] Процесс левения буржуазии выражается в том, что «освобожденцы» поднимаются на следующую ступеньку в деле словесного признания демократических лозунгов, а также и в подтягивании арьергардных отрядов либерального движения — мы имеем в виду представителей крупного капитала и городских деятелей— к его освобожденческому «авангарду».

1. Политическое объединение верхов торгово-промышленной буржуазии

До восстания «Потемкина» промышленники собственно не имели ни определенной политической платформы, ни организационного центра для объединения своих политических выступлений. Это молчание представителей крупного капитала по основным вопросам будущего политического строя России являлось контрастом оживлению земского либерализма, который уже на апрельском общеземском съезде выработал свою политическую платформу. В связи с предстоящим созывом «народных представителей», ощущая неудобство выступать, так сказать, с голыми руками на арену политической борьбы, лейб-орган промышленников «Горнозаводский листок» (№ 23, 1905, стр. 7814—7815) начинает пропагандировать идею общих съездов представителей промышленности: «Необходимость такого объединения настоятельна особенно в настоящий момент, когда совершается «переоценка всех ценностей» русской жизни... Защищаться приходится не на один фронт. С одной стороны, приходится разоблачать утопичность таких радикальных требований как, например, требование 8-часового рабочего дня... С другой стороны, с неменьшей силой приходится возражать против сторонников охранительных начал, видящих спасение России в военной диктатуре». Конечно, главный удар капиталисты попрежнему направляли против рабочих стачек. Но вместе с тем в их среде усиливаются сомнения в действенности и целесообразности полицейской диктатуры Трепова.

Революционные события летом 1905 г. значительно ускорили процесс политического самоопределения верхов российской буржуазии. В конце июня Самарский биржевой комитет обратился к ряду биржевых комитетов с письмом, в котором говорилось, что «единственное средство успокоения состоит в немедленном созыве народных представителей, но не по проекту Булыгина, а на основе всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов». До сих пор критика булыгинского проекта промышленниками была направлена, как мы видели, только про-

[1] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 59.

тив его сословно-дворянской окраски, и этому проекту противопоставлялось требование положить в основу избирательного закона «представительство интересов», обеспечив представительство промышленности путем непосредственного избрания депутатов в будущую Государственную думу от «совещательных по части промышленности учреждений». Лозунг всеобщего избирательного права, выдвинутый в письме самарских биржевиков, несомненно представлял со стороны торгово-промышленной буржуазии шаг вперед.

Дальше в этом же обращении самарских биржевиков мы встречаем следующие загадочные строки: «Очевидно, ни ходатайства, ни резолюции, ни даже депутации не достигают цели, приходится обратиться к изысканию других способов». Самарские биржевики не расшифровывают, в чем должны заключаться эти «новые способы», они только высказывают надежду, что «путем переписки или путем обмена мнений на общем съезде можно будет выработать способы добиться осуществления необходимых реформ». Но уже самая постановка на очередь вопроса об изменении тактики весьма симптоматична, и она сближает промышленников с земскими либералами, которые в это время тоже стали сомневаться в пользе петиций.

В это время мы наблюдаем со стороны промышленников многочисленные попытки установить контакт с земско-городскими деятелями. «Наиболее влиятельные промышленные круги, — писал Федоров из Петербурга 23 июня Головину в Москву, — также заняты организацией союза промышленников и вырабатывают свою программу, причем в политическом отношении, вероятно, примкнут к положениям, уже высказанным земскими и городскими фракциями». [1] И действительно, на совещании московских и петербургских фабрикантов 27 июня было единогласно решено созвать возможно скоро съезд представителей промышленности и торговли для объединения на определенной программе политико-экономического содержания и для избрания бюро ввиду предстоящих выборов в народное собрание. Вместе с тем, на этом совещании было признано необходимым «выяснить программу и намерения земских и городских деятелей». [2]

Идея объединения на определенной политической программе и установление контакта с представителями земств и городов была подхвачена промышленниками других районов. Совет съезда горнопромышленников юга России 28 июня «приветствует» объединение земства и промышленности общей политической программой. Обращаясь к вопросу о согласии промышленников принять платформу земцев, совет съезда приходит к заключению, что «в настоящее время уже имеются налицо некоторые существенные элементы, способствующие этому соглашению». Так, например, по мнению совета, «промышлен-

[1] ЦАР, фонд Моск. охр. отд., 1905, д. № 793, л. 13.
[2] ЦАОР, фонд СПб. о-ва ф. и з., д. № 158, л. 7.

ники уже давно высказались за свободу слова, печати и т. п. Они высказались также против стеснения избирательных прав и предоставления исключительных прав представительства одному сословию. Несомненно, в их интересах облечение будущего собрания народных представителей правами законодательного, а не законосовещательного только собрания». [1]

Таким образом, промышленники в отношении политических требований летом 1905 г. приблизились к земской оппозиции. Этим самым создавались благоприятные условия для включения их в общий фарватер либерального движения. Приурочивая созыв своего съезда к съезду земско-городских деятелей, промышленники, несомненно, имели в виду посредством живого контакта с земцами добиться образования единого буржуазного фронта.

Из приглашенных на июльский съезд «представительных» организаций крупного капитала отказались принять приглашение, ссылаясь на краткость времени, оставшегося до съезда, только одесский, петербургский и варшавский биржевые комитеты. Подавляющее же большинство торгово-промышленных учреждений приветствовало съезд «в надежде, — как гласила телеграмма совета съезда кавказских марганцепромышленников, — что он явится выразителем общественных стремлений различных промышленных сфер России и в единении с другими общественными организациями, поднявшими уже свой голос за обновление России, станет на страже насущных интересов народа». [2] Сочувственные отклики, какими был встречен созыв съезда, свидетельствуют о том, что идея политического объединения стала завоевывать широкие круги торгово-промышленной буржуазии.

На съезд прибыли представители 23 учреждений (9 биржевых комитетов, 4 специальных бирж, 2 комитетов торговли и мануфактур и 8 отраслевых обществ, контор и съездов). Представлены были более или менее равномерно все важнейшие промышленные районы, за исключением Польши [3] и Юго-Западного края. Заседание съезда было открыто 4 июля представителем московского биржевого комитета Найденовым, но председателем съезда был избран либеральствующий лидер уральских горнопромышленников В. Ковалевский. Это явилось, как мы увидим дальше, плохим предзнаменованием для «найденовской» группы.

Все участники съезда высказались за немедленное осуществление народного представительства, ибо «положение промышленности при ныне существующем государственном строе безвыходно и совершенно необеспечено». Но при обсуждении

---

[1] «Горнозаводский листок», 1905, № 28, стр. 7911—7912.

[2] Моск. обл. архив, фонд М. Б. К., д. № 624, л. 46.

[3] Отказ польских промышленников от участия в съезде объясняется тем, что в Польше крупная буржуазия политически самоопределилась значительно раньше, причем партийная группировка там произошла по национальному признаку.

вопроса об отношении к булыгинскому проекту голоса разделились. Подавляющее большинство пришло к заключению, что «Государственная дума с совещательным голосом никого не удовлетворит и существующего возбуждения не успокоит, к тому же значительная часть населения, в том числе и фабрично-заводские рабочие не включены в число избирателей, а само народное представительство сводится к комиссии экспертов при Государственном совете». Меньшинство же, предводительствуемое Найденовым, наоборот, считало, что «проект, хотя в некоторых частностях и не вполне удовлетворительный, в общем, при настоящем развитии народа, единственно возможный к осуществлению». Голосование дало следующие результаты: за совещательный голос Государственной думы высказалось одно учреждение — московский биржевой комитет; воздержалось три — елецкое биржевое общество, казанский биржевой комитет и костромской комитет торговли и мануфактур; отсутствовали представители московской мясной биржи и иваново-вознесенского комитета торговли и мануфактур.[1] Все остальные участники съезда голосовали за решающий голос народного представительства.[2]

Необходимо заметить, что реакционная позиция, занятая на съезде делегацией московского биржевого комитета, не была отражением общего настроения московских капиталистов. В биржевом и промышленном мире Москвы существовали две партии: так называемая «найденовская», лидерами которой были Найденов и Крестовников, и «молодая», во главе с П. Рябушинским и Вишняковым. Между этими партиями происходила острая борьба из-за руководства деятельностью московского биржевого общества, которое находилось в руках «найденовской» группы. Последняя, располагая большинством в биржевом комитете, выступала от имени всего торгово-промышленного сословия Москвы с политическими декларациями ультраконсервативного характера. Так, например, в феврале московский биржевой комитет обратился к царю со всеподданнейшим адресом, в котором выражал свое «непоколебимое сознание, что лишь под верховным водительством *самодержавной* [курсив мой. — *Е. Ч.*] власти возможно сохранение мощи и целости России и ее дальнейшее преуспеяние».[3]

В марте из кругов «найденовской» партии вышел проект государственного преобразования, предназначенный, очевидно, для обсуждения на мартовском совещании представителей промышленности и торговли, отличающийся чудовищно-реакционным содержанием. Автор этого проекта, Крестовников, предлагает сохранить Государственный совет в том виде, в котором он существовал до сих пор, и рядом с ним организовать «Народный совет». Последний должен быть только законо-

[1] Фактически воздержавшиеся и отсутствовавшие солидаризировались с позицией московского биржевого комитета.

[2] ЦАОР, фонд СПб. о-ва ф. и з., д. № 158, л. 4.

[3] «Право», 1905, № 8, стр. 588.

совещательным и притом не постоянно действующим учреждением. В основу избирательного права должно быть положено представительство интересов имущих классов: от земледелия должны выбирать земства, от торговли и промышленности — биржевые общества, от научно-культурных профессий... — городские думы. Что же касается рабочих и крестьян, то они вовсе пропущены в избирательной механике Крестовникова ввиду их «незрелости». Выражая интересы ветхозаветного великорусского купечества, Крестовников вычеркивает из списка избирателей также окраинные, неземские губернии, которые лишь «по мере введения самоуправления будут получать право на выборы представителей». [1]

При избрании представителей на июльский съезд в собрании московского биржевого общества лидеры «молодой» оппозиции П. Рябушинский и Вишняков возражали против императивных мандатов делегатам. Собрание, однако, «признало надлежащим избрать для участия в совещании лиц, стремящихся к поддержанию принятого биржевым обществом направления», [2] формулированного в цитированном выше всеподданнейшем адресе, и избрало на съезд исключительно «найденовцев».

Такое деспотическое подавление голоса «инакомыслящих», не могло, конечно, содействовать установлению мирных отношений между «найденовцами» и «молодыми». И действительно, после июльского съезда борьба между ними разгорелась с новой силой. Представители «молодой» оппозиции московского биржевого общества напечатали 26 июля в «Русских ведомостях» открытое письмо, в котором настаивали в отличие от «найденовцев» на предоставлении народному представительству законодательных прав, и разослали его во все биржевые комитеты, чтобы побудить их к борьбе против законосовещательного характера Государственной думы.

«Найденовская» группа олицетворяла собой традиции старозаветного купечества эпохи первоначального накопления с «замоскворецкими» принципами и порядками, привыкшего еще со времени крепостного права проводить дела с «заднего крыльца» и потому отличавшегося крайним сервилизмом по отношению к самодержавию. Наоборот, «молодая» партия состояла из промышленных и банковых деятелей уже европеизированной складки. Чтобы обеспечить минимальными гарантиями капиталистическое развитие страны, она выступала с требованиями политических реформ, аналогичных с требованиями земской оппозиции.

На поводу «найденовской» группы на июльском съезде оказались иваново-вознесенские фабриканты. И это не случайно. В 1905 г. фабриканты «русского Манчестера» представляли в промышленном мире один из немногих оазисов, кото-

[1] ЦАОР, фонд СПб. о-ва ф. и з., д. № 136, лл. 85—88.

[2] Моск. обл. архив, фонд М. Б. К., журнал собрания выборных М. Б. О., 1905, л. 9.

рый совершенно не был затронут «освободительным» поветрием. Объясняется это социальными условиями Иваново-Вознесенска. «Классовые противоречия здесь, — писал один из наблюдателей местных нравов, — обнажены до мозга костей; рабочие, угнетенные до последней степени, с одной стороны, и капиталисты-фабриканты, пропитанные самыми грубыми эксплоататорскими инстинктами, — с другой, не имеют между собой никаких переходных слоев, какие существуют в культурных центрах в лице «общества», «интеллигенции», учащейся молодежи. В Иваново-Вознесенске нет интеллигенции; многочисленная дипломированная фабричная администрация всецело стоит на стороне своих патронов. Рабочий остается лицом к лицу с своим эксплоататором-фабрикантом». [1]

В этих условиях нечему удивляться, если иваново-вознесенские фабриканты с самого начала заняли отрицательную позицию по отношению к либеральному движению. Так, в письме из Москвы 19 февраля ивановский фабрикант Дербенев неодобрительно отзывался о «красных» намерениях группы Морозова. В дальнейшем реакционное настроение иваново-вознесенских фабрикантов усиливается еще более под влиянием героической стачечной борьбы, которую начали летом 1905 г. ивановские пролетарии. 17 июня тот же Дербенев с тревогой пишет: «Неприятно, что отношения с рабочими так обостряются... Странно, что войска убирают из Иванова, ведь от этого может отразиться скверно». 17 июня многие фабриканты, опасаясь эксцессов со стороны рабочих, выехали из Иванова и 22 июня обратились из Москвы к владимирскому губернатору с просьбой принять меры к охране фабрик. Больше того. На следующий день они обращаются к губернатору с новой телеграммой, в которой просят его запретить одному из фабрикантов, склонному к уступкам рабочим, «принимать в течение забастовки несогласованные с другими фирмами меры и не допускать отправки депутатов (от рабочих) в Москву». Эти домогательства показались чрезмерными даже губернатору, и он отказался от вмешательства в условия найма между фабрикантами и рабочими. 24 июня, на совещании заведывающих фабриками Иванова с представителями власти, первые упрекали полицию за «либеральное» отношение... «к Талочному университету вместе с профессорами и ректором Дунаевым». [2] По словам одного из фабрикантов, «Талочный университет деморализует всех мирных и желающих работать, а потому надо так или иначе уничтожить это нелегальное учреждение, вырвав руководителей мирным или насильственным путем...

[1] Н. Воробьев, Из жизни иваново-вознесенских рабочих («Образование», 1905, № 3, отд. II, стр. 23).

[2] «Талочным университетом» назывались массовки иваново-вознесенских рабочих, происходившие во время летней забастовки за р. Талкой в лесу, обычно ночью. В этой необычайной аудитории, при освещении костра, талантливыми пропагандистами-большевиками, например т. Подвойским и др., читались лекции об учении Маркса, об истории французской революции, о великих утопистах и т. д.

Делать же государство в государстве по меньшей мере — нетактичность подлежащих властей». В июле паника среди ивановских фабрикантов достигает кульминационного пункта. Вот отрывки из переписки некоторых фабрикантов: «Единственная надежда на войска, которым приказано стрелять... Отсутствие энергии у власти причинит в скором времени большие бедствия. На вчерашнем собрании послали Трепову депешу, в которой намекают относительно военного положения». [1]

Перед ожидавшимся разгромом рабочими дач фабрикантов уже знакомый нам Дербенев писал из Великова 10 июля: «ждем забастовщиков, вооружаемся, приготовляемся встретить с почетом». [2]

Мудрено ли, что в обстановке оголенной террористической борьбы, которую вели иваново-вознесенские фабриканты против рабочих, они не могли позволить себе роскоши игры в оппозицию и если в данном случае и критиковали местные власти, то справа, а не слева, будучи «более роялистами, чем сам король».

Но вернемся к съезду. После голосования по вопросу о характере народного представительства найденовское меньшинство отказалось от дальнейшего участия в съезде, ссылаясь на то, что «между ними и большинством членов совещания обнаружилось коренное различие во взглядах и убеждениях по основным вопросам будущего политического строя России». [3] Найденов не только решил бойкотировать съезд, но и принял ряд мер, чтобы вообще сорвать его работу. Он отказал съезду в гостеприимстве, запретив его заседания в помещении биржи. Но и этого ему показалось мало. Он направил московскому генерал-губернатору 5 июля секретное письмо, в котором говорилось: «Так как в сегодняшнем совещании торгово-промышленного сословия присутствующие иногородние представители промышленности существенно уклонились от подлежащего

---

[1] В телеграмме, посланной ивановскими фабрикантами 7 июля тов. министра внутренних дел, говорилось: «Считаем необходимым доложить вашему превосходительству, что настроение бастующих рабочих с каждым днем обостряется, выражаясь в предъявлении возрастающих невыполнимых требований и угроз заведывающим и старшим служащим фабрик, вынужденным оставить места их службы и выехать из Иваново-Вознесенска. Предусматривая, что текущая забастовка, утратившая какой-либо экономический характер, может проявить себя в ближайшем будущем новыми погромами населения и другими грозными спутниками волнений, при чем существующая охрана фабрик войсками может оказаться недостаточной, мы берем на себя смелость высказать наше мнение, что только немедленное удаление руководителей забастовки и решительные административные меры могли бы обеспечить жизнь и спокойствие живущих в городе лиц и тем содействовать восстановлению работы фабрик». (Приведена в сборнике: «1905. Стачечное движение». Составила А. Панкратова. М.-Л., 1925, стр. 263).

[2] Переписка иваново-вознесенских фабрикантов опубликована Эквемплярским в статье «Иваново-возн. пролетариат и буржуазия в начале XX ст.», помещенной в сб. «1905 год в Иваново-Возн. районе», стр. 23—37.

[3] ЦАОР, фонд СПб. о-ва ф. и в., д. № 158, л. 126.

рассмотрению вопроса,... изволите ли признать возможным продолжение совещания». [1]

Следующее заседание съезда 6 июля состоялось в доме лидера московской «молодой» партии П. Рябушинского. На этом заседании обсуждалась система выборов в Государственную думу. Значительным большинством (16 учреждений) съезд высказался за всеобщее избирательное право. За избрание по «бытовым» группам было подано 3 голоса и 3 голоса за избрание по группам в качестве переходной формы к всеобщей подаче голосов. Прямая подача голосов была отвергнута. За нее голосовало 3 учреждения, в то время как за двухстепенную подачу голосов — 16 учреждений. Таким образом, единственное отличие между промышленниками и земскими деятелями в вопросе об организации народного представительства свелось к тому, что первые в своем «левении» остановились только перед прямой подачей голосов. Остальные же 3 члена формулы ими были приняты точно так же, как и требование облечения будущей Государственной думы законодательными правами.

Перед закрытием съезда решено было выразить приветствие съезду земских и городских деятелей, как «соратникам на поприще изыскания средств к восстановлению порядка в России мирным путем». [2] Однако избранная с этой целью делегация не была принята земско-городским съездом. Отказ в приеме торгово-промышленной делегации со стороны земско-городского съезда объясняется не каким-либо принципиальным расхождением земской программы с программой съезда промышленников, а просто тем, что земские либералы, драпировавшиеся в это время во «внеклассовые» цвета, избегали афишировать свою близость к организациям, которые уже в силу своего названия никак не могли скрыть своего капиталистического характера. Но за кулисами между земскими и промышленными деятелями наладился деловой контакт. Так, например, на состоявшемся в начале августа совещании бюро промышленников с бюро земско-городских съездов представители земств и городов выразили готовность войти с промышленниками в соглашение относительно взаимной поддержки в проведении в думу кандидатов одной и другой стороны. [3]

В постановлении июльского торгово-промышленного съезда о необходимости политического объединения очень прозрачно виден движущий мотив, который толкал промышленников на этот шаг. После указания, что «за рабочими волнениями последовало опасное аграрное движение и народные возмущения с кровопролитными столкновениями», съезд заявляет: «Русские промышленники и торговцы, не видя в существующем государственном порядке должной гарантии для своей нормальной деятельности и даже для своей жизни, не могут не объединиться на политической программе с целью содейство-

[1] Моск. обл. архив, фонд М. Б. К., д. № 624, л. 63.
[2] ЦАОР, фонд СПб. о-ва ф. и з., д. № 158, л. 12.
[3] Там же, д. № 118, л. 133.

вать установлению в России прочного правопорядка и спокойного течения гражданской и экономической жизни страны».[1]

Таким образом, поднимая оппозиционный флаг, заявляя себя сторонниками «обновления родины», промышленники лелеяли мечту с помощью политических уступок задержать дальнейшее развитие революции.

Лавируя между самодержавием и революционным народом, промышленники, конечно, и не думали сжигать корабли, которые связывали их со старым режимом. Это видно по их отношению к булыгинскому проекту. Высказываясь против этого проекта, промышленники в то же время были бесконечно далеки от мысли бойкотировать булыгинскую думу. Правда, отдельные капиталисты предлагали проявить противодействие организации народного представительства по проекту Булыгина «закрытием всех фабрик и заводов для того, чтобы создать массовое рабочее движение» и этим побудить правительство пойти на уступки.[2] Однако такие радикальные и даже более мягкие предложения, как противодействие правительству в реализации новых внутренних займов или отказ платить промысловый налог, сочувствия в массе промышленников не встретили.

Несмотря на то, что закон об учреждении Государственной думы еще не был издан, июльский торгово-промышленный съезд дал понять, что промышленники не встанут на путь обструкции по отношению к булыгинской думе. Отметив в своей резолюции, что проект Булыгина «не внесет желанного успокоения в народную жизнь», съезд вслед за этим спешит заявить о своей лойяльности: «если же правительством будет осуществлен проект, не соответствующий изложенным взглядам, то в видах скорейшего введения народного представительства совещание представителей промышленности и торговли считает необходимым, чтобы представители промышленности и торговли приняли участие в выборах, в надежде, что выбранные депутаты в Государственную думу озаботятся скорейшей реорганизацией народного представительства, согласно изложенным выше основаниям».[3]

2. Вовлечение в либеральное движение городских деятелей

Обращаясь к участию «отцов города» в либеральном движении, необходимо прежде всего уяснить себе их социальный облик.

У нас, к сожалению, нет сводных сведений о распределении городских гласных по размерам имущественного ценза, но данные, которые мы имеем по отдельным думам, дают право заключить, что в более или менее значительных торгово-промышленных пунктах в составе городских дум преобладали

[1] Там же, д. № 158, л. 122.
[2] Там же, л. 23.
[3] Там же, лл. 40 и 41.

представители крупного капитала. Например, в числе гласных петербургской городской думы (1904—1910 гг.) было 39 чел. с имущественным цензом до 100 тыс. руб., 61 чел. — с имущественным цензом свыше 100 тыс. руб., 60 чел. были избраны по квартирному цензу и 4 чел. — по назначению от правительства, всего 164 чел. [1]

В составе петербургской городской думы наблюдается непомерно высокий процент лиц, избранных по квартирному цензу. Это неудивительно, так как в Петербурге было много чиновников и лиц свободных профессий.

Но если оставить в стороне группу гласных (60 чел.), которые прошли в Думу по квартирному цензу и принадлежали в массе к бюрократическим кругам, то из остальных 100 гласных, которые были избраны по имущественному цензу, 61% должен быть отнесен к представителям крупной буржуазии.

Приведем еще данные о составе иваново-вознесенской думы. По подсчету Экземплярского, среди ивановских «отцов города» было 14 фабрикантов, 11 купцов, 17 прочих, причем большая часть последних были крупные домовладельцы и те же купцы. [2]

Сам избирательный закон в городские думы был составлен таким образом, что обеспечивал подавляющее большинство в думах верхам торгово-промышленной буржуазии. Численность избирателей в Петербурге составляла 0,6% по отношению ко всему населению, в Москве — 0,7%, в Одессе 0,5% и т. д. При этом надо иметь в виду, что существовало 2 разряда избирателей. Например, в Петербурге 286 избирателей 1-го разряда выбирали 59 гласных и 11 999 избирателей 2-го разряда — 108 гласных. В то время как перворазрядники избирали гласных по общему списку и, таким образом, на выборах выступали сплоченно, избиратели 2-го разряда были распылены по участкам. Вот как, например, октябрист Насакин-Симбирский, которого никак уж нельзя заподозрить в сгущении красок, рисует социальный облик московской городской думы: «Московская дума — типичный представитель московского капитала. Москвою неизменно управляет все то же думское большинство, несменяемое, наследственное. Отец гласный — и сын гласный... Это крепчайшая думская партия, за спиной которой стоят московские миллионы, и борьба с нею чрезвычайно трудна, даже думскому меньшинству, состоящему также из капиталистов, но другой, молодой формации». [3]

В самом деле, было бы странно относить бр. Гучковых или банкира Вишнякова, одного из думских лидеров, к средней буржуазии. Конечно, во второстепенных, мелких городах руководящая роль могла принадлежать и средней буржуазии. Но ведь в городском движении участвовали преимущественно

---

[1] Центральный государственный архив внутренней политики, культуры и быта в Ленинграде, фонд Гл. упр. местн. хоз., 1905, д. № 29.

[2] «1905 год в Иваново-Вознесенском районе», 1925, стр. 7.

[3] Н. В. Насакин-Симбирский, Очерки московской революции, СПб., 1906, стр. 26.

думы крупных городов и поэтому в целом оно было окрашено в крупно-буржуазный цвет.

Неудивительно поэтому, что эволюция политических взглядов городских деятелей отставала от земских деятелей и, например, на земско-городских съездах представители городов всегда занимали крайне правую позицию. Городские думы представляли интересы верхов торгово-промышленной буржуазии и притом зачастую интересы буржуазии старозаветного покроя, наиболее связанной со старым режимом. Помимо того, в составе дум обычно была значительная примесь чиновничества, что еще более ослабляло их оппозиционный пыл. Так, петербургская дума, где особенно велика была чиновная прослойка, с самого начала заняла отрицательную позицию к «освободительному» движению, которую она не изменила даже под ударами Цусимы и «Потемкина». [1]

В целом оппозиционный размах городских дум мало чем отличался от размаха «представительных» организаций крупного капитала. Что же касается средней буржуазии городов, то она была представлена на земских съездах не городской фракцией, а освобожденческой интеллигенцией, которая фигурировала на съездах в качестве «приглашенных лиц» или «членов бюро», не состоявших ни земскими ни городскими гласными. Любопытно, что даже городские гласные, принадлежавшие к освобожденческой интеллигенции, например проф. Лучицкий из Киева, участвовали на земско-городских съездах без официальных полномочий городской думы и, следовательно, их голос на съездах нельзя рассматривать, как голос «отцов города».

На события 9 января городские думы реагировали очень слабо. Московская городская дума, например, по поводу расстрелов 9 января ограничилась лишь возбуждением ходатайства, чтобы при «военных частях, назначенных для подавления уличных беспорядков, находились гражданские власти, обязанные... принимать меры к тому, чтобы во время действия войска оружием не пострадали мирные обыватели, неприкосновенные к беспорядкам и волнениям». [2]

До Цусимы только отдельные думы выступили с заявлениями об ускорении созыва народных представителей. Так, херсонская дума 15 февраля в своем «всеподданнейшем» адресе, ссылаясь на то, что «теперь понятие о безопасности личности, права и собственности колеблется: сегодня мы не уверены в завтрашнем дне», молила царя ускорить созыв народных представителей. [3]

---

[1] Реакционное большинство петербургской думы боялось созыва народных представителей. Когда 20 мая в думе должен был обсуждаться вопрос о немедленном созыве народных представителей, оно дружно объявило бойкот народному представительству, не явившись на заседание (из 162 гласных явилось 51). («Сын отечества», 1905, № 82).

[2] ЦАР, фонд Моск. охр. отд., 1904, д. № 746, л. 28.

[3] «Право», 1905, № 18, стр. 1186 и 1187.

В таком же, примерно, духе высказались и некоторые другие думы. При этом необходимо иметь в виду, что с оппозиционными заявлениями выступают исключительно думы сравнительно небольших, не промышленных городов. Думы крупных городов либо отмалчиваются, либо выступают в традиционном пресмыкательском духе, выражая лишь чувства своей «беспредельной благодарности» за акты 18 февраля.

Только под влиянием Цусимы начинаются либеральные выступления городских дум крупных торгово-промышленных центров страны. 24 мая московская дума большинством против 12 голосов признала необходимым «немедленный созыв народных представителей, первой задачей которых должно быть разрешение вопроса о войне и мире». [1] Тульская дума, никак не реагировавшая на 9 января, 14 июня приняла адрес о необходимости реформ в государственном аппарате. [2] Точно так же рыбинская дума 13 июня в адресе царю выразила твердую уверенность, что «только немедленный созыв свободно избранных без различия сословий представителей всего народа может в данную минуту вывести отечество из тяжелых испытаний». [3]

Еще в феврале 1905 г. среди либоральной части городских деятелей возникло стремление созвать совещание городских деятелей для координации выступлений отдельных дум. Первое такое совещание состоялось в конце февраля одновременно с совещанием земцев-конституционалистов. В то время как последние требовали уже всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, городские деятели на своем совещании ограничились лишь постановлением об участии в совещании под председательством Булыгина. В майском земском съезде участвовали отдельные городские гласные (в частности, гласный петербургской думы Федоров был избран в состав делегации к царю), но организованной городской группы на съезде не было, причем отдельные влиятельные руководители городского движения, например московский городской голова Голицын, от участия в съезде уклонились.

15—16 июня происходил первый съезд городских деятелей, на котором присутствовало 117 представителей губернских городов (из 205 приглашенных). Вести о восстании «Потемкина» накалили политическую температуру на съезде и несомненно повлияли на принятие сравнительно либеральных решений съезда. По крайней мере, первоначальные наметки резолюции, сводившиеся к очень неопределенному требованию «организации народного представительства на началах всеобщности и равенства... для совместного с монархом строительства земли», были заменены новым проектом, в котором прямо указывалось на необходимость конституционного устройства

---

[1] Моск. обл. архив, фонд М. Г. Д., д. № 1, л. 94.

[2] «Революционное былое», орган тульского истпарта, 1923, № 1, стр. 13.

[3] Центр. Государ. Архив внутр. политики, культуры и быта в Ленинграде, фонд канц. совета министров, д. № 30, л. 180.

страны и выражалось отрицательное отношение к булыгинским проектам. [1]

По вопросу об организации народного представительства съезд вынес решение, что оно должно состоять из двух палат, из которых первая должна состоять из представителей, избранных всем населением империи, а вторая — из представителей, избранных органами местного самоуправления. В заключение съезд выразил солидарность с земским адресом и депутацией 6 июня и указал на необходимость объединения деятельности городской организации с общеземской.

Как видим, июньский съезд городских деятелей в своих решениях близко подошел к платформе земцев и этим подготовил почву для своего включения в ряды общебуржуазного оппозиционного фронта.

3. Июльский земско-городской съезд

Подготовка к июльскому земско-городскому съезду велась в обстановке, когда оппозиционное брожение в широких кругах буржуазии достигло своего зенита. О том, как велико было в эти дни «покраснение» буржуазных элементов, можно судить по настроению, которое господствовало на летней сессии земских собраний. Вот, например, как изображает процесс левения земской среды Будберг в своих воспоминаниях о либеральном движении в Воронежской губернии: «Наши «генералы», благоразумно уклонившиеся от подписания адреса в январе..., теперь принимали самое деятельное участие не только в составлении доклада («об усовершенствовании государственного благоустройства»), но и в проведении его на земском собрании. Общее настроение было таково, что один из правых не выдержал и спросил: «окончательно ли мы порвали с правительством и остались ли еще вопросы, по которым мы должны к нему обращаться?» Вопрос этот остался без ответа, но общий дух постановлений производил такое впечатление, что правительство решили игнорировать». [2]

«В Самаре, — вспоминает кадет Протопопов, — все были потрясены вестями из Одессы и из других мест. Сообщали об усилении революционной пропаганды в селах. Среди служащих губернского земства было заметно сильное брожение... политическое настроение собрания выразилось в присоединении к требованию скорейшего созыва народного представительства и в избрании особой комиссии по популяризации политических знаний». [3]

Настроение воронежских и самарских земцев отнюдь не было исключением. С подобным положением мы встречаемся и в других местах. На нижегородском губернском земском собрании 16 июня, по отчету «Нижегородского листка» (№ 60,

[1] ЦАР, фонд деп. пол., 1905, д. № 1000, ч. 1, лл. 50—53.
[2] «Минувшие годы», 1908, № 1, стр. 238.
[3] «Русская мысль», 1907, № 11, стр. 36.

1905), смысл речей гласных свелся к тому, что «так дольше жить нельзя!.. Народное представительство в настоящий момент необходимо, как вода при пожаре. Люди самых различных мировоззрений сошлись на одном: положение сделалось невыносимым: бюрократия проявила свое бессилие».

Да что земские деятели! Даже предводители дворянства были недовольны своим правительством. Всероссийское совещание губернских предводителей дворянства, происходившее 12—15 июня, т. е. в разгар одесских событий, обратилось к царю с адресом, в котором, указав, что «Россия в преддверии анархии; осталась только тень правительства», настаивало на призыве «выборных от всей земли». [1]

Что побудительной причиной, заставлявшей либералов подниматься со ступеньки на ступеньку в деле признания демократизма, была боязнь оторваться от народного движения и потерять таким образом всякие шансы сдерживать его размах, — это с ослепительной яркостью видно хотя бы из следующего заявления освобожденца Баженова на харьковском губернском земском собрании: «Эволюция политической мысли в России идет такими гигантскими шагами, что доклад кн. Голицына (о немедленном созыве народных представителей), который 2—3 месяца тому назад вызвал бы целую бурю негодования и протеста, теперь уже не вызывает возражений, но еще более быстрым темпом, чем эволюция нашего политического настроения, следуют друг за другом политические события... Идет огромная волна общественного, политического и экономического активного протеста, волна, которая грозит снести всех нас. Бойтесь, господа, выпустить из своих рук это движение. Рядом с вами работают и другие самостоятельные группы. Помните, что если выпустить руль, то его возьмут тотчас же другие сильные руки, и тогда русский государственный корабль возьмет такой курс и пойдет к таким берегам, которые окажутся не только для вас [консерваторов. — *Е. Ч.*], но и для нас [либералов. — *Е. Ч.*] негостеприимными». [2]

Июльский земско-городской съезд не мог не отразить того процесса полевения, который охватил самые разнообразные слои имущих классов. [3] Правые на съезде были совершенно незаметны. Одни из них, как, например, кн. Касаткин-Ростовский, покинули съезд в самом начале, «после того, как кто-то сказал: нам надо готовить мирную революцию, чтобы избавиться от висящей над нами кровавой». [4] Другие ограничились при-

---

[1] ГАФКЭ, фонд б. царскосельского дворца, д. № 516, л. 7.

[2] Журнал чрезв. харьк. губ. земского собрания 12 июня 1905 г.

[3] «Многим,— вспоминает один из участников съезда, — казалось, что волнения рабочих, крестьян, матросов должны были, в связи с упорством правительства, слившись в один могучий поток, смести остатки старого режима. Революционная психология и логика подчиняли себе многих, в сущности, умеренных людей» (Д. Протопопов, Из недавнего прошлого, «Русская мысль», 1907, № 11, стр. 38).

[4] ЦАР, фонд моск. охр. отд., 1904, д. № 741, л. 131.

ложением своего особого мнения к протоколам съезда,[1] но на съезде с защитой своей точки зрения почти не выступали. Тон на съезде задавали освобожденцы.

На съезде либералы, прежде всего, вынуждены были признать гибель надежд, связанных с отправкой депутации 6 июня. Напрасно Струве уверял в «Освобождении», что делегация сыграла крупную роль тем, что вырвала у царя признание за «общественным мнением» права на оппозицию. Действительность разбила все эти искусственные построения. Через две недели после приема земско-городской депутации, 21 июня, царем была очень милостиво принята депутация «русских людей от всех званий и состояний», во главе с представителями реакционного дворянства: гр. А. Бобринским, гр. Шереметевым, Нарышкиным и др. Царизм наглядно демонстрировал свое презрение к либералам с их трусливой и двуличной тактикой, показывая всем своим поведением, что он считается только с силой и без боя уступить не намерен. Царизм не желал оставить либералам никаких иллюзий относительно значения их депутации 6 июня. В этом отношении интересен курьезный инцидент, разыгравшийся непосредственно после открытия съезда. Гр. Гейден, выступая с сообщением о депутации, закончил свою речь словами: «единственный ценный результат поездки депутации состоит в том, что отныне наши съезды узаконены». Едва только он произнес эти слова, как встает Н. Щепкин и заявляет... о приходе полиции.[2]

Когда на съезде де-Роберти высказался за обращение с новой петицией к царю, то голосование дало лишь шесть голосов за петицию. «Когда мы ехали в Петергоф 6 июня, — говорил Петрункевич, — мы еще надеялись, что царь поймет грозную опасность положения и сделает что-нибудь для ее предотвращения. Теперь всякая надежда на это должна быть оставлена, остается лишь один выход. До сих пор мы надеялись на реформы сверху, отныне единственная наша надежда — народ». Предложение Петрункевича об обращении от имени земств и дум к народу вызвало было возражения со стороны шиповцев. Энгельгардт, напуганный поджогами дворянских гнезд, высказался против непосредственной агитации среди народных масс, так как «среди крестьян это вызовет возбуждение. У них активность проявляется в дрекольях, дубинах и поджогах». Отвечая своим оппонентам, Петрункевич следующим образом аргументировал необходимость новой тактики: «Революция обогнала нас... Мы не можем удержать бурю, но во всяком случае мы должны постараться предотвратить слишком большое потря-

---

[1] В особом мнении председателя бессарабской губернской земской управы Стюарта, поддержанном М. Стаховичем и представителем Петербурга Лихачевым, приводились возражения против обращения от имени съезда к населению и указывалось на несоблюдение решения ноябрьского съезда 1904 г. о составе съездов (ЦАР, фонд деп. пол., 1905, д. № 1000, ч. 1, лл. 206—207).

[2] «Минувшие годы», 1908, № 1.

сение... Путь для этого один: итти к народу и, убедив его, что бесполезно разрушать фабрики и экономии, указать ему мирные средства воздействия на власть, что силой ничего нельзя добыть, можно добыть только правом». После патетической речи Родичева, в которой он говорил: «Мы хотим в непродолжительном времени стать представителями народа и боимся обращаться к народу. Как же мы приобретем его доверие», — огромным большинством (более 200 голосов против 8) было принято предложение бюро об обращении к населению. [1]

Много возни было вокруг текста обращения, причем дело чуть не дошло до раскола внутри освобожденческого лагеря. «Проект обращения к населению, составленный И. Петрункевичем, — вспоминает Головин, — был написан горячо и резко по отношению к правительству. Я со своей стороны заявил, что подаю голос против и что если съезд примет такое обращение, то я вынужден буду отказаться от должности председателя бюро и члена съезда, так как считаю, что составлять и распространять подобную прокламацию может лишь подпольная революционная партия, а не открыто действующая организация, подобно нашей». [2]

К Головину присоединился Муромцев, который считал главным изъяном проекта то, что это обращение как бы призывало население к противодействию правительству, не выделяя из понятия «правительство» царя. В конце-концов решено было проект переделать, сгладив его «боевой» характер.

Обращение начинается критикой правительственных репрессий против освободительного движения. Дальше повествуется о неудаче депутации 6 июня, причем обращение, следуя указаниям Муромцева, тщательно отделяет личность царя от его советников, которые-де нарушают царскую волю. После экскурса в историю освободительного движения, которое изображается в таком свете, что сперва демократические лозунги были выброшены земцами, а вслед за ними эти лозунги стали повторять рабочие, крестьяне, учащаяся молодежь и др.,— обращение призывает народ работать вместе с земцами, так как у всех одна общая цель: «достижение истинного народного представительства». При этом в воззвании с особенной силой подчеркивается, что «путь, нами указываемый, — путь мирный. Он должен привести страну к новому порядку без великих потрясений, без потоков крови и без тысяч напрасных жертв». [3]

Что же побудило либералов несколько видоизменить свою тактику, дополнить петиционную кампанию обращением к народу?

[1] О том, какие мысли витали в либеральных головах при голосовании «революционного» обращения, можно судить по следующему отрывку из частного письма кн. Шаховского: «Движение в войсках развивается. Съезд подался влево. Печатается обращение к народу» (ЦАР, фонд моск. охр. отд., 1904, д. № 741, л. 303).

[2] Из записок Ф. А. Головина («Красный архив», т. LVIII, стр. 144).

[3] ЦАР, фонд деп. пол., 1905, д. № 1000, ч. 1, лл. 212—213.

По этому вопросу несомненный интерес представляют объяснения, которые были даны отдельными видными земскими деятелями сенатору Постовскому, присланному царем для расследования обстоятельств, связанных с участием земских гласных в «незаконном сборище» 6—8 июля. В этих объяснениях земские деятели, прежде всего, стремились рассеять у правительства «глубокое заблуждение», будто члены съезда «питают дух недовольства». Наоборот, они «проникнуты стремлением предотвратить революцию», но вся беда в том, что правительство держит их на короткой привязи: «будучи сами преследуемы, они скоро могут сделаться бессильными». [1]

В своем ответе сенатору Постовскому один из лидеров земской оппозиции Вернадский писал: «С ужасом и болью деятели земской организации видели всюду все увеличивающуюся дезорганизацию правительства. Нельзя закрывать глаза: несмотря на все усилия полицейских властей и отчасти именно вследствие этого — значение, авторитет и сила крайних партий с каждым днем подымаются и в близком будущем могут привести к серьезным событиям». Из этих слов Вернадского видно, что земских деятелей больше всего пугала все усиливающаяся растерянность правительства и рост революционного движения.

Но если чаша весов наклонялась в сторону пролетариата, то либералам, как «честным маклерам», никак нельзя было пренебрегать все растущим значением народной массы. «На сцену,— развивает эту мысль Вернадский, — выступает народ. К нему обращаются и крайние правые и крайние левые. Таким актом, признающим этот новый фактор в общественном развитии, и является данное обращение». Однако, считаясь с возможностью победы революционного народа, либералы больше всего на свете боялись плебейской расправы с царским режимом. Буржуазия не могла допустить полной победы народа над самодержавием. Поэтому воззвание преследовало цель предупредить торжество революции посредством введения народного возбуждения в прокрустово ложе «мирных путей воздействия на власть» и таким образом обеспечить идейную гегемонию либералов в освободительном движении. «Для земских деятелей, — пишет Вернадский, — возможны были всего три пути: 1) или указать какие-нибудь новые мирные пути воздействия на власть и общество и сохранить силу своего политического положения в стране, или 2) отойти в сторону от жизни, предоставив поле действия крайним партиям — умыть руки, или 3) перейти в ряды левых партий действия». [2] Выступая с обращением к населению, либералы этим самым отдавали предпочтение первому пути.

Многозначительный нюанс, дополняющий объяснения Вернадского, мы встречаем в ответе Петрункевича сенатору Постов-

[1] В. Д. Кузьмин-Караваев. Из эпохи освободительного движения, I, До 17 октября 1905 г. СПб., 1907, стр. 59.
[2] ГАФКЭ, фонд «Земцы», лл. 74—79.

скому: «Начиная с первого совещания в 1902 г. и до последнего 6—8 июля текущего года, — писал он, — через все съезды красной нитью проходит надежда убедить правительство в необходимости принятия тех или других мер, которые мы считали необходимыми для удовлетворения важнейших нужд народа». Дальше Петрункевич поясняет, почему земские деятели избрали на июльском съезде средством для убеждения правительства в необходимости реформ обращение к народу, а не посылку новой петиции: «У меня не оставалось более сомнений, что наше совещание не может обращаться к правительству, что мы не обладаем достаточным в его глазах авторитетом, что мы должны рассчитывать только на нравственное воздействие на сознание населения и, рассказав ему все, что нами сделано, спросить у него доверия к нам, чтобы вместе работать для восстановления мирного течения жизни». [1]

Таким образом, своим обращением к народу за доверием либералы рассчитывали убить двух зайцев: 1) укрепить свое пошатнувшееся, благодаря разоблачительной пропаганде большевиков, положение в народе и удержать его в рамках мирной борьбы легальными средствами; 2) опираясь на народный вотум, поднять свой авторитет в глазах правительства и тем самым усилить свои позиции при выклянчивании у самодержавия политических уступок.

Вопреки демагогическому заявлению Петрункевича — «до сих пор мы надеялись на реформу сверху, отныне единственная наша надежда — народ», — либералы всем своим поведением на съезде показывали, что они далеки от мысли пойти на разрыв с самодержавием. [2] Полтавский земец Лизогуб выразил это настроение съезда в следующей фразе: «6 июня было недавно, еще не все надежды потеряны». Что либералы вовсе не думали игнорировать правительство, это легко проверить на их отношении к проекту булыгинской думы. Участники июльского съезда не жалели красок, рисуя отрицательные черты булыгинского проекта. В принятой по этому поводу резолюции говорилось, что проект Булыгина «не может внести успокоение в страну, предотвратить все опасности, ей угрожающие, и вывести ее из настоящего состояния анархии на путь правильного и мирного развития на основах твердого государственного правопорядка». Но когда перешли к обсуждению вопроса бойкотировать ли думу, если она будет созвана по проекту Булыгина, то тут началось типичное для либералов виляние. Чувствовалось, что за отдельными исключениями все участники

[1] Белоконский, Земское движение, стр. 345—346.

[2] Любопытно, что после июльского съезда, на котором было принято «революционное» обращение к народу, председатель бюро съездов Головин прежде всего направился... в передние царских сановников — Трепова, Сольского и Булыгина. «Цель моего визита к гр. Сольскому, — пишет он в своих записках, — убедить Сольского, что труды съездов являются серьезным материалом для работ находящегося под его председательством совещания и что ему следует заступиться за съезды перед правительством и государем» («Красный архив», т. LVIII, стр. 145—146).

съезда считают участие в выборах само собой разумеющимся. Но из боязни потерять популярность делегаты съезда всячески маскировали свой оппортунизм левой фразой: «Земцы, — говорил Н. Щепкин, — должны шаг за шагом отстаивать свободу, но успех должен быть достигнут не кровавым путем. Для этого надо проникнуть в стан врага, т. е. в думу... Первое же собрание думы станет учредительным». Еще дальше по части левой мимикрии шел Родичев: «Настоящий бойкот будет, если первое же постановление в думе будет гласить: «Мы уходим. Это не настоящее представительство... Дайте нам настоящее». [1]

Несмотря на то, что почти все делегаты съезда высказывались против бойкота думы, вопрос об отношении к проекту Булыгина был оставлен открытым. Двуличная и выжидательная позиция либералов по одному из основных вопросов политической жизни страны, по вопросу о бойкоте булыгинской думы, облегчала для них лавирование между самодержавием и революционным народом, ибо затрудняла разоблачение перед массами предательской линии либералов в революции и в то же время оставляла лазейку для сделки с царизмом.

По существу усилия либералов в это время уже направились в сторону отвлечения внимания масс от революционной борьбы к «парламентаризму». В стране не было никаких конституционных учреждений, даже проект булыгинского ублюдка еще не был опубликован, а либералы уже затеяли игру в парламентаризм. «Настоящий съезд есть в миниатюре будущая Государственная дума», — заявил на июльском земско-городском съезде представитель Ростова. Воображая себя законодателями, земско-городские деятели подражали даже принятой в парламентах процедуре. Так, например, внесенный от имени бюро съездов «основной закон Российской империи» был принят пока в первом чтении. «К следующему съезду, — писал в частном письме Вернадский, — по второму чтению конституции — мы таким образом явимся суррогатами представительства всей России». [2]

Как видно из слов Вернадского, игрой в парламентские бирюльки либералы стремились упрочить за земско-городскими съездами фикцию народного представительства. Это было выгодно для них в двух отношениях: с одной стороны, должно было превратить в народном сознании земско-городские съезды в центр освободительного движения, а с другой — повышало шансы либералов в торге с самодержавием и открывало перед ними заманчивую перспективу получения «кусочка власти» без борьбы, путем признания сверху за съездами значения суррогата народного представительства.

---

[1] ЦАР, фонд моск. охр. отд., 1904, д. № 741, л. 276.

[2] ЦАР, фонд деп. пол., д. № 1000, ч. 1, т. II, л. 160, выписка из перлюстрированного письма Вернадского.

4. От петиционной кампании к «хождению в народ»

Итак, земцы решили итти в народ. Но они не могли не видеть, что между ними и народом была целая пропасть. Чтобы перекинуть мост, необходимо было подумать об образовании «демократической» партии. Обсуждению этого вопроса было посвящено совещание земцев-конституционалистов, которое состоялось непосредственно после коалиционного съезда. [1] На этом совещании был поставлен вопрос о дальнейшем существовании земской конституционной группы в связи с тем, что первоначальная задача группы, сводившаяся к пропаганде конституционных требований в земской среде, теперь, после принятия апрельским общеземским съездом проекта «основного закона Российской империи», была в известной мере исчерпана.

По мысли левой части совещания очередной задачей земцев-конституционалистов должно стать «объединение земских сил с общенародными». Петр Долгоруков, обратив внимание на то, что отдаление земских и городских деятелей от народа уже используется левыми, призывал «вмешаться в самую гущу жизни и повлиять на ход происходящего кругом народного движения». Выступивший затем Муравьев очень рельефно обрисовал мотивы, которые побуждали либералов к партийному объединению. «Крайние социалистические партии, — сказал он, — безусловно полезны, но они будут еще более полезны, если рядом с ними создать известный противовес».

Мысль об оформлении либеральной партии в качестве противовеса пропаганде социалистических партий в народе пришлось очень по вкусу участникам совещания, но у некоторых из них возникли сомнения другого порядка. Туган-Барановский, указав, что «здесь представлены все партии, кроме реакционной, все оттенки от красного (?) и розового и отсутствует лишь белый цвет», отнесся скептически к возможности из таких разнородных элементов сложить партию. Напрасно Милюков хотел рассеять его опасения, объясняя, что «некоторая широта захвата и неопределенность очертаний даже выгодны (sic!) в деле образования партии». Лидер правого крыла земцев-конституционалистов гр. Гейден выступил с предостережением, что в случае превращения группы земцев-конституционалистов в партию, она будет наводнена левыми элементами из разночинцев и этим оттолкнет от себя умеренных земцев. После выступления Гейдена стало очевидным, что при реорганизации группы земцев-конституционалистов в партию от нее неизбежно должно будет отпочковаться правое крыло, которое вошло потом в «Союз 17 октября».

Первые попытки либерального паломничества в народ относятся еще к первой половине 1905 г. «...либералы, — говорил на III съезде РСДРП т. Воровский, — особенно после 9 января, начали усиленно заводить связи в рабочей среде и пытаются

[1] См. журнал съезда группы земцев-конституционалистов 9 и 10 июля 1905 г. в Москве (ГАФКЭ, фонд «Земцы»).

захватить руководство пролетарским движением в свои руки».[1] Из эмигрантского далека Струве на страницах «Освобождения» неустанно призывал «земскую оппозицию» и «демократическую интеллигенцию» работать «рука об руку над политическим пробуждением народа». По мысли Струве, работа над «политическим пробуждением» народных масс должна, прежде всего, заключаться в противодействии «нынешней проповеди революционаризма». А так как в этом отношении главным противником либералов являлась революционная социал-демократия, то естественно, что «неотложной задачей» либералов «Освобождение» (№ 69—70, 1905, стр. 339) считало — «найти прямой доступ к массам», минуя социал-демократов. Противодействуя революционной пропаганде, либералы должны распространять в народной массе убеждения, что «в политической борьбе решающим фактором является всегда фактор моральный, и победит тот, кто прав перед лицом страны, т. е. ее всеобщего мнения».

Мы видим, таким образом, что либеральное общение с народом преследовало своей целью борьбу с революционной пропагандой и распространение в массах иллюзий, будто достаточно противопоставить правительству «громаду народного мнения», чтобы оно капитулировало.

Однако между призывом — найти прямой доступ к массам — и действительным проникновением либералов в рабочую и крестьянскую среду лежала дистанция огромного размера.

До восстания «Потемкина» нам известны только единичные случаи проникновения либералов «в гущу народной жизни». Случаи распространения освободженческой литературы в народе в это время встречались только как редкое исключение. В основном деятельность даже наиболее активной части либералов — освобожденцев — носила «камерный» характер. Например, после 18 февраля по инициативе «Союза освобождения» в Москве у Долгоруковых стали устраиваться беседы профессоров Мануйлова, Милюкова, Мандельштама, Герценштейна и др. о декабристах, 60-х годах, о конституции в Германии и пр. 13 апреля в доме купчихи Морозовой Милюков читал лекцию по истории русского революционного движения, по донесению агента охранки, «в весьма умеренном тоне».[2] По признанию Шаховского, работа «Союза освобождения» сводилась лишь к известным шагам в союзах, на съездах и в пропаганде освобожденческих идей в печати и на лекциях.[3]

Положение изменилось только после восстания «Потемкина». 19(6) июля П. Струве в «Освобождении», констатируя неудачу депутации 6 июня, выдвигает перед либералами задачу: «расширить сферу своего действия и, подчинив своему влиянию народные массы, превратить русскую революцию из стихийного потока в организованное, мирное движение». Призыв «Освобождения» не повис в воздухе. «Отдельные попытки осво-

[1] Протоколы III съезда РСДРП, М., 1937, стр. 389.
[2] ЦАР, фонд деп. пол., 1905, д. № 1000.
[3] «Зарницы», 1909, сб. № 2, стр. 157.

божденцев, — писал большевистский «Пролетарий» (№ 11 от 9/22 августа 1905 г.), — перейти от слов к «делу» уже замечаются. Все товарищи из России указывают на упорные старания либералов овладеть пролетарским движением. То же наблюдается и в деревне».

Ряд земств в то время расширил состав участников экономических советов при управах за счет приглашения крестьян. Приглашение крестьян в экономические советы стимулировалось необходимостью урегулировать аграрные конфликты, усилившиеся с весны 1905 г. Так, старобельское земское собрание «ввиду начавшихся аграрных волнений» решило пригласить в помощь управе представителей от крестьян и «открыть с ними беседы по поводу совершающихся событий». Нам неизвестно, состоялись ли эти беседы и к каким результатам они привели. Но вот перед нами отчет о совещании «о нуждах народных», которое устроили новоторжские земцы 25 июля 1905 г. На этом совещании Петрункевич убеждал крестьян, что «силой ничего нельзя добыть, можно добыть только правом». Однако попытки освобожденческого златоуста внедрить в сознание мужиков либеральную тактику успеха не имели. Среди крестьян ощущалась атмосфера недоверия и даже вражды к земским деятелям. «Вы жалуетесь, — говорил один крестьянин, обращаясь к Петрункевичу, — что земство ничего не могло сделать для народа благодаря противодействию правительства. Отчего? От вашего холопства! Нужно требовать, нужно самим брать!» [1] Как видим, либералам было нелегко найти общий язык даже со специально просеянными для совещания крестьянами. Такая же неприятная для либерального глаза картина наблюдалась повсюду. «Либералы, — писалось в «Пролетарии», — устраивают очень много крестьянских собраний,но крестьяне прежде всего видят в них земцев. А земство во многих местах считается чуть ли не большим врагом, чем самодержавие». [2]

Непосредственно действуя от имени земства, либералы не могли рассчитывать на успех в населении. Поэтому они стали прибегать к услугам «переводчиков», использовали в качестве проводника либерального влияния на крестьянские массы эсерствующий «третий элемент». С помощью земских служащих и вообще интеллигенции либералы пытались организовать крестьянские союзы.

Мысль об образовании крестьянского союза возникла в Московском сельскохозяйственном обществе. Реакционная часть последнего во главе с Самариным хотела использовать темные массы крестьянства как слепое орудие в своих контрреволюционных целях. Самарин при помощи земских начальников и полиции добивался от сельских сходов составления приговоров о верности крестьян историческим «устоям». Он устроил также несколько совещаний с «надежными» крестья-

---

[1] «Пролетарий», № 14 от 16/29 августа 1905 г.
[2] Там же, № 16 от 1/14 сентября 1905 г.

нами, отобранными земскими начальниками из числа волостных старшин, кулаков и пр. Из этой затеи ничего не вышло, так как крестьяне явно выражали недоверие избранникам дворянского начальства. Одновременно с самаринской попыткой поставить крестьян под знамя крепостнической реакции либеральные деятели из московского сельскохозяйственного общества, среди которых было много земских служащих — агрономов, юристов, врачей и т. д., организовали 18 (5) мая совещание крестьян Московской губернии, принявшее решение о создании всероссийского крестьянского союза. Это решение, широко распространенное по всей стране, послужило толчком к возникновению местных групп крестьянского союза.

Либеральные помещики вначале поощряли организацию крестьянских союзов, рассчитывая с помощью их удержать крестьян от погромов и насилий. Саратовское земское собрание 17 июля постановило, что «для ослабления дальнейшего развития классовой вражды, грозящей перейти в гражданскую войну, желательна организация крестьянских союзов». [1] Известные шаги по созданию либеральных крестьянских союзов были сделаны кн. Долгоруковым в Московской губернии.

Попытки либералов захватить идейную гегемонию среди крестьянского населения облегчались тем, что эсеры, несмотря на свою революционную фразеологию, были, как известно, очень склонны к соглашению с буржуазией. Поэтому либералам обычно без труда удавалось подчинять своему воздействию эсерствующие элементы в организациях, соприкасающихся с деревней. Так, например, в Ярославской губернии крестьянская секция учительского союза и бюро крестьянского союза благодаря засилью в них эсеров работали совместно с либеральными земцами, которые, пользуясь союзными организациями, распространяли среди крестьянства литературу либерального содержания». [2] Выступая в роли организаторов крестьянских союзов, либеральная интеллигенция, по признанию одного из деятелей крестьянского союза, стремилась «парализовать стихийные порывы и убедить крестьянство в целесообразности правовой борьбы... Там, где интеллигенция оказалась во главе крестьянского движения, она придавала деятельности местных организаций мирный характер, воздерживала от каких-либо форм насилия и аграрного террора». [3]

На учредительном съезде крестьянского союза (31 июля — 1 августа), по воспоминаниям Шестакова, «задавали тон около 25 человек интеллигентов и в их числе левые кадеты из московских агрономов с изрядной долей эсеров... Заправилы съезда вместе с эсерами вообще не давали развертываться прениям

---

[1] Веселовский, Крестьянское движение в России, СПб., 1907, стр. 47.

[2] «Ярославль в первой революции», сб., 1925, стр. 175.

[3] Оленин, «Крестьяне и интеллигенция», «Русское богатство», 1907, № 2.

по вопросу, дать ли помещикам выкуп за землю». [1] И, действительно, колебания съезда в вопросе о выкупе помещичьей земли, отказ включить в программу требование демократической республики и «приговорная» тактика, которую он рекомендовал крестьянам, свидетельствуют бесспорно о том, что крестьянский союз вначале подпал под влияние либералов, причем захват крестьянского союза в руки либералов объясняется, в первую очередь, соглашательской линией поведения эсеров.

Однако расхождение интересов между либеральными помещиками, агентурой которых в данном случае выступали эсерствующие интеллигенты, и крестьянской массой, стремившейся к революционному разрешению аграрного вопроса, должно было привести к высвобождению крестьян из-под либерального влияния.

Единственная партия, которая вела борьбу с попытками либералов подчинить своему влиянию крестьянское движение и стремилась превратить его из стихийного потока в революционную, сознательную борьбу против самодержавия и помещиков, были большевики. Большевики боролись за изоляцию «...либерально-монархической буржуазии, старающейся овладеть крестьянством и ликвидировать революцию путем с о г л а ш е н и я с царизмом». [2]

III съезд партии в резолюции об отношении к крестьянскому движению высказался за необходимость самой энергичной поддержки революционных требований крестьянства вплоть до конфискации помещичьих земель и за немедленную организацию революционных крестьянских комитетов для осуществления захватным путем этих требований.

Несмотря на трудности агитации в деревне, ввиду распыленности крестьянской массы, большевики проделали в этом направлении значительную работу. Они энергично распространяли среди крестьян революционную литературу, используя для этого рабочих, связанных с деревней, и отчасти сельскую интеллигенцию. Местными большевистскими комитетами неоднократно переиздавалась знаменитая брошюра Ленина «К деревенской бедноте». Петербургский комитет издал массовым тиражом прокламации «К братьям-крестьянам», в которой заключался призыв к организации революционных крестьянских комитетов, и «Письма из Грузии», выражавшую восхищение по поводу крестьянского движения в Гурии. Московская окружная организация, ведавшая работой в деревне, напечатала листовку «К товарищам, уезжающим в деревню на пасхальные каникулы», призывавшую организовывать революционные комитеты и связывать их с рабочими. В Тверской и в некоторых других губерниях большевики организовали революционные кружки из крестьян.

---

[1] Шестаков, Бунт земли, М., 1923, стр. 52 и 54.
[2] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 54.

Нельзя, конечно, переоценивать размах и глубину влияния революционной социал-демократии на крестьянские массы. Если призывы революционных агитаторов захватывать помещичьи земли встречали, как правило, живейший отклик со стороны крестьян, то лозунг свержения царизма был далеко еще не усвоен широкими массами крестьянства. Поднимаясь на борьбу против помещиков, крестьяне, окутанные пеленой монархических иллюзий, не видели еще связи помещичьего землевладения с царским строем и поэтому надеялись получить землю из рук царя.

Тем не менее, под прямым воздействием большевиков в некоторых местностях, например в Прибалтике и, особенно, в Закавказье, где большевики под руководством тов. Сталина показали образцы революционной агитации среди крестьян, организовывались революционные крестьянские комитеты, захватывавшие власть в деревне, возникали «крестьянские республики» (Люботинская в Харьковской губернии, Старобуянская в Самарской губернии и др.).

В ряде случаев большевикам удавалось отвоевывать у либералов и эсеров позиции в местных организациях крестьянского союза, сплачивая крестьянство под революционными лозунгами. Так, в Ярославле, где особенно бросался в глаза союз между эсерствующими заправилами крестьянского союза и либералами, «блок с либералами продолжался недолго, потому что политическое влияние на крестьянский союз стало переходить от эсеров к большевикам». [1]

Не мечтая о непосредственном доступе к рабочим, либералы пытались использовать в качестве посредника «Союз союзов». Последняя организация была центром интеллигентских союзов, которые возникли — не без содействия освобожденцев — еще в марте — апреле 1905 г. Организуя «профессиональные» союзы, преимущественно из лиц свободных профессий, освобожденцы стремились расширить зону своего влияния, «объединить» и «слить», — по словам Ленина, — в с е «освободительное» движение в один поток демократизма ради прикрытия б у р ж у а з н о г о характера этого демократизма». [2]

Не рассчитывая привлечь широкие круги населения под изрядно замаранный освобожденческий стяг, освобожденцы всячески подчеркивали «нейтральность» интеллигентских союзов и избегали упоминания об их освобожденческой окраске. Цели союза союзов в уставе, предложенном на совещании делегатов 14 всероссийских профессиональных союзов 8—9 мая, намеренно были очерчены крайне неопределенно. «Цель союза союзов, — говорилось там, — состоит в том, чтобы создать на почве профессионального единения дееспособную, политическую организацию, которая могла бы самостоятельно или путем соглашения с другими общественными соединениями

---

[1] «Ярославль в первой революции», сб., 1925, стр. 176.
[2] Ленин, т. VIII, стр. 230.

(партиями) предпринять ряд действий, объективно доступных ее членам, в деле борьбы с существующим строем за создание новых политических и социальных форм, относительно которых большинство членов союза единомышленны или же пришли к соглашению». Здесь не указано, с какими партиями «Союз союзов» предпочитает входить в соглашение, не ясно, что за тактика подразумевается под «объективно доступной» членам союзов, наконец, не разъяснено, что это за новые политические и социальные формы, к которым должны стремиться участники, «Союза союзов». Чувствуется, что составители устава тщательно обходили острые углы, боясь показать свои либеральные уши.

Неудивительно, что на учредительном съезде «Союза союзов» возникли разногласия между делегатами таких различных союзов, как академический и адвокатский, с одной стороны, и союзами в роде железнодорожного — с другой. При обсуждении устава 26 человек из 56 присутствовавших нашли, что нельзя ограничиваться одним общим указанием на цели «Союза союзов» и настаивали на принятии более развернутой формулы целей борьбы. «Иначе, — предупреждали они, — может оказаться, что союз союзов или будет итти мимо жизни, или станет на сторону той части господствующих классов, которая решила итти на политические и социальные уступки народной массе, а не прямо на сторону интересов трудящихся масс». [1]

Тактика либералов, рассчитывавших контрабандой поставить под свои знамена все освободительное движение, была разоблачена большевиками. III съезд партии в своей резолюции об отношении к либералам предложил всем организациям РСДРП: «1) разъяснять рабочим антиреволюционный и противопролетарский характер буржуазно-демократического направления во всех его оттенках, начиная от умеренно-либерального, представляемого широкими слоями землевладельцев и фабрикантов, и кончая более радикальными, представляемыми Союзом освобождения и многочисленными группами лиц свободных профессий; 2) энергично бороться, в силу изложенного, против всяких попыток буржуазной демократии взять в свои руки рабочее движение и выступать от имени пролетариата или отдельных групп его». [2]

---

[1] ЦАР, фонд моск. охр. отд., 1905, д. № 792, л. 7.
[2] Протоколы III съезда РСДРП, стр. 478—479.

ГЛАВА 5

АКТ 6 АВГУСТА И ПОВОРОТ ЛИБЕРАЛОВ ВПРАВО

1. Верхи торгово-промышленной буржуазии

Задолго до опубликования акта 6 августа либеральная буржуазия связывала свои надежды на умиротворение страны с созывом народных представителей. Она рисовала перед царизмом заманчивую перспективу, как с созывом Государственной думы, когда «самому народу» будет вручен «священный палладиум правопорядка», «вся страна добровольно встанет в ряды «усиленной охраны» гражданственности и таким путем будет достигнуто замирение страны со своим правительством». [1] Изданием закона о Государственной думе, который предоставлял буржуазии известные гарантии «правового порядка», создавалась, наконец, основа для соглашения буржуазии с самодержавием против революции.

Неудивительно поэтому, что: «Либеральная буржуазия, уже утомленная упорной борьбой рабочих и обеспокоенная призраком «непрерывной революции», вздохнула облегченно и с радостью ухватилась за брошенную ей подачку». [2] По поводу опубликования законодательных актов 6 августа лейб-орган русских промышленников «Горнозаводский листок» (№ 34, 1905, стр. 8021 и 8022) писал, что теперь «до известной степени устраняется то нестроение русской жизни, от которого так страдали все слои населения, в том числе и промышленники». Правда, «Горнозаводский листок» считает, что значение нового закона о народном представительстве умаляется из-за отсутствия «свобод», чем затрудняется участие населения в выборах, но он успокаивает себя тем, что важен «первый шаг; если будут созваны народные представители в какой бы то ни было форме — легче будет сделать дальнейшие шаги в смысле усовершенствования предстоящего учреждения».

Московское, нижегородское, рыбинское, саратовское, астраханское и другие биржевые общества поспешили от имени торгово-промышленного сословия повергнуть перед царем холопские «чувства неизменной верноподданнической преданности». Диссонансом прозвучала лишь телеграмма самарского биржевого общества, которое, высоко ценя законодательный акт 6 августа как первый шаг к общей реформе государствен-

---

[1] «Слово» от 20 августа 1905 г.
[2] Ленин, т. VIII, стр. 289.

ного строя, вместе с тем выразило пожелание о дальнейшем усовершенствовании думы «на началах всеобщего избирательного права и полноправного участия Государственной думы в осуществлении законодательной власти».

Но за этим одним исключением мы теперь не встречаем со стороны промышленников критики булыгинской думы из-за ее законосовещательного характера. Свои сетования они направляют преимущественно по линии неудовлетворительности избирательной системы с точки зрения представительства интересов промышленности. Учитывая «вероятность» аграрного большинства в думе, «Горнозаводский листок» (№ 35, 1905, стр. 8035) выступает с призывом к объединению капиталистов: «акт 6 августа отвел для русской промышленности в Государственной думе прямо-таки третьестепенное место, и организация промышленности для политической деятельности в настоящее время является не только гражданским долгом, но и простым коммерческим расчетом». Замечательно в этом призыве то, что «Горнозаводский листок» усматривает главный смысл политического объединения промышленников в отстаивании специфических интересов промышленности среди помещичьего большинства думы. Сравните эту «узко-купцовскую» позицию с той, которую крупная буржуазия занимала в июле, когда она, выступая с программой политических реформ и лозунгом законодательного характера народного представительства, обнаружила известное понимание широких интересов всего класса буржуазии, — и вы увидите, как заметно поблекли после издания закона 6 августа ее политические вожделения.

Поворот представителей крупного капитала в сторону традиционной «узко-купцовской» точки зрения стоит в непосредственной связи с усилением страха перед рабочим классом, который наблюдается в буржуазной среде под влиянием все усиливающегося революционного движения. В это время среди промышленников, обеспокоенных непрекращающимися забастовками и волнениями рабочих, все чаще раздаются жалобы на бездействие власти. «За последние 8—9 месяцев, — плакался нефтяной король Нобель, — в бакинском районе все шло к тому террору, который теперь воцарился. Крайние элементы сумели увлечь за собой одну часть массы, другую терроризировали... Вопрос был поставлен ребром: нефть или реформа. Реформу мы дать не могли, у нас взяли нефть... Никаких мер противодействия развивающейся агитации не принималось, для охраны промыслов ничего не было сделано». [1] Бакинские нефтепромышленники в августе обращаются к правительству с просьбой о присылке войск, о разрешении нефтепромышленникам иметь вооруженную охрану промыслов и о выдаче казенной ссуды на восстановление нефтяной промыш-

[1] «Сын отечества», № 182 от 13 сентября 1905 г.

ленности. [1] Ясно, что в этих условиях оппозиционные лозунги либеральной буржуазии не могли не потускнеть.

Однако в этот период испуг крупной буржуазии еще не достиг такой силы, чтобы она безоговорочно стала в ряды сторонников «охранительных начал», видящих спасение России в военной диктатуре. Нет, у нее еще не исчезла надежда «урегулировать» рабочее движение посредством политических уступок. Бакинские нефтепромышленники в качестве мер для восстановления бакинской промышленности после августовского разгрома, наряду с присылкой войск, выдвигают «ускорение разрешения рабочего вопроса, по крайней мере в той его части, которая касается организаций, сходок, стачек, слова и неприкосновенности личности и жилищ». Совет петербургского общества фабрикантов и заводчиков, разбирая акт 6 августа, одним из его изъянов считал лишение избирательных прав рабочего класса. Это обстоятельство, по мнению совета, «не может не отразиться крайне невыгодным образом на восстановлении нормальной промышленной жизни страны». [2] Лидер польских горнопромышленников Жуковский высказывался за особое представительство в думе от рабочих, так как «мера эта могла бы повлиять успокоительно на рабочих и противодействовать революционной агитации». [3] На совещании «молодой партии» московского биржевого общества решено было ходатайствовать перед царем «о даровании рабочему сословию хотя бы на будущих выборах права иметь своих представителей в Государственной думе». [4]

2. Освобожденцы. Сентябрьский съезд земских и городских деятелей

Освобожденцы свою готовность принять брошенную им подачку тщательно маскировали левой фразеологией. «Ни о каких компромиссах, — заявляло «Освобождение», — не должно быть и речи. Попрежнему приходится завоевывать (?) свободу, а не выпрашивать ее. Самодержавная бюрократия только предлагает новое поле битвы борцам за свободу. Вызов этот должен быть принят». [5] Один из сотрудников «Освобождения» идет еще дальше в фехтовании оппозиционными фразами и предлагает принять участие в выборах единственно с той целью, чтобы на собраниях выборщиков вызвать конфликт с правительством, подкрепленный угрозой бойкота. [6]

В последних числах августа состоялся IV съезд «Союза освобождения», на котором обсуждался вопрос об отношении к булыгинской думе. Участники съезда единодушно сошлись на том,

---

[1] «Нефтяное дело», 1905, № 20—21.
[2] ЦАОР, фонд СПб. о-ва ф. и з., д. № 118, л. 124.
[3] Там же, л. 137.
[4] ЦАР, фонд моск. охр. отд., 1904, д. № 746, л. 29.
[5] «Освобождение», 1905, № 76, стр. 445.
[6] Там же, № 78—79, стр. 487.

что «проникнуть в думу надо». Между членами съезда было расхождение в вопросах думской тактики, но только в нюансах. «Одним, — вспоминает секретарь съезда Шаховской, — более нетерпеливым, эта тактика представлялась в таком виде, что депутаты в первом же собрании должны или добиваться всего, или выйти из думы, другие допускали возможность не только тактики приступа, но и правильной осады пресловутых иерихонских стен, не сбиваясь, однако, на путь мелочной текущей работы и не «разбредаясь по лестнице компромиссов».[1]

Освобожденческое «Право», приветствуя 6 августа как «поворотный пункт, от которого история поведет новую стадию развития», подчеркивало, что «уже самый факт появления народных представителей, избранных населением, внесет новый тон в общий ход нашей политической жизни».[2] Этот новый тон освобожденцы видели в том, что теперь «широкий и бурный поток жизни не будет уже чертить целиной, а пойдет по каналу булыгинской думы». Воюя против большевистского лозунга активного бойкота думы, освобожденцы всячески подчеркивали, что главной ареной борьбы с самодержавием отныне должна стать дума.

В сентябре был созван очередной съезд земско-городских деятелей, который должен был рассмотреть вопрос об участии в выборах в думу. На съезд прибыло 126 представителей земств и 68 представителей городских самоуправлений. Даже от иностранных наблюдателей не укрылось, что настроение съезда представляло «поразительный контраст» с настроением, господствовавшим на июльском съезде, что проявилось «почти в полном отсутствии обоснованных нападений на правительство, за исключением случайных ссылок на кавказские ужасы».

Это настроение съезда явилось прямым отражением, — правда, недостаточно полным, как мы увидим дальше, — того поворота вправо, который наметился в имущих классах под влиянием утомления их «постоянной анархией» и жажды «спокойствия и порядка». По свидетельству историка земства Веселовского, «в осенней сессии уездных собраний впервые резко выступил разлад в среде земских элементов. Значительная часть более умеренных протестантов поспешила опереться на положение 6 августа, надеясь найти в нем оплот «против беспорядков, мятежей и междуусобий». Ряды земской оппозиции поредели».[3] Корреспонденты большевистского «Пролетария» сообщали о «трогательном единении между реакционерами и либералами перед нахлынувшими волнами крестьянской революции. И те и другие готовы стереть в порошок «обнаглевшего хулигана».[4] В этой обстановке «либеральным» помещикам приходится отказываться от флирта с крестьянами. Под влиянием аграрных волнений, вспыхнувших осенью

[1] «Освобождение», 1905, № 78—79, стр. 488.
[2] «Право», 1905, № 31, стр. 2516.
[3] Веселовский, История земства, т. I, стр. 638.
[4] «Пролетарий», № 18 от 26/13 сентября 1905 г.

1905 г., советы при управах с широким участием крестьян повсеместно ликвидируются.

Линяние оппозиционных настроений оказалось особенно заметным в органах городского самоуправления. Городская дума в Н.-Новгороде, постановившая после кровавых событий в Нижнем 9—11 июля создать городскую самооборону, 10 сентября «отложила» доклад о городской милиции. [1] Рязанские городские выборы 10 августа окончились полным поражением «интеллигентной» партии и победой стародумской, купеческой, которая мстила рязанским интеллигентам за протесты против оккупации города казаками и т. д. [2] На сентябрьском съезде представители городских дум заняли явно реакционную позицию.

Все чаще и чаще в рядах либеральной оппозиции раздаются голоса о необходимости бороться на два фронта, причем акцент делается на борьбе с революцией. «Я вполне разделяю твое мнение, — писал проф. Анучин 26 августа Соболевскому, — что нам следует держаться либерально-прогрессивного направления и вести в «Русских ведомостях» борьбу на два фронта. Борьба против разных крайних тенденций подразумевает определенную организацию. А она у нас, повидимому, всего менее устойчива для либеральной партии, хотя, с другой стороны, к ней сознательно или бессознательно должны примкнуть все более солидные люди из земцев, городских деятелей, ученых профессий и т. д.». [3] В этом отрывке обращает на себя внимание то, что острие своей будущей партийной организации либералы предполагали направить на борьбу против «крайних тенденций», т. е. против революционного движения.

Как и следовало ожидать, на сентябрьском земско-городском съезде было признано желательным участие в думе. Обосновывая эту капитулянтскую позицию, либералы не скупились на «революционные» фразы, чтобы прикрыть ее настоящий характер. Как образец освобожденческой демагогии можно привести выступление де-Роберти: «Борьба пойдет и в самой думе и за стенами ее; привилегия тех, которые в думе, — итти первыми на приступ. Мы будем выбирать не сторонников 6-го числа, а смертельных врагов. Я полагаю, что первый день существования думы окажется и ее последним днем. Даже дальнейшие уступки бюрократии не спасут ее». [4]

Жонглирование освобожденцев радикальными фразами было далеко не случайным. Они опасались, что булыгинская дума может оказаться слишком хрупкой преградой, чтобы сдержать разбушевавшиеся волны народного океана. Поэтому на случай, если булыгинская дума будет смыта революционным потоком, освобожденцы сколачивали себе плот из радикальных фраз о «смертельной» борьбе со сторонниками 6-го числа и т. д.,

---

[1] «Наша жизнь» от 20 сентября 1905 г.
[2] Там же, от 12 августа 1905 г.
[3] ЦАР, фонд моск. охр. отд., 1904, д. № 741, т. IV, л. 164.
[4] «Слово» от 15 сентября 1905 г.

чтобы на плохой конец можно было на этом плоте выплыть на гребень народной волны.

Однако избирательное воззвание, предназначенное для legal pays, [1] было составлено далеко не в таком «зажигательном» тоне. В нем по поводу думской тактики только указывалось, что «первая и главная задача Государственной думы состоит в том, чтобы выставить и провести необходимость преобразования самой думы» (всеобщее избирательное право, законодательные функции). Чтобы отвести от себя обвинения в «крамольности» подобной тактики, авторы воззвания ссылаются на то, что «мысль об этом преобразовании высказана в высочайшем манифесте, который говорит о дальнейшем усовершенствовании учреждения Государственной думы». [2] Выходит, таким образом, что «смертельные враги 6-го числа», поклявшиеся итти первыми на «приступ» бюрократических твердынь, действовали в данном случае... в точном соответствии со словами царского манифеста!

Программа социальных реформ, с которой земцы предполагали выступить перед избирателями, изобиловала общими местами, допускающими любое толкование. В то же время она в своей аграрной части представляла шаг назад: она отвергала ранее признаваемую либералами обязательность требования отчуждения частновладельческих земель. Теперь аграрная программа допускала обязательный за счет государства выкуп помещичьих земель только «в известных случаях». [3] Но даже и в такой осторожной формулировке организационное бюро, «ввиду спорности отдельных тезисов», [4] не решилось предложить немедленное принятие программы. Докладчик Мануйлов предложил «принять программу в первом чтении, т. е. не отвергать». Так и сделали. В принятой резолюции говорилось: «Съезд, заслушав проект экономической программы и признав, что она может служить точкой отправления для дальнейшей разработки, поручает бюро продолжать начатую работу для представления результатов ближайшему съезду». [5]

3. Углубление дифференциации в либеральном лагере

«Мы дошли до первого этапа. Мы добились представительства. И сразу же в работах сентябрьского земского съезда

---

[1] Буквальный перевод: «законная страна»; так называются имущие классы в странах с ограниченным избирательным правом, имеющие представительство в высшем законодательном учреждении и пользующиеся в отличие от широких народных масс конституционными привилегиями.

[2] «Право», 1905, № 37, стр. 3054.

[3] Там же, № 38, стр. 3177.

[4] Родичев, например, заявил, что он «решительный противник наделения крестьян землей путем принудительного отчуждения ее из частных владений» («Слово», № 259).

[5] «Право», 1905, № 38, стр. 3177—3178.

сказалась несогласованность». [1] Эти слова петербургского делегата Лихачева верно нащупывают корни разноголосицы, которая обнаружилась в рядах земско-городской оппозиции на съезде. Мы видели, что единой земской партии собственно никогда не было, и уже на ноябрьском совещании 1904 г. наметилась дифференциация земской среды. Даже в июле, когда образовался единый фронт буржуазной оппозиции, начиная от представителей крупного капитала и городских деятелей и кончая «левыми» освобожденцами, полного слияния между различными фракциями либерального движения не получилось. И тогда земское «меньшинство» не в состоянии было отрешиться от своей крайней народобоязни и возражало против обращения к народу.

Но в то время в руках «меньшинства» не было положительного оружия, которое оно могло бы противопоставить революционной пропаганде. Сейчас, получив точку опоры в виде думы 6 августа, шиповцы осмелели. Они начинают заявлять, что никогда не перейдут Рубикона, отделяющего либеральное движение от революционного. Они возражают против резкого тона по отношению к правительству и направляют главный огонь налево. Они, наконец, выдвигают националистические лозунги, стремясь отвлечь темные мелкобуржуазные слои населения от вопросов классовой борьбы в сторону национальной розни.

«Меньшинство» земских съездов, стушевавшееся в июле, проявляло значительную активность на сентябрьском съезде. Эта активность находится в прямой связи с тем поворотом вправо, который наблюдался в органах земского и городского самоуправлений после издания закона о Государственной думе и заключения мира с Японией. Если и до опубликования акта 6 августа земские собрания и городские думы в большинстве случаев солидаризировались с мнением шиповского «меньшинства» земско-городских съездов, то в августе и особенно в сентябре, когда началось повальное блокирование земцев и «отцов города» со сторонниками охранительных начал, разрыв между освободженческими решениями земско-городских съездов и действительным настроением земств и городских дум увеличился еще больше. Позиция «меньшинства» в органах земского и городского самоуправления значительно окрепла, однако это нашло сравнительно слабое отражение в составе сентябрьского съезда.

Дело в том, что состав земских съездов постепенно видоизменялся. Это происходило двояким путем: с одной стороны, в составе съездов убывало число лиц, действительно уполномоченных на участие в съезде земствами и городскими думами, а с другой — на съезды проникали под видом «приглашенных лиц» или путем кооптации в члены бюро представители освободженческой интеллигенции, не принадлежавшие ни к земским, ни к городским гласным. К тому же избрание деле-

[1] «Биржевые ведомости» от 21 сентября 1905 г.

гаций на земские съезды производилось еще весной 1905 г., а с тех пор настроение земских собраний значительно изменилось. В результате, чем дальше, тем все меньше съезды могли выступать как подлинные представители земской среды.

Несмотря на незначительность своего представительства, «меньшинство», чувствуя, что оно с большим основанием имеет право выступать от лица земств и городских дум, чем представители так называемого «большинства», — заняло на съезде воинственную позицию.

Уже при обсуждении проекта избирательного воззвания кн. Волконский высказал опасение, что указание в воззвании на широкое развитие мер по увеличению площади крестьянского землепользования может толкнуть крестьян к захвату помещичьей земли. Он требовал, чтобы недопустимость такого вывода была особенно ярко выражена в воззвании. [1]

Дальше, при обсуждении резолюции о всеобщем избирательном праве, Арсеньев и Гейден возражали против прямых выборов и возбудили вопрос, чтобы в программе, параллельно с мнением большинства, было изложено и мнение меньшинства, ибо иначе, мол, программа окажется партийной по содержанию и в то же время исходящей от внепартийного съезда. [2]

Но особенно яростную атаку «меньшинство» повело против доклада бюро о правах национальностей. В этом докладе выдвигалось требование автономии Польши, но не прежде, чем осуществится конституционное преобразование всей России. Для других же окраин необходимость автономии, по мнению организационного бюро, должна быть еще выяснена в течение известного исторического процесса, а до тех пор в отношении их может итти речь только о расширении прав местного самоуправления. Несмотря на то, что в докладе бюро вопрос об автономии был поставлен лишь в самой общей форме и с оговоркой, что постановка конкретного вопроса об автономии возможна лишь при изменении политического строя России, представители «меньшинства» требовали отвергнуть этот доклад без рассмотрения. Гучков заявил: «Если только по одному этому вопросу мы разойдемся, мы — политические враги, если сойдемся, мы — союзники». По его мнению, итти дальше предоставления Польше прав местного самоуправления — нельзя. Напрасно представитель организационного бюро Кокошкин убеждал, что признание автономии Польши необходимо для ее успокоения. Гучков категорически возражал против автономии Польши, считая, что это будет первым шагом к раздроблению государства. [3]

В страстности нападок Гучкова на принцип автономии несомненно сказалась глубокая заинтересованность великорусского купечества, типичным представителем которого являлся Гучков, в национально-колониальной политике царизма, которая

[1] «Право», 1905, № 38, стр. 3181.
[2] Там же, № 37, стр. 3058.
[3] Там же, № 38, стр. 3172.

ставила одной из своих задач увеличение вширь рынка для русской промышленности.

Резолюция об автономии Польши была принята всеми голосами против одного (Гучкова). Однако напуганное собственным «радикализмом» организационное бюро в конце концов прибегло к компромиссу: в избирательном воззвании решения съезда об автономии были обойдены молчанием.

После съезда «меньшинство» развернуло широкую кампанию против «программы политических увлечений» сентябрьского съезда. Мишенью для нападок были избраны решения съезда об автономии. Умеренно-либеральное «Слово» 18 сентября писало: «Итак, России больше не существует. К разделу ее приступил земский съезд в Москве... Не дай бог, если власть действительно попадет в руки тех лиц, на знамени которых написано: «раздел России». Считая, что съезды превратились в политическую партию освободительского толка, «меньшинство» подняло перед земскими собраниями и городскими думами вопрос об отозвании из состава земских съездов своих представителей. Один из лидеров «меньшинства» Хомяков, будущий председатель третьей Государственной думы, писал Шипову 25 сентября: «Мне думается, что на уездных земских собраниях следует обсудить вопрос, в какой степени желательно оставлять земское «знамя» в руках политической партии, ставящей во главе своей программы: 1) захват верховной власти в руки Государственной думы, 2) уничтожение единого Российского государства и замену его союзом самостоятельных областей... Несогласие уездных земских собраний с этими основными положениями должно повлечь за собой отозвание из земских съездов представителей земства как таковых, предоставив всем желающим участвовать в вышеназванной партии лично за себя, а не в качестве представителей земства». [1] Инициатива «меньшинства» нашла сочувственный отклик в органах земского и городского самоуправлений. Решения сентябрьского съезда вызвали со стороны ряда земств (калужского, новгородского и др.) резкий отпор.

Параллельно с расколом внутри земской оппозиции происходило охлаждение промышленников к идее объединения с земско-городскими деятелями на общей политической платформе. Мы видели, что в июле промышленники всячески стремились к установлению контакта с земско-городскими съездами, указывая, что в области политических требований между ними нет никаких разногласий. Июльский торгово-промышленный съезд по своей политической платформе близко подошел к решениям земско-городского съезда. Если тем не менее организационно представители крупного капитала не были включены в ряды земско-городской оппозиции, то решающую роль в данном случае сыграла боязнь земских деятелей скомпрометировать себя перед лицом широких кругов населения

[1] ЦАР, фонд моск. охр. отд., 1904, д. № 741, т. IV, л. 285.

открытым якшаньем с Тит Титычами. Но уже в августе сами промышленники, политическое «отрезвление» которых происходило быстрее, чем у освобожденцев, начинают подчеркивать демаркационную линию, отделяющую их от позиции земских съездов. Так, например, на совещании постоянного бюро промышленников с бюро съезда земских и городских деятелей «выяснилась невозможность объединения программ промышленников с программой земств и городов: если по многим вопросам, чисто политическим, единение достижимо, то по вопросам экономическому и рабочему программы безусловно разойдутся». [1]

После сентябрьского земско-городского съезда «Горнозаводский листок» выступил с изложением точки зрения промышленников на программу земского съезда. Указав, что постановления съезда о введении 8-часового рабочего дня и о финансовых реформах, а также об автономии «грешат поспешностью и несоответствием с реальными условиями жизни России», «Горнозаводский листок» (№ 42—43, 1905, стр. 8154—8155) предлагает «отделить приемлемое в ней от нежелательного и затем определенно установить, до каких пределов, на почве каких требований возможно политическое единение между промышленниками и земцами».

Итак, после 6 августа мы наблюдаем углубление дифференциации в рядах либеральной оппозиции. Расхождение между освобожденцами и земским «меньшинством», с которым политически блокировались представители городов и крупного капитала, происходит в следующих направлениях:

1) В отличие от освобожденцев «меньшинство» выступает против непосредственной агитации в народной массе.

2) Оно возражает также против угроз, хотя бы и бутафорских, по адресу правительства.

3) Его идеалом, как сознался впоследствии Гучков, [2] была дума 6 августа, а дальше по пути политических реформ оно шло «поневоле».

4) Наконец, «меньшинство» было противником флирта с левыми партиями, настойчиво подчеркивая демаркационную линию, отделяющую либеральное движение от революционного, и возражая против лозунгов «автономии» национальных окраин, «принудительного отчуждения» помещичьих земель и т. п.

4. Тактика большевиков и меньшевиков по поводу булыгинской думы

Непроходимую пропасть между большевизмом и меньшевизмом создавало принципиально различное отношение к вооруженному восстанию. Разоблачая изменническую роль меньшевиков в революции, Ленин в своей статье «Кризис меньшевиков

[1] ЦАОР, фонд СПб. о-ва ф. и з., д. № 118, л. 133.

[2] Ср. письмо А. И. Гучкова к кн. Е. Н. Трубецкому («Вестник партии народной свободы», 1906, № 27—28).

шевизма» писал: «1905 год, начало. Большевики открыто и прямо ставят вопрос о восстании, о подготовке к нему. В резолюции III съезда они предсказывают соединение стачки с восстанием. Меньшевики виляют, отговариваются от задач восстания, толкуют о вооружении масс жгучей потребностью самовооружения». [1] Попытка меньшевиков, в том числе Троцкого, отклонить пролетариат от задачи свержения царизма путем победоносного вооруженного восстания и ввести его революционное возбуждение в русло парламентской борьбы особенно ярко проявилась в меньшевистской тактике по отношению к булыгинской думе.

Обещая созыв законодательной думы, царизм преследовал при этом задачу — раздробить и ослабить нарастающий революционный подъем. Большевики провозгласили активный бойкот думы. Предпосылкой бойкотистской тактики большевиков, по словам Ленина, была богатая революционная энергия масс, ищущая и находящая себе непосредственные выходы помимо всяких «конституционных» каналов. На маневр царизма большевики отвечали усилением агитации в народе. Они разоблачали думу как приманку, с помощью которой царь хотел отвлечь массы от революции и отстоять самодержавие. Вместе с тем, большевики клеймили поведение либералов, которые шли в думу с целью заключить сделку с царизмом против революции. Партия большевиков призывала народ протестовать путем устройства демонстраций и политических забастовок против царского «дара». Центральным лозунгом большевистской агитации было: вооруженное восстание, революционная армия, временное революционное правительство.

Реальным содержанием вопроса о бойкоте думы была борьба за путь революционного уничтожения царизма, против пути соглашения с царизмом на базе монархической конституции. «Думская кампания» содействовала раскрытию подлинного политического лица основных борющихся сил, провела четкий водораздел между главными политическими группировками. «Черносотенцы, — писал Ленин, — ухватились за Думу, как за лучшее и, пожалуй, единственно возможное, даже единственно мыслимое средство отстоять самодержавие. Либералы раскритиковали Думу и приняли Думу, влекомые с неодолимой силой к путям легальным и к соглашению с царем. Революционный народ, с пролетариатом во главе, заклеймил Думу, провозгласил активный бойкот ее и показал уже на деле свое стремление превратить этот активный бойкот в вооруженное восстание». [2]

Меньшевики вслед за либералами высказались за участие в булыгинской думе. Верные своей «теории» о ведущей роли буржуазии в революции, они звали рабочих поддерживать

---

[1] Ленин, т. X, стр. 194.
[2] Там же, т. VIII, стр. 336.

либеральные кандидатуры в думу. Чтобы завуалировать свою капитулянтскую позицию, меньшевики предлагали брать с либералов «революционное обязательство» итти в Государственную думу с тем, чтобы «добиваться превращения ее в революционное (?) собрание, ниспровергающее (?!) самодержавие и созывающее учредительное собрание». Таким образом меньшевики пробовали заронить в сознание масс неосновательную надежду, будто булыгинская дума, в которой избирательным законом было обеспечено прочное большинство помещикам и крупной буржуазии, может превратиться (должно быть, по щучьему велению) в грозное орудие революции, сметающее царский трон и провозглашающее самодержавие народа!

В противовес большевистскому призыву к вооруженному восстанию и образованию после его победы временного революционного правительства, меньшевики выдвинули лозунг: «революционное самоуправление, как возможный пролог восстания». Реализацию этого лозунга меньшевики представляли себе следующим путем Народные «низы», лишенные избирательных прав в булыгинскую думу, выбирают «народные агитационные комитеты». Последние «давят» на буржуазных выборщиков «в том смысле, чтобы в думу выбирались только решительные сторонники демократического и свободного представительства». Но в известный момент функции этих комитетов расширяются: они организуют выбор населением своих представителей, которые съезжаются в какой-либо город и провозглашают себя учредительным собранием. Своим планом всенародных выборов в учредительное собрание при самодержавии меньшевики сеяли пустые и дутые иллюзии, будто возможны мирные уступки со стороны царизма, будто возможно «ниспровержение» самодержавия без народного восстания посредством простого выражения народного вотума недоверия. Подобная тактика была наруку только либеральной буржуазии, которая, добиваясь полюбовного соглашения с царизмом, всячески стремилась отклонить пролетариат от вооруженной борьбы и увлечь его игрой в парламентаризм.

События в октябре — декабре 1905 г. показали, что единственно правильной была тактика большевиков. Попытка царизма и либералов, поддержанных меньшевиками, остановить революцию обещанием законосовещательной думы — позорно провалилась: октябрьская всеобщая забастовка смела булыгинскую думу.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННОГО ШТУРМА

ГЛАВА 6
БУРЖУАЗИЯ В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ

1. Отношение либералов к октябрьской всеобщей забастовке

Московские события в сентябре, послужившие прологом к октябрьской забастовке, были очередной, после вопроса о бойкоте булыгинской думы, проверкой либеральной тактики в революции. 19 сентября в Москве началась забастовка наборщиков, которая, разрастаясь, перекидывается на пекарни, коммунальные предприятия, фабрики и заводы. Одним из эпизодов московских событий было решение студенческих сходок об использовании помещений высших учебных заведений для открытых митингов. Наплыв на эти митинги рабочих превратил их в грандиозные революционные собрания. Этого не могли перенести либеральные профессора, только что получившие автономию. Первый выборный ректор Московского университета кн. С. Н. Трубецкой несколько раз посещал полицмейстера и просил у него совета, что делать. Он упросил его приехать на совет университета. [1] Не довольствуясь обращением за помощью к московской полиции, Трубецкой отправился в Петербург и представил «по начальству» список 300 человек, заправляющих «университетской революцией». Чтобы положить предел «революционизации» храма науки, совет профессоров решил закрыть Московский университет.

Октябрьская стачка явилась кульминационным пунктом в развитии массового стачечного движения. «Барометр показывает бурю! — писал Ленин после получения первых известий о стачке. — ...И не только барометр показывает бурю, но все и вся сорвано уже с места гигантским вихрем солидарного пролетарского натиска. Революция идет вперед с поразительной быстротой, развертывая удивительное богатство событий...» [2] Ленин видел исключительное значение октябрьской стачки в том, что она, увлекая за собой широчайшие пласты пролетарских и полупролетарских элементов, пробуждает творчество народных, особенно рабочих масс, которые создают самочинные боевые органы — советы рабочих депу-

[1] «Красный архив», т. XL, стр. 76.
[2] Ленин, т. VIII, стр. 331.

татов — органы восстания и зародыш новой революционной власти. Октябрьская стачка чрезвычайно приблизила развязку, подвела массы вплотную к вооруженному восстанию. «Восстание близится, оно вырастает на наших глазах из всероссийской политической стачки». [1]

Как отнеслась буржуазия к октябрьской всеобщей стачке? Либералы при обострении борьбы стали переметываться в реакционный лагерь. Уже 23 сентября «Слово» в паническом страхе перед развертывающейся «уличной» революцией писало: «Наши московские монтаньяры идут шаг за шагом по той же проторенной дорожке, ведущей прямо к «площади гильотин»... Улица идет! Вот девиз, который должен быть начертан на знамени партии, которая желает поменьше горя и слез своей родине. Под этим знаменем должны сплотиться люди разума, чтобы дружными усилиями ослабить удары того урагана, который приближается к ним».

Через день в той же газете Сыромятников требует решительной борьбы с «нарушителями порядка». Однако не рассчитывая на правительство, которое, как многим монархистам тогда казалось, «забастовало», [2] он надеется, что твердую власть даст дума, которой «нельзя будет удовольствоваться совещательной ролью, а придется взять на себя решительную борьбу с нарушителями порядка, принадлежат ли они к правительству или к революции». «Иначе, — заканчивает он свою статью, — в России нельзя будет жить».

Струве с обычными «освобожденческими» увертками писал об «опасности теперешнего стачечного движения русских рабочих» и пугал рабочих, что октябрьское стачечное движение, «будучи совершенно не соображено с объективными экономическими условиями и даже нуждами самих рабочих, готовит им поражение и что из этих поражений может со стихийной силой вырасти у самих рабочих противореволюционное настроение». [3]

Один из лидеров земской оппозиции—Кузьмин-Караваев—рисовал мрачные перспективы «русского бунта»: «Какою выйдет Россия из беспримерного испытания, — ум отказывается себе представить. Перед нашими русскими грядущими ужасами бледнеют ужасы, пережитые Францией в конце XVIII века.

---

[1] Ленин, т. VIII, стр. 333.

[2] Тихомиров, известный ренегат, превратившийся из лидера террористической «Народной воли» в сотрудника реакционных «Московских ведомостей», записал в своем дневнике 29 сентября 1905 г.: «Ругань на правительство положительно общая... Да и действительно, положение нетерпимое и всех заставляет думать, что правительство нарочно ведет Россию к революции». Следующая, еще более энергичная запись 12 октября: «Что же это за сволочное правительство, которое доводит страну до такого страшного самоуничтожения» («Красный архив», т. XL, стр. 70 и 77).

[3] «Освобождение», 1905, № 78—79, стр. 497.

Чужестранное вмешательство разорвет страну на части. Попытки осуществить идеалы теоретического социализма разрушат семью, выражение религиозного культа, собственность, все основы права». [1] Усиливающееся революционное движение пугало либералов больше всего своими специфически пролетарскими средствами борьбы, за октябрьской всеобщей забастовкой вырисовывались зловещие для буржуазии призраки социальной революции.

2. Маклерские попытки либералов

По мере того как забастовка становилась всеобщей, парализуя торговую и промышленную жизнь страны, в крупнокапиталистических кругах крепнет решимость положить конец «эксцессам и увлечениям» революции. Застрельщиками похода против забастовочного движения выступили представители банков. На своем совещании 13 октября они постановили: 1) не поддаваться запугиваниям забастовщиков; 2) закрывать кредитные учреждения лишь в случаях крайней необходимости. Вместе с тем они высказались за «введение военного положения при одновременном [!?] даровании русскому народу широки реформ и свобод». [2]

14 октября московские фабриканты обратились к генерал-губернатору с докладной запиской, в которой настаивали, чтобы администрация активно противодействовала «насильственной приостановке работ со стороны посторонней толпы». «Так как многие действия социал-революционной партии, — заявляют они, — носят несомненный характер насилия, то мы полагаем, что насилию должно быть противопоставлено насилие, и военные меры должны применяться со всей строгостью при защите как личности, так равно имущества граждан».

Но под могучим напором революционной волны, которая, казалось, вот-вот снесет самодержавие, у буржуазии закрадывается сомнение, достигнут ли военные меры желаемой цели, т. е. усмирения рабочих. Это обстоятельство не могло не внести колебаний, элементов двойственности и противоречивости в позицию буржуазии, которые иногда проявляются в парадоксальной форме. Например, представители банков требуют противоестественного сочетания военного положения с «дарованием русскому народу широких реформ и свобод». Московские фабриканты, настаивающие на применении военных мер «со всей строгостью», одновременно доводят до сведения генерал-губернатора, что «введение военного положения в г. Москве в настоящее время было бы трудно поправимым бедствием. Его несомненным последствием было бы еще большее озлобление населения». Вслед за представителями банков

---

[1] Кузьмин-Караваев, Из эпохи освободительного движения, I, До 17 октября 1905 г., стр. 189.

[2] «Русские ведомости» от 14 октября 1905 г.

московские фабриканты считают, что военные меры должны сопровождаться политическими реформами.

17 октября на заседании выборной комиссии по рабочему вопросу при московском биржевом обществе отдельные фабриканты, сомневаясь в эффективности репрессий, предлагали «по возможности избегать военной охраны, так как она только озлобляет». Полагая, что «свет и вода более успокоят, чем атака и нападения», собрание решило напрячь все силы, чтобы с помощью штрейкбрехеров из провинции пустить водопровод и газовый завод. [1] По воспоминаниям кадета Протопопова, в Самаре 14 октября состоялось заседание у пароходчика Б., в котором приняли участие «представители более сознательной буржуазии, движимые страхом за собственную безопасность». Участники совещания находились под впечатлением тревожных слухов о том, что «рабочие собираются поджечь нефтяные склады, если войска не будут выведены из города». Не рассчитывая на защиту войск, среди которых тоже происходило брожение, самарские толстосумы «решили ехать к губернатору переговорить об удалении войск с улиц». [2]

Во время октябрьской стачки некоторые капиталисты выдавали в половинном размере и даже полностью заработную плату за стачечные дни. Меньшевики, например Мартов, объясняли такую «покладистость» промышленников тем, что до 17 октября последние сочувствовали и поддерживали рабочее движение и потому-де оно шло от одного успеха к другому. В действительности, как установил Ленин на основе анализа статистических данных о стачечном движении 1905 г., «не потому рабочие победили (и в «экономике» и в политике), что буржуазия изредка платила за стачки или выступала оппозиционно, а п о т о м у буржуазия фрондировала и платила, что рабочие побеждали. С и л а классового напора, сила миллионных стачек, крестьянских волнений, военных восстаний есть причина, «г л а в н а я п р и ч и н а», любезнейший Мартов; «сочувствие» буржуазии есть следствие». [3]

В октябрьские дни стремление капиталистов расправиться с рабочими парализовалось неуверенностью в том, располагает ли «тень правительства» достаточными средствами, чтобы подавить рабочий класс, проявивший с такой силой свое политическое сознание и сплоченность.

Точно такую же двуликую позицию, как и промышленники, заняли в дни октябрьской забастовки деятели городских дум. 11 октября московская городская дума по предложению Муромцева единогласно постановила: «Признавая, что крайне напряженное состояние населения империи, переживаемое в настоящее время, близится к тому пределу, когда могут быть затронуты самые основы государственной жизни, и что

[1] Из истории революции 1905 г. Материалы и документы. Составили В. В. Симоненко и Г. Д. Костомаров, М., 1931, стр. 283.
[2] «Русская мысль», 1907, № 12, стр. 9.
[3] Ленин, т. XV, стр. 16.

коренная реформа политического строя более чем когда-либо представляется неотложной и необходимой в интересах возможного еще успокоения..., представить высшему правительству: а) о необходимости пересмотра учреждения Государственной думы и положения о выборах на конституционных началах, б) о необходимости созыва народных представителей, избранных на основах всеобщего избирательного права, для окончательной выработки основного государственного закона и в) о необходимости немедленного установления начал свободы, обеспечивающих каждому беспрепятственное проявление его политической личности». [1]

Но наряду с этим расшаркиванием перед политическими свободами у московских «отцов города» прорывается змеиный шип по адресу революционного пролетариата. На том же заседании, где была принята цитированная выше либеральная резолюция, было единогласно постановлено, что в случае возникновения в городских предприятиях забастовок городская управа обязана увольнять рабочих и низших служащих, оставивших работу. На заседании думы 14 октября А. Гучков говорил: «Политическими забастовками население наказывает только себя. В настоящий момент мы дошли в освободительном движении до рубежа и совершаем не только политическую ошибку, но и тяжелое преступление». В соответствии с этими словами Гучкова, дума решает «опубликовать воззвание к московскому населению, чтобы успокоить его и напомнить истинную задачу освободительного движения».

15 октября — день крайней растерянности думских кругов. Городской голова кн. Голицын подает в отставку, «не находя в себе достаточного количества сил, чтобы руководить городским делом». [2]

В этот день дума решила выслушать мнение представителей общественных организаций о совершающихся событиях. Перед открытием думского заседания представители приглашенных организаций (от «Союза освобождения», «Союза союзов», партии эсеров, меньшевистской группы и московского комитета РСДРП) устроили предварительное совещание с целью выработки общих требований думе. Большевики выступили с требованием, чтобы дума немедленно сложила свои полномочия, причем временно функции думы должны перейти к совету из представителей демократических организаций и революционных партий, который должен немедленно заменить полицию городской милицией и организовать выборы в новую думу на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Предложения большевиков не были поддержаны другими участниками совещания. Правда, ввиду стремительного нарастания революционных событий освобожденцы и мелкобуржуазные соглашатели не решались открыто напасть на большевиков. Секретарь «Союза

[1] Журнал моск. гор. думы, 1905, № 22, стр. 172.
[2] Там же, стр. 176.

освобождения» кн. Шаховской фарисейски заявил, что «конечно, принципиально мы ничего не возражаем против требований представителя большевиков». Но, мол, «как реальные политики мы готовы пока ограничиться следующими предложениями думе: 1) обновить свой состав введением представителей демократических организаций с совещательным голосом и 2) организовать городскую милицию для охраны порядка». Такую же позицию заняли представители интеллигентских союзов, эсеров и меньшевиков. Например, Тан, выступавший от имени «Союза союзов», считал возможным пойти на уступки думцам «смотря по ходу событий». На заседании думы, после оглашения требований большевиков, меньшевик Круглов — представитель союза рабочих печатного дела — стал уверять думцев в утопичности этих требований, в переоценке большевиками силы рабочего класса, в демагогии и т. д. Сами меньшевики, а за ними эсеры и представители «Союза союзов» присоединились к предложениям освобожденцев. Окрыленные оппортунистической позицией мелкобуржуазных партий, заправилы московского городского управления отказались даже рассматривать требования большевиков. В то же время дума отклонила и предложение освобожденцев о включении в свой состав представителей общественных организаций и образовании городской милиции. Но чувствуя, как уходит у нее из-под ног почва, дума прячет свои волчьи зубы и становится на путь заигрывания с рабочими. Она решает «пригласить товарищей рабочих водопровода немедленно приступить к работам» и ассигнует 3 тыс. руб. на помощь семьям забастовавших городских рабочих.[1] На следующий день в помощь управе «ввиду тревожных событий» была избрана комиссия из 4 освобожденцев и А. Гучкова. Задача комиссии, повидимому, сводилась к тому, чтобы заниматься посредничеством между «улицей», бастующими рабочими и думой, в то время как дельцы из городской управы вели закулисные переговоры с властями о подавлении рабочих волнений.

Позиция провинциальных дум в октябрьские дни тоже носит отпечаток двойственности, метания от одной воюющей стороны к другой в поисках компромисса. Так, например, екатеринославская городская дума во время октябрьских баррикадных боев выступала в роли посредника между военным начальством и рабочими. Она обратилась с воззванием к населению, в котором призывала «возвратиться к своим мирным занятиям и положить оружие», причем, «опираясь на согласие г. начальника губернии», она заверяла, что «полное умиротворение населения повлечет за собой немедленное удаление войск с улиц».

Ясно, что подобное посредничество очень походило на провокацию и было попыткой обезоружить революционеров и выдать их с головой царским опричникам.

---

[1] Журнал моск. гор. думы, 1905, № 22, стр. 176.

В роли «умиротворителей» подвизались также комитеты общественной безопасности, возникшие по инициативе освобожденцев в Н.-Новгороде, Харькове, Самаре, Одессе и ряде других крупных городов. Они составлялись из делегатов от городских дум, биржевых комитетов, различных либеральных обществ и союзов с изрядной примесью меньшевиков и эсеров. Комитеты общественной безопасности выполняли функции парламентеров, уговаривающих революционеров прекратить вооруженную борьбу и сдаться «на почетных условиях» врагу. Так, в Харькове комитет общественной безопасности 12 октября в полном составе явился на баррикады и, воспользовавшись соглашательским настроением меньшевиков, добился от рабочих дружинников согласия сдаться военным властям. [1]

Те думы, где особенно велика была прослойка старозаветного купечества, в октябрьские дни открыто, без всякого лавирования, переметываются в реакционный лагерь. Типичным примером этого рода может служить поведение во время всеобщей забастовки тульской городской думы. Дума, принявшая 14 июня адрес о необходимости реформ в государственном аппарате, 14 октября выносит решение «о временном увеличении содержания полиции» ввиду ее особенно трудных обязанностей в последнее время.

18 октября на частном совещании гласных раздаются резкие голоса против «нетерпеливых прогрессистов». «Некоторые гласные высказались, что причина волнения среди населения и учащихся носит политический характер, которому, казалось бы, не должно быть места; государственный строй несомненно будет совершенствоваться с учреждением и открытием деятельности Государственной думы, а потому было бы благоразумнее выждать голоса нового учреждения — думы, чем стремиться к быстрым государственным переворотам». В этом же заседании была вынесена благодарность полицмейстеру и возбуждено ходатайство перед губернатором об увеличении числа казаков в Туле, «хотя бы еще на одну сотню». [2] Петербургская дума отвергла требование Совета рабочих депутатов об отводе помещения для митингов.

Напротив, в тех думах, где по местным условиям известную роль играла буржуазная интеллигенция, городские гласные не прочь покружиться в хороводе «крайних» партий, пытаясь под прикрытием радикальных фраз возглавить революционное движение, чтобы незаметно свести его на-нет. В этой игре «отцам города» усиленно помогали меньшевики, которые побуждали их взять «бразды правления» в свои руки и осуществить таким образом меньшевистскую идею «революционного самоуправления». Вот как происходило дело, например в Саратове, судя по материалам губернского жандармского управления: 12 октября гласные думы под давлением общего взрыва

[1] А. С. Шаповалов, В борьбе за социализм, М., 1934, стр. 525.

[2] «Революционное былое», орган тульского истпарта, 1923, № 1, стр. 13—14.

негодования отправились в полицейский участок выручать арестованных демонстрантов... Возвратившись обратно для продолжения заседания, гласные думы стали перед фактом самочинного митинга, на котором выступали социал-демократы и эсеры. В заключение этого митинга, при участии гласных, было решено избрать «временное революционное правительство» под именем «Центрального стачечного комитета» в составе трех меньшевиков, двух эсеров и восьми кадетов, в том числе городского головы Немировского. Цель — руководить забастовкой впредь до удовлетворения общеполитических требований. «Революционным полицмейстером» был избран освобожденец, присяжный поверенный Токарский, и т. д. [1] Для характеристики политической физиономии городского головы Немировского, который при содействии меньшевиков был введен в состав «временного революционного правительства», достаточно указать, что на ноябрьском съезде земских и городских деятелей он горячо приветствовал военно-полевые методы расправы царизма с революционным движением. Не ясно ли, что «революционное самоуправление» во главе с гг. Немировскими представляло собой отвратительный меньшевистский фарс, только размагничивавший революционную волю народных масс и игравший на руку контрреволюции.

Но октябрьские дни не были красными днями для русского либерализма. Попытки либеральных прихвостней из «Союза союзов», проникших в московский стачечный комитет, [2] в железнодорожный союз, [3] тормозить поступательный ход забастовки не имели успеха: поток массового движения шел помимо и через голову перепуганных либералов. К 16 октября забастовкой была охвачена вся сеть железных дорог (40 тыс. км) с 700 тыс. рабочих и служащих; железнодорожная забастовка дала толчок к всеобщей стачке, в которой приняли участие свыше 1 млн. фабрично-заводских рабочих. По признанию

---

[1] «Октябрь 1905 года» в сб. «1905 год в Саратовской губ.», стр. 62.

[2] Когда всеобщая стачка стала развиваться, интеллигентские союзы (адвокатов, учителей, инженеров и др.), входившие в «Союз союзов», образовали стачечный комитет, который с помощью меньшевиков и эсеров (в него вошли представители союза рабочих печатного дела, находившегося под влиянием меньшевиков, узлового стачечного комитета, где также верховодили меньшевики и эсеры) стремился захватить руководство стачкой, чтобы не допустить обострения борьбы.

[3] Ни железнодорожный союз, ни делегатский съезд железнодорожников не объявляли забастовки, а, напротив, сдерживали революционную инициативу масс. Делегаты железнодорожного съезда высказались за отсрочку стачки, они больше возлагали надежды на переговоры с Витте и министром путей сообщения Хилковым. Но, как известно, «низы», машинисты Казанской ж. д., прорвали плотину этой выжидательной тактики, начав 6 октября стачку в Московском узле. Что же касается делегатского съезда железнодорожных служащих, то он лишь 9 октября под давлением железнодорожных масс принял декларацию о присоединении к всеобщей забастовке, но отказался ею руководить, ограничившись посылкой 11 октября делегации к Витте для переговоров об удовлетворении экономических и политических требований железнодорожников.

ярославских кадетов, на митингах в октябрьские дни «везде публика состояла из разных элементов общества, но ораторами выступали исключительно представители социал-демократической партии, пользующиеся наибольшим влиянием». [1]

Основная линия либеральной тактики в октябрьские дни сводилась к тому, чтобы вывести правительство из состояния бессилия и полнейшей растерянности и подсказать ему план действия. 14 октября «Слово» писало: «Восстанавливая порядок решительными мерами, необходимо дать также все то, что уже сама жизнь делает совершенно необходимым, что уже созрело в сознании народном».

3. Манифест 17 октября

В эту решительную минуту мысль, что без удовлетворения «разумных» требований народа нельзя удержаться у власти, начинает завоевывать признание и в правящем лагере.

Лейтмотив записки Витте от 9 октября, которая послужила прототипом манифеста 17 октября, заключался в том, что «пока власть имеет опору в широких общественных слоях, мирное разрешение кризиса еще возможно». По мнению Витте, правительство может, драпируясь в демократический наряд, вызвать замешательство, раскол в революционных рядах, отход от революции более умеренных «протестантов». Опираясь на либеральную буржуазию, оно получит возможность ввести движение в границы. «Выбора нет, — заканчивает Витте свою записку: — или стать во главе охватившего страну движения, или отдать ее на растерзание стихийных сил». [2] Как известно, записка Витте была одобрена царем и привела к манифесту 17 октября.

Царский манифест начинался с признания, что своим происхождением он обязан «смутам и волнениям в столицах и во многих местностях империи». Вслед за этим в качестве «мер к умиротворению государственной жизни» возвещалось дарование населению «незыблемых основ гражданской свободы» на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов, обещано было привлечь «в мере возможности» к участию в думе те классы населения, которые были лишены избирательных прав по закону о «совещательной» булыгинской думе, и, наконец, провозглашено, что никакой закон не может получить силу без одобрения Государственной думы.

Издание манифеста 17 октября вызвало взрыв неподдельной радости в широких кругах буржуазии. «Телеграммы о манифесте, — вспоминает Лебедев-Керженцев, — пришли в Н.-Новгород 17 ночью. Зазвонили телефоны. Буржуазия города поднимала с постелей своих знакомых, клубная публика, побро-

---

[1] «Северный край», 1905, № 248.
[2] «Красный архив», т. XI—XII, стр. 61.

сав карты, начала произносить тосты, поздравлять с конституцией и пить шампанское». [1] Биржа реагировала на события повышением курса ценных бумаг. Либералы были удовлетворены уступками и обещаниями манифеста 17 октября. «Заветные желания и мечты, — телеграфировало харьковское уездное земское собрание Витте, — объединявшие земства всей России, получают реальное осуществление во всей своей полноте».

Аналогичные телеграммы поступали на имя «конституционного» премьер-министра от городских дум, земских собраний, «представительных» организаций крупного капитала со всех концов страны. Либеральная буржуазия видела великое значение только что опубликованного акта в том, что «при новых условиях открывается возможность для сторонников всех направлений, в том числе и тех, кто исходит от самых отдаленных социальных идеалов, мирным путем отстаивать свои убеждения». [2] Либералам казалось, что манифест 17 октября создает легальные парламентские формы, в которые можно втиснуть массовое движение.

С полным удовлетворением встретила известие о манифесте 17 октября и иностранная буржуазия. Как доносил русский посол в Париже Нелидов, в деловых кругах Франции, заинтересованных в «скорейшем восстановлении обаяния власти и порядка», «манифест 17 октября был встречен крайне сочувственно. Доказательством сочувствия служило улучшение биржевых курсов, пошатнувшихся при первых возникших в Санкт-Петербурге забастовках».

Ликование либералов заражало мелкобуржуазные партии — меньшевиков и эсеров. Они рассматривали октябрьский манифест чуть ли не как увенчание революции 1905 года. Меньшевистско-троцкистская газета «Начало» утверждала, что после 17 октября «старые оковы самодержавия пали безвозвратно» и что перед Россией открылась эра буржуазно-демократического строя.

В те дни широкие круги населения, впервые пробужденные к политической жизни, отличались «беспартийной революционностью», они еще не понимали предательской роли меньшевиков и эсеров, искусно маскировавшихся «левыми фразами», и нередко делались жертвой соглашательских иллюзий.

После опубликования царского манифеста, в Тифлисе на митингах меньшевики, захлебываясь от восторга, заявляли, что 17 октября «положило начало процветанию страны»; они звали рабочих к разоружению и переходу к мирной парламентской «борьбе». «С подпольем кончено, нужды в нем больше не будет», говорили меньшевики. Резким диссонансом с этим потоком либеральной маниловщины прозвучала речь тов. Сталина на рабочем митинге 18 октября, в которой он разобла-

---

[1] Нечаев, Революция 1905 года в Нижегородском крае, 1931, стр. 79.

[2] «Русские ведомости», № 273 от 18 октября 1905 г.

чал и громил меньшевиков как предателей революции и призывал рабочих запасаться оружием для решительного боя с самодержавием. Тов. Сталин говорил рабочим: «Какая революция может победить без оружия и кто тот революционер, который говорит: долой оружие? Оратор, который это говорит, наверное, толстовец, а не революционер, и кто бы он ни был, он враг революции, свободы народа... Что нужно, чтобы действительно победить? Для этого нужны три вещи: первое — вооружение, второе — вооружение, третье — еще и еще раз вооружение». [1]

Меньшевики, захватившие руководство Петербургским Советом рабочих депутатов, всячески гасили революционную энергию пролетариата. Когда 18 октября на улицах Петербурга раздался единодушный крик: «К тюрьмам! амнистия!» и стихийно образовалось 80-тысячное шествие, чтобы итти к дому предварительного заключения освобождать политических узников, то меньшевистские воротилы Совета сперва пытались отговорить демонстрантов «от такого рискованного шага», но, видя, что их уговоры не помогают, возглавили демонстрацию с тем, чтобы под каким-либо благовидным предлогом ее сорвать. Назначенные Советом руководителями демонстрации Хрусталев и Троцкий добились от демонстрантов предоставления им диктаторских полномочий в любой момент по своему усмотрению распустить демонстрацию. Вместо того чтобы прямо повести демонстрантов к «предварилке», распорядители двинули их через весь Невский проспект к Университету, причем туда решено было итти окольным путем (не через дворцовый мост, а через Николаевский, из опасения засады у Зимнего дворца). Троцкий и Хрусталев строили свои расчеты на том, что в результате бесконечных скитаний толпа рассеется сама собой, не достигнув цели. По дороге была полная возможность присоединить к себе матросов 8 и 14 флотских экипажей, которые из окон казарм знаками показывали свое сочувствие демонстрантам. Однако распорядители не стали ломать запертые ворота, а ограничились вежливым стуком в двери. Присоединив к себе митинговавших в Университете, демонстранты, наконец, двинулись к «предварилке», но, не дойдя одного квартала до тюрьмы, распорядители остановили шествие и направили к тюрьме «разведку» — узнать, свободен ли путь. В это время к ним подошел делегат «Союза союзов» и начал уверять, что уже подписан и завтра будет опубликован манифест о широкой политической амнистии. Воспользовавшись этой провокационной «уткой», Хрусталев и Троцкий поспешили распустить демонстрацию.

Сразу же после опубликования манифеста эсеро-меньшевистское руководство Петербургского Совета рабочих депутатов, московского стачечного комитета и железнодорожного союза,

---

[1] Цитировано по Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 84, изд. 4, 1938 г.

в опьянении «достигнутой победой», поспешили декретировать прекращение всеобщей политической забастовки.

В Москве, как только было получено известие о царском манифесте, общегородской стачечный комитет послал Витте раболепную телеграмму, в которой выражал ему признательность за содействие изданию манифеста и просил повергнуть к стопам «конституционного» монарха верноподданнические чувства и настроения. Одновременно с этим стачечный комитет обратился к рабочим с призывом стать 19 октября на работу. Примеру его тотчас же последовало центральное бюро железнодорожного союза, которое разослало по всем дорогам телеграммы о немедленном прекращении забастовки. На некоторых дорогах к этим депешам отнеслись недоверчиво: железнодорожники подозревали в них правительственную провокацию и лишь после проверки их подлинности становились на работу. 19 октября и Петербургский Совет рабочих депутатов постановил прекратить 21 октября всеобщую политическую забастовку.

На радостях, что забастовка кончена, либералы готовы «забыть и радостно примириться» с хозяйственной дезорганизацией, причиненной октябрьской забастовкой. Больше того. Они начинают расшаркиваться перед «забастовщиками-революционерами», которым они оказались обязанными своей политической свободой. Так, на митингах 18 октября в Екатеринославе либералы выступают в следующем, примерно, стиле: «Мы пришли преклонить свои головы перед революционным пролетариатом. Мы желаем выразить свое глубокое уважение сознательности и организованности рабочего класса» и т. д. [1]

Нижегородская городская дума в своем заседании 19 октября постановила: 1) почтить память борцов за политическую свободу вставанием; 2) положить основание в Н.-Новгороде народному университету, для чего ассигновать 100 тыс. руб.; 3) возбудить ходатайство об освобождении из тюрем политических заключенных; 4) возбудить ходатайство об отмене исключительных законов прежнего режима; 5) возбудить ходатайство о передаче городскому общественному самоуправлению заведывания полицией. Нечего и говорить, что эта радикальная резолюция была лишь минутным «увлечением»: ни одно из своих решений, за исключением первого, дума не осуществила. [2]

Выступая со славословиями по адресу победоносной октябрьской забастовки, либералы были не прочь post factum пристегнуть свое знамя к знамени народа, изобразить октябрьскую забастовку как «национальную революцию», а манифест 17 октября как общее завоевание «отцов и детей», «бессословной» интеллигенции и рабочих. «Около ста лет, — декламировал на учредительном съезде кадетов 18 октября Мандельштам, — русская интеллигенция борется за политическое освобождение нашей родины. Борьба была неравна, по временам казалось, что мы

[1] «Начало», 1905, № 10.

[2] Нечаев, Революция 1905 года в Нижегородском крае, 1931, стр. 84.

ослабеваем, что знамя готово выпасть из наших рук. Вдруг... на подмостки исторической борьбы мерным, стройным шагом восходит новый класс: пролетариат... Теперь интеллигенция не одинока, теперь она опирается на благородный, рабочий класс» и т. д. в том же духе. [1]

Одновременно с этим либералы настойчиво муссируют легенду о мирном характере октябрьской стачки. Так, на заседании петербургской городской думы либеральный гласный Худяков заявил: «Не так, как другие страны, — мы получили конституцию без капли крови». Когда же один из присутствовавших журналистов стал было возражать: «Это неправда, Россия залита кровью», то дума «была возмущена и послышались крики: «Вон его, вон». [2]

Итак, в начале октябрьской всеобщей стачки буржуазия вплоть до самых левых своих ответвлений, до освобожденцев, относилась к ней отрицательно и с тревогой. Либералы метались между двумя борющимися врагами в поисках компромисса. Они пророчили октябрьской стачке поражение и бросали ей палки в колеса. Но забастовка победила. Благодаря стойкости революционеров буржуазия получила «драгоценные» начала политической свободы. И сразу же октябрьская стачка превратилась в устах либералов в «гражданский подвиг». Они спешат канонизировать октябрьскую забастовку и противопоставить ее якобы «мирный» характер «ошибкам» и «преступлениям» революционной тактики в последующий период.

---

[1] «Северный край», 1905, № 251.
[2] Там же.

ГЛАВА 7

ЕДИНЫЙ ФРОНТ БУРЖУАЗИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА ПРОТИВ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

1. Переход либеральной буржуазии на позицию активной поддержки царизма

Если изобразить графически развитие оппозиционного движения вплоть до сентября 1905 г., то можно установить прямо пропорциональную зависимость между нарастанием революционной волны и левением буржуазии. Подъем рабочего и крестьянского движения в начале XX века привел к оживлению земской фронды. 9 января послужило мощным толчком к развертыванию буржуазного оппозиционного движения: оно охватило вслед за буржуазной интеллигенцией и либеральными помещиками среднюю городскую буржуазию и даже крупных капиталистов. Революционные события летом 1905 г., наиболее ярко проявившиеся в восстании броненосца «Потемкин», повлекли за собой образование единого буржуазного фронта. Однако кривая левения буржуазии, достигшая своей высшей точки в июле 1905 г., в августе приостанавливается с тем, чтобы сначала медленно (сентябрь), а после 17 октября катастрофически быстро упасть вниз.

Оппозиционность буржуазии диктовалась главным образом убеждением, что царизм своей политикой репрессий не в состоянии прекратить революцию; а только бросает новые головни в разгорающийся костер. Выступая с программой политических реформ, буржуазия рассчитывала с их помощью «успокоить» революционные массы и «примирить» их с царизмом. Но буржуазия левела лишь до тех пор, пока у нее была надежда, что путем демагогического заигрывания с массами ей удастся остановить революционное движение и ввести его в мирные рамки. Положение радикально изменилось в период революционного вихря, когда в движение пришли миллионы, и призрак социальной революции, очертания которой до 17 октября рисовались еще очень смутно, превратился в глазах буржуазии в нечто осязаемое, близкое и неотвратимое.

Вопреки ожиданиям либералов манифест 17 октября не внес успокоения в народные массы. Царь вовсе не собирался исполнить данные им в манифесте обещания. Наоборот, не располагая в тот момент силой для открытой лобовой атаки на революционное движение, царские власти в целях раздробления борьбы масс вербуют банды из подонков населения, которые под

предводительством реакционных помещиков, духовенства и полиции устраивают массовые избиения революционеров и еврейского населения. По приблизительным, далеко не полным, подсчетам Обнинского: «Более чем в ста городах и притом на протяжении всего двух-трех недель разыгрались однородные и по программе и по преступности сцены дикой расправы с мирными жителями, менее чем в месяц было убито от трех с полодиной до четырех тысяч человек, а ранено и изувечено более десяти тысяч». [1]

Невиданная свистопляска погромов, разгул карательных экспедиций, массовые бессудные казни и бесчинства полиции, войск и черной сотни ярко демонстрировали перед лицом народа, чего стоят царские обещания «свобод».

Вместе с тем широкие массы быстро просвещались политически под влиянием агитации большевиков, которые беспощадно разоблачали обманный характер царского манифеста. Ленин видел в уступках самодержавия лишь первую победу революции, которая «...далеко еще не решает судьбы всего дела свободы. Царь далеко еще не капитулировал. Самодержавие вовсе еще не перестало существовать». [2] Манифест 17 октября был маневром, временным отступлением самодержавия на новые позиции для выигрыша времени и перегруппировки сил. Манифест преследовал цель вызвать замешательство, раскол в революционных рядах. В отличие от либеральной буржуазии и ее меньшевистско-эсеровской агентуры, стремившихся направить революционное движение в русло конституционной «борьбы», большевики под руководством Ленина и Сталина неуклонно пропагандировали лозунг вооруженного восстания и энергично занимались его подготовкой. В статье «Первая победа революции» Ленин предостерегал рабочих от самоуспокоенности на почве достигнутых успехов и выдвигал на очередь дня задачу — добиться перехода войск на сторону народа и распространить революцию на деревню. Большевики призывали массы к оружию, к уничтожению самодержавия путем восстания.

Революционное движение после 17 октября не только не пошло на убыль, но, напротив, разгорелось с новой, еще невиданной силой. Массовые политические стачки рабочих, перемежаясь с военными волнениями и крестьянскими выступлениями, перерастали в вооруженное восстание против самодержавия.

Ликование буржуазии по поводу царского манифеста быстро сменилось тревогой перед нарастающей революцией.

«Дни свободы, — признается кадет Езерский, — запугали, необычная резкость речей, широта предъявленных требований неприятно поразили благодушных людей, думавших, что революция пойдет только до той точки, до какой они бы желали. Непрерывный рост движения и победа крайних партий угрожали

---

[1] Обнинский, Полгода русской революции, стр. 42.
[2] Ленин, т. VIII, стр. 352.

уже не только правительству, конечная цель движения шла дальше конституции, дальше республики, к социальному перевороту. Забастовки, фабричные реформы, введенные рабочими явочным порядком, аграрные погромы в деревнях, кое-где захват власти крайними партиями с конфискацией оружия жителей, обложением населения и проч. оттолкнули от движения все те круги, которые в глазах левых заклеймены титулом буржуазных». [1]

Иностранные капиталисты, считавшие манифест 17 октября пределом уступок, на которые могло пойти самодержавие, были сильно обеспокоены, как доносил русский посол в Париже Нелидов 16 (3) ноября, известиями о военных бунтах в Кронштадте и во Владивостоке и о земельных беспорядках во многих губерниях. В следующем своем донесении от 30 (17) ноября Нелидов писал: «Тревожные известия, продолжающие приходить из России, производят здесь удручающее впечатление и тяжелым гнетом ложатся на настроение биржи. Быстро поднявшиеся после манифеста 17 октября курсы наших бумаг стали понемногу падать, и в последние дни дело дошло почти до паники. Особенно тревожным представляется то обстоятельство, что падение курса наших бумаг было до сих пор показателем спекулятивных продаж, имевших целью биржевую игру на понижение. При настоящих обстоятельствах появляющиеся на бирже все в большем количестве наши ценности продаются их владельцами, постепенно теряющими доверие к прочности финансового положения в России».

Маклерские попытки либералов терпят неудачу. У буржуазии меркнет надежда овладеть революционным движением, и она сбрасывает с себя оппозиционную «кожу» и становится на путь активной поддержки царизма и открытой борьбы с революцией.

Довольно революции, да здравствует порядок! — вот призывный клич, который объединил после 17/30 октября все буржуазные круги, начиная от шиповцев и найденовцев и кончая освобожденцами. Уже в начале пресловутых «дней свободы» «Слово» требует изоляции «крайних элементов», стремящихся к «социальному» перевороту. «От общества зависит, — говорится в передовой от 22 октября, — подчиниться ли беспочвенному террору политических фантазеров и бросить страну за пределы исторически возможного и достижимого, или... остаться на твердой земле преемственной политической и культурной работы... Решить, что 140-миллионная Россия должна быть переделана согласно интересам 4-миллионного рабочего класса, значит утвердить новую сословную аристократию. Реальное осуществление прогрессивной программы должны итти рука об руку с твердым и властным поддержанием законного порядка».

---

[1] Н. Еверский, Государственная дума первого созыва, Пенза, 1907, стр. 5.

После 17 октября торгово-промышленная буржуазия стала на путь активной и безоговорочной поддержки правительства. «Мужайтесь, — ободрял премьер-министра московский биржевой комитет, — доводите дело до конца, до образования Государственной думы на основах манифеста 17 октября. В этом спасение России... Никакие крики и требования крайних партий не должны смущать правительство. В прошедшие 22 дня не успел русский народ сорганизоваться в могучие партии, которые спешат вам на помощь. Но с каждым днем вы будете видеть сплочение лиц правопорядка, а их великое множество, и перед ними исчезнут все те кучки, которые только благодаря своей сплоченности вносят смуту и останавливают жизнь страны. Верьте, что только в вас одних и ни в ком другом видит русский народ того государственного деятеля, который может привести страну к свободному строю, дарованному ему государем императором». [1]

Подобные телеграммы с изъявлением доверия послали Витте костромской комитет торговли и мануфактуры, а также самарский, царицынский, рыбинский и другие биржевые комитеты. Южные горнопромышленники отправили 10 ноября Витте телеграмму, в которой выражали ему доверие и желание оказать посильную поддержку правительству для проведения в жизнь начал манифеста.

Комментируя эту телеграмму, «Горнозаводский листок» (№ 46, 1905, стр. 8201) писал: «Гр. Витте с его программой постепенного осуществления умеренно прогрессивных реформ, с его несомненной популярностью, государственной опытностью и гражданской энергией является, повидимому, наиболее желательным союзником для умеренных прогрессистов и в том числе для прогрессистов-промышленников. Нет никаких оснований сомневаться в искренности заявлений и обещаний гр. Витте, и есть значительная надежда, что ему удастся провести свою реформаторскую ладью среди всевозможных интриг и явного и тайного противодействия».

Доверие к политике Витте со стороны капиталистических кругов в этот период было так велико, что они намеренно закрывали глаза на многочисленные случаи нарушения правительством манифеста 17 октября. На заседании совета петербургского общества фабрикантов и заводчиков отдельные участники указали, что «манифест 17 октября не произвел желательного успокоения», и предложили настаивать перед правительством: 1) на понижении ценза и расширении избирательных прав в Государственную думу, 2) на немедленном фактическом даровании населению свобод, 3) на реформе полиции и передаче ее городской думе, 4) на удалении Трепова и 5) на назначении министров из среды популярных деятелей. Эти предложения встретили, однако, отпор со стороны большинства, которое, будучи сторонником «сильной власти», не склонно было даже доброжелательной критикой создавать затруднения правительству. По-

[1] Моск. обл. арх., фонд М. Б. К., 1905, д. № 612, л. 12.

этому решено было воздержаться от каких-либо представлений Витте по поводу манифеста.[1]

Заявляя о своей готовности оказать безоговорочную поддержку «новому курсу» царизма, промышленники великолепно отдавали себе отчет, что этим самым они сжигают все мосты, связывавшие их раньше с «освободительным» движением. В капиталистических кругах после 17 октября сторонники соглашения с революционно настроенной массой оказались в ничтожном меньшинстве. Подавляющее большинство промышленников смотрело на заигрывание кадетов с народными массами, как на бесплодную затею. По поводу решения большинства ноябрьского земско-городского съезда обусловить открытое содействие правительству рядом оговорок «Горнозаводский листок» (№ 46 от 12 ноября 1905 г., стр. 8200) писал: «Представляется совершенно ошибочным нежелание умеренно прогрессивных партий оказать поддержку новому курсу. Как бы ни были радикально настроены представители этих прогрессивных партий (съезд земских и городских деятелей, кадетов, освобожденцы и др.), как бы ни старались они получить поддержку пролетариата, как бы ни заигрывали с ним, — все же и уроки истории, и простой здравый смысл, и элементарное знакомство с программой рабочей партии должно показать им, что нелепо искать союзников у сторонников этих крайних партий».

Известный диссонанс в политику безоговорочной поддержки правительства, которую заняла крупная буржуазия сразу после 17 октября 1905 г., вносили, пожалуй, только уральские горнопромышленники. Совещательная контора железозаводчиков, в которой руководящую роль играли уральские горнозаводчики, подала Витте 19 октября записку, в которой просила «безотлагательно исходатайствовать акт о полной без всяких оговорок амнистии пострадавшим за политические дела, об отмене военного положения и положения об усиленной охране там, где они введены». Вместе с тем авторы записки высказывают убеждение, что «в стране спокойствие не наступит до тех пор, пока весь народ на получит права избирать народных представителей».[2]

Уральские горнопромышленники удержались на либеральных позициях дольше промышленников других районов по той причине, что рабочее движение на Урале развернулось несколько позже. Это обстоятельство объясняет, почему страх перед пролетариатом до поры, до времени не ощущался уральскими горнопромышленниками в такой же сильной мере, как, например, горнопромышленниками юга России или московскими и питерскими фабрикантами.

Для характеристики отношения различных групп буржуазной оппозиции к правительству большой интерес представляет поведение земско-городских деятелей на ноябрьском съезде.

---

[1] ЦАОР, фонд СПб. о-ва ф. и з., д. № 118, л. 148.
[2] «Уральское горное обозрение», 1905, № 21, стр. 7.

Этот съезд открылся в такое время, когда под влиянием могучего размаха революционного движения имущими классами овладела паника. По признанию кадетского «Права», «в момент открытия съезда царило смятение, скажем больше — испуг». [1] Естественно, что первой мыслью съезда было стремление объединиться с правительством в целях беспощадной борьбы с рабочими и крестьянскими волнениями, от которых многие члены съезда, будучи крупными землевладельцами, пострадали сами.

Представители так называемого «меньшинства» (шиповцы) внесли резолюцию, в которой говорилось: «Ввиду того, что революционное движение при отсутствии крепкой правительственной власти может довести Россию до анархии, предлагается съезду высказаться против Учредительного собрания и за созыв Государственной думы, которая издаст ряд законоположений в развитие манифеста 17 октября, а до того времени земские и городские деятели должны оказывать правительству содействие в поддержании порядка». [2] Обосновывая эту резолюцию, саратовский городской голова Немировский полностью солидаризировался с карательной политикой царизма. «Глумятся, — говорил он на съезде, — над учреждением сатрапий как средством борьбы с аграрными беспорядками, но пусть укажут конституционное средство против такого явления. Когда вспыхнул пожар, надо его тушить, не раздумывая долго над средствами. Не время заниматься и оценкой деятельности графа Витте... Нужно знать, что ему приходится вести войну на два фронта — и против реакции и против крайних партий. Ему нужна поддержка со стороны общества, и мы должны дать ему эту поддержку». [3] Представители «меньшинства» высказались за образование совещательной комиссии из состава съезда «для содействия правительству в умиротворении страны».

Под влиянием восстания в Черноморском флоте аналогичную позицию заняло было и большинство членов съезда, принадлежавших к только что образовавшейся кадетской партии. Они готовы были немедленно «подать руку помощи гр. Витте» [4] и действовать с правительством заодно.

[1] «Право», 1905, № 45—46, стр. 3661.

[2] Там же, стр. 3700.

[3] Там же, № 44, стр. 3606.

[4] Гр. Витте обратился к съезду с телеграммой, в которой, искусно играя на чувстве классового самосохранения либералов, взывал о поддержке. «Решения съезда земских деятелей, — говорилось между прочим в телеграмме, — читаются всей Россией и несомненно имеют известное влияние на общественное самосознание. Полагаю, что некоторые решения съезда были бы иные, если бы его члены были вполне осведомлены о том, что происходит в России. Самое опасное — пропаганда в войсках. Плоды этой пропаганды проявились в слабой степени в Кронштадте, ныне отражаются в грозном виде в Севастополе... Если съезд не примет во внимание эти обстоятельства... он может сыграть крайне неблагоприятную роль для ближайшей будущности России. Считаю необходимым вам это сообщить, не сомневаясь в вашем патриотизме». (Центральный архив внутренней политики, культуры и быта в Ленинграде, фонд канцелярии совета министров, д. № 56, о съезде городских и земских деятелей в Москве 12 ноября 1905 г., л. 3.)

Только по получении известий о подавлении восстания в Севастополе кадетское большинство съезда несколько оправилось от испуга и поэтому не свернуло окончательно своих оппозиционных знамен.

«Большинство» земско-городского съезда несомненно отдавало себе отчет в том, что открытая поддержка правительства создаст непроходимую пропасть между буржуазией и народными массами. У кадетов были серьезные сомнения, можно ли одними репрессивными мерами внести успокоение. Вот почему в отличие от октябристской буржуазии, которая «прямо перешла на сторону правительства», кадеты хотели «...прекратить борьбу более тонкими средствами, маленькими уступками народу, выкупом для крестьян и т. п.» [1]

«Для нас, — говорил на съезде Щепкин, — может быть и довольно, но за нами народ, и мы не смеем отдыхать, прежде чем не удовлетворим его насущные нужды... Мы должны сказать Витте: граф, издайте законы о свободе, о выборах в Государственную думу, выработайте объединенную программу и тогда стройте на ней министерство. Никто не откажется в него войти. Этих людей заклеймит клевета и ненависть, но они спасут Россию». [2]

Кадетские делегаты на съезде решили выразить условное доверие правительству. В принятой большинством резолюции говорилось, что «министерство может рассчитывать на содействие и поддержку постольку, поскольку оно будет проводить конституционные начала манифеста. Всякое же отступление правительства от начал манифеста 17 октября встретит в земских и городских деятелях решительное противодействие». По поводу этой фарисейской резолюции, замалчивавшей многочисленные случаи отступления министерства Витте—Дурново от «конституционных» начал манифеста 17 октября, один из делегатов не без иронии заметил: «Разве мало уже сделано таких отступлений. Сколько же надо перестрелять и перебить людей, чтобы мы, наконец, оказали «решительное противодействие?» [3]

Если «большинство» земско-городского съезда не поддалось искушению с криком «спасите» броситься в объятия реакции, то, вообще говоря, оппозиционная температура его значительно спала. Это обнаружилось при обсуждении вопросов об амнистии и о Польше. Некий Врублевский внес в резолюцию бюро, говорившую о «полной амнистии по политическим и религиозным преступлениям», добавление: «за исключением преступлений, связанных с грабежами и поджогами». Эта поправка была поддержана лидером кадетского большинства съезда Петрункевичем и принята большинством 129 голосов против 98. Получился крупный скандал. Надо было спешно спасать «демократическое» лицо съезда. Колюбакин разъяснил «зарвавшимся» членам съезда, что поправка о нераспространении амнистии на престу-

[1] Ленин, т. X, стр. 225.
[2] «Право», 1905, № 44, стр. 3616.
[3] Там же, стр. 3626.

пления, связанные с аграрным движением, говорит «о чисто классовом характере проявленного на съезде течения». [1] После этого поправка была переголосована и на этот раз отвергнута.

Что же касается вопроса об автономии Польши, то в принятой по этому поводу резолюции решение вопроса о введении в Польше автономии откладывалось до созыва Государственной думы, причем пределы этой «автономии» ограничивались сферой культурной жизни. Стоит ли удивляться, что против обещания подобной маргариновой автономии не возражал даже такой ярый сторонник единой и неделимой России, как Гучков.

Но, несмотря даже на то, что кадетское большинство съезда проделало значительный крен вправо, масса земско-городских деятелей резко протестовала против «радикальных» решений съезда. Уже во время занятий съезда с мест посыпались телеграммы, в которых дезавуировались отдельные делегаты, а весь съезд обвинялся в самозванстве. Так, бессарабские земцы заявили, что «ни бессарабским губернским земским собранием, ни уездным собранием никаких уполномоченных или представителей для участия в московском или ином политическом съезде избираемо не было и что постановления московского съезда препятствуют водворению порядка и законности и не соответствуют нашим убеждениям». [2]

Киевский городской голова в телеграмме московскому градоначальнику просил объявить съезду земских и городских деятелей, что «киевской думой не дано гласным никаких полномочий на это участие и на выражение взглядов думы, не сочувствующей направлению деятельности съезда». [3] Точно также новгородская городская дума отмежевалась от съезда, указывая, что он «в большинстве состоит из представителей разных политических партий и лишь в меньшинстве из земских и городских уполномоченных, избранных совершенно при иных обстоятельствах». [4] При этом новгородские «отцы города» не скрывали, что они возлагают свои надежды на правительство, а не на съезд.

Либеральные постановления ноябрьского съезда нигде, за исключением разве Ярославской губернии, не встретили отклика в земской среде. Больше того, ряд губернских земских собраний (екатеринославское, пензенское и т. д.) выступили с прямым осуждением постановлений съезда. Вологодское, орловское и полтавское губернские земские собрания присоединились к мнению меньшинства ноябрьского съезда. Екатеринославское, пензенское, полтавское, симбирское собрания высказались против участия в земских съездах. Калужское, орловское, рязанское и другие собрания вместо кадетов выбрали

---

[1] «Право», 1905, № 45—46, стр. 3704.

[2] Центральный архив внутренней политики, культуры и быта, фонд канцелярии совета министров, д. № 56, л. 55.

[3] ЦАР, фонд моск. охр. отд., д. № 741, л. 334.

[4] Центральный архив внутренней политики, культуры и быта, фонд канцелярии совета министров, д. № 56, л. 67.

в состав делегаций на общеземские съезды представителей «умеренного» и правого направления: [1]

В адресах, принятых губернскими земскими собраниями, единодушно выражалась готовность оказать всевозможную поддержку твердой и решительной политике правительства в деле подавления революции. Земства безоговорочно одобряли разгул карательных экспедиций, как «неизбежную и печальную необходимость». И если, начиная со второй половины ноября, мы наблюдаем холодок в отношении земств к министерству Витте, если, в частности, предложение Витте избрать уполномоченных от земства для содействия правительству встретило отклик только со стороны казанского и херсонского земств, то это объясняется не радикальностью занятой земствами позиции, а, наоборот, недоверием к гр. Витте за «либеральный» курс его министерства. В данном случае земские собрания, подобно «большинству» ноябрьского съезда, стали на путь условной поддержки министерства Витте. Но в то время как «большинство» съезда устами Родичева требовало от Витте «бесповоротного отделения от реакции», земства, переметнувшиеся к концу 1905 г. в «охранительный» лагерь, критиковали «министра-клоуна» справа, требуя от него «непопустительно строгого» курса правительственной политики.

Под влиянием непрекращающихся революционных выступлений отношение крупной буржуазии к Витте коренным образом изменилось. В капиталистических кругах стало явно обнаруживаться недовольство министерством Витте за недостаточно, по их мнению, решительный и последовательный курс карательной политики. Лейб-орган тяжелой индустрии «Горнозаводский листок» (№ 48 —49, 1905, стр. 8236), еще 12 ноября заявлявший об «открытом доверии и активной поддержке политики гр. С. Ю. Витте», через три недели, 3 декабря, выступает с резкими обвинениями по адресу Витте: «В руках гр. Витте власть оказалась такой же бессильной, как и в руках его предшественников. Власть ограничивается бессильными угрозами и случайными актами бесцельной мести по отношению к отдельным вожакам общественных групп».

«Слово» — рупор октябристской буржуазии, — начиная с конца октября, изо дня в день убеждает правительство в том, что «источник анархии в нем самом, в «безвластии власти». «Как только общество почувствует в правительстве, — читаем мы в № 289 от 29 октября, — «смелость собственного мнения», — как тотчас же власть красного гипноза станет бледнеть и очарование магических формул (всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право) распадется».

По поводу объявления военного положения в Польше «Слово» с облегчением писало: «повидимому правительство решило

---

[1] Центральный архив внутренней политики, культуры и быта, фонд главного управления по делам местного хозяйства, д. № 76, о поворотах в настроении земских собраний.

проявить некоторую энергию» и тут же высказывало опасение, что «правительство махнуло рукой на целость России». По мнению «Слова» (№ 292 от 1 ноября 1905 г.), «особенно удручающее впечатление на народ произвела в этом отношении революция в Финляндии, удавшаяся исключительно благодаря крайней уступчивости русского правительства».

Манифест об отмене выкупных платежей вызывает новые страхи у публицистов «Слова» (№ 294 от 8 ноября 1905 г.). Они опасаются, как бы «манифест не поколебал в крестьянских массах уважения к частной земельной собственности и не создал мечты о даровом наделе земель».

В передовой от 17 ноября «Слово» снова убеждает правительство в необходимости строгих мер для подавления революции. «Много надежнее для правительства, — говорится там, — было бы не искать словесной поддержки у представителей той или иной фракции, а твердо и настойчиво приняться за восстановление порядка... При первом же решительном шаге правительства в сторону водворения порядка все умеренные и устойчивые элементы общества и народа сплотятся вокруг него. Первой обязанностью правительства является подавление анархии и проведение общих выборов».

Однако, уже через день «Слово» приходит к убеждению, что бесполезно взывать к правительству Витте и «якорь спасения» следует искать в другом направлении. В № 305 от 19 ноября 1905 г. помещена статья Демчинского, в которой он пишет: «Нам нужен Бонапарт». Мечта о военной диктатуре неотступно преследует публицистов из «Слова». «Найдутся ли на Руси, — взывает «Слово», — люди, сильные духом, которые высоко поднимут знамя нераздельной России и вокруг которых сплотится русский народ?»

Заподозривая Витте в затаенном желании превратить Государственную думу в ... Учредительное собрание, «Слово» требует, чтобы текст конституции был опубликован до созыва Государственной думы, иначе «превращение Думы в Учредительное собрание неминуемо».

В связи с восстанием в Прибалтийском крае, «Слово» (№ 324, 1905) беспощадно обрушивается на правительство Витте за его «мягкотелость». «Прибалтийским краем, — писал Глинка в статье «Расчленение России», — мы должны владеть во что бы то ни стало. И правительство обязано проявить всю свою твердость, чтобы подавить восстание, каких бы жертв это ни потребовало». «Должно быть, и вооруженные восстания по мнению гр. Витте, — иронизирует «Слово», — нужно подавлять «нравственным воздействием».

Наконец, 19 декабря «Слово» приходит к окончательному выводу, что «правительство гр. Витте не способно умиротворить страны». «До сих пор по крайней мере,—пишет тот же Глинка, — он делал все от него зависящее, чтобы разжечь смуту и анархию». Заканчивается статья не больше не меньше как требованием «очистить правительство от прислужников революции».

2. Крестовый поход «представительных» организаций крупного капитала, городских дум и земств против революционного движения

Наряду с обещанием всевозможного содействия правительству в водворении порядка в стране капиталисты стремятся всячески подтолкнуть правительство на энергичную расправу с революционными рабочими. В это время мы сплошь и рядом встречаемся с обращениями промышленников за содействием полиции и войск для расправы с рабочим движением. Южные горнопромышленники, обеспокоенные тем, что с 20 октября «погромы, грабежи и насилия нарушили спокойное течение жизни рабочих и в некоторых случаях выразились в преступных действиях», обратились к Витте с просьбой «принять энергичные меры на месте для подавления погрома и беспорядков». [1] Рауль Дюваль, представитель Екатериновки, настаивал перед Витте на «посылке и постоянном пребывании четырех сотен казаков в районах Макеевском и Рыковском». Фабриканты Лефортовской части г. Москвы на своем собрании 13 ноября постановили просить администрацию для охраны фабрик от «насилий» забастовщиков увеличить количество конницы в участке.[2] Аналогичные обращения к властям, ставшие после 17 октября бытовыми явлениями, можно было бы цитировать до бесконечности.

В начале декабря вспыхивают мощные рабочие волнения на до сих пор сравнительно спокойном Урале, и это сразу остужает либеральный пыл у уральских горнопромышленников. В первые дни они было совсем растерялись. Заведывающий бюро съездов в Екатеринбурге Мамонтов в письме от 5 декабря, повествуя о злоключениях одного управляющего заводом, некоего Пивинского, которого рабочие «одели в лапти и дерюгу, водили по заводу, подводили к проруби, заставили подписать и согласиться на их требования, только после чего отпустили»,— пишет: «Пивинский видит один исход — казаки, — но их нет... Личное мнение, что никаких активных мер принимать нельзя ввиду полного воцарения пропаганды социалистов и наводимого ими террора. Остается одно — это ждать, когда спокойному большинству это надоест и оно само не окажет сдерживающего влияния». [3] Однако совет съезда уральских горнопромышленников, находившийся в Петербурге, сразу же согласился с Пивинским, что «исход один — казаки». Совет съезда обращается к военному министру и министру внутренних дел с письмом, в котором, указав, что «положение дел на Урале вообще, в особенности в Пермской губернии, представляется крайне тяжелым, а в северо-западной части этой губернии — очень

---

[1] «Горнозаводский листок», 1905, № 46, стр. 8200.

[2] «Из истории революции 1905 года. Материалы и документы». Составили В. В. Симоненко и Г. Д. Костомаров. М., 1931, стр. 238.

[3] Центральный архив народного хозяйства в Ленинграде, фонд совета съездов уральских горнопромышленников, д. № 29, л. 25.

опасным, угрожающим полным разорением заводского дела», ходатайствует об откомандировании в Пермскую губернию, для усиления имеющихся там незначительных команд, одного из казачьих полков. Горнопромышленники Пермской губернии ассигновали (22 декабря) в распоряжение пермского губернатора 120 тыс. рублей для усиления на 300 конных казаков состава войск, находящихся в Пермской губернии. Чтобы избежать «кривотолков о наемном войске», они решили, что «300 казаков, содержимых на средства заводов, поступают в полное распоряжение губернатора наравне с казачьим полком и составляют с ним как бы одно целое». [1]

Надо отметить, что администрация очень живо откликалась на требования уральских горнозаводчиков, возможно, в связи с тем, что среди них было много «особ», принадлежавших к дворянской знати. Так, 9 декабря в помещении совета съезда по инициативе пермского губернатора состоялось в его присутствии совещание представителей горнопромышленных управлений, на котором происходило обсуждение вопроса о мерах борьбы с рабочими волнениями на Урале. Этот же губернатор, принимая очень близко к сердцу интересы уральских горнопромышленников, 25 декабря телеграфирует В. Ковалевскому, председателю совета съездов уральских горнопромышленников, прося поддержать перед министром внутренних дел его ходатайство о посылке в Пермскую губернию казачьего полка. [2]

Наряду с обращениями к правительству об усмирении рабочих военной силой капиталисты осаждают его жалобами на «мягкотелость» местной администрации и судебных властей. 23 ноября 1905 г. петербургское общество фабрикантов и заводчиков подало министру юстиции записку «о применении действующего закона в случаях насилий и угроз».

Записка начинается с утверждения, что одной из причин революционных волнений является «несоблюдение действующих законов, необеспечение личности и имущества и проникшее в народ убеждение о безнаказанности самых важных правонарушений». По мнению петербургских фабрикантов, «благоразумное большинство рабочего класса желает мирного труда», но, к сожалению, находится «под давлением крайне незначительной группы лиц, являющихся подстрекателями и зачинщиками беспорядков». Поэтому общество ходатайствует, чтобы «не дожидаясь того времени, пока будут изданы новые, более усовершенствованные законы, в точности и со всей строгостью применялись законы, существовавшие до сих пор, и чтобы делам о насилиях на фабриках и заводах давался законный ход вне очереди». [3] Правительство немедленно удовлетворило эти домогательства промышленников. 2 декабря были изданы временные правила о стачках и союзах, направленные против забастовок ж. д., почты, телеграфа и вообще предприятий, «прекращение

[1] Там же, л. 38.
[2] Там же, л. 43.
[3] ЦАОР, фонд СПб. о-ва ф. и з., д. № 143, л. 190.

или приостановление деятельности коих угрожает безопасности государства или создает возможность общественного бедствия». За участие в подобных забастовках устанавливалось тюремное заключение до 1 года 4 месяцев, а за участие в сообщничестве, подготовлявшем такие забастовки, тюрьма от одного года 4 месяцев до 4 лет. Эти правила давали возможность уголовно преследовать любую стачку в частных предприятиях, подогнав ее под угрожающую «общественным бедствием».

Правительство широко идет навстречу буржуазии в ее походе против рабочего движения. Оно взяло на себя инициативу ноябрьского локаута в Петербурге, оно посылает карательные экспедиции с девизом: «арестованных не иметь и действовать беспощадно». Самодержавие стремится также обласкать верноподданную буржуазию финансовыми подачками. 11 ноября бакинские нефтепромышленники получили 20 млн. руб. из средств государственного казначейства, а кредитование частных банков достигает к 1 декабря 1905 г. 148,2 млн. руб. против 39 млн. в 1904 г.

Многочисленные ходатайства биржевых комитетов и промышленных организаций об увеличении кредита, об уменьшении раскладочного и специального сборов, об отмене процентных сборов, о введении моратория для вексельных обязательств удовлетворялись почти безотказно.

«Манифест 17 октября Ленин оценивал, как момент некоторого временного равновесия сил, когда пролетариат и крестьянство, вырвав у царя манифест, еще не в силах свалить царизм, а царизм уже не может управлять только прежними средствами и вынужден обещать на словах «гражданские свободы» и «законодательную» думу». [1]

В этот критический для самодержавия период, когда, по выражению Ленина, чашки весов колебались, неоценимой услугой правительству и буржуазии явилась предательская, подрывная тактика меньшевиков в Петербургском совете рабочих депутатов. «Совет рабочих депутатов Петербурга, как Совет крупнейшего промышленного и революционного центра России, столицы царской империи, должен был сыграть решающую роль в революции 1905 года. Однако, он своих задач не выполнил ввиду плохого, меньшевистского руководства Советом. Как известно, Ленина не было еще тогда в Петербурге, он все еще находился за границей. Меньшевики воспользовались отсутствием Ленина, пробрались в Петербургский Совет и захватили в нем руководство. Неудивительно, что при таких условиях меньшевикам Хрусталеву, Троцкому, Парвусу и другим удалось повернуть Петербургский Совет против политики восстания. Вместо того, чтобы сблизить солдат с Советом и связать их в общей борьбе, они требовали удаления солдат из Петербурга. Вместо

---

[1] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 75.

того чтобы вооружить рабочих и готовить их к восстанию, Совет топтался на месте и отрицательно относился к подготовке восстания». [1]

Между тем рабочие рвались в бой. Они ковали на заводах холодное оружие (пики, копья, ножи и пр.), отчисляли часть своего скудного заработка на вооружение, вели пропаганду в воинских частях, расквартированных в рабочих районах. Большевики организовали на крупных предприятиях боевые дружины. Рабочие, естественно, ожидали, что Совет рабочих депутатов возглавит массовую вооруженную борьбу против самодержавия, но, как цинично признавался Троцкий на суде, это были «только их надежды, реальных оснований для которых Совет не давал». Меньшевистские руководители Совета срывали вооружение рабочих и отвергали всякую мысль об организации восстания. Не имея возможности парализовать огромную тягу рабочих к вооружению, [2] меньшевики пытались ограничить задачу боевых дружин исключительно самообороной от черной сотни.

Пробравшись к руководству Петербургским Советом, Троцкий все свои усилия направлял к тому, чтобы ослабить, раздробить революционный натиск рабочих на самодержавие, истощить их силы в распыленной, перемежающейся «стачечной лихорадке». Подлый план Троцкого заключался в том, чтобы подменить «стачечной гимнастикой» наиболее могучее средство нападения на самодержавие — вооруженное восстание, чтобы демонстративными стачками исподволь обескровить пролетариат и выдать затем его, обессиленного, с головой царским палачам.

В противовес большевикам, которые рассматривали Советы как органы восстания и зачатки революционной власти, меньшевики отводили им роль демократизированных городских самоуправлений, которые могли бы «прижиться», могли бы функционировать в рамках царской монархии. Само возникновение Советов, вызванных к жизни могучим подъемом масс, было неожиданным для меньшевиков и произошло в разрез с их планами. В дни октябрьской всеобщей стачки меньшевики пытались увлечь буржуазию на путь «муниципальной революции», превратить городские управления в опорные пункты для пресловутого меньшевистского «революционного самоуправления», куда в качестве безвольного придатка буржуазии были бы допущены представители рабочих и мелкой буржуазии. Однако из этой попытки ничего не вышло. «Отцы города» оказались слишком враждебными по отношению к революционным массам, чересчур верноподданнически настроенными. Они не

---

[1] Там же, стр. 76.

[2] По свидетельству Радина (Кнунианц): «Отовсюду с заводов требовали оружия для организующихся дружин; рабочие сами заготовляли всевозможные ножи, копья, отчисляли не малые средства из заработков на вооружение. Вопрос о вооружении был пунктом постоянных недовольств как со стороны Совета исполнительным комитетом, так и избирателей депутатами».

могли позволить себе нарушить рамки царско-полицейской законности и взять в свои руки выполнение таких функций, как заведывание полицией, отвод помещений для народных митингов, посредничество между предпринимателями и рабочими, регулирование продовольственного дела и т. п., что должно было бы, по мысли меньшевиков, придать городским думам черты «революционного самоуправления» и превратить их в центр освободительного движения. С другой стороны, революционный пролетариат вовсе не имел охоты плестись в обозе либеральной буржуазии, входя на правах бедного родственника в «демократизированные» городские самоуправления. Народное творчество создало невиданную в мире массовую политическую организацию — советы. Не будучи в состоянии помешать проявлению революционной самодеятельности народа, вылившейся в форму советов рабочих депутатов, меньшевики поставили перед собой задачу пролезть в советы, чтобы не допустить превращения их в боевые органы восстания и революционной власти.

Возглавив Петербургский Совет рабочих депутатов, меньшевики стремились свести его роль к посредничеству между революционными массами и царским правительством и к отстаиванию чисто профессиональных интересов рабочих (устройство анкетного обследования, примирительных камер, организация профсоюзов и т. п.). Отсюда — бесконечные депутации от Совета к Витте и др. министрам (напомним о позорной депутации к Витте с сообщением о намерении Совета устроить 23 октября торжественные похороны павшим борцам за свободу и обещанием сохранить порядок,[1] хождение в городскую думу[2]

---

[1] На заседании Совета многие депутаты-рабочие возражали против частых депутаций к правительству, считая этот путь весьма скользким. Нельзя, говорили они, обращаться за разрешением траурной демонстрации к тому самому правительству, от подлой руки которого пали наши товарищи. После горячих прений все же было принято предложение И. К. послать депутацию к Витте. Из паломничества к Витте ничего не вышло. Больше того, соглашательская тактика Совета вызвала прилив наглости у генерала Трепова, который опубликовал в газетах заявление, предостерегающее от устройства демонстрации. Одной угрозы Трепова было достаточно, чтобы Совет немедленно спасовал, отменив общие похороны. Такая робость Совета резко контрастировала с боевым настроением рабочих, которые отказывались верить, что Совет мог из-за одних угроз правительства отказаться от устройства траурной демонстрации.

[2] По предложению меньшевиков Совет направил депутацию в городскую думу с тем, чтобы «подтолкнуть» думцев на оппозиционный путь и добиться от них удовлетворения требований рабочих, вроде отвода помещений для митингов и пр. Снаряжая депутацию в думу, меньшевики рассчитывали, что «отцы города» изъявят, по крайней мере на словах, готовность удовлетворить некоторые требования рабочих. Подобная видимость «солидарности» крупной буржуазии с пролетариатом облегчила бы меньшевикам выполнение их «исторической миссии» — заставить рабочих соблюдать «такт» по отношению к буржуазии и поставить их на службу последней. Однако, петербургская дума была так напугана совершающимися событиями и с такой ненавистью относилась к октябрьской стачке, что оказалась неспособной даже на либеральные жесты по адресу «забастовщиков-революционеров» и отклонила все требования Совета.

и к отдельным капиталистам). Подобная «переговорная» тактика в период революционного натиска, когда в стане врага наблюдалась растерянность, была лишь наруку реакций, ибо давала ей необходимую передышку для мобилизации своих сил и сосредоточения ударного кулака против революционного пролетариата. Чтобы ослабить влияние большевиков на Совет, меньшевики всячески проповедывали идею «беспартийности» Совета и его «нейтральности» по отношению к партиям.

III съезд большевистской партии в качестве одного из главных тактических средств, которое должно было развязать революционную инициативу масс и подвести их вплотную к восстанию, выдвинул осуществление захватным путем 8-часового рабочего дня. Этот лозунг был в октябре подхвачен массой питерских рабочих. 27 октября рабочие крупнейших заводов Невского района (Обуховский, Александровский и Семянниковский) и Выборгской стороны (заводы Лесснера, Нобеля и др.) вводят у себя явочным порядком 8-часовой рабочий день. К началу ноября это движение охватывает почти все петербургские фабрики и заводы и перебрасывается в провинцию, вызывая у рабочих необычайный прилив революционной активности и сплочения. 31 октября все заводы Московского района, отработав 8 часов, оставили мастерские и с развернутыми красными знаменами и пением рабочей марсельезы, устроили грандиозную демонстрацию, к которой присоединялись по пути рабочие мелких предприятий. Рабочие настоятельно требовали, чтобы Совет декретировал революционным путем повсеместное введение 8-часового рабочего дня.

Меньшевистские руководители Совета считали революционное осуществление 8-часового рабочего дня «опасным экспериментом». Они указывали, что эта мера может вбить клин между пролетариатом и капиталистами и бросит последних в объятия правительства. В то время как большевистская газета «Новая жизнь» видела в революционном осуществлении 8-часового рабочего дня факт всемирно-исторического значения, Троцкий высмеивал введение 8-часового рабочего дня в одном Петербурге, как «бессмыслицу». Однако, напор снизу был так силен, что меньшевики из-за опасения изоляции не решились открыто выступить против революционной инициативы питерских рабочих. На заседании Совета 29 октября меньшевики ограничились лишь провокационными выкриками с мест вроде: «не кончили с абсолютизмом, а начинаете с капиталистами борьбу» и т. п. Совет единодушно решил приветствовать тех товарищей, которые ввели у себя на заводах 8-часовой рабочий день, и предложил всем отставшим фабрикам и заводам ввести с 31 октября революционным путем 8-часовой рабочий день.

В разгар борьбы за революционное осуществление 8-часового рабочего дня стало известно, что правительство намеревается предать военно-полевому суду несколько сот солдат и матросов, участвовавших в Кронштадтском восстании 26 октября. Эта весть вызвала сильное негодование на петербургских

заводах. Рабочие потребовали от Совета немедленного выступления, чтобы не допустить кровавой расправы царизма с кронштадтскими моряками. Меньшевистское руководство вынуждено было 1 ноября созвать пленум Совета. На это заседание явилась делегация от польских революционных организаций, которая обратилась к петербургским рабочим с призывом поддержать освободительную борьбу польского народа и в частности протестовать против объявления всей Польши на военном положении. Несмотря на сопротивление меньшевистско-эсеровских заправил Совета и железнодорожного союза, Совет подавляющим большинством постановил «призвать революционный пролетариат Петербурга посредством общей политической забастовки, уже доказавшей свою грозную силу, и посредством общих митингов протеста проявить свою братскую солидарность с революционными солдатами Кронштадта и революционными пролетариями Польши. Завтра, 2-го ноября, в 12 часов дня, рабочие Петербурга прекращают работу с лозунгами: 1) Долой полевые суды! 2) Долой смертную казнь! 3) Долой военное положение в Польше и во всей России!»

Если предательское руководство Совета не смогло предотвратить принятие этой резолюции, то ему все же удалось «обезвредить» ее в двух отношениях: 1) постановление Совета придавало стачке исключительно демонстративный характер без каких-либо указаний на переход от стачки к восстанию; 2) из лозунгов стачки был исключен лозунг борьбы за 8-часовой рабочий день.

Ноябрьская всеобщая политическая стачка началась с огромным подъемом. Точно, в назначенный день и час прекратили работу многочисленные фабрики и заводы столицы. Забастовал также и петербургский ж. д. узел, несмотря на то, что ЦБ ж. д. союза от участия в забастовке отказалось. На заводах происходили многолюдные митинги, на которых единогласно принимались резолюции против военных судов и военного положения и с призывом к войску перейти на сторону народа. Рабочие выражали непоколебимую готовность бастовать, пока не будут удовлетворены выставленные требования и прекратить стачку лишь по постановлению Совета.

Боевое настроение питерских рабочих, а также поступающие отовсюду известия о революционных волнениях среди рабочих, крестьян, солдат и матросов вызвали подлинную панику в правящих кругах. Растерявшийся «министр-клоун» Витте обратился к «братцам-рабочим» с призывом стать на работу, обещая от имени царя позаботиться об улучшении их материального быта. Это панибратское обращение Витте не только не произвело «отрезвляющего» действия на рабочих, но, наоборот, еще больше укрепило их боевой дух. Например, рабочие электрической станции, возмущенные фамильярностью царского временщика, ответили на обращение Витте краткой, но вразумительной резолюцией: «прочитали и забастовали».

Против воли меньшевиков, силившихся удержать движение в рамках мирной «стачечной манифестации», ноябрьская стачка

грозила перейти в вооруженное выступление против царизма. «Боевым лозунгом петербургского пролетариата было тогда: «8-часовой день и оружие», — писал Ленин.[1] Примеру питерских рабочих следовала и провинция. Казалось, дружный натиск пролетариата столицы, слившись с рабочими, крестьянскими и солдатскими восстаниями по всей стране, повергнет в прах подгнивший самодержавный строй.

Меньшевики, стремившиеся во что бы то ни стало предупредить решительный бой против царизма, ибо это могло сорвать их ставку на сговор с буржуазией и правительством на базе монархической конституции, забили отбой. Уже 4 ноября на пленуме Совета Исполнительный комитет предложил прекратить стачку, ссылаясь на изолированность пролетариата в Петербурге и оторванность петербургского пролетариата от всероссийского. Это было заведомо ложное утверждение. Вслед за Петербургом стала энергично раскачиваться и провинция, причем провинциальные рабочие, естественно, смотрели на Петербургский совет, как на центр, который должен был возглавить всероссийскую забастовку. Так, рабочие Рыбинска, забастовав 4 ноября, послали телеграмму Петербургскому Совету: «ждем указаний». Однако предательское руководство Совета не предпринимало никаких шагов для объединения выступлений в различных городах и в то же время оправдывало свои капитулянтские настроения лицемерной ссылкой на «инертность» провинции!

Предложение Исполнительного комитета прекратить стачку вызвало горячую отповедь со стороны депутатов от крупнейших заводов столицы. Депутаты-рабочие бросали в лицо руководителям Совета справедливый упрек, что они своей игрой забастовками — то назначают, то отменяют — льют по капле рабочую кровь, но не достигают результата. Делегат Александровского завода говорил: «Стачка требует огромных жертв, но именно потому необходимо, чтобы она не прошла безрезультатно... Политическая забастовка — страшное оружие, к нему нельзя прибегать с легким сердцем, но его и нельзя бросить легко». Сторонники продолжения забастовки доказывали, что «невозможно кончать забастовку, не получивши ничего, — необходимо вырвать от правительства полную амнистию, отмену военного положения и смертной казни для товарищей матросов... Кончить сейчас забастовку — это значит показать правительству наше бессилие, вызвать реакцию, недовольство среди массы. Зачем же было и начинать?» Отдельные депутаты Совета обвиняли своих руководителей в том, что они «охотно сдаются и бьют отбой как при первой забастовке, так и теперь, тогда как стоит только собрать рабочих, разъяснить им хорошенько смысл и значение забастовки, и они сейчас же соглашаются и бастуют. Совет почти единогласно (против 4) отверг предложение Исполнительного комитета.

---

[1] Ленин, т. XIX, стр. 353.

Правительство, прекрасно осведомленное о трениях внутри Совета, [1] не спешило с уступками. Тогда Иуда Троцкий, воспользовавшись правительственным сообщением от 5 ноября о том, что кронштадтские матросы предаются не военно-полевому, а военно-окружному суду, на заседании Совета 6 ноября снова поднял от имени Исполнительного комитета вопрос о прекращении стачки. Дополнительным «козырем» в его руках было капитулянтское решение центрального бюро ж. д. союза прекратить забастовку на железных дорогах 7 ноября.

Совет, введенный в заблуждение «революционным» пустозвонством Троцкого, постановил прекратить стачку 7 ноября в 12 час. дня. Что меньшевистские утверждения об усталости и об упадке духа в рабочей массе противоречили истине, видно уже из того, что 7 ноября, в последний день забастовки, даже по явно преуменьшенным данным фабричной инспекции бастовало 104 597 рабочих в 452 промышленных заведениях.

После окончания ноябрьской политической стачки питерские рабочие возобновили борьбу за революционное осуществление 8-часового рабочего дня. Но теперь объединенные силы правительственной и буржуазной реакции, ободренные отступлением пролетариата без боя, сами переходят в решительное наступление на пролетариат.

Раньше, во второй половине октября, когда рабочие начали вводить захватным путем 8-часовой рабочий день, капиталисты, как правило, избегали открытых угроз по адресу рабочих. Они ограничивались тем, что записывали в расчетные книжки неполный день. Иногда же они шли на уступки, соглашаясь на установление 9-часового и даже 8-часового рабочего дня (завод «Сименс-Гальске»). На некоторых заводах администрация устраивала закрытую баллотировку по вопросу о сокращении рабочего дня, причем результаты были не в пользу хозяев. Так, на Александровском механическом заводе за введение 8-часового рабочего дня было подано 1668 голосов и против — только 14.

Не располагая в тот период достаточной военной силой для подавления рабочего движения, капиталисты в отдельных случаях предпочитали действовать убеждением. Например, на механическом заводе Семенова 31 октября выступил на собрании рабочих сам хозяин, который, точь-в-точь как заправский меньшевик, принялся уговаривать рабочих, что, мол, «теперь не время выставлять экономические требования, теперь надо бороться за политическую свободу; а после, при политической свободе можно бороться и за улучшение экономического положения».

В это время, ввиду «междувластия», капиталисты вынуждены были сквозь пальцы смотреть на столь явное нарушение «внутреннего распорядка», как устройство на заводской территории

---

[1] В списке сотрудников охранного отделения значилось 12 членов Петербургского Совета.

почти ежедневно многолюдных митингов. Рабочие, отработав 8 часов вместо прежних 10 часов, освободившиеся часы уделяли митингам. На заводских митингах местные депутаты Совета информировали о его решениях, вырабатывались меры для отпора черной сотне, часто выступали большевистские ораторы, которые призывали рабочих сплотиться под красным знаменем революционной социал-демократии, отстаивать завоевание 8-часового рабочего дня и энергично вооружиться для «последнего и решительного боя» против самодержавия. Иногда на митингах происходила дискуссия между большевиками и эсерами, главным образом по аграрному вопросу, неизменно заканчивавшаяся посрамлением эсеров. После митинга рабочие с пением революционных песен и развернутыми красными знаменами направлялись к заводским воротам. Заводские митинги шли своим чередом и во время ноябрьской всеобщей стачки. Митинги играли большую революционизирующую и организующую роль.

Не случайно, поэтому, петербургские фабриканты и заводчики на своих совещаниях неоднократно обсуждали вопрос об искоренении заводских митингов. По мнению общего собрания фабрикантов 3 ноября, «митинги оказывают очень вредное влияние, отсортировывая более стойкий и спокойный элемент; посторонние лица, не из среды рабочих даже, электризуют толпу горячими речами и посулами и склоняют к крайним побуждениям. Часто такие митинги устраиваются самовольно и рабочие проникают в заводские помещения с насилием». Не решаясь в дни ноябрьской стачки на карательные меры против митингов, собрание промышленников ограничилось обращением к градоначальнику с просьбой разъяснить, как следует поступать в отношении митингов.

Еще в конце октября в министерстве финансов начались совещания, на которых правительство и промышленники вырабатывали план общего локаута. Сразу же после срыва ноябрьской стачки были опубликованы извещения металлозаводчиков, владельцев текстильных фабрик, стекольных заводов и др., угрожавшие массовым закрытием промышленных заведений с расчетом всех рабочих, если они не согласятся работать на старых условиях. Сигнал к широкой локаутной кампании подали казенные заводы. К 16 ноября в Петербурге были закрыты 72 завода с 110 тыс. рабочих. Заводы наводняются полицией, казаками и войсками, провоцирующими расстрелы и избиения рабочих. Митинги запрещаются под угрозой разгона оружием, а помещения, где собирались рабочие, занимаются войсками или заколачиваются.

На собрании петербургских фабрикантов и заводчиков 14 ноября 1905 г. была заключена конвенция, состоявшая из следующих 7 пунктов:

«1) Не делать никакого сокращения в продолжительности рабочего времени без предварительного соглашения с соответ-

---

[1] ЦАОР, фонд СПб. о-ва ф. и з., д. № 181, лл. 13, 14.

ствующей группой представителей данного производства и без одобрения общего собрания.

2) Не допускать ни в какой форме оплаты прогульного при забастовке времени, какой бы характер забастовка ни носила, политический или экономический.

3) Решительно отклонять всякую попытку рабочих принимать участие в определении заработной платы.

4) Также отклонять попытки рабочих стеснять администрацию заводов в увольнении рабочих.

5) Требование рабочих об отмене штрафов отклонять по силе действующего закона.

6) Не соглашаться на установление, по требованию рабочих, гарантированной заработной платы для рабочих по сдельным расценкам, равно как и на установление минимальной платы для поденных.

7) Не вступать в сношения, а тем более соглашения с Советом рабочих депутатов». [1]

Для оперативного руководства борьбой против рабочих при петербургском обществе фабрикантов и заводчиков было создано бюро по регистрации забастовок, которое ежедневно получало от фабрик сведения о текущих волнениях рабочих и сводку этих сведений рассылало на фабрики в виде кратких ежедневных бюллетеней. [2]

Несмотря на то, что вследствие локаута свыше 100 тысяч рабочих были выброшены на улицу и над их семьями нависла угроза голодной смерти, рабочие держались очень стойко и требовали от Совета продолжения борьбы за 8-часовой рабочий день. «Товарищи, нас выбрасывают на улицу, — говорилось в обращении семянниковцев к петербургскому пролетариату, — сплотимся и напомним правительству и капиталистам октябрьские дни! Да здравствует 8-часовой рабочий день! Пролетарии Петербурга, объединяйтесь, и снова на борьбу до победы!»

Перед объединенным фронтом правительственной и буржуазной реакции, меньшевики, которые включились в кампанию за проведение 8-часового рабочего дня против своей воли, занимались сетованиями на «безумное настроение» пролетариата, дерзнувшего вести одновременно борьбу и против правительства, и против капиталистов. Меньшевики отравляли сознание пролетариата неверием в его силы и стращали его перспективой одиночества ввиду перехода «старого союзника» — буржуазии (?) — в лагерь реакции и ненадежности новых союзников — крестьянства и армии. Дезорганизуя таким образом ряды пролетариата, меньшевики подготовляли почву для капитуляции, для снятия лозунга 8-часового рабочего дня.

Уже на заседании Совета 6 ноября И. К. внес предложение отказаться от немедленного осуществления 8-часового рабочего дня и проводить его только там, «где это удобно». Это предложе-

---

[1] ЦАОР, фонд СПб. о-ва ф. и з., д. № 143, л. 179.
[2] Там же, д. № 165.

ние было встречено с нескрываемым разочарованием депутатами-рабочими. Так, делегат рабочих печатного дела говорил: «Резолюция не решает вопроса... весь смысл существования Совета рабочих депутатов — объединить массы, заставить их действовать согласно. А теперь Совет предлагает вместо одной сплоченной борьбы отдельные партизанские схватки». Вследствие острого недовольства «низов» капитулянтской позицией И. К., последний снял свое предложение, и подавляющим большинством была принята резолюция, рекомендующая «немедленно и дружно добиваться возможного сокращения рабочего времени». Хотя эта резолюция и выглядела приличнее первоначального проекта И. К., она все же носила уклончивый характер, призывая добиваться вместо 8-часового только «возможного» уменьшения рабочего дня.

В следующие дни меньшевистские руководители Совета продолжали свою предательскую деятельность. 8 ноября И. К. постановил, что «борьба за уменьшение рабочего времени должна производиться по производствам на основании конкретной конъюнктуры, выясненной в каждом отдельном случае». 11 ноября И. К. решил «временно» прекратить агитацию за немедленное введение революционным путем 8-часового рабочего дня.

На пленуме Совета 12 ноября меньшевики снова внесли резолюцию о «приостановке» насильственного введения 8-часового рабочего дня, ссылаясь на то, что «двойную борьбу мы не в состоянии вести, самодержавие сильно, а капиталисты еще сильнее». Дезорганизаторские действия меньшевиков давали свои плоды. Часть рабочих заколебалась. Один из депутатов Путиловского завода выступил с заявлением в меньшевистском духе: «Мы убедились, что не можем бороться на два фронта — против правительства и против капиталистов. Сначала покончим с одним врагом — самодержавием, а там у нас будет достаточно сил, чтобы бороться и за улучшение нашего экономического положения».

Однако подавляющая часть депутатов-рабочих, в том числе и большинство делегатов Путиловского завода, попрежнему настаивали на продолжении борьбы во что бы то ни стало. Делегат мастерских Харламова говорил: «Нам, рабочим, не страшна нужда. Мы не имеем права отступать, раз мы решили добиваться 8-часового рабочего дня. За борьбой с самодержавием нельзя забывать капиталистов. Что я отвечу своим товарищам, пославшим меня сюда, если решат, что необходимо отступить?» Огромное впечатление произвела пламенная речь ткачихи с фабрики Максвеля, которая заявила: «Мы готовы умереть, но добиться 8-часовой работы. Мы будем бороться до конца. Победа или смерть! Да здравствует 8-часовой рабочий день!» Представители крупнейших заводов столицы, являвшихся передовыми бастионами революции — Семянниковский, Путиловский, Франко-русский завод и др., требуя продолжения борьбы за 8-часовой рабочий день, осуждали руководителей Совета за то, что они слишком поторопились дать отбой. «Вся беда

в том, — говорил делегат Путиловского завода, — что мы недружно держались. Вина тут Совета, который постановил, что добиваться должны лишь те заводы, которым это под силу». Группа семянниковских депутатов внесла резолюцию: призвать рабочих к двухдневной всеобщей забастовке с требованием открыть заводы. Эта резолюция по настоянию И. К. была отклонена, и было решено ограничиться помощью безработным путем отчисления из заработка тех рабочих, которые еще работали. По вопросу о 8-часовом рабочем дне Совет принял резолюцию И. К., но вследствие протеста одного из районов проведение ее в жизнь было отложено до очередного заседания.

Только 13 ноября Хрусталеву и Троцкому удалось, наконец, сломить сопротивление рабочих и провести в Совете резолюцию о «временном» отказе от немедленного повсеместного проведения революционным путем 8-часового рабочего дня. «Где возможны, по мнению отдельных заводов, — говорилось дальше в резолюции, — дальнейшие завоевания, они должны быть взяты. Что же касается повсеместного введения 8-часового рабочего дня, то оно остается задачей нашей борьбы». Значительная часть рабочих не скрывала своего возмущения по поводу срыва Советом борьбы за 8-часовой рабочий день. Так, рабочие завода «Старый Лесснер» порицали это решение и выражали свое твердое желание продолжать начатую борьбу по первому призыву социал-демократической рабочей партии и Совета рабочих депутатов.

Меньшевистская историография возлагает вину за поражение революции 1905 года на «необузданный максимализм» революционного пролетариата. До 17 октября, когда пролетариат, по словам меньшевиков, ограничивался одной только борьбой за политическую свободу, буржуазия «сочувствовала» ему. Во время октябрьской всеобщей стачки оппозиционность буржуазии достигла апогея. «Крупная буржуазия безоговорочно аплодирует пролетариату» (Дан.). Капиталисты не только не препятствовали митингам на заводах и фабриках, но и выдавали рабочим заработную плату за стачечные дни. В сочувствии и поддержке буржуазией освободительного движения пролетариата,—утверждали меньшевики,—заключалась тайна успехов революции, секрет октябрьской победы. К сожалению, после 17 октября вместо того, чтобы стать на почву царского «дара» и при новых условиях отстаивать мирным путем свои убеждения, пролетариат «зарвался», потерял чувство меры, переступил границы, «фатально поставленные при данном соотношении общественных сил», выдвинув на очередь дня «безумные» лозунги о революционном осуществлении 8-часового рабочего дня и о свержении самодержавия путем вооруженного восстания. Этими «бестактными выходками» пролетариат оттолкнул от себя «старого союзника» — буржуазию и бросил ее в объятия реакции. Очутившись в одиночестве (ибо его новые союзники — армия и крестьянство были, с точки зрения меньшевиков, «невесомыми величинами»), пролетариат и пал под

соединенными ударами правительства и буржуазии жертвой «крайней переоценки своих сил».

Такова меньшевистско-либеральная схема истории революции 1905 года.

В действительности, как неоднократно указывал Ленин, одна из главных причин поражения революции 1905 года и в частности неудачи борьбы за 8-часовой рабочий день состояла не в «максимализме» рабочих, а, наоборот, в том, что они действовали недостаточно наступательно, недостаточно сознавали «...невозможность одной только мирной стачки и необходимость бесстрашной и беспощадной вооруженной борьбы», [1] не вполне решительно отмежевались от предательской буржуазии, слушаясь подчас меньшевиков, которые «...своей соглашательской тактикой тормозили революцию, путали значительную часть рабочих, раскалывали рабочий класс. Поэтому рабочие выступали в революции не всегда дружно, и рабочий класс, не имея еще единства своих собственных рядов, не смог стать настоящим вождем революции». [2]

Торжествуя свою победу над рабочими, питерские промышленники не соглашаются теперь открыть заводы даже и на старых условиях. Они начинают поход против частичных завоеваний, которых рабочие добились в течение 1905 г. Заводская администрация производит тщательную фильтрацию, не допуская возвращения на заводы революционных рабочих. Вместе с тем на многих заводах вводят дополнительные условия найма, заставляют рабочих дать подписку, что они согласны возобновить работу на следующих унизительных условиях: 1) рабочие обязуются не прекращать самовольно работы. Исключением может служить только всеобщее прекращение работ на всех заводах Петербургского района; 2) рабочие обязуются не устраивать никаких митингов на заводской территории; 3) рабочие подчиняются всем правилам внутреннего распорядка, существующего на заводе, как в отношении продолжительности и распределения рабочего времени, так и в отношении существующих расценок и 4) предоставляют правлению прекратить договор найма при первом нарушении указанных выше условий; в случае нарушения правление может произвести расчет с рабочими по день закрытия завода.

Вообще петербургское общество фабрикантов развивало в этот период энергичную деятельность, и по нему равнялись промышленники других районов. Приведем сравнительные данные о числе заседаний в обществе, взятые нами из отчета общества за 1905 г. (см. стр. 170).

Число членов общества за 1905 г. увеличилось с 98, представлявших фабрично-заводские предприятия с 55 тыс. рабочих, до 169 с 110 тыс. рабочих. Не трудно догадаться, что «важнейшим предметом, приковывавшим к себе внимание обще-

---

[1] Ленин, т. X, стр. 50.
[2] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 89.

ства почти всех петербургских фабрикантов и заводчиков, служили забастовки рабочих». [1]

Число заседаний	1903 г.	1904 г.	1905 г.
Совета	12	9	22
Общих собраний	3	2	39
Специальных	16	26	123[2]
Итого	31	37	184

Петербургское общество фабрикантов и заводчиков по существу с момента возникновения было боевым союзом предпринимателей, главной функцией которого было искоренение забастовок. Чтобы превратиться в классовый союз предпринимателей и формально, ему необходимо было внести только ряд второстепенных изменений в свою структуру. Сложнее было положение промышленников других районов, которым пришлось объединиться для отпора рабочим уже в период революционного вихря. «Горнозаводский листок» в этот период усиленно пропагандировал идею объединения промышленников, приглашая их «по примеру своих западноевропейских собратий организоваться для систематической борьбы с чрезмерными требованиями рабочих». Промышленная среда оказалась очень восприимчивой к такого рода пропаганде. Так, одним из первых шагов союза предпринимателей в Екатеринославе было объявление широкого локаута. В Москве ячейкой предпринимательского союза явилась комиссия по рабочему вопросу при московском биржевом обществе, во главе с Четвериковым. По инициативе этой комиссии московские промышленники в ноябре пришли к мысли об установлении особого обложения фабрик и заводов для создания страхового фонда, из которого можно было бы покрывать убытки в случае забастовок. В ноябре фабриканты центрально-промышленного района, по примеру своих питерских собратьев, прибегают к массовому локауту. К 16 ноября были закрыты в Москве 26 предприятий (с 58 тыс. рабочих), во Владимире — 6 фабрик (16 тыс. рабочих) и т. д.

Сильный переполох в капиталистических кругах вызвала почтово-телеграфная забастовка. Представители банковых, страховых и транспортных учреждений, общества фабрикантов и бюро биржевых комитетов обратились к правительству с указанием на необходимость принять суровые меры к ограждению интересов торговли и промышленности от вредных последствий подобной забастовки. Московским биржевым комитетом была избрана 23 ноября специальная комиссия по вопросу о почтово-телеграфной забастовке, квалифицировавшая ее в своем докладе как «преступную затею» и находившая, что «такого рода забастовки должны строго преследоваться законом».

[1] ЦАОР, фонд СПб. о-ва ф. и з., д. № 112, л. 35.

[2] В том числе в ноябре — 36, в декабре — 34 заседания.

Многие капиталисты не брезгали открыто применять погромные приемы борьбы с рабочим движением. Так, один из лидеров петербургского общества фабрикантов и заводчиков Сан-Галли организовал на своем заводе черносотенную банду из мастеров и несознательных рабочих, которая специализировалась на избиении рабочих, «не одобренных к принятию» после $1^1/_2$ месячной забастовки на заводе. Администрация Надеждинского завода, чтобы истребить ненавистных ей «политиканов», которые вели за собой рабочих, сорганизовала из хулиганов вооруженную черносотенную дружину, в которую вошло 200 человек, получавших плату 2 р. за 8-часовой «труд». Задача этой дружины заключалась в том, чтобы хватать революционных рабочих и отдавать их в руки полиции для выселения из пределов Богословского горного округа. В первый же день было арестовано 25 человек. [1] В Иваново-Вознесенске фабриканты были организаторами и вдохновителями октябрьского погрома. Они раздавали отбросам населения деньги на вино. Толпы громил врывались на фабрики и зверски избивали сознательных рабочих. [2] Особенно зверским было избиение на фабрике Горелина, считавшейся наиболее передовой по революционности рабочих. На этой фабрике были убиты почти все депутаты Совета и некоторые из активистов. «Их бросали в котлы, топили в реке, медленно, мучительно калечили и уже буквально растерзанных добивали насмерть». [3]

В городских думах после 17 октября воцаряется «истинно-русское» направление, причем отдельные городские деятели выступают непосредственно в роли организаторов и вдохновителей погромов. Например, в Иваново-Вознесенске член управы торговец Куражев вооружил на счет управы отряд грабителей и сам стал во главе его. [4] В Рыбинске член управы Заглядинский послал крючников бить рабочих. [5]

Гораздо чаще «отцы города», не выступая сами в качестве вожаков черной сотни, берут на себя задачу реабилитировать перед «общественным мнением» погромные действия войск, полиции и черной сотни, обвиняя в погроме... революционные партии. Так, саратовские думцы не постеснялись объявить виновниками погрома ораторов «крайних партий». [6]

Тульская городская дума по поводу расстрела казаками рабочей демонстрации приняла следующее постановление, отличающееся поистине непревзойденным цинизмом: «1) первый вызов последовал со стороны революционеров, которыми без всяких видимых причин открылась пальба в мирную публику, устроившую патриотическую демонстрацию; 2) вмешательство

---

[1] Сборник материалов о революционном движении в Тагильском округе, вып. I, 1925, стр. 80.
[2] «1905 г. в Иваново-Вознесенском районе», 1925, стр. 154.
[3] «Новая жизнь», 1905, № 6.
[4] «1905 г. в Иваново-Вознесенском районе», 1925, стр. 159.
[5] «Северный край», 1905, № 264.
[6] «Начало», от 30 ноября 1905 г.

казаков не может не вызвать чувства благодарности среди общества, желающего только мира и тишины; 3) администрация, допуская решительные исключительные меры в подобных случаях, несомненно имела достаточно оснований; 4) просить г. начальника губернии не допускать никаких демонстраций в городе; 5) ассигновать средства на наем дополнительных городовых и усиление питания казаков; 6) обратиться к гражданам с воззванием, призывая их всеми мерами содействовать сохранению порядка в городе и заниматься мирно своими делами». [1]

Киевская городская дума ассигновала 16 тыс. руб. на угощение и награды войскам за их «самоотверженные» действия во время октябрьского погрома. Любопытно, что либеральное меньшинство во главе с кн. Е.Н. Трубецким воздержалось от выражения благодарности войскам только потому, что считало это решение «преждевременным». «Если вы в настоящее тревожное время, — говорил на заседании думы 21 октября Трубецкой, — будете благодарить войска, то все это взволнованное общество поймет как санкцию бездействия властей. Если вы с е й ч а с вынесете постановление о выражении благодарности войскам, то этим вы бросите бомбу в общество». [2] Выходит так, что в душе либеральный князь мирится с погромными действиями властей, но по тактическим соображениям считает п о к а неудобным открытое одобрение подобных «подвигов».

В некоторых городах были созданы при думах «умиротворительные комитеты». Они обращались к революционерам с просьбой не устраивать демонстраций, сбавить тон и прекратить митинги. Новороссийская городская дума в ноябре издавала особые «манифесты» с призывом ждать законов о свободе собраний, слова, стачек, а пока подчиняться существующим законоположениям. Не ограничиваясь увещаниями населения о сохранении порядка, городские думы обращаются к правительству с заявлением о необходимости принять меры к прекращению «нетерпимых бесчинств» революционеров. Московская городская дума через специальную депутацию представила 16 ноября Витте ходатайство о необходимости принятия мер к ограждению личной безопасности и имущества московского населения. [3] Эта же дума отклонила заявление либеральных гласных о смягчении участи лейтенанта Шмидта и его товарищей, приговоренных к смертной казни.

Екатеринославская городская дума во время октябрьского погрома обратилась к губернатору с заявлением о необходимости: 1) запретить митинги и народные собрания, 2) добиться

---

[1] «Революционное былое», орган тульского истпарта, 1923, № 1, стр. 18—20.

[2] «Киевские отклики», 1905, № 285.

[3] Моск. обл. архив, фонд моск. гор. упр., д. № 10177, журн. городской думы, л. 189.

от самообороны разоружения дружин и 3) ввести в город военное положение и разместить на улицах войска и казаков. Если принять во внимание, что организованные полицией громилы могли встретить отпор только со стороны рабочей самообороны, ибо войска и казаки сами участвовали в погроме, то станет ясным, что требование разоружения дружинников было равносильно поощрению грабежей и убийств, совершавшихся черной сотней.

Интересную зарисовку эволюции политической линии городских деятелей дает Керженцев в статье «Красные дни в Нижнем-Новгороде»: «Что касается буржуазии вообще — ее поведение иллюстрирует городской голова. 19 октября он говорит либеральную речь, ругает казаков и полицию, обращается на площади с речью к народу и кричит, стоя под красным флагом: «Да здравствует свобода». 20-го он благодарит рабочих городских боен за то, что они не присоединились к забастовке. 22-го он на нападки белознаменцев отвечает, что он «стоит под белым знаменем, но готов встать и под красным». В конце ноября он подносит адрес и говорит благодарственную речь губернатору. Вскоре он принимает участие в составлении черносотенного решения городской думы». [1] Нижегородская дума постановила увеличить жалованье чинам полиции и не брать в свои руки заведывание ею.

С подобной картиной мы встречаемся повсюду: состав городских дум остался один и тот же, но настроение «отцов города» круто изменилось.

Подобно городской буржуазии, земства наперебой требуют от правительства усиления борьбы с революционным, в частности с аграрным, движением. Либеральные земцы в результате аграрных волнений «отрезвились» до неузнаваемости.

Чрезвычайное Тамбовское уездное земское собрание 15 ноября 1905 г., по инициативе б. члена союза земцев-конституционалистов, уездного предводителя дворянства Петрово-Соловово, [2] возбуждает ходатайство перед правительством о немедленной присылке достаточного количества войск для уезда, причем просило прислать кавалерийские части, как более подвижные. Черниговское земское собрание просило известного карателя ген. Рудова, чтобы он прошел с своим отрядом по уезду для устрашения крестьян.

Одновременно с обращением к правительству за военной силой земства открыли поход против своих служащих. Воро-

---

[1] Материалы по истории революционного движения, т. I. Н.-Новгород, 1920, стр. 121.

[2] Об эволюции настроений Петрово-Соловово один из участников съезда Всероссийского союза землевладельцев говорил: «П(етрово)-С(оловово), весьма «либерально» настроенный и не мало смущавший народ своими выходками против самодержавия и власти, когда сам подвергся погрому, сразу переменил свои взгляды и сам с ружьем и шашкой стал волонтером сопутствовать казакам при усмирении бунтовщиков» (Журнал заседания съезда учредителей Всеросс. союза землевладельцев 17 ноября 1905 г., М., 1906).

нежское губернское собрание решает закрыть фельдшерскую школу за «хронические забастовки политического характера». Тульское собрание вынесло решение «о несовместимости членства в союзе союзов с нахождением на земской службе». Ярославское губернское собрание уволило присоединившихся к забастовке земских служащих, обжаловало решение управы об отпуске 50 тыс. рублей на ознакомление населения с политическими партиями и отказалось от созыва собраний крестьян по уездам. Калужское собрание приостановило оценочные работы. Таврическое — прекратило земские ассигнования на статистические работы. Псковское — решило упразднить санитарное и ветеринарное бюро. Курское, ярославское, симбирское, калужское собрания вынесли осуждение управам за «попустительство» при забастовках земских служащих и т. д.

Не ограничиваясь вынесением порицания либеральным управам за заигрывание со служащими, земские собрания в ряде случаев досрочно переизбирают либеральных членов управы, выдвигая на их место испытанных консерваторов.

Недостаточно «отрезвившиеся» или скомпрометировавшие себя в прошлом связями с революционерами либеральные управы встречают явно враждебное отношение со стороны земских собраний. Так, калужское земское собрание при выборах делегации на общеземские съезды забаллотировало кадета Обнинского. По сообщению тульского губернатора министру внутренних дел, «губернское земское собрание, проявлявшее ранее либерализм и сформировавшее управу из лиц того же направления, в настоящее время под влиянием последних событий явно склоняется в сторону умеренного направления. Центр передвинулся вправо, сторонниками либеральной управы является меньшинство собрания». Такая же картина наблюдалась и в других местах.

14 февраля 1906 г. министр внутренних дел предложил губернаторам «сообщить факты, доказывающие совершающийся в губернских земских собраниях поворот в сторону умеренного и охранительного направления». Из полученных от губернаторов ответов была составлена сводка, которая свидетельствует о том, что в 7 губерниях (Владимирская, Вятская, Костромская, Новгородская, Пермская, Тверская и Черниговская) земские собрания ни в чем не проявили умеренного и охранительного направления, в 24-х — произошел поворот в сторону охранительного направления. [1] Эта сводка, к которой, конечно, надо отнестись с известной осторожностью, так как губернаторы безусловно преуменьшали обнаружившийся в земской среде поворот в сторону «истинно-русского» направления, все же дает достаточное представление о том значительном сдвиге вправо, который произошел в земстве. О повороте земских собраний в сторону охранительного направле-

[1] Центральный архив внутренней политики, культуры и быта в Ленинграде, фонд гл. упр. по делам местн. хоз., д. № 76, о поворотах в настроении земских собраний.

ния можно судить также и по партийной принадлежности членов Государственного совета, избранных от земств в период февраль — апрель 1906 г.

	Число	в %
Кадетов	5	14,7
Октябристов	8	23,5
Прогрессистов	2	5,9
Правых	19	55,9
Итого	34	100

Земство, таким образом, из очага либеральной фронды превратилось в оплот крепостнических зубров.

3. Созыв думы, как единственный путь к выходу из «анархии»

В период революционного вихря среди имущих классов, начиная от черносотенного дворянства и кончая кадетами, было распространено убеждение, что репрессиями можно лишь на очень короткое время подавить революционное движение, а окончательно «вылечить» Россию может только Государственная дума. Отдельные голоса, считавшие, что «смуту излечить выборами нельзя»,[1] тонули в шумном хоре голосов, повторявших на все лады, что «созыв думы — это конец революции».[2]

Эта надежда питалась у крупной буржуазии и помещиков верой в консерватизм «сермяжного крестьянства». В кругах реакционного дворянства и, в частности, среди придворной камарильи до 9 января крепко держалось убеждение, что революционным поветрием охвачена одна интеллигенция, народ же издревле был и остается верен монархическому началу. Витте в своих мемуарах передает следующий диалог между Александрой Федоровной и кн. Святополк-Мирским:

«Заговорив о политическом положении, Мирский сказал императрице, что в России все против существующих порядков. На это императрица резко ответила:

«Да, интеллигенция против царя и его правительства, но весь народ всегда был и будет за царя».[3]

На петергофском совещании, обсуждавшем булыгинский проект положения о Государственной думе, царские сановники и представители крепостнического дворянства единодушно высказались за широкое привлечение в думу крестьянского элемента в расчете, что крестьяне будут плясать под дворянскую дудку. «Крестьян, — декламировал на этом совещании Шванебах, — можно уподобить ценному балласту, который

[1] Заявление П. Н. Дурново на царскосельском совещании в декабре 1905 года (Шипов, Воспоминания и думы, стр. 388).

[2] Из речи барона Корфа, председателя петербургского центрального комитета «Союза 17 октября», на царскосельском совещании («Былое», 1917, № 3, стр. 243).

[3] Витте, Воспоминания, Л., 1924, т. I, стр. 270.

придаст устойчивость кораблю-думе в борьбе с увлечениями общественной мысли». [1]

Мысль, что крестьяне, особенно неграмотные, с их «цельным мировоззрением» и «эпической речью», проникнуты «охранительным духом», — разделяла и октябристская буржуазия. «Вся надежда на спасение, — писало «Слово» (№ 292 и 293 от 8 и 9 ноября 1905 г.), — только в ясновидящем социальном инстинкте темного мужика... В нем одном Россия найдет твердый нравственный оплот против обуявшей ее всеразлагающей анархии». «Революция должна прекратиться — необходимо организовать Государственную думу... Прежде, чем на что-либо решиться, надо выслушать голос Великого Молчальника (крестьянства)».

Октябристское «Слово» обращается к правительству с призывом созвать Государственную думу, «как можно скорее», так как это «единственный якорь спасения для погибающей России». Проволочки правительства в этом отношении доводят «Слово» до истерики. В передовой от 26 ноября мы читаем: «Что же оно медлит [с созывом думы. — *Е. Ч.*]? Ведь каждый шаг промедления при теперешних обстоятельствах — это измена России. Ведь с каждым днем анархия пресмыкающимся гадом расползается по нашему отечеству» и т. д.

О любопытном случае своеобразной думской мании повествует Витте в своих воспоминаниях. В начале 1906 г. к нему явился Крестовников и от имени торгово-промышленного мира Москвы жаловался на то, что Государственный банк держит высокие учетные проценты. Когда Витте объяснил ему, что ныне понизить проценты невозможно, Крестовников схватил себя за голову и, выходя из кабинета, кричал: «Дайте нам скорее думу, скорее соберите думу». [2]

При таком умонастроении неудивительно, что крупная буржуазия испытывала тревогу по поводу стремления «крайних» партий воспрепятствовать созыву думы. Соединенный комитет крупнобуржуазных партий обратился к председателю совета министров с ходатайством издать временные правила для ограждения избирателей «от насилия тех политических партий, которые возвели бойкот Государственной думы в основной лозунг своей программы». [3]

В гораздо большей степени, чем октябристы, рассчитывали ликвидировать революцию с помощью думы кадеты. Только они действовали тоньше и искуснее. Политические иезуиты из кадетской партии, конечно, открыто не говорили, что задача думы — «задушить крамолу», — нет, они специализировались на распространении иллюзии, будто с помощью «маленького

---

[1] Петергофское совещание о проекте Государственной думы в июне 1905 г., Берлин, 1918, стр. 191.

[2] Витте, Воспоминания, 1923, т. II, стр. 134.

[3] Интересное совпадение: одновременно с этим заявлением Дубасов обращался к жителям Москвы с призывом «непременно воспользоваться правом участия в выборах» («Волна» от 15 января 1906 г.).

избирательного бюллетеня» можно сокрушить бюрократию и добиться исполнения народных требований. Усыпляя таким путем революционное сознание народа, кадеты рука об руку с черносотенцами и октябристами воевали с бойкотистской тактикой большевиков.

В убаюкивании революционной энергии масс конституционными иллюзиями огромную услугу либералам оказали меньшевики, в том числе Троцкий, стремившиеся отклонить пролетариат от вооруженного восстания и переключить его революционное возбуждение в русло мирной парламентской «борьбы».

ГЛАВА 8

ФОРМИРОВАНИЕ БУРЖУАЗНЫХ ПАРТИЙ

А. ПАРТИЙНЫЕ ГРУППИРОВКИ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ И БАНКОВСКОЙ БУРЖУАЗИИ

1. Из предистории

Начало политической организации крупных капиталистов было положено на июльском съезде представителей промышленности и торговли, на котором было решено объединиться на определенной политико-экономической программе и было избрано бюро, которому было поручено предпринять необходимые шаги по политическому оформлению промышленников. Это бюро вступило в переговоры с руководителями земско-городских съездов по вопросу об объединении программы промышленников с программой земско-городской оппозиции и об избирательном соглашении на предстоящих выборах в Государственную думу. Соглашение о взаимной поддержке на выборах в думу кандидатов той и другой стороны было достигнуто без особого труда, но попытка слияния программы промышленников и земско-городских деятелей не удалась. Камнем преткновения при этом явились проектируемые земско-городскими съездами социальные реформы, которые, по утверждению промышленников, резко нарушали их интересы.

Поэтому промышленным деятелям пришлось заняться самостоятельной организацией партии. Проект программы, составленный бюро июльского съезда, в своей общеполитической части дословно воспроизводил соответствующие положения программы земско-городских съездов, только в разделе «О народном представительстве» был выброшен пункт о прямой подаче голосов. Зато коренной переработке подверглись разделы земской программы, касающиеся социальных вопросов. Так, в разделе «Аграрная программа» был вычеркнут пункт об отчуждении частновладельческих земель и внесен пункт об образовании на свободных казенных землях мелких хуторских хозяйств; в разделе «Рабочий вопрос» отвергнуто не только введение 8-часового рабочего дня, но и вообще законодательное регулирование продолжительности рабочего дня; наконец, в разделе «Экономическая и финансовая программа» в отличие от фритредерской окраски земской платформы выдвинуто тре-

бование: «Таможенная политика в смысле наилучшей охраны и развития народного труда». [1]

Однако, эта программа, отражавшая в основном взгляды уральских горнопромышленников, показалась чересчур радикальной подавляющему большинству крупных капиталистов. Например, уполномоченные петербургской скотопромышленной и мясной биржи возражали против лозунгов всеобщего избирательного права и национально-культурного самоопределения, которые были включены в проект программы бюро июльского съезда. Отрицательную позицию по отношению к этому проекту заняло и петербургское общество фабрикантов и заводчиков, которое решило независимо от московского бюро заняться вопросом о политическом объединении промышленников.

Внешним толчком для партийного оформления послужили здесь предстоящие выборы в булыгинскую Государственную думу. На заседании совета петербургского общества фабрикантов и заводчиков 19 сентября было «признано, что обществу предстоит необходимость принять участие в политических вопросах, к которому оно призывается в силу нового уклада». [2] При обсуждении вопроса об избирательной платформе один из участников совещания высказал было опасение, что «точная формулировка экономических пожеланий промышленников, выраженная в виде особой платформы фабрикантов, лишит их шансов быть избранными в Государственную думу», но его успокоил Триполитов, заявивший, что «вполне уместно и целесообразно выставить свою, при известной широте взгляда, даже (?) искреннюю деловую программу». [3]

Программа петербургского общества фабрикантов и заводчиков оказалась значительно умереннее программы бюро июльского съезда. В отличие от программы бюро московского съезда с ее лозунгом национально-культурного самоопределения, петербургское общество фабрикантов и заводчиков демонстративно выдвинуло в виде аншлага к программе тезис: «Россия — едина и неделима». В то время как в программе бюро московского съезда стояло требование всеобщего, равного и тайного голосования, питерские фабриканты настаивают лишь на постепенном распространении на всех граждан права участия в избрании народных представителей.

Вынужденные силою обстоятельств вступить на путь политической деятельности, питерские фабриканты решили получить соответствующее «благословение» от Витте. 9 октября депутация петербургского общества фабрикантов и заводчиков посетила Витте, который сочувственно отнесся к мысли о партийной группировке промышленников и рекомендовал употребить всевозможные усилия, чтобы провести в Государственную

---

[1] ЦАОР, фонд СПб. о-ва ф. и з., д. № 158.
[2] Там же, д. № 118, л. 133.
[3] Там же, л. 134.

думу лиц, которые могли бы защищать интересы промышленности.

Окрыленные поощрением со стороны Витте, питерские фабриканты на своем совещании 13 октября решили «первоначально организоваться самостоятельно и выяснить свои силы, а затем действовать, смотря по обстоятельствам».[1] С этой целью было решено созвать 17 октября широкое совещание с участием представителей всех находящихся в Петербурге совещательных по делам торговли и промышленности учреждений, а также банков, страховых обществ и т. д., и на этом совещании обсудить вопрос об объединении к предстоящим выборам в Государственную думу на основе программы «прогрессивно-промышленной партии», выработанной петербургским обществом фабрикантов и заводчиков.

Это совещание, на котором присутствовало 85 лиц от 59 учреждений, выявило расхождение между представителями бюро московского съезда, опиравшимися на уральских горнопромышленников, и капиталистами, ориентировавшимися на программу петербургского общества фабрикантов и заводчиков. В то время как Алтухов, представитель совета съезда металлозаводчиков Северного и Прибалтийского районов, указал на необходимость совместных действий с партией правого порядка как близкой по своей программе к мировоззрению промышленников, представитель Урала Кавос занял совершенно другую позицию. Выразив сомнение в том, что при настоящих условиях созыв Государственной думы не внесет успокоения в народные массы, он «обратил внимание на очевидное торжество народа, который, как разумная сила, заставляет с собой считаться».

По мнению Кавоса, надо быть сильным не в думе, а в стране, и следует войти в ближайшее соглашение с так называемым «третьим сословием». В тон ему Вольский заявил, что интересы промышленников и рабочих сближаются (?), и соглашение между сторонами возможно. Переходя к программе, предложенной петербургским обществом фабрикантов и заводчиков, Вольский отметил, что отрицание права национальных меньшинств даже на культурную автономию составляет слабую сторону программы. Соглашаясь с мнением Кавоса и Вольского о необходимости, вследствие «очевидного торжества народа», заигрывать с рабочими, Эрдели, представитель конторы железозаводчиков, находил более приемлемой кадетскую программу.

Программа петербургского общества фабрикантов и заводчиков встретила сочувствие, прежде всего, со стороны представителей банков, которые стояли на самом правом фланге крупной буржуазии.[2] Хрулев, представитель петербургского международного коммерческого банка, полемизируя с Кавосом

[1] ЦАОР, фонд СПб. о-ва ф. и з., д. № 153, л. 80.

[2] В этом нет ничего удивительного, если мы вспомним о тесной связи частных банков с государственным казначейством и об огромной роли казначейства в финансировании торговли и промышленности.

и Вольским, заявил, что «для соглашения с рабочими есть почва, но лишь для соглашения в будущем, а не теперь». Он высказался тоже против объединения с другими партиями, считая, что «промышленники сами представляют силу». [1]

Вследствие обнаружившихся разногласий предложение об объединении промышленников на основе программы, выдвинутой петербургским обществом фабрикантов и заводчиков, даже не голосовалось на совещании. Отчаявшись собрать под единое партийное знамя всю массу промышленных деятелей, общество фабрикантов и заводчиков решило на очередное объединительное совещание не приглашать бюро московских съездов, контору железозаводчиков и Вольского, Кавоса и Жуковского, «ввиду выраженного ими несогласия с программой».

2. Что побудило капиталистов стать под политические знамена?

Следующее объединительное совещание было назначено на 31 октября. Но в промежуток времени между 17 и 31 октября произошли события, которые значительно ускорили процесс политического оформления крупной буржуазии. До 17 октября формирование партийных группировок крупного капитала происходило исключительно на почве подготовки к предстоящим выборам в Государственную думу. А так как по положению 6 августа избирательными правами пользовались только имущие классы, то в задачу проектируемых партийных группировок крупных капиталистов первоначально вовсе не включалось какое-либо воздействие на широкие слои населения. Круг деятельности буржуазных партий, по мысли их учредителей, должен был исчерпываться избирательной кампанией в булыгинскую думу. При подобном взгляде на задачи партийной организации неудивительно, если, например, дальнейшая организация прогрессивно-промышленной партии парализовалась таким «непреодолимым» препятствием, как... «отсутствие точного списка избирателей, не составленного городской думой». [2]

17 октября — это грань, за которой в сущности только начинается формирование буржуазных партий, отшлифовываются их программные взгляды и тактические приемы. Значительно расширяется и сфера деятельности этих партий. Так, на заседании совета петербургского общества фабрикантов и заводчиков 28 октября Нератов, указав, что правительство очень нуждается в указаниях общества относительно необходимых законодательных реформ, настаивал на том, чтобы образующаяся политическая партия приняла на себя составление законопроектов в развитие манифеста 17 октября и представила их гр. Витте. Совет очень сочувственно встретил мысль Нератова и уполномочил его, в случае удачного хода занятий сове-

[1] ЦАОР, фонд СПб. о-ва ф. и в., д. № 158, лл. 98—99.
[2] «Русь», № 227, от 22 сентября 1905 г.

щания 31 октября, внести свое предложение на обсуждение этого совещания. [1]

Касаясь формирования буржуазных партий, необходимо подчеркнуть тесную связь этого процесса с переходом буржуазии после 17 октября к активной борьбе с революцией. Необходимо иметь в виду, что партийные группировки крупной буржуазии с самого начала своего существования фронтом были обращены против революционных масс. Эти группировки возникли в разгар революции. Уже одно это совпадение показывает их действительную подоплеку. Необходимость сразиться в смертельной схватке с революционным пролетариатом, который в дни революционного вихря угрожал — так казалось капиталистам — «социальным» переворотом, — вот что побудило их политически организоваться.

Через несколько дней после издания манифеста 17 октября боевой орган крупнобуржуазных кругов «Слово», обращаясь к своим единомышленникам с призывом сплотиться, совершенно недвусмысленно подчеркивал, что основной задачей партии должна стать беспощадная борьба с революцией. «Организуем, — писало «Слово» 23 октября 1905 г., — одну партию свободы и порядка... У нас одна цель — успокоение России... Довольно революции, да здравствует Россия! Наша задача: противодействие всякому беспорядку, всякому насилию, откуда бы оно ни исходило! Мы должны научиться сражаться тем же оружием, как и наши противники — апостолы революции! Мы должны организоваться подобно им. Должны отвечать сходкой на митинг, шествием на манифестацию, набатом на призыв к революции. Мы должны вербовать сторонников на фабриках, на улицах, на площадях. Спасайте родину от анархии!»

Призыв «Слова» нашел сочувственный отклик в капиталистических кругах. Так, в конце октября, по инициативе председателя петербургской городской думы Красовского, был организован «клуб общественных деятелей». По словам Красовского, избранного председателем совета старшин клуба, «двери его открыты для всех фракций, кроме двух — революционной и реакционной... С программой последнего московского съезда мы расходимся в четырех пунктах: мы не признаем автономии окраин, не стоим на почве обструкции в форме забастовок, признаем преждевременным введение всеобщего, прямого, равного и тайного голосования и стоим за полную неприкосновенность частной собственности и на этой почве совершенно отрицаем идею национализации земли». [2] Свой «внепартийный» характер политический «клуб общественных деятелей» демонстрировал тем, что выразил «негодование виновникам всеобщей забастовки, начавшейся 2 ноября», и одновременно решил «оказать всевозможное содействие правительству в поддержа-

---

[1] ЦАОР, фонд СПб. о-ва ф. и в., д. № 118, лл. 146—147.
[2] «Слово», № 290, от 30 октября 1905 г.

нии порядка в стране и в проведении в жизнь конституционных реформ». [1]

Чрезвычайно рельефно мотивы политической активности наших Тит Титычей вскрываются в сообщении «Слова» о том, что среди петербургских биржевиков и торговцев возникла мысль об организации партии, которая «будет иметь значение только временное до прекращения внутренней смуты, после чего члены партии, как исполнившие свой долг, отойдут в сторону». [2]

3. Прогрессивно-экономическая партия

Связь между образованием политической партии и необходимостью активной борьбы с революционным движением, в частности с насильственным введением 8-часового рабочего дня на петербургских фабриках и заводах, обнаружилась очень ярко на совещании 31 октября. Это совещание в известном смысле можно рассматривать как учредительное собрание прогрессивно-экономической партии, вышедшей из недр петербургского общества фабрикантов и заводчиков. «Рабочий вопрос, — говорил на этом совещании Триполитов, — надвинулся как бы неожиданно, но приобрел силу урагана, пронесся по всей стране и всех, естественно, напугал, так как трудно определить те последствия, которые может повлечь за собой рабочее движение». Триполитова больше всего пугает мысль, что в России буржуазно-демократическая революция почти не отделена во времени от социалистической революции: «Политическая вольность застает нас в один и тот же момент, когда надвигается и рабочий вопрос, неразрывно связанный с социализмом... Первый удар приходится вынести никому иному, как вам, представителям торговли и промышленности, выступив представителями политической системы. Нужно сплотиться, нужно выработать дисциплину, меры, метод борьбы». Дальше Триполитов предлагает пойти на «выучку» к рабочим и перенять у них опыт политической борьбы: «если мы посмотрим на рабочих, то поражаемся дисциплине, которая там господствует. Вся организация является как бы часовым механизмом. Где-то, кто-то нажмет пуговку, и вся страна забастует... Возможно, что дело в терроре, но факт остается фактом... Все соединяются в союзы, сплачиваются, за исключением представителей торговли и промышленности».

Эта тирада лидера петербургских фабрикантов любопытна как признание политической слабости русской буржуазии. В то время как рабочий класс еще перед революцией создал свою партию, капиталисты только в период «бури и натиска», выгнанные, так сказать, революционной рогатиной из берлоги, начали наощупь, спотыкаясь, сплачиваться в политическую

---

[1] «Слово», № 295, от 8 ноября 1905 г.
[2] Там же, № 306, от 20 ноября 1905 г.

силу. В заключение Триполитов коснулся вопроса, к какой партии могли бы присоединиться промышленники. По его мнению, социал-демократической партии принадлежит «первая скрипка», но, конечно, «с этой партией у нас не может быть ничего общего». Кадеты «как будто нам ближе», но и тут «достаточно обратить внимание на основные требования и стремления, чтобы притти к заключению, что здесь не может быть союза». Остается одно: сорганизоваться самостоятельно и в виде первого шага образовать политический клуб.

Выступившие в прениях фабриканты единодушно поддержали мысль докладчика о необходимости «соединиться вместе и образовать корпорацию, которая противодействовала бы революционному движению, тем более, что после манифеста 17 октября путь расчищен». Не было на совещании и возражений против программы партии, составленной петербургским обществом фабрикантов и заводчиков, так как после отстранения от участия в совещаниях «левых» промышленных деятелей из конторы железозаводчиков в составе учредителей партии остались только лица с приблизительно одинаковыми политическими убеждениями. Но по вопросу о том, организоваться ли самостоятельно или присоединиться к одной из существующих партий, произошло «разномыслие». Одни находили, что «промышленность составляет такую крупную единицу в государственном строе, что она должна представлять особый союз, особую партию». Другие, наоборот, по тактическим соображениям считали, что «для нас было бы выгоднее присоединиться на известных условиях к одной из существующих партий», например, к партии правового порядка. «Можно ли во имя интересов заводчиков и фабрикантов, — убеждал своих коллег более искушенный в политиканстве Брафман, — говорить об образовании партии, как таковой... вокруг которой могут группироваться широкие классы населения? Если фабриканты и заводчики пожелают итти с этим флагом и пропагандировать эту программу от имени фабрикантов и заводчиков, как политической партии, то можно сказать вперед, что эту партию постигнет жестокое фиаско». Его поддержал Клименко, заметивший, что «если вы образуете партию прогрессивно-экономическую или другую, то скажут, что это партия капиталистов. Под этим флагом трудно что-нибудь сделать, так как капиталистов меньше, чем других». Однако, повидимому, большинство собравшихся толстосумов питало иллюзию, что можно и под своим собственным флагом попытать счастье, и решило сорганизоваться самостоятельно. [1]

В дальнейшем прогрессивно-экономическая партия так и не сконструировалась как настоящая партия. Общие собрания не устраивались, так как-де «это не имеет практического значения», [2] а роль «центрального комитета» играло избирательное

---

[1] ЦАОР, фонд СПб. о-ва ф. и з., д. № 153, лл. 170—231.
[2] Там же, д. № 154, л. 265.

бюро, выбранное на общем собрании членов петербургского общества фабрикантов и заводчиков 10 октября. В архивном фонде последнего сохранились списки, из которых видно, что численность членов партии достигла довольно внушительной цифры — 3877 чел. [1] Однако при более пристальном ознакомлении со списками убеждаешься, что они фиктивные. В них были просто занесены лица из состава фабричной администрации, пользовавшиеся по положению 6 августа избирательным правом в Государственную думу. Списки избирателей в булыгинскую думу, таким образом, были автоматически превращены в списки членов прогрессивно-экономической партии.

На одном из заседаний центрального бюро (23 декабря) было обращено внимание на биржевые артели и на извозчиков в видах привлечения их к участию в партии. С этой целью решено было опубликовать заявление, что «прогрессивно-экономическая партия, наряду со свободами, предоставленными манифестом 17 октября, преследует широкие экономические задачи, имея в то же время в виду согласовать интересы работодателя и рабочего». [2] О практических результатах этой попытки «хождения в народ» нам ничего неизвестно, — повидимому, инициаторы отказались от нее в самом начале, убедившись в полной невозможности соглашения между фабрикантами и «низами».

Из практических шагов прогрессивно-экономической партии можно отметить разве попытку издавать газету для рабочих «в видах противодействия революционной пропаганде крайних партий». [3] Первоначально решено было вести издание газеты самостоятельно, «ибо в этом случае является возможность быть полным хозяином дела; газета, издаваемая совместно с другой политической партией, может получить нежелательное направление». [4] Однако, вследствие отсутствия собственных литературных сил, издание газеты пришлось вести совместно с «Союзом 17 октября», и редактором ее был назначен член ЦК октябристов Красовский. Мысль об издании газеты для народа была сочувственно встречена питерскими фабрикантами; путем подписки было очень быстро собрано 100 тыс. рублей. Однако газета влачила жалкое существование, так как сознательные рабочие сразу разгадали ее настоящий характер и бойкотировали ее. Вышел всего 91 номер, и в апреле 1906 года она закрылась.

Так как между прогрессивно-экономической партией и другими только что возникшими крупнобуржуазными группировками (партия правового порядка, «Союз 17 октября» и др.) не было сколько-нибудь заметных программных и тактических расхождений, то естественно, что все они пришли к мысли о заключении между собой соглашения. На совещании этих

[1] Там же, д. № 155.
[2] Там же, д. № 154, л. 99.
[3] Там же, д. № 118, л. 152.
[4] Там же, л. 158.

партий 25 ноября 1905 года было решено: 1) образовать для совместной деятельности соединительный комитет делегатов, 2) взаимно оповещать друг друга о своих собраниях и практических мероприятиях. [1] В соединительный комитет вошли представители «Союза 17 октября», партии правового порядка, прогрессивно-экономической партии, торгово-промышленного союза и т. п. Первой акцией соединительного комитета партий крупной буржуазии было обращение к правительству с заявлением, в котором содержалась критика нерешительности действий правительства и требование принятия самых энергичных мер к восстановлению порядка и мирной жизни в государстве. [2]

4. Торгово-промышленная партия в Москве

Как и в Питере, партийная группировка торгово-промышленной буржуазии в Москве первоначально пошла по двум направлениям. Экономически более прогрессивные слои крупной буржуазии (группа Рябушинского) явились ядром умеренно-прогрессивной партии. Эта партия выступила с программой, по многим вопросам сходной с программой кадетской партии. Правда, умеренно-прогрессивная партия в своем воззвании высказалась против национальной автономии и 8-часового рабочего дня, но зато солидаризировалась с кадетскими лозунгами о всеобщем, прямом и т. д. голосовании и отчуждении частновладельческих земель за счет государства.

В отличие от этой партии с либеральной искрой представители старозаветного московского купечества, группировавшиеся вокруг московского биржевого комитета, создали торгово-промышленную партию с ярко-реакционной окраской. Торгово-промышленная партия, прежде всего, требует «сильной правительственной власти» и беспощадных репрессий против революционных выступлений. Торгово-промышленная партия совершенно открыто прокламировала, что ее огонь направлен исключительно налево. «Торгово-промышленная партия, — читаем мы в выпущенной учредителями партии листовке, — требует прежде всего восстановления и соблюдения в стране законного порядка, требует возвещенного манифестом государя императора от 6 августа и 17 октября осуществления Государственной думы; требует, чтобы все жизненные вопросы государства и народа решались в Государственной думе, а не вырывались до ее осуществления путем смут, возмущений, буйства, забастовок... словом, требует мирного проведения в жизнь новых дарованных государем начал».

Далее воззвание торгово-промышленной партии проводит в виде тезисов демаркационную линию, которая отделяет ее от других партий:

---

[1] ЦАОР, фонд Спб. о-ва ф. и з., д. № 157, л. 6.
[2] Там же, л. 37.

«1. Мы не можем сходиться с теми партиями, которые проводят в своих программах недовольство дарованным государем императором манифестом 17 октября.

2. Мы не можем сойтись со всеми теми, кто говорит о созыве Учредительного собрания или кто из первого собрания Государственной думы хочет сделать Учредительное собрание.

3. Мы не можем сойтись со всеми теми, кто высказывается за расчленение России, кто соглашается предоставить автономное управление Польше.

4. Мы не можем сойтись со всеми теми, кто требует полного сложения или отдельного понижения таможенных пошлин». [1]

В программе торгово-промышленной партии прорываются недвусмысленные угрозы по адресу пролетариата. Так, она требует установления строгих наказаний за злоупотребление свободой, в частности за снятие рабочих, желающих продолжать работу. Нечего и говорить, что торгово-промышленная партия категорически отвергала 8-часовой рабочий день, а заодно и всякое законодательное вмешательство во взаимоотношения предпринимателей с рабочими.

Капиталисты «молодой формации» (группа Рябушинского) недолго удержались на своих либеральных позициях. Уже в ноябре они под влиянием севастопольских событий так быстро эволюционировали вправо, что водораздел между умеренно-прогрессивной и торгово-промышленной партиями фактически исчез. Воззвание торгово-промышленной партии к избирателям в Государственную думу подписано не только фабрикантами группы Крестовникова, но и Рябушинским, Коноваловым и другими представителями умеренно-прогрессивной партии.

Это воззвание выдержано в крайне агрессивных тонах по отношению к революционному движению. «Страна в панике,— так начинается воззвание, — жизнь страны остановилась, страна гибнет от смуты. Необходимо быстро соединиться лицам правопорядка, лицам, полагающим в основу мирное проведение в жизнь драгоценных благ, дарованных манифестом 17 октября. Необходимо сплотиться, образовать могучую партию для содействия правительственной власти в деле успокоения страны и проведения в жизнь возвещенных новых основ». В соответствии с этим вступлением воззвание вменяет в обязанность лицам, которые пожелали бы объединиться с торгово-промышленной партией на предстоящих выборах, руководствоваться следующими положениями:

1. Полное содействие правительству по проведению в жизнь новых начал, возвещенных манифестом 17 октября 1905 г., и по ограждению законом порядка.

---

[1] От торг.-пром. партии. Отличие партии от других партий (Моск. обл. архив, фонд канцелярии моск. губернатора, 1905, д. № 2274).

2. Сохранение целости России.

3. Регулирование дарованных манифестом 17 октября населению прав: свободы совести, вероисповеданий, личности, слова, печати, собраний.

В аграрном вопросе воззвание высказывается: 1) за увеличение крестьянского землевладения в тех случаях, где это является необходимым, при содействии реорганизованного крестьянского банка, а равно и иными справедливыми способами; 2) за облегчение крестьянам выхода из общины и за устройство их хозяйства на хуторских и отрубных началах. [1]

Вербовка членов в торгово-промышленную партию проводилась весьма оригинальным способом. Например, печатались аршинные объявления в газетах, в которых «обыватели» приглашались «ввиду близкого наступления производства выборов в Государственную думу поспешить вступить в число членов партии». [2] Служащие торгово-промышленных фирм заносились в партийные списки под угрозой лишиться места.

По примеру столичной буржуазии начинают организовываться промышленники и в провинции. Так, в Харькове образовался союз промышленников и торговцев, под лозунгом: «Довольно смуты... успокоимся и дружно будем осуществлять начала новой жизни, возвещенные манифестом 17 октября». [3] Под подобным же паролем возникают в провинции всевозможные партии порядка. Все эти организации отличались эфемерностью и исчезали так же быстро, как и нарождались. Наиболее активные элементы впоследствии растворились в рядах «Союза 17 октября». Масса же рядовых членов из торгово-промышленной среды снова вернулась в политическое небытие, как только непосредственная угроза революционного переворота исчезла.

5. Партия правового порядка

Несколько особняком стоит партия правового порядка — единственная из буржуазных партийных группировок, возникшая до издания манифеста 17 октября. Еще 1 октября организационный комитет партии правового порядка обратился к избирателям с воззванием, которое было проникнуто великодержавно-националистическим духом. Правопорядчики требовали «сильной государственной власти и подъема военных сил России» и безусловно отвергали всякие предположения автономии для какой бы то ни было части государства. Они предлагали отменить все вольности в Финляндии и предать беспощадному суду финляндского генерал-губернатора Оболенского за то, что он представил царю на подпись манифест 4 ноября 1905 г., обещавший восстановление в Финляндии конституционного строя. Партия правового порядка вербо-

[1] ЦАОР, фонд СПб. о-ва ф. и з., д. № 158, л. 38.
[2] «Русское слово» от 1 января 1906 г.
[3] ЦАОР, фонд СПб. о-ва ф. и з., д. № 158, л. 44.

вала себе сторонников в чиновных кругах бюрократического Петербурга, преимущественно среди отставных директоров и столоначальников департаментов, генералов в отставке и т. д. Отсюда и ироническая кличка, которая прочно утвердилась за правопорядчиками — «партия прогрессивных паралитиков».

В программе партии правового порядка с особой тщательностью разработан вопрос о борьбе с забастовочным движением. Она требует «под страхом уголовной ответственности запрещения стачек лиц, состоящих на государственной службе, стачек, могущих препятствовать государственной обороне, угрожающих народному здравию, водоснабжению, освещению, массовому передвижению». Мало того, она требует уголовной ответственности для лиц, содействующих стачке, в том числе и тех, кто призывает к стачке в печати. [1]

Вообще эта партия видела свою главную задачу в борьбе с «поветрием забастовок» и идеей вооруженного восстания. Во время забастовки почтово-телеграфных служащих партия правового порядка обратилась к бастующим с воззванием, в котором высказывала свое убеждение в том, что большинство служащих примкнуло к забастовке только под давлением насилия и террора (?), и призывала их сбросить «иго революционеров». [2]

21 ноября партия правового порядка отправила к Витте депутацию с предложением услуг для замещения бастующих почтово-телеграфных служащих. Предложение было принято, и правопорядчики действовали во время почтово-телеграфных забастовок в качестве активных штрейкбрехеров.

Партия правового порядка стремилась проникнуть в рабочую среду, где она действовала методами террора, провокации и зубатовщины. Считая — и не без оснований — своим главным врагом революционную социал-демократию и вообще сознательных рабочих, петербургская группа этой партии организовала особый штат тайных агентов для наблюдения за рабочими на заводах и для выслеживания там социал-демократов. Чтобы получить какую-либо зацепку в рабочей среде, чтобы отвлечь рабочих от революционной борьбы и вырвать их из-под влияния большевиков, партия правового порядка, следуя по проторенной дорожке зубатовщины, стремилась склонить фабрикантов к мелким уступкам в пользу рабочих. «Песнь о вооруженном восстании, — говорил один из вожаков этой партии на собрании партии 30 ноября 1905 г.,— победный гимн, раздающийся при несмолкаемых аплодисментах во всех кружках, митингах и собраниях». Лучше «кой в чем рабочим уступить, чем вооруженное восстание». [3]

Однако фабриканты относились к правопорядчикам весьма сдержанно, считая, что они не только не помогают фабрикантам бороться с большевиками, но портят все дело. Отрицатель-

[1] «Слово», № 272, от 1 октября 1905 г.
[2] Там же, № 307, от 21 ноября 1905 г.
[3] «Новая жизнь», № 28, от 3 декабря 1905 г.

ное отношение фабрикантов к правопорядчикам стоит в тесной связи с позорным провалом всех их попыток привить свои взгляды рабочим. Несмотря на жонглирование демагогическими лозунгами в части улучшения экономического положения рабочих, правопорядчиков нередко выгоняли с собраний. Например, 13 ноября в народном доме в Сестрорецке была назначена лекция лидера партии правового порядка Половцева об английском фабричном законодательстве. Уже через 5 минут рабочие начинают его прерывать, а через 10 минут один рабочий встал и заявил, что им, рабочим, нечего это слушать, что у них есть свои нужды, для обсуждения которых есть и свои ораторы — социал-демократы. Половцев должен был ретироваться, и собрание превратилось в социал-демократический митинг. [1] В газетах можно было найти сообщения о вывозе правопорядчиков с заводов на тачке за попытку распространения среди рабочих своих воззваний.

При подобной «популярности» правопорядчиков неудивительно, что к ним относились подозрительно не только фабриканты, но и департамент полиции. Когда «конституционно-монархическая партия рабочих», образованная при «бюро пропаганды» партии правового порядка, задавшаяся целью «объединить рабочих на почве легальной борьбы в Государственной думе за улучшение экономического быта в противовес революционным партиям», обратилась в департамент полиции за субсидией, то министр внутренних дел П. Дурново наложил лаконическую резолюцию: «отклонить». [2]

Б. СОЮЗ 17 ОКТЯБРЯ

1. Программа и тактика

«Союз 17 октября» образовался из слияния двух течений: с одной стороны, в него вошли правые элементы земско-городского движения, группировавшиеся вокруг «меньшинства» земских съездов, а с другой — всевозможные торгово-промышленные партии, появившиеся на свет в период революционного натиска.

Ядро «Союза 17 октября» составляло «меньшинство» земско-городских съездов. На ноябрьском земском съезде будущие октябристы с М. А. Стаховичем, гр. П. А. Гейденом и А. И. Гучковым во главе выступили с особым мнением, в котором выражалось отрицательное отношение к Учредительному собранию, отвергался вопрос об автономии Польши и указывалось, что «съезд в тревожное время должен был бы способствовать успокоению общества и оказать поддержку правительству, а не диктовать ему условия своей требовательной программы». [3] Во время съезда происходили совещания лиц, при-

[1] «Новая жизнь», 1905, № 14.
[2] ЦАР, фонд деп. пол., д. № 999, ч. 43, л. 215.
[3] Центральный архив внутренней политики, культуры и быта в Ленинграде, фонд канцелярии совета министров, д. № 56, л. 6.

надлежавших к меньшинству. На этих совещаниях было решено, в противовес кадетам с их балансированием между реакцией и революцией, составить группу общественных деятелей, готовых оказать безоговорочную поддержку правительству. Так возник «Союз 17 октября».

Вскоре после своего конструирования «Союз 17 октября» опубликовал воззвание к населению и основные положения программы, в которых изложил свое credo. По мысли учредителей, «Союз» должен был объединить тех, «кто отвергает одинаково и застой и революционные потрясения и кто признает необходимость создания сильной и авторитетной власти, которая, совместно с народным представительством, могла бы внести в страну умиротворение». Девизом для своей программы «Союз» избрал «сохранение единства и нераздельности Российского государства». Ставя на первый план идею великодержавного национализма, «Союз 17 октября» выступал глашатаем интересов великорусского купечества, занимавшегося особо хищнической эксплоатацией нерусских национальностей, и в то же время стремился поддеть на эту приманку народные массы, отвлекая их таким образом от вопросов классовой борьбы в сторону национальной вражды. «Союз» высказался за всеобщее избирательное право, но сделал это поневоле: по признанию Гучкова, «дарование всеобщего избирательного права неизбежно, и если не дать его теперь, то в ближайшем будущем его вырвут». [1]

«Союз 17 октября» всячески стремился сделать как можно менее ощутительным переход к «обновленному» строю и с этой целью подчеркивал при каждом удобном случае необходимость исторической преемственности. Так, он высказался в том смысле, что сохранение титула «самодержец» не противоречит манифесту 17 октября, а исключение этого титула, например при богослужении, может смутить многих и вызвать раскол. Во избежание политических потрясений «Союз» требовал также, чтобы правительство провело конституционный закон до созыва думы, которая и будет действовать на основании этого закона, иначе «она неизбежно превратится в Учредительное собрание».

Большой интерес представляют проектируемые октябристами «социальные реформы». Октябристы высказываются за

[1] Протоколы царскосельского совещания в декабре 1905 г. («Былое», 1917, № 3, стр. 241). На этом совещании октябристы, критикуя правительственный проект избирательной системы в Государственную думу, выступили не столько в защиту всеобщего избирательного права, сколько против проектируемого порядка выборов от рабочих, согласно которому они имели бы особое представительство в лице 14 депутатов. Это представлялось им «в высшей степени неправильным и опасным», так как фракция членов думы от рабочих, по их мнению, составит как бы легализованный всероссийский стачечный комитет, который будет «держать в руках нити всего рабочего движения и диктовать правительству и обществу и народу свои условия» (из речи Гучкова). Под влиянием этих соображений министерский проект был изменен в том смысле, что выборщики от рабочих были введены в состав губернского и городского избирательного собрания.

ломку общинного землевладения и образование мелкой крестьянской собственности. Для успокоения крестьянства воззвание предлагает передать крестьянам за плату казенные и удельные земли. Помещичьи земли должны остаться неприкосновенными. Лишь в виде крайнего исключения «в случаях государственной важности» программа октябристов допускала «отчуждение части частновладельческих земель на справедливых условиях вознаграждения, установленных законной властью».

Комментируя аграрную программу «Союза», один из его вожаков Чистяков говорил на учредительном собрании октябристов в Петербурге: «Аграрную реформу необходимо вести с возможной поспешностью: пусть народ видит, что его не обещаниями только успокаивают, а действительно дают, что можно (передача за выкуп казенных земель). Аграрная реформа, конечно, этим не исчерпывается, но быстрая передача свободных земель крестьянам несомненно их успокоит и послужит началом образования того крепкого класса мелких собственников-землевладельцев, которые везде являются основой и защитой государственности и незыблемым оплотом против анархии». [1] Как видим, в этих словах октябристского лидера в зародыше уже заключалась программа столыпинского аграрного законодательства.

Рабочий вопрос, по мнению октябристов, «не может быть решен удовлетворительно... без поддержки промышленности вообще». В воззвании содержится требование «законодательного регулирования экономической борьбы» путем принятия решительных мер к предотвращению «насилий» со стороны забастовщиков.

2. Сплочение крупной буржуазии вокруг «Союза 17 октября»

В числе учредителей, подписавших воззвание «Союза», мы встречаем земских деятелей шиповского направления (Шипов, Гейден, Стахович М., кн. Волконский, Хомяков, Родзянко и Маслов), петербургского и московского городских голов (Красовский и Гучков Н. И.) и вожаков торгово-промышленной партии (Крестовников, Четвериков). По уставу, в «Союз» могли входить как отдельные лица, так и целые партии, программы которых в основных чертах совпадают с программой «Союза», причем отдельные партии, вступившие в «Союз», сохраняли за собой свободу действий во второстепенных вопросах. Провинциальные отделы «Союза» раздвигали рамки членства еще шире. Так, из воззвания витебского отделения мы узнаем, что «каждый член «Союза» имеет право принадлежать к какой угодно политической партии», лишь бы он принимал основные поло-

---

[1] П. С. Чистяков, Речи октябриста, 1905—1907 гг., СПб., 1907, стр. 9.

жения «Союза» — о единстве и неделимости Российской империи. [1] В результате — «Союз» представлял собой довольно пестрый конгломерат. Так, из Риги сообщали в центральный комитет, что в то время как «чиновничьи элементы «Союза» тянут нас то и дело вправо, часть интеллигентских членов уклоняется за пределы программы влево». [2]

Однако обилие политических делений крупной буржуазии долго существовать не могло. Более широко понятые интересы буржуазии как класса требовали консолидации ее политических сил. Капиталистические тузы очень скоро убедились в неудобстве выступать под собственным флагом, под этикеткой «торгово-промышленной» и тому подобных партий, так как в этом случае само название партийной фирмы изобличало ее крупнобуржуазное нутро. Кроме того, в расплодившихся в период революционного вихря разнокалиберных капиталистических группировках общебуржуазные интересы преломлялись сквозь призму частных нужд какой-либо отрасли промышленности или района, а этим несомненно затруднялось отстаивание основных, наиболее существенных стремлений капиталистического класса в целом. Наконец, многочисленность буржуазных группировок, в сущности мало чем отличавшихся друг от друга по своим программным и тактическим установкам, затрудняла вербовку сторонников и могла ухудшить позиции крупнобуржуазных партий на выборах в Государственную думу.

Естественно поэтому, что мысль о консолидации сил была встречена очень сочувственно в капиталистических кругах. Амальгамирование различных партийных группировок крупной буржуазии удобнее всего было произвести посредством их растворения в «Союзе 17 октября», который выгодно отличался от других партийных новообразований крупного капитала тем, что его буржуазная природа была завуалирована модным в глазах обывателей флагом «17 октября». Октябристское руководство состояло из земско-городских деятелей, прошедших уже известную политическую выучку в виде участия в земских собраниях и съездах. Это создавало значительное преимущество для «Союза» по сравнению с другими крупнобуржуазными группировками, лидеры которых еще не успели набить себе руку в политиканстве и вели себя на дотоле незнакомой им политической сцене с грацией медведя. «Союз 17 октября» превратился в естественный центр, вокруг которого происходило политическое сплочение крупной буржуазии. Симбирское «общество людей порядка и законности», полтавская партия «свободомыслящих» и тому подобные организации поспешили примкнуть к «Союзу». В качестве переходной ступени к полному слиянию крупнобуржуазных группировок уже в ноябре, по инициативе «Союза 17 октября», был создан соединительный комитет этих партий.

---

[1] ГАФКЭ, фонд партии октябристов, д. № 58, л. 44.
[2] Там же, д. № 72, л. 3.

3. Социальный облик «Союза»

В отличие от организаций торгово-промышленных партий, которые существовали только в пунктах, где находилось их центральное бюро, «Союз 17 октября» имел свои отделения во многих крупных городах страны. Следующая таблица иллюстрирует порайонное распространение отделений «Союза» (кроме Москвы и Петербурга).

Область	Количество отделов	Численность членов «Союза»
1. Центрально-промышл.	9	2 680
2. Украина	8	2 125
3. Поволжье	4	1 802
4. Центрально-черноземн.	4	1 102
5. Западная область	5	818
6. Прибалтийский край	2	769
7. Северо-западный край	7	393
8. Кавказ	2	200
9. Польша	1	158
10. Средняя Азия	1	100
Итого	43	10 147[1]

Эта таблица подтверждает, что цитаделью октябризма была Центрально-промышленная область. В таких областях, как Поволжье и Центрально-черноземная, влияние октябристов оказывалось слабее, вследствие того что промышленность здесь была развита значительно меньше, чем в подмосковных губерниях, а среди помещиков преобладали крепостнические зубры «истинно-русской» складки. Что же касается окраин, то там туземная буржуазия группировалась в своих национальных партиях, а «базой» октябристов были исключительно русские чиновники-колонизаторы, не имевшие никаких корней в местном населении. Поэтому-то численность и влияние октябристов в национальных районах были ничтожны. Приведенные нами цифры о численности членов «Союза» имеют значение только как сравнительные данные. К абсолютным же цифрам о составе «Союза» необходимо отнестись с сугубой осторожностью. Дело в том, что вербовка членов велась довольно своеобразными методами. Нередко начальство, вступившее в «Союз», принуждало записываться и своих подчиненных. Так, в деле нарвского отделения сохранились заявления 78 железнодорожных служащих о «желании» вступить в члены «Союза». Каждое из этих заявлений заканчивается стереотипной фразой: «рас-

[1] Таблица составлена по материалам местных отделов «Союза», хранящимся в архиве центрального комитета октябристов (ГАФКЭ, фонд партии октябристов). По данным их центрального комитета на 1 января 1906 г. насчитывалось всего 70 отделов «Союза», однако сведения о численности членов партии нам удалось собрать только по 43 отделам «Союза».

поряжениям «Союза» по делам о выборах в Государственную думу обязуюсь подчиняться». [1]

В других случаях в списки членов огульно заносились целые сельские общества на основании приговора сходов о желании примкнуть к «Союзу». Ясно, что при такой системе стадной вербовки списки «Союза» были заполнены «мертвыми душами».

Вот почему на запросы центрального комитета о численности местных групп руководители их отвечали очень неопределенно. В ответах или попадаются округленные цифры, например, 100, 200, 500 человек, или даются приблизительные сведения, вроде: «членов в Пятигорском союзе считается более двухсот и каждое воскресенье (?) прибывают новые члены». [2] Иногда давались еще более путаные сведения. Так, из Кременчуга писали, что «число членов отдела состоит из 500 избирателей». [3] Еще более оригинальный ответ был получен из Могилева: «число членов свыше ста человек, список коего еще не составлен, ввиду поступления в оный мещан и крестьян». [4] Так как «черный люд» включался в «Союз» «навалом», то естественно, что местным партийным функционерам причиняло немало затруднений составление сведений об этих механических членах.

На окраинах в «Союз» вступали почти исключительно чиновники. Например, из Гродно сообщали, что из 158 членов местного отделения лишь «несколько лиц неясной профессии», остальные — чиновники. «Купцов в «Союзе» — ни одного. Русские купцы, — их три на весь город, — вошли в партию правового порядка. Торговцы-католики... входят в состав конституционной католической партии. Все превосходительные чиновники — в партию правового порядка... В состав комитета и делегатами на съезд избраны исключительно чиновники за полным отсутствием среди членов интеллигентных лиц других профессий». [5] Настроение этой публики было открыто черносотенное. В Минской губернии местное отделение «Союза», возглавляемое проходимцем, судившимся за шпионаж, неким Шмидтом, обратилось к сельскому населению с воззванием, своей лживостью и невероятно грязными выпадами по адресу революционеров удивительно напоминающим дубровинские погромные листки. В этом воззвании крестьян натравливали на «недобрых людей-социалистов», которые-де «терзают смутами, убийствами и всевозможными кровопролитиями, скандалами и забастовками». [6] Симбирское отделение перепечатывало из «Почаевского листка» и распространяло «слово» известного черносотенного изувера еп. Антония. «Русские люди»

---

[1] ГАФКЭ, фонд партии октябристов, д. № 91.
[2] Там же, д. № 88, л. 2.
[3] Там же, д. № 89, л. 5.
[4] Там же, д. № 75, л. 4.
[5] Там же, д. № 63, лл. 2—3.
[6] Там же, д. № 74.

г. Ченстохова, собравшиеся на организационное собрание «Союза», считая главной задачей октябристов «пропаганду правопорядка», прежде всего обратили внимание на то обстоятельство, что «враги последнего употребляют все меры к сеянию смуты в главной опоре нашей — войсках и в сем отношении, как показал опыт, достигли значительных успехов, благодаря инертности и косности благомыслящих граждан». Поэтому собравшиеся октябристы поставили себе «в непременную обязанность» «оберегать наши войска от вредных последствий проникновения в их среду анархических учений». С этой целью решено было предложить военному начальству свои услуги для устройства в воинских частях «исторических чтений». [1]

В нашем распоряжении нет точных данных о социальном составе членов «Союза». Да и вряд ли они могли бы верно отобразить подлинное лицо местных групп «Союза», вследствие того что $^{9}/_{10}$ состава этих организаций представляли собой «мертвые души». Фактически действительные члены «Союза» как правило составляли комитет местной группы, и сведения о составе комитетов проливают свет и на социальный состав членов «Союза» вообще.

Приведем сведения о социальном составе семи комитетов «Союза» (Осташков, Тверь, Кострома, Режицы, Ярославль, Опочка, Мариуполь):

	Число	в %
Помещиков	9	10,1
Торговцев и промышленников	36	40,4
Чиновников	18	20,2
Лиц интеллигентн. профессий	17	19,1
Мещан	4	4,5
Крестьян	2	2,3
Священников	3	3,4
Итого	89	100%

В составе центрального комитета октябристов было 11 банковых и промышленных деятелей, принадлежащих к верхам русской буржуазии (например, бр. Рябушинские), 6 крупнейших помещиков (из них двое — предводители дворянства) и 5 лиц «свободных профессий», по существу тоже принадлежавших к кругу денежных и промышленных дельцов.

Отсутствие в составе руководящих органов хотя бы в качестве статистов выходцев из народа лишало «Союз» даже с внешней стороны права называться «демократической» партией. Слишком уже выпирала наружу помещичье-торгово-промышленная сердцевина этой партии. Неудивительно поэтому, что расшаркивание «Союза» перед широкой публикой, что «мы-де — народная партия», никого обмануть не могло, и в народном сознании «Союз 17 октября» с первых же шагов своего существования фигурировал как «господская» партия.

---

[1] ГАФКЭ, фонд партии октябристов, д. № 5, лл. 24—25.

В рядах «Союза 17 октября» объединились верхи российской буржуазии, наиболее сросшиеся с царизмом, с той частью помещиков, у которых хозяйничанье по-капиталистически начинало перевешивать крепостнические приемы эксплоатации. В отличие от черносотенного помещика, этого хищника крепостной эпохи, октябрист, по словам Ленина, это — «...хищник эпохи первоначального накопления, — тоже грубый, жадный, паразитический, но с некоторым культурным лоском и — главное — с желанием также ухватить добрый кусок казенного пирога в виде гарантий, субсидий, концессий, покровительственных тарифов и т. д. Этот слой землевладельческой и промышленной буржуазии, типичной для эпохи первоначального накопления, находит себе выражение в октябризме и примыкающих к нему течениях. У него много интересов, общих с черносотенцами sans phrases — хозяйственный паразитизм и привилегии, квасной патриотизм с октябристской точки зрения так же необходимы, как и с черносотенной». [1]

«Типичный октябрист, — писал Ленин в другом месте, — не буржуазный интеллигент, а крупный буржуа. Он — не идеолог буржуазного общества, а его непосредственный хозяин. Заинтересованный самым прямым образом в капиталистической эксплуатации, он презирает всякую теорию, плюет на интеллигенцию, отбрасывает всякие, свойственные кадетам претензии на «демократизм». Это — буржуа-делец». [2]

И если эти «Держиморды великих идей освобождения» (так лестно аттестует октябристов министерская газета «Русское государство») облачались в тогу поклонения принципам 17 октября, то не трудно видеть, что «конституционалистами» они стали поневоле, ибо их взгляды были обращены не вперед, а назад, и во всяком случае они употребляли все усилия, чтобы увязать свое поведение с видами правительства.

В тактической платформе к объединительному съезду партии, написанной Лениным, социал-демократическим организациям вменялось в обязанность вести самую беспощадную борьбу с октябристами ввиду явно контрреволюционного характера этой партии.

4. Неудача октябристской пропаганды в народе

Распределение местных групп «Союза 17 октября» по времени возникновения рисуется в следующем виде:

Дата образования	Число групп	%
1905 г. ноябрь	5	11,3
декабрь	19	43,2
1906 г. январь	14	31,9
февраль	5	11,3
март	1	2,3
Итого	44	100

[1] Ленин, т. XII, стр. 95.
[2] Там же, т. X, стр. 93.

Таблица показывает, что наиболее интенсивный рост местных групп «Союза» наблюдался в декабре 1905 г., т. е. в период наивысшего подъема революционной волны и крайнего усиления реакционных настроений в буржуазном лагере. Этим самым устанавливается причинная связь между возникновением местных отделений «Союза» и стремлением крупной буржуазии сплотиться для противодействия революционному движению. Материалы местных групп «Союза», сохранившиеся в архиве центрального комитета октябристов, документально подтверждают это положение. Вот как, например, произошло образование витебского отделения «Союза». «В общем собрании корпорации семинарии возбужден был вопрос о необходимости ввиду смутных политических обстоятельств образования в Витебске политической партии благомыслящих русских людей на почве манифеста 17 октября в целях противодействия революционной пропаганде». [1] Точно также, по сообщению из Ромн, отделение союза там возникло с целью «прежде всего бороться среди крестьянского населения уезда с пропагандой крайних революционных партий». [2]

Если, как признаются сами октябристы, деятельность организаций «Союза» была направлена на борьбу с революционной пропагандой, то нет ничего странного в том, что после разгрома революции стимул для политической активности буржуазии притупился, и ряд отделений «Союза», возникших в момент наивысшего революционного напряжения, распался. Письма местных организаций, начиная с февраля 1906 г., пестрят стандартными жалобами, что «после незначительной вспышки патриотизма наступила полная инертность общества к событиям дня». [3] Партийный функционер из Опочки оправдывался перед центральным комитетом в бездеятельности своей группы тем, что «репрессии последнего времени заставили членов крайних левых партий перейти в подполье, почему борьба с ними сама собой прекратилась (этим делом занялась поли-

---

[1] ГАФКЭ, фонд партии октябристов, д. № 59, л. 42.

[2] Там же, д. № 83, л. 15. Заметим между прочим, что в дни революционного штурма паника в буржуазных кругах была так велика, что собирать толстосумов под политические знамена в ряде случаев было нелегкой задачей, несмотря на то, что на путь политической организации их толкал инстинкт классового самосохранения. Вот что рассказывает о злоключениях, с которыми были связаны первые шаги октябристов в Риге, председатель совета местного отдела «Союза»: «Первым делом нужно было рассеять или хоть ослабить тот страх, который обуял рижан при виде разных революционных оргий. Поэтому от имени отдела печатались призывы к объединению во имя «порядка, мира и успокоения». Последние собрания понемногу вдохнули бодрость, но все же еще и до сих пор часть живущих между революционно настроенным населением членов просит не читать список членов даже в собраниях. Из-за этого не опубликован в газетах и состав совета. Лишь вчера (30 декабря) удалось убедить 8 человек принять на себя обязанности заведующих участками», и т. д. (ГАФКЭ, фонд партии октябристов, д. № 72, лл. 2—3).

[3] Там же, д. № 59, л. 10.

ция), и потому организация, составившаяся с целью противодействия крайним партиям, потеряла raison d'être». [1]

Но вернемся к деятельности «Союза» в период революционного натиска. Естественно, что попытки октябристов выступать на рабочих митингах «в целях противодействия революционной пропаганде» неизменно заканчивались провалом. Вот что, например, сообщали по этому поводу из Таганрога: «Выступая на борьбу с анархией, мы решили командировать на митинги наших ораторов. Ораторы потерпели полное фиаско и второй раз не рискнули». [2] Чтобы войти в доверие к рабочим, октябристы не останавливались перед драпировкой в демократические цвета. Так, в Москве «Союз 17 октября» обратился к рабочим с воззванием, в котором говорилось буквально следующее: «представители РСДРП зовут вас улучшить свое положение путем борьбы, мы призываем вас, товарищи, к тому же, но... путем мирной и спокойной, однако верной и определенной сознательной работы». [3] Однако это воззвание к «товарищам-рабочим» постигла, примерно, та же участь, как и знаменитое обращение к «братцам-рабочим» гр. Витте. На лекции, устраиваемые октябристами для рабочих, никто не являлся. Агентов «Союза» рабочие вывозили на тачке.

Октябристы производили вылазки и в села для борьбы с усиливающимся аграрным движением. Однако крестьяне, по признанию самих октябристов, относились к их пропаганде «холодно». Особенно сокрушительный отпор встречали октябристские агитаторы в селах, расположенных вблизи железнодорожных и фабрично-заводских центров, где крестьяне больше всего были затронуты революционной пропагандой.

Вследствие полной неудачи попыток живого общения с народом воздействие на массы осуществлялось почти исключительно в форме брошюр и воззваний, в которых октябристы разъясняли населению «всю гибельность и бесцельность беспорядков». Почетное место в агитационной литературе «Союза» занимала борьба с «поветрием забастовок». Еще в «доисторический» период своего существования, на ноябрьском земском съезде будущие октябристы, «считая забастовки выражением насилия, такого же насилия, как убийство» (?), предлагали съезду высказаться, что «к этому средству нельзя прибегать зря». [4]

По поводу ноябрьской забастовки совет виленского железнодорожного отделения «Союза» обратился к железнодорожникам с воззванием, в котором всячески чернил революционеров, приписывая им низменные цели. «Отечество в опасности! — говорится в воззвании, — вожаки крайних революционных партий объявляют новую всеобщую политическую забастовку с целью добиться созыва Учредительного собрания для низложения правительства и захвата власти в свои руки. Граждане!

[1] Там же, д. № 84, л. 3.
[2] Там же, д. № 81, л. 5.
[3] ЦАОР, фонд СПб. о-ва ф. и в., д. № 158, л. 92.
[4] «Право», 1905, № 45/46, стр. 3701.

Взываем ко всем вам — не допускайте этой забастовки! Следуйте примеру служащих управления Полесских ж. д., которые с презрением отвергли предложение забастовать. Объединяйтесь с единомышленниками и дружно противодействуйте забастовке. Не поддавайтесь насилию революционеров»[1] — и т. д. в том же духе.

Мы видели, что еще на ноябрьском земском съезде будущие октябристы стали на путь безоговорочной поддержки правительства. Если они тем не менее отклонили приглашение Витте войти в состав его кабинета, то это объясняется отнюдь не программными разногласиями. Во время переговоров Витте с деятелями из так называемого «меньшинства» земско-городских съездов эти деятели прямо заявили, что у них нет принципиальных расхождений с программой Витте. Правда, октябристы были против кандидатуры Дурново на пост министра внутренних дел, но их возражения, по признанию Гучкова, имели в виду не «столько политическую, сколько моральную фигуру Дурново».

Что же удерживало октябристов от вступления в министерство Витте? Октябристская буржуазия, насмерть перепуганная размахом революции, больше всего жаждала твердой и сильной власти. Октябристы стояли за «водворение порядка», не останавливаясь перед самыми жестокими репрессиями. Но вместе с тем им не хотелось формально разделить с Витте ответственность за его карательную политику. Они предпочитали, чтобы «черновая» работа по удушению революции была выполнена правительством Витте — Дурново без их участия. В этом случае ненависть масс обрушилась бы на царских бюрократов, в то время как сами октябристы оставались бы в тени.

Отклонив по этим мотивам приглашение Витте войти в состав его кабинета, октябристы, однако, всячески стремились навязать свою помощь правительству, не покидая своих «общественных постов». «Слово», ссылаясь на то, что «одна администрация справиться с задачей умиротворения не в силах», твердило о необходимости «дать здоровой части общества законную возможность бороться с анархией». В качестве практического шага в этом направлении октябристский орган предлагал учредить при местных властях институт выборных представителей общества.[2] Эта мера была осуществлена во время московского вооруженного восстания, когда представители «общества» (городской голова, председатель губернской земской управы и др.) были введены в совет при генерал-губернаторе.

Выступая в роли советчиков правительства, октябристы, естественно, приходили в недоумение, когда местные помпадуры ставили какие-либо препоны для октябристской «пропаганды правопорядка». Так, по поводу запрещения собраний

---

[1] ГАФКЭ, фонд партии октябристов, д. № 58, л. 4.
[2] «Слово», № 313, от 27 ноября 1905 г.

и «исторических» чтений в Таганроге местный отдел «Союза» с оттенком обиды на «неблагодарное» начальство писал в центральный комитет о необходимости «настоять, чтобы правительство не резало своих же помощников в лице Союза 17 октября». [1]

В. КАДЕТЫ

1. Из предистории (до 17 октября)

Образование кадетской партии было подготовлено изданием заграничного «Освобождения» и деятельностью двух «близнецов»: «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов». В то время как на страницах «Освобождения» разрабатывались программные и тактические вопросы либерального движения, «Союз освобождения» и «Союз земцев-конституционалистов» предпринимали практические шаги по внедрению конституционных требований в земскую среду и по завоеванию буржуазной интеллигенции под освободженческие знамена. К середине 1905 г. эта задача была в основном выполнена, и либеральное движение «силою обстоятельств» (революционные события летом 1905 г.) вынуждено было подняться на следующую ступеньку, подумать о распространении своего влияния на народные массы, тем более, что приближались выборы в Государственную думу, и надо было заняться улавливанием крестьян-избирателей и городской мелкой буржуазии в либеральные сети.

В этих видах июльский земско-городской съезд признал «неотложной задачей данной минуты для общественных деятелей войти в ближайшее общение с широкими массами населения». При этом съезд решил ориентироваться в первую голову на кулацкие элементы деревни. Решено было привлечь к политической деятельности сельскохозяйственные общества, ссудосберегательные товарищества, товарищества мелкого кредита и тому подобные организации, служившие опорными пунктами для «хозяйственного» мужичка. По мысли освобожденцев, приводным ремнем к массам должна была стать партия с «демократической» программой, рассчитанной на привлечение под либеральные знамена широких кругов населения. Совещание земцев-конституционалистов, состоявшееся непосредственно после июльского съезда, сделало практические шаги в этом направлении. Оно избрало 20 чел., которые вместе с делегированными «Союзом освобождения» 20 лицами составили организационный комитет будущей кадетской партии.

Однако до издания акта 6 августа ничего осязательного по организации партии сделано не было. Организационный комитет, правда, проектировал созыв областных съездов земских и других общественных деятелей с целью «объединить широкие круги населения на определенной, политико-экономической,

[1] ГАФКЭ, фонд партии октябристов, д. № 18, л. 6.

кадетской программе для составления будущей кадетской партии», но дальше совещания учредителей областных съездов, состоявшегося 5 и 6 августа в Самаре, дело не пошло.

Только после акта 6 августа, с точки зрения будущих кадетов, «наступило время для открытого выступления больших политических партий». [1] На почве подготовки к предстоящим выборам в Государственную думу и начинается формирование кадетской партии.

Для освещения закулисной возни вокруг «родов» либеральной партии богатый материал дают сохранившиеся в архиве центрального комитета кадетов черновые наброски протокола заседаний организационного комитета. [2] Любопытно, что первоначально значительная часть организационного комитета, ссылаясь на то, что «для тех курий, которые будут участвовать в выборах [по положению 6 августа. — *Е. Ч.*], программы не нужно», полагала, что партия может довольствоваться одной политической платформой. В частности, они возражали против аграрной программы (с принудительным отчуждением и т. д.), опасаясь, что этим кадетская партия может повредить себе в глазах избирателей. Больше того, эта часть организационного комитета высказывала убеждение, что кадетам придется заключить избирательное соглашение на укороченной платформе с лицами, не соглашающимися на всеобщее избирательное право.

Правда, большинство членов организационного комитета так далеко по линии кастрации освобожденческой программы в угоду избирателям булыгинской думы не пошло. Сомневаясь в том, удастся ли удержать революционный поток с помощью булыгинской думы, они считали, что партия должна быть сильной не только в Государственной думе, но и в стране. Партийная программа, — говорили они, — должна пойти в «глубокие слои», и поэтому необходимо в известной мере детализировать ее. Вместе с тем они предлагали разграничить задачи избирательной и партийной пропаганды. Так как избирательная пропаганда должна быть приноровлена ко вкусам legal pays, а партийная — рассчитана на «глубокие слои», на улавливание мелкобуржуазной рыбешки, то будущие кадеты, по бесподобному выражению Муромцева, решили «хитрить»: официально ограничиться одной политической платформой («везде можно выставить только одно: долой бюрократию и добиться контроля над финансами»), «но крестьянам говорить, что они должны выбрать представителей, могущих отстаивать их нужды».

Политическое хамелеонство будущих кадетов чрезвычайно выпукло обнаружилось при обсуждении редакции 1 пункта аграрной программы об увеличении площади землевладения. В первоначальном варианте этого пункта при

---

[1] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 35, л. 3.
[2] Там же, д. № 34, лл. 3—22.

нудительное отчуждение частновладельческих земель допускалось только в случае, если для наделения крестьян нехватит казенных земель. Кокошкин предложил заявить, что кадетская партия в идее является сторонницей национализации земли. Ряд членов комитета, не разобрав, что в данном случае речь идет только о демагогическом трюке, нашел провозглашение этого принципа рискованным. Герценштейн заговорил о логической необходимости в таком случае выставить и требование национализации фабрик. По его мнению, «надо считаться и с видами помещиков». Ему возражал Каблуков, выступление которого можно рассматривать как классический пример кадетской эквилибристики. Он заявил, что «не понимает точки зрения Герценштейна: это как раз та классовая точка зрения, которая должна у нас отсутствовать». Завуалирования классовой точки зрения Каблуков считал возможным достигнуть следующим приемом: «Нужно ставить программу сполна, а затем уступки из нее делать при осуществлении». Чтобы удобнее было свести на-нет программные обещания, он считал, что в программе «надо поставить вопрос в самой общей форме». Однако этот фокус с «изъятием» классовой точки зрения не был по достоинству оценен Герценштейном, который снова заговорил о том, что он «не признает, чтобы производительность труда поднималась только в мелком хозяйстве, и считает невозможным устранить классовую точку зрения». Запахло расколом. Герценштейн стал делать прозрачные намеки на «увлечения» и «самодержавие» разных лиц. Положение спас «уравновешенный» Милюков, поставивший точки над «и»: «Мы забываем цель: мы пишем программу партии кадетов. Она не крестьянский союз и не помещичья партия. Нужно брать среднюю линию. Экспроприация возможна, но нельзя слишком детализировать».

2. Учредительный съезд партии

Учредительный съезд кадетской партии происходил 12—18 октября, т. е. в разгар октябрьской всеобщей забастовки. Мы видели, [1] что кадеты не сочувствовали забастовке и вначале не верили в ее успех. Но забастовка удалась. В момент открытия съезда уже было ясно, что административными репрессиями забастовку не задушить. Учитывая победоносное шествие революции, кадеты «полевели»: они начинают ковылять за революционным народом.

В своей вступительной речи на съезде Милюков всячески стремился отмежеваться от «общественных элементов, имеющих со временем создать политические группы аграриев и промышленников», и в то же время подчеркивал «внеклассовый» характер кадетов. «Справа против нас, — говорил он, — граница там, где наши противники выступят во имя узких

[1] См. гл. 6, стр. 134.

классовых интересов русских аграриев и промышленников. Наша партия никогда не будет стоять на страже этих интересов. Между нами и нашими, мы хотели бы сказать, не противниками, а союзниками слева также существует известная грань, но она совершенно иного характера, чем та, которую мы проводим справа. Мы подобно им стоим на том же левом крыле русского политического движения. Но мы не присоединяемся к их требованиям демократической республики и обобществления средств производства. Одни из нас не присоединяются к этим лозунгам потому, что считают их вообще неприемлемыми, другие — потому, что считают их стоящими вне пределов практической политики. До тех пор, пока возможно будет итти к общей цели вместе, несмотря на это различие мотивов, обе группы партии будут выступать как одно целое».

Указывая на общность целей у кадетов с их «союзниками слева», Милюков заверял своих союзников, что кадетская партия не будет «рассчитывать ни на какие соглашения и компромиссы» и будет «держать высоко тот флаг, который уже выкинут русским освободительным движением в его целом, т. е. стремиться к созыву Учредительного собрания, избранного на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования». Что же касается участия в думе, то оно возможно для кадетов только «с исключительной целью борьбы за политическую свободу и за правильное представительство». [1] Кадетам очень хотелось пристегнуть свое знамя к знамени революционного народа. «Требования забастовщиков, — говорилось в постановлении съезда 14 октября, — как они формулированы ими самими, сводятся, главным образом, к немедленному введению основных свобод, свободному избранию народных представителей в Учредительное собрание на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования и общей политической амнистии. Не может быть ни малейшего сомнения, что все эти цели — общие у них с требованиями кадетской партии. Ввиду такого согласия в целях учредительный съезд кадетской партии считает долгом заявить свою полнейшую солидарность с забастовочным движением». [2]

Было бы непростительной ошибкой принимать всерьез клятвенные уверения кадетской партии, что, мол, «она наперед отождествляет себя с народными требованиями и кладет на весы народного освобождения все свое сочувствие, всю свою нравственную силу и окажет ему всяческую поддержку». В действительности же кадеты панически боялись победы народа, и в том же самом постановлении, в котором заявляли о своей полнейшей солидарности с забастовочным движением, они разоблачали себя как маклеров, как посредников между

---

[1] Кадетская партия, съезд 12—18 октября 1905 г., СПб., 1905, стр. 4—7.

[2] Там же, стр. 18.

самодержавием и народом, стремящихся предотвратить решительное столкновение между борющимися сторонами: «От правительства зависит открыть широкий путь торжественному шествию народа к свободе или превратить его в кровавую бойню... Кадетская партия предоставляет себе, смотря по ходу событий, принять все те меры, которые будут в ее средствах и в ее власти, чтобы предупредить возможное столкновение». [1] Здесь ясно проглядывает расчет, что «наверху» поймут неизбежность дарования политических свобод и согласятся ввести их сверху мирным путем, не дожидаясь, пока они будут вырваны напором революционных масс.

Почти в то самое время, как учредительный съезд кадетской партии «горячо» приветствовал «организованное, мирное и в то же время грозное выступление русского рабочего класса, политически бесправного, но общественно могучего», в верхах кадетского Олимпа царила паника. Протокольные записи заседаний центрального комитета кадетской партии в октябре документально устанавливают, что кадеты далеко не были в восторге от поведения своих «союзников слева» и вовсе не отказались, вопреки лживому заявлению съезда, от мысли добиться своих целей путем переговоров с представителями власти. «Делать ничего особенного не следует. Надо умерять, а это мы не в силах. Не отказываться от сношений с властями предержащими», [2] — вот лейтмотив разговоров, которые вели перетрусившие либералы в своем интимном кругу.

Отличительной чертой кадетской программы, принятой на учредительном съезде, является ее недоговоренность, двусмысленность. Например, по вопросу о государственном строе кадеты уселись меж двух стульев: они окончательно не высказались ни за монархию, ни за республику. В § 13 программы было сказано: «государство», а не «империя». Этой туманной формулировкой кадеты преследовали двоякую цель: в случае если бы революция пошла в гору и не представилось бы возможным предотвратить победу республиканского строя, кадеты могли бы подвести его под § 13. И, наоборот, в случае поражения революции, они могли бы истолковать § 13 в духе признания монархического образа правления. Далее, предел отчуждения земель, на которых ведется экономическая (т. е. помещичья) запашка, остался в кадетской программе не установленным. Туманность эта необходима была кадетам, чтобы оставить себе лазейку для отступлений от программы. Например, требование 8-часового рабочего дня, вследствие оговорки: «где это является по техническим условиям возможным», комментировалось кадетскими лидерами самым произвольным образом. Так, Кедрин заявил, что «в программе кадетов 8-часовой рабочий день поставлен только как идеал, к которому следует

---

[1] Там же, стр. 19.

[2] «Красный архив», т. XLVI, стр. 44, протокол центрального комитета кадетов от 21 октября 1905 г.

стремиться». [1] Как далеки были кадеты от программного «догматизма», видно из того, что с самого начала в кадетской партии допускалась свобода мнений по вопросам: о второй палате и о предоставлении избирательных прав женщинам.

В пункте о национальном вопросе кадеты высказывались за предоставление автономии Польше, но при оставлении армии, внешней политики и общегосударственных финансов всецело в ведении центральной власти. Кадеты имели в виду развязать руки польской буржуазии в борьбе с революционным движением. Отражая нападки октябристов на ноябрьском земском съезде, выступавших против предоставления Польше самоуправления, кадеты указывали, что автономия облегчит польским буржуазным партиям задачу «умиротворения» Польши. «Вы, — обращался Струве к А. Гучкову, — желаете порядка. Автономия и даст Польше порядок. *Почему же Вы, человек порядка, Гучков Москвы и России, обезоруживаете Гучковых Польши?*» (Курсив мой. — *Е. Ч.*).

Вместе с тем кадетская партия отвергала идею автономии украинцев, литовцев, татар и т. д., считая, что эти народы еще не дозрели до пользования всеми политическими правами. Кадеты боролись не только против политической автономии этих народов, но и против их культурного самоопределения, стремясь к модернизации системы национального гнета, но отнюдь не к умалению господствующей роли великорусских помещиков и буржуазии. Кадеты с первых дней своего существования были партией великодержавного шовинизма.

Указывая на непоследовательность и антидемократический характер программы кадетов, Ленин писал: «Их программа целиком буржуазна, кадеты не могут даже представить иного общественного строя, кроме капиталистического, за пределы которого не выходят самые смелые пожелания их. В области политики, их программа соединяет вместе демократизм, «народную свободу», и контр-революцию, свободу угнетения народа самодержавием... Власть в государстве делится приблизительно на три части, — таков идеал кадета. Одна часть — самодержавию. Монархия остается. Монарх сохраняет равные права с народным представительством, которое «соглашается» с ним насчет издаваемых законов, которое предлагает ему на у т в е р ж д е н и е свои з а к о н о п р о е к т ы. Другая часть власти — помещику и крупному капиталисту. Они получают верхнюю палату, от которой двухстепенные выборы и ценз по оседлости должны отгонять «простонародные» элементы. Наконец, третья часть власти народу, получающему нижнюю палату на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования». [2]

---

[1] «Биржевые ведомости» от 24 ноября 1905 г.
[2] Ленин, т. IX, стр. 93—94.

3. Что ускорило оформление кадетской партии?

Первоначально предполагалось провести правильные выборы на учредительный съезд кадетской партии по губерниям — 1 земец, 1 интеллигент и, если удастся, 1 крестьянин. Но вследствие отсутствия на периферии сколько-нибудь оформленных организаций пришлось от выборного начала отказаться и пригласить на съезд персонально лиц, важных по удельному весу. К несчастью для кадетов, вследствие октябрьской всеобщей забастовки провинция, несмотря на персональные приглашения, оказалась представленной так слабо, что кадеты сначала думали придать съезду характер предварительного совещания. Во всяком случае после принятия учредительным съездом программы руководители съезда, учитывая крайне неполный состав последнего, решили, что программа принята начерно и что надо созвать еще один съезд, который также будет иметь учредительный характер и который должен будет утвердить эту программу.

Организация местных групп кадетской партии начинается в сущности только после учредительного съезда. Нами собраны сведения о времени возникновения 70 местных организаций:

Дата возникновения	Число организаций	в %
1905 г. октябрь	7	10
ноябрь	28	40
декабрь	13	18,5
1906 г. январь	13	18,5
февраль—декабрь	9	13
Итого	70	100

Из приведенной таблицы видно, что наибольший рост кадетской партии на периферии наблюдался в ноябре — декабре 1905 г. (41 организация или 58,5% к общему числу организаций, о времени возникновения которых у нас имеются сведения), т. е. в период наивысшего подъема революционной волны. Невольно возникает вопрос, не находится ли этот процесс усиленной самоорганизации кадетских элементов в связи с переходом либеральной буржуазии после 17 октября к активной борьбе с революцией.

И, действительно, анализируя обстоятельства, которые ускорили формирование кадетской партии, мы видим, что решающую роль играла здесь необходимость выступить сплоченным фронтом против революционных масс. Так, на учредительном собрании одесских кадетов было решено «во имя избавления страны от анархии, сплотиться и немедленно начать пропаганду идей к.-д. среди широких слоев одесского населения».[1] По сообщению в центральный комитет из Фастова, «организаторы группы стали под знамя кадетской пар-

[1] С. Штерн, Десятилетие кадетской партии в Одессе, стр. 1.

тии под влиянием последних (декабрьских) событий, показавших невозможность осуществления в данный момент идей левых партий путем и тактикой, ими указанными». [1] На учредительном собрании кадетской партии в Кишиневе 13 декабря временный секретарь партии Ноуэр настаивал на открытии отделений в Бессарабской губернии с целью создать противовес революционным партиям с их «разрушительными» тенденциями. «Фактически, — говорил он, — в настоящий момент на митингах и собраниях — полная диктатура социал-демократической партии... Это заставляет уже теперь многих примкнуть к кадетской партии, взявшей на себя задачи не разрушать, а строить». [2]

Любопытную мотивировку необходимости образования кадетской группы мы встречаем в постановлении собрания городских обывателей в Коканде 22 ноября 1905 г.: «Ввиду того, что повсюду в России твердо организуются различные партии, в том числе и крайние, и при дальнейшем решении всевозможных государственных вопросов организующиеся крайние партии не могут и не будут сообразовываться в своей программе действий с огромной неорганизованной частью населения, умеренный элемент граждан пришел к заключению о необходимости организовать свой союз на основах кадетской партии». Точно также ташкентский отдел кадетской партии образовался, по признанию местного комитета, «вследствие чрезмерного давления крайних партий на население [имеются в виду военное восстание в Ташкенте и сопутствующие ему революционные волнения на железных дорогах и среди националов. — *Е. Ч.*], как противовес этому нежелательному явлению». [3]

Мы видим, таким образом, что если кадетская партия, как и вообще все буржуазные партии, начала складываться еще на почве выборов в булыгинскую думу, то в огромной мере этот процесс был ускорен в период «бури и натиска», когда народная революция с необычайной силой пробудила в буржуазной среде инстинкт классового самосохранения и заставила буржуазные элементы сплотиться для активной борьбы с развивающейся революцией. Без этого политическое оформление буржуазии долго бы еще не вышло из утробного периода.

4. Поиски массовой базы

Рассматривая себя как противоядие против революционных «увлечений», [4] кадеты прилагали необычайные усилия,

---

[1] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 216, л. 1.
[2] «Бессарабская жизнь», 1905, № 316.
[3] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 408, л. 4.
[4] Курьезный инцидент на почве недооценки местной администрацией этого назначения кадетской партии разыгрался в Рыбинске. Ввиду того что деятельность кадетской группы здесь подвергалась полицейским стеснениям, местный комитет решил прибегнуть к заступничеству Витте. В послании к нему председатель комитета — управляющий мест-

чтобы привлечь под зеленое знамя своей партии представителей демократии. Кн. Шаховской обращался к интеллигенции с призывом итти в народ: «Широкое распространение литературы, беседы, лекции, собрания, съезды — все должно быть пущено в ход, чтобы разъяснить народу его новые права и помочь ему разобраться в средствах борьбы с его старыми «недугами». [1]

Один кадетский активист бил тревогу перед центральным комитетом по поводу того, что агитация большевиков «приобретает все новых и новых адептов и не потому, чтобы она была вполне жизненна, а потому, что главным образом, к стыду нашему, не встречает до сих пор противовеса». Он призывал «не медля ни минуты итти навстречу настоятельной потребности сельского населения к политической жизни и итти не с разрушительными тенденциями крайних (левых или правых) партий, а с созидательными началами, изложенными в программе кадетской партии». [2] Поиски массовой опоры были предметом оживленного обсуждения на заседаниях центрального комитета кадетской партии.

Попытки вербовочной агитации среди рабочих терпели неизменно неудачу: слишком прочны были здесь позиции большевиков, чтобы кадеты могли иметь сколько-нибудь серьезный успех. В отчете о деятельности брянского комитета имеется любопытный рассказ о результатах кадетской агитации на Мальцевском цементном заводе: «В начале кн. Гедройц удалось завербовать до 70 чел. мастеровых... Через несколько дней, однако, социал-демократы, узнав об агитации кадетской партии на цементном заводе, направились туда, и им удалось многих рабочих вернуть опять в свою среду. Таким образом, местный комитет кадетской партии почти сознает бесплодность агитации в среде рабочих, поголовно захваченных социалистической пропагандой». [3]

Такая же безотрадная для кадетов картина повторялась и в других местах. Например, из Одессы сообщали в центральный комитет, что «рабочие относятся к партии выжидательно робко, опасаясь (?) неудовольствия крайних партий». [4] Карты кадетским демагогам спутывали большевики. Так, по призна-

---

ным отделением Государственного банка — больше всего упирает на то, что действия местных помпадуров противоречат... правильно понятым интересам самого правительства: «члены комитета в разрешенных полицией публичных собраниях постоянно борются с представителями крайних партий, воюя против их требования уничтожения царской власти и насильственного отнятия земли у частных владельцев без вознаграждения. Не ограничиваясь такой борьбой в городе, члены комитета ездили в тех же целях по волостям». В свете этих «заслуг» в борьбе с «крамолой» очень убедительно звучит жалоба рыбинских кадетов на то, что они «несправедливо обижены местной администрацией» (ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 418, л. 7).

[1] «Северный край» от 1 ноября 1905 г.
[2] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 291, л. 26.
[3] Там же, д. № 303, л. 1.
[4] Там же, д. № 409, л. 1.

нию кадетского комитета, в Иваново-Вознесенске «агитация между рабочими велась, но слабо прививалась, благодаря давлению на рабочих большевистской социал-демократической фракции». [1] В Клинском уезде «в кадетскую партию удалось было заманить 40 несознательных рабочих со стекольного завода Титова. Но после организации для них большевиками митинга они поспешили взять свои записи в кадетскую партию обратно». [2] Кадетский комитет в Ростове на-Дону в своем отчете вынужден был признать, что «рабочие, ремесленники, конторщики пока совсем не входят в состав группы». [3]

Обескураженные своим провалом на рабочих митингах, кадеты приходили к убеждению, что «вряд ли кадеты будут иметь успех среди рабочих: они уже достаточно распропагандированы социал-демократами», [4] и порой сами добровольно суживали свою задачу до «организации тех слоев населения, которые еще не затронуты пропагандой, — купечество, чиновники, ремесленники, крестьяне». [5]

Несколько больших успехов добивались кадетские агитаторы среди крестьян. Деревенская верхушка несомненно была восприимчивой средой для вербовки сторонников кадетов в деревне. В архиве центрального комитета сохранилась обширная переписка кадетских лидеров с отдельными «крестьянами» об открытии кадетских групп в деревне. В адрес этих «крестьян» посылалась агитационная литература. Например, в Ярославской губернии опорными пунктами кадетской агитации были торговые села. Особенной любовью кадетов пользовались торговцы и кулаки, которым они читали лекции о своей программе. [6] Из отчета центрального комитета мы узнаем, что кое-какие связи устанавливались у кадетов с крестьянами Архангельской, Бессарабской, Таврической и Херсонской губерний. [7] И это не случайно: в перечисленных губерниях относительно очень велика была кулацкая прослойка. Особым успехом кадеты пользовались у богатых немецких колонистов и в болгарских селах. На заседаниях центрального комитета отмечалось, что кадетской программой довольны крестьяне-индивидуалисты и казаки. [8]

Однако пустить прочные корни в толщу крестьянской массы кадетам не удалось. Признание этого факта мы неоднократно встречаем в материалах кадетских групп. Так, из Сапожка писали в центральный комитет, что «открыто к пар-

---

[1] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 177, л. 99.
[2] «1905 год в Клинском уезде», сост. В. И. Орлов, 1931, стр. 90.
[3] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 202, л. 44.
[4] Отчет об Учредительном собрании кадетов в СПб. 18 октября 1905 г. («Северный край», № 278).
[5] Постановление ярославской группы социал-демократов 26 ноября 1905 г. («Северный край», № 284).
[6] «Ярославль в первой революции», сб., 1925, стр. 219.
[7] Отчет центрального комитета кадетской партии за два года, СПб., 1907, стр. 22.
[8] «Красный архив», т. XLVI, стр. 45.

тий крестьяне пока не примыкают». [1] Члены мелитопольской группы выезжали в деревню во время аграрно-погромного движения, но предприятие это закончилось весьма неутешительно: из своей поездки они вынесли впечатление, что «до окончательного выяснения партией своего отношения к аграрному вопросу агитации в деревне вести нельзя». [2]

На первых порах, благодаря своей обманной тактике, кадетам удалось кое-где вовлечь в свои ряды крестьян. Например, в 17 пунктах Херсонского уезда 700 крестьян записались целыми обществами в партию. «Но затем, — узнаем мы из письма местного комитета в центральный комитет, — отчасти вследствие деятельности других партий, преимущественно с.-д., и в особенности Крестьянского союза, сельское население стало обнаруживать менее сочувственное отношение к кадетской партии в связи с недостаточной с точки зрения крестьян широтой аграрной программы». [3]

Несомненно, безуспешность поисков среди крестьянского населения социальной базы стоит в прямой связи с той разоблачительной кампанией, которую вели против кадетов революционные агитаторы и, в первую очередь, большевики. Так, из Симбирска сообщали, что «были малоуспешные попытки участвовать на сельских митингах, где приходилось бороться с представителями крайних партий. Население относится пассивно, а партии левые враждебно». [4] 15 декабря ярославская губернская земская управа созвала собрание гласных с представителями крестьян по 1 человеку от каждой волости. На собрании обсуждались вопросы о манифесте 17 октября, о порядке выборов в Государственную думу, о том, какая политическая партия лучше, о земельном вопросе и т. д. В обсуждении принимал активное участие весь цвет земского либерализма, стремившийся привить крестьянам либеральные взгляды и включить крестьян в фарватер либерального движения. Однако из этой попытки ничего не вышло, так как, под влиянием агитации большевиков, «крестьянские массы к этому времени значительно выросли и понимали, что организовываться в одно с помещиками им не следует». [5]

Но если попытки организации рабочих и крестьянских масс вокруг кадетской партии не увенчались успехом, то кадетам все же удавалось создавать себе опорные пункты в руководящих штабах таких массовых организаций, как железнодорожный и крестьянский союзы, Петербургский Совет Рабочих Депутатов, используя в качестве проводника своего влияния мелкобуржуазные партии — эсеров и меньшевиков.

Либералы стояли у колыбели Крестьянского союза. Мы видели, что в период наивысшего подъема оппозиционного

[1] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 328, л. 5.
[2] Там же, д. № 374, лл. 6—7.
[3] Там же, д. № 409, л. 3.
[4] Там же, д. № 264, л. 11.
[5] «Ярославль в первой революции», сб., 1925, стр. 176.

движения (лето 1905 г.) земские деятели проектировали организацию крестьянских союзов (Долгоруков, Саратовское губернское земство) с целью направить аграрное движение в мирное русло. Полностью захватить огранизацию Крестьянского союза в свои руки либеральным земцам не удалось, но во всяком случае в деятельности Крестьянского союза был очень заметен кадетский налет, который проявлялся в его примиренческом тоне по отношению к помещикам и правительству и в злобных выходках против большевиков со стороны его руководителей на учредительном (31 июля и 1 августа) и ноябрьском съездах союза.

Вследствие того, что в железнодорожном союзе значительную прослойку составляла высокооплачиваемая интеллигенция — инженеры, юрисконсульты и старшие агенты различных служб, — кадетам удавалось в довольно сильной мере определять линию поведения этого союза. Проводником либерального влияния на железнодорожную массу служили старшие агенты железных дорог. В ряде железнодорожных узлов из них были созданы группы кадетской партии. Так, 5 ноября 1905 г. в Ярославле состоялось совещание 20 старших линейных агентов Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги для обсуждения их отношения к современному политическому положению страны и движению среди железнодорожных служащих. Признав невозможным оставаться вне существующих политических партий, собрание постановило принять программу партии кадетов. В то же время участники собрания, находя, что «общественная работа будет наиболее плодотворна в сфере обычной деятельности каждого», признали необходимым войти в железнодорожный союз и образовать внутри него нечто в роде кадетской фракции.[1] В союзном органе «Железнодорожник» помещались статьи, в которых пелись дифирамбы Витте, твердилось о «постепенности всякого прогресса», осуждалась ноябрьская забастовка как «тактическая ошибка» и раздавались призывы отрешиться от «истерической нервности, которой было испорчено в ноябре и декабре все добытое в октябре».

О том, как сильны были в железнодорожном союзе конституционные иллюзии, навеянные кадетами, можно судить по следующему постановлению центрального бюро о прекращении железнодорожной забастовки в декабре: «Центральное бюро союза, признавая настоящий момент соответствующим для перехода к парламентской борьбе [это после дубасовского расстрела Москвы! — *Е. Ч.*], объявляет окончание железнодорожной забастовки и призывает приступить к работе с 19 декабря. Бюро рекомендует товарищам энергично готовиться

[1] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 269, л. 1. По поводу решения железнодорожной администрации примкнуть к кадетской партии и одновременно войти с целью пропаганды идей партии в железнодорожный союз председателем центрального комитета кадетов сделана пометка: «Такое совпадение, по-моему, особенно приятно».

к предвыборной кампании для проведения своих представителей в Государственную думу».[1]

Чтобы облегчить приток новых членов из народа, кадеты предлагали принимать в партию «не на принципе рекомендации, так как он не демократичен, а принимать всех путем записки».[2] Ряд кадетских групп провозглашал необязательность членских взносов для трудового крестьянства и рабочего класса. Однако, все эти ухищрения не помогали. В переписке местных групп с центральным комитетом мы встречаем постоянные сетования на отсутствие народа у кадетов.[3]

Но если вербовка рабочих и крестьян в кадетскую партию шла очень туго, то зато она шла достаточно успешно среди городских обывателей — мелких торговцев, ремесленников, приказчиков, земских служащих, низших чиновников и т. п., которые вследствие «широты» и неопределенности кадетской программы улавливались на кадетскую удочку. Так, нижегородский губернатор, сообщая в департамент полиции о том, что кадетская программа не встретила сочувствия ни среди рабочих, ни среди крестьянского населения, вместе с тем отмечает, что кадеты нашли поддержку «среди лиц из уездной интеллигенции».[4]

От многих организаций поступали в центральный комитет сведения о преобладании в их составе интеллигенции: докторов, адвокатов, учителей и т. д.

В связи с притоком в кадетские ряды мелкобуржуазной публики классовый состав кадетской партии становился двойственным и внутренне противоречивым. На одном фланге партии мы встречаем контрреволюционные элементы капита-

---

[1] «Русские ведомости» от 19 декабря 1905 г.

[2] «Красный архив», т. XLVI, стр. 47.

[3] Как далеки были «внеклассовые» демагоги из кадетского лагеря от народа, можно судить хотя бы по тому, что когда в центральном комитете 14 ноября 1905 г. был поднят вопрос о представительстве от крестьян на партийных съездах, то большинство высказалось отрицательно, ссылаясь на «невозможность вести с ними разговор» («Красный архив», т. XLVI, стр. 52). Действительно, отдельные крестьяне, присутствовавшие на II съезде кадетской партии, говорили на совершенно ином языке, чем «ортодоксальные» кадеты. Например, крестьянин Рязанской губ. Смагин заявил: «Мужик что бык, втемяшится ему какая блажь, колом ее не вышибешь». Вышибут ли из голов крестьян желание земли пулеметами и пушками — я не знаю» («Право», 1906, № 4, стр. 87). На III съезде кадетской партии крестьяне, приглашенные в декоративных целях («чтобы показать через них, — по признанию бессарабского комитета кадетов, — силу и значение нашей партии») и не оправдавшие оказанного им «доверия», подвергли резкой критике кадетский проект аграрной реформы. «Я думаю, — говорил один из них, — что если бы этот проект был напечатан на страницах «Правительственного вестника», без указания его источника, вы, вероятно, подумали бы, что это есть плод творчества одной из бесчисленных петербургских канцелярий... На какой почве возросло чахлое дерево нашей аграрной комиссии? Заткнуть чем-нибудь голодные рты — это надо оставить на долю благотворительных учреждений» (Ропот) (Протоколы III съезда партии народной свободы, СПб., 1906, стр. 132).

[4] ЦАР, фонд деп. пол., 1905, д. № 999, ч. 43, т. III, л. 38.

листических помещиков и крупной буржуазии, тяготеющие к сделке с самодержавием и являющиеся подлинными хозяевами в партии, а на другом — мелкую буржуазию, массового городского обывателя, склоняющегося влево и даже кокетничающего с пролетариатом.

В результате пестроты социального состава кадетских организаций в рядах кадетской партии существовала заметная разноголосица по программным и тактическим вопросам.

Приведем несколько примеров программной «чересполосицы» в кадетских организациях. На губернском съезде кадетов в Полтаве одни делегаты высказывались за национализацию земли, другие — против. Ввиду различного толкования аграрной программы съезд нашел рискованным ставить ее на голосование. [1] На собрании Ярославской группы при обсуждении вопроса о форме государственного правления 21 человек высказался за конституционную монархию, 13 — против и 3 воздержались. В конце-концов собрание решило, что в кадетской партии как партии блока могут быть и монархисты и республиканцы. [2] В Брянской группе, в составе которой преобладала высшая заводская администрация и которая в силу этого держалась правого курса, «наиболее сомнительным» являлся, как сообщал местный комитет, вопрос об автономии Польши и о равноправии евреев. [3] Точно также в Баку, где «большинство членов — крупные владельцы, люди с видным положением в городе», успеху партии препятствовали пункты программы об автономии Польши и Учредительном собрании. [4]

Вопреки официальной кадетской программе с ее лозунгами об автономии окраин и децентрализации законодательства, рижские кадеты демонстративно выдвигали девиз: «за единую Россию с сильным центральным правительством». [5] Из замечаний центрального комитета о Бессарабской губернии мы узнаем, что «программа, выработанная в Кишиневе, не согласна с нашей и соответствует скорее партии правового порядка». [6]

Не лучше обстояло и с вопросами партийной тактики. В этом отношении представляют интерес прения, происходившие на учредительном собрании кадетов в Воронеже 14 декабря 1905 г. В то время как мелкобуржуазное крыло группы предлагало соединиться с левыми для борьбы с правительством, подчеркивая, что «наша тактика в революционный период должна быть такая, что и крайних партий», правые кадеты заняли иную позицию. Не скрывая своего страха перед разгорающейся «ужасной братоубийственной войной», они заговорили о «борьбе с невежеством», о «несочувствии» теперешн-

[1] «Полтавщина», 1905, № 302.
[2] «Северный край», 1905, № 298.
[3] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 303, л. 1.
[4] Там же, д. № 172, л. 4.
[5] Там же, д. № 240, л. 5.
[6] Там же, д. № 173, л. 41.

ней забастовке, «утопичности» Учредительного собрания [1] и т. д.

Чтобы избежать раскола и сохранить хотя бы внешнее единство партии, кадетским верхам приходилось прибегать к отчаянной эквилибристике. Так, на учредительном собрании петербургской группы кадетские вожди, стремясь удержать в рядах партии мелкобуржуазных попутчиков, прельщали их тем, что кадетская программа «дает прямо полный спектр всех цветов» и что под знаменем кадетской партии могут свободно уживаться люди с самыми различными политическими воззрениями. «Программа не догма, — говорил Родичев, — а согласие с ней может быть только принципиальное». Еще дальше шел по линии освобождения от «идолопоклонства перед параграфами программы» Струве, заявляя, что «можно голосовать за одно, а думать и защищать другое». [2]

Касаясь социальной природы кадетов, необходимо заметить, что основной социальной опорой этой партии были капиталистический помещик и средняя буржуазия городов. [3] Но, объединяя в своих рядах «цвет» буржуазной интеллигенции, не связанной непосредственно материальными узами с той или другой капиталистической кликой и, следовательно, свободной от «узко-купцовской» точки зрения, кадетская партия являлась вместе с тем наиболее последовательным проводником общебуржуазных стремлений, более широко понятых интересов всего капиталистического развития страны.

Характеризуя классовое лицо кадетов в период первой революции, Ленин писал: «Не связанная с каким-либо одним определенным классом буржуазного общества, но вполне буржуазная по своему составу, по своему характеру, по своим идеалам, эта партия колеблется между демократической мелкой буржуазией и контр-революционными элементами крупной буржуазии. Социальной опорой этой партии является, с одной стороны, массовый городской обыватель..., а с другой стороны, либеральный помещик...» [4]

---

[1] «Воронежское слово», 1906, № 4.

[2] «Новая жизнь» от 23 ноября 1905 г.

[3] В составе кадетской партии мы встречаем и отдельных представителей крупного капитала (например, фабриканты Прохоров, Парамонов, в Одессе — «щедрый меценат» Панкеев и др.). Самарские биржевики, славившиеся своим либерализмом, образовали даже целую «партию», которая изъявила желание примкнуть к кадетам. Но в основном верхи торгово-промышленной буржуазии, а также помещики «промежуточного типа», у которых капиталистическое ведение хозяйства стало оттеснять на задний план крепостнические методы эксплоатации, предпочитали в этот период группироваться вокруг «Союза 17 октября» и тому подобных крупнобуржуазных партий. Впрочем, некоторые представители «высших» классов, повидимому, не прочь были ставить сразу и на черный и на зеленый квадраты. Так, крупнейший землевладелец страны гр. Орлов-Давыдов, субсидировавший черносотенные организации, в то же самое время жертвовал значительные суммы и в фонд кадетской партии, справедливо полагая, что кадетская демагогия пригодится для подслащивания карательной политики царизма.

[4] Ленин, т. IX, стр. 93.

По сравнению с октябристами кадеты выражали интересы экономически более прогрессивных слоев буржуазии, буржуазии эпохи уже не первоначального, а капиталистического накопления. Если Гучковы и Шиповы, по определению Ленина,— «партия черненького, настоящего, реального капитала», если октябрист — «непосредственный хозяин» буржуазного общества, то кадеты, принадлежавшие в массе к буржуазной интеллигенции,— его идеологи. «Кадеты, — писал Ленин,—не партия, а симптом. Это не политическая сила, а пена, которая получается от столкновения более или менее уравновешивающих друг друга борющихся сил. Они соединяют в себе, поистине, лебедя, рака и щуку — болтливую, чванную, самодовольную, ограниченную, трусливую буржуазную интеллигенцию, контрреволюционного помещика, желающего за сходную цену откупиться от революции, и, наконец, твердого, хозяйственного, экономного и прижимистого мелкого буржуа. Эта партия не хочет и не может сколько-нибудь прочно властвовать в буржуазном обществе вообще, не хочет и не может вести по какому-нибудь определенному пути буржуазно-демократическую революцию. Кадеты не хотят властвовать, предпочитая «состоять» при монархии и верхней палате. Они не могут властвовать, ибо настоящие хозяева буржуазного общества, разные Шиповы и Гучковы, представители крупного капитала и крупной собственности, стоят в стороне от этой партии. Кадеты — партия мечтаний о беленьком, чистеньком, упорядоченном «идеальном» буржуазном обществе». [1]

Ленин и Сталин при анализе либерального движения в центре внимания ставят кадетскую партию, ибо борьба за гегемонию в революции ведется между классами в целом, а эту борьбу возглавляли, с одной стороны, большевики как единственно революционная пролетарско-социалистическая партия, а с другой — кадеты как основная партия либеральной буржуазии. В период буржуазно-демократической революции (1905 г. — февраль 1917 г.) большевики направляли главный удар на изоляцию либерально-монархической буржуазии в лице кадетов. «История этого периода есть история борьбы кадетов (либеральная буржуазия) и большевиков (пролетариат) за крестьянство». [2]

В тактической платформе к объединительному съезду, которая затем легла в основу резолюции V съезда партии об отношении к буржуазным партиям, Ленин указывал, что социал-демократия должна использовать, в интересах политического воспитания народа, деятельность либерально-монархических партий и главной из этих партий — кадетской, «противопоставляя их лицемерно-демократической фразеологии последовательный демократизм пролетариата и беспощадно разоблачая распространяемые ими конституционные иллюзии». [3]

[1] Ленин, т. IX, стр. 98.
[2] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 37.
[3] Ленин, т. IX, стр. 46.

Без разоблачения кадетской демагогии в глазах широчайших масс, без преодоления в народном сознании конституционных иллюзий, навеянных кадетами, была бы немыслима победоносная пролетарско-крестьянская революция против царизма.

5. Лавирование кадетов между самодержавием и революцией

В период октябрь — декабрь 1905 г. волны рабоче-крестьянской революции грозили смыть самодержавный строй, а это явилось бы прологом к социалистической революции. «Внеклассовые» демагоги из кадетского лагеря не в шутку переполошились.

В отличие от октябристской откровенно реакционной буржуазии кадеты пробовали лавировать между революцией и самодержавием, стараясь овладеть народным движением и отвести его в русло мирной борьбы за «практически осуществимые» реформы. Кадеты занялись елейной проповедью социального мира и сеянием конституционных иллюзий в расчете предупредить этим окончательное торжество революции.

Уже на учредительном съезде кадетской партии бросалось в глаза лавирование кадетов между самодержавием и революционным народом. С одной стороны, кадеты принимали горделивую позу, заявляя, что они «решительно отказались от мысли добиться своих целей путем переговоров с представителями власти», [1] а с другой, в полнейшем диссонансе с этим заявлением, строили свои расчеты на том, что правительство проведет необходимые реформы «сверху» и этим предотвратит стихийный взрыв «снизу».

Одновременно лидер партии Милюков вел закулисные переговоры с Витте о вхождении кадетов в министерство и подсказал ему мысль о составлении «делового кабинета из приличных людей». Отказ кадетов войти в правительство Витте был вызван боязнью, что открытый союз с самодержавием поставил бы их лицом к лицу с революционными силами и затруднил бы им тактику лавирования. Одобряя в душе военно-полевые репрессии царизма как «печальную необходимость», сами кадеты, однако, видели свое призвание в дезорганизации революционного движения путем распространения конституционных иллюзий. На сдержанность, проявленную кадетами при переговорах с Витте, повлияло еще и то обстоятельство, что Витте, будучи невысокого мнения о «государственных» способностях кадетов, намеревался использовать их в роли статистов, предоставив им второстепенные портфели, например министерство народного просвещения. А перспектива разделить ответственность с Витте, не имея возможности влиять на программу его действий, естественно, не улыбалась кадетам.

---

[1] Кадетская партия, Съезд 12—18 октября 1905 г., стр. 18.

Необходимо отдать должное кадетам: по части лавирования они показали себя виртуозами. На ноябрьском съезде Петрункевич готов был протянуть руку даже революционерам, — правда, при условии, если они откажутся... «от классовых интересов». Несмотря на то, что кадеты по своим убеждениям были монархистами, они и названием своей партии и двусмысленной редакцией § 13 программы старались затушевать монархический облик своей партии.

6. «Мертвый сезон»

В зените революции кадетское маклерство заметного успеха не имело. По словам самих кадетов, деятельность их партии в период октябрь-декабрь 1905 г. «была в высшей степени затруднена совершающимися событиями — всеобщими и частными забастовками и вооруженными восстаниями». [1] Из Суджи, например, сообщали, что «почтово-телеграфная и железнодорожная забастовки, аграрные беспорядки... оказали очень вредное влияние на развитие группы и на распространение идей партии». [2] Такие же вести поступали из Брянска и от других местных организаций партии. В Нижнем-Новгороде, вспоминает Керженцев, «кадеты совершенно не были заметны. 22 октября было первое собрание членов партии, 31-го — первый митинг, организованный ими (не для широких масс, а исключительно для интеллигенции). Позже они устроили одну-две лекции, несколько партийных собраний, но на народных митингах не выступали вовсе. Они ограничились распространением 2—3 брошюр. Их политическая роль была ничтожна. Влияния на массы — никакого». [3]

Защищаясь впоследствии от нападок правого крыла своей партии, которое ставило в вину кадетам, что они в ноябрьские дни стояли в стороне, вместо того чтобы повести беспощадную борьбу с революцией, Милюков писал, что выступление кадетской партии «было абсолютно невозможно в последние месяцы 1905 г.» и что те, кто упрекает теперь партию, что она не протестовала тогда путем устройства митингов против революционных «увлечений», «просто не понимают или не помнят тогдашнего настроения собиравшейся на митинги демократической публики». [4]

И действительно, на народных митингах кадетов часто не хотели даже слушать. На собрании актива кадетской организации в Москве 25 ноября ораторы, выезжавшие на рабочие митинги, говорили о «нетерпимости крайних партий», жало-

---

[1] Отчет центрального комитета кадетской партии за два года, СПб., 1907, стр. 4.

[2] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 238, л. 1.

[3] Материалы по истории революционного движения, т. I, Н.-Новгород, 1920, стр. 121.

[4] Послесловие к книжке «Как прошли выборы во II Государственную думу», стр. 91—92.

вались на то, что «Струве и Милюкова величали черносотенцами», и признавались, что «на митингах все резолюции кадетов провалились». [1] По словам руководителя кадетской группы в Таврической губ. кн. Оболенского, ялтинские кадеты, сделавшие попытку выступать с своей программой на митингах, потерпели полное поражение. [2]

По признанию лидера самарских кадетов Д. Протопопова, «выступать на ежедневных самарских митингах было невозможно — люди, типа кадетов, не могли в то время конкурировать с ораторами, сулившими всю землю всему народу, 8-часовой рабочий день, 50% прибавки к плате и т. д.». [3]

Ярославские кадеты решили было устраивать свои митинги с целью популяризации кадетской программы, но и здесь получалось не легче: инициативу на собраниях, которые устраивали кадеты, перехватывали представители левых партий. На совещании членов центрального комитета с представителями мест 13 ноября 1905 г. последние отмечали, что диктатура на митингах принадлежит революционным агитаторам. Так, Шаховской говорил, что в Ярославле «митинги обширные, но главные организаторы социал-демократы». Свечин (Чернигов) указывал, что «на митингах действовали только крайние партии», [4] и т. д.

Так, митинг, устроенный брянским комитетом кадетов, «послужил к тому, что представители социалистических партий ознакомили публику со своими программами». «Понятно, — читаем мы по этому поводу в отчете комитета, — это не входило в задачу устроителей митинга, но невозможно было воспрепятствовать произнесению социалистических речей». [5] Иногда даже партийные собрания кадетов брали неожиданно для руководителей антикадетский курс. По отчету газеты «Юг» (1905, № 2196), в Херсоне 13 ноября крестьяне, присутствовавшие на кадетском собрании, уклонились влево от кадетов в земельном вопросе. «Выступали социал-демократы. Собрание превратилось в митинг».

Обобщая свои впечатления о выступлениях кадетских ораторов в то время, Кистяковский писал в «Вехах»: «На наших митингах свободой слова пользовались только ораторы, угодные большинству; все, несогласно мыслящие, заглушались криками, свистками, возгласами «довольно», а иногда даже физическим воздействием». [6]

Такой печальный финал попыток кадетов сблизиться с народной массой не укрылся и от «всевидящего ока» царской адми-

---

[1] «Северный край», 1905, № 284.
[2] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 374, л. 14.
[3] «Русская мысль», 1907, № 12, стр. 25.
[4] Протоколы заседаний центрального комитета («Красный архив», т. XLVI, стр. 46).
[5] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 303, л. 2.
[6] «Вехи», сборник статей о русской интеллигенции, М., 1909, стр. 112—113.

нистрации. Петербургский градоначальник, полемизируя с кадетами, которые настаивали на отмене запрещения собраний, писал в совет министров: «Лидеры этой партии... стараются уверить административную власть, что подобного рода собрания, давая возможность представителям крайних партий открыто высказывать свои взгляды, весьма полезны в том отношении, что крайние взгляды встречают спокойный и вразумительный отпор со стороны ораторов «кадетов» и что подобными диспутами ослабляется сила и значение революционных элементов, которые терпят «теоретическое поражение»... В действительности же «поражение в словопрениях» в большинстве случаев приходилось на долю ораторов кадетской партии... Возражения «кадетов» обыкновенно оказывались весьма слабыми, вялыми и не производили серьезного впечатления не только на их противников, но и на всю аудиторию, тогда как зажигательные речи ораторов крайних партий покрывались аплодисментами». [1]

Ввиду неудачи, которая постигала кадетов на митингах, агитационная деятельность их поневоле ограничивалась распространением брошюр и листков, причем в деревню эта литература обычно посылалась на имя «хозяйственных» крестьян, которые состояли корреспондентами земских учреждений.

Вообще наиболее сильным средством кадетской пропаганды была печать. По данным петербургского охранного отделения,— конечно, далеко не полным, — за время существования партии по октябрь 1907 г. одними только центральными органами кадетской партии было издано 66 названий брошюр и листовок с общим тиражом в 2 380 000 экземпляров. [2] Если к этому добавить, что кадетам фактически принадлежала, особенно в провинции, монополия оппозиционной прессы, то для нас станет ясным, что печатное слово было главным орудием кадетской партии в ее борьбе за влияние на народную массу.

Чем сами кадеты объясняли свой неуспех при вербовке сторонников и распространении идей партии?

Если оставить в стороне явно несерьезные объяснения неудачи кадетской пропаганды «непривычкой местного населения организовываться», «боязнью репрессий», «отсутствием опытных в политике деятелей», «террором крайних партий» или, наконец, «слишком мудреным названием партии», то в общем кадеты правильно нащупывали настоящую подоплеку своей непопулярности, указывая на умеренность и расплывчатость своей программы. Ялтинские кадеты, потерпевшие полное поражение при попытке выступать с своей программой на митингах, видели причину своего поражения в том, что «программа недостаточно определенна, является компромиссом между разными течениями, и людям, примыкающим к одному из этих течений,

---

[1] Центральный архив внутренней политики, культуры и быта в Ленинграде, фонд канцелярии совета министров, 1906, д. № 55, лл. 2—3.
[2] ЦАР, фонд деп. пол., 1905 д. № 399, ч. 43, т. III, л. 7.

трудно отстаивать ее». [1] Кадетские функционеры с мест неоднократно писали в центральный комитет, что если бы программа партии была несколько определенней, т. е. левее, то успех был бы обеспечен.

Бесплодность агитации среди рабочих местные комитеты кадетов объясняли тем, что рабочие «поголовно захвачены социалистической пропагандой», находятся под «давлением» большевиков и т. п. Правда, отдельные кадеты возлагали некоторые надежды на отсталые слои пролетариата, на «рабочих, утомленных диктатурой крайних партий». По этому поводу интересные прения произошли на учредительном собрании кадетов в Петербурге 18 ноября. Одна часть собрания полагала, что «вряд ли кадеты будут иметь успех среди рабочих, так как они уже достаточно распропагандированы социал-демократами». Другие ораторы, ссылаясь на усталость рабочих от непрерывных стачек, напротив, утверждали, что «рабочие не так уж охотно идут теперь за социал-демократами» и что «теперь самый удобный момент для агитации». Однако кадетская спекуляция на «утомлении» рабочих «стачечной лихорадкой» не принесла кадетам желанных плодов: их попрежнему изгоняли с позором с рабочих митингов.

Что касается деревни, то кадетские функционеры, соприкасавшиеся с крестьянским населением, единодушно приходили к заключению, что агитация в деревне под флагом кадетской программы невозможна. На заседании центрального комитета 13 ноября А. Стахович (Орел) докладывал, что «крестьяне не согласились подписать программу из-за неопределенности аграрной программы». [2] Аналогичная история повторялась повсюду. Суджанский комитет, например, сообщал, что «препятствует успеху вербовки членов среди крестьян — неопределенность и невыясненность аграрной программы». [3] На совещании центрального комитета с участием делегатов от местных групп 14 ноября представитель виленской группы заявил, что «население примкнет к нам, если программа будет более определенно выражена в смысле возможности прирезок». [4]

Таким образом, ахиллесовой пятой кадетской партии, обрекающей ее на неудачу в попытках влиять на массовое движение, была ее «умеренность». Мы видели, как под давлением нарастающей революции кадеты вынуждены были объявить «левую» программу. Но кадетская партия, руководящее ядро которой состояло из либеральных помещиков, не могла и не хотела поступиться интересами русских аграриев. И поэтому «левизна» этой партии не пошла дальше двусмысленной редакции пункта о государственном строе и аграрного раздела программы, в котором нарочно был оставлен открытым вопрос

[1] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 374, л. 14.
[2] «Красный архив», т. XLVI, стр. 48.
[3] Там же, д. № 238, л. 1.
[4] «Красный архив», т. XLVI, стр. 49.

о размерах отчуждения помещичьих земель, чтобы облегчить партии в будущем отступление от программных обещаний.

Отделываясь от революционных требований пролетариата и крестьянской массы неопределенными посулами, кадеты рассчитывали с помощью своих виртуозных демагогических приемов овладеть массовым движением и ввести его в «культурное» русло. Но они просчитались. Они недооценили революционной энергии, заложенной в русском пролетариате и крестьянстве. Они не учли огромного влияния на массы партии большевиков, которая последовательно и беспощадно разоблачала предательскую роль либеральной буржуазии в революции. Вот почему так преходящи были успехи кадетской пропаганды, вот почему терпели поражение попытки кадетов овладеть и управлять массовым движением.

7. Что же делать?

Неудача кадетской пропаганды невольно ставила перед кадетами вопрос: что же делать?

Надо заметить, что до московских декабрьских дней набатный призыв Струве — «в смертельной схватке сразиться с революционным безумием» — не встречал должного отклика в рядах кадетской партии. «Люди, которые так думали и так чувствовали, — писал Струве в 1907 г., — в то время находились, к сожалению, в полном одиночестве». [1]

В этот период среди кадетов царила большая растерянность. Напрасно отдельные голоса советовали не «дрейфить», а «поучиться у крайних партий их энергии и стройности их организации». [2]

Указывали на удачный опыт вятских кадетов, которые «после 17 октября сразу же поехали по деревням. То же сделали и революционные партии, почему важно было не зевать». [3] Огромному большинству кадетских функционеров казалось, что после октября их попытки овладеть массовым движением обречены на провал. На заседании центрального комитета 21 октября даже «левые» кадеты, как кн. Шаховский и Мандельштам, заявляли, что «делать ничего особенно не следует», ибо «надо умерять, а это мы не в силах». [4] Не трудно видеть, что эта позиция была продиктована сознанием бессилия остановить могучие волны революционного шквала. Уподобляясь щедринским премудрым пескарям, нижегородские комитетчики 3 ноября 1905 г. нашли «разрешение вопроса об отношении партии к общей политической забастовке преждевременным». [5]

Под угрозой изоляции от массового движения кадеты бросались то вправо, то влево в зависимости от тех или других со-

---

[1] «Русская мысль» за январь 1907 г.

[2] Заявление делегатов на губ. съезде кадетов 26—27 ноября 1905 г. в Полтаве («Полтавщина», № 302).

[3] «Красный архив», т. XLVI, стр. 51.

[4] Там же, стр. 47.

[5] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 290, л. 2.

бытий. Вследствие того, что в октябрьско-ноябрьские дни революция поднималась в гору, среди кадетов наблюдалось стремление пойти по линии наименьшего сопротивления, «стушеваться перед крайними, отказаться открыто итти своей дорогой». [1] В этот период кадеты опасались выступать против революционных масс с поднятым забралом. Чтобы сохранить какое-либо влияние на происходящие события, воронежский комитет решил не вступать ни в какие столкновения с левыми и даже не подчеркивать отграничения от них. [2] Кадеты «добровольно» шли на самоограничение. Костромской комитет по вопросу о круге агитационных действий партии принял постановление, «не отказываясь в случаях необходимости от полемики с крайними партиями, ставить себе ближайшей целью организацию тех слоев населения, которые еще не затронуты пропагандой». [3] На губернском съезде кадетов 26—27 ноября в Полтаве ряд ораторов полагал, что, оставаясь в стороне от «крайних» партий, кадетская партия обречена на бездействие. Поэтому они предлагали «войти в соглашение с власть имущими партиями, имея в виду, главным образом, крестьянский союз». [4]

Однако рядом с этой линией внутри кадетской партии начинает пробиваться другое течение, которое со временем станет господствующим. На полтавском съезде кадетов неоднократно раздавались требования усилить борьбу против революционной социал-демократии: «Огорчаться, — урезонивали сторонники «решительных действий» панически настроенных товарищей, — по поводу нападок социал-демократов нечего. Дальше и не то еще будет —на то и существует партийная борьба. Если и впредь кадеты будут смущаться, то лучше всего сейчас разойтись».

Но, выступая открыто против революционеров, кадеты не могли не видеть, что подобная тактика еще более усилит их изоляцию, разрыв между ними и массовым движением. Однако они в данном случае строили свои расчеты на будущем. «Бездействие партии, — говорил один кадет на губернском съезде в Полтаве, — в такое революционное время кроется в умеренности партии... Она будет играть крупную роль в будущем. Если же мы будем завидовать успехам крайних партий, то мы потеряем равновесие». [5] Подобная точка зрения в период революционного вихря являлась не официальной линией поведения кадетского руководства, а лишь предвосхищала те тактические позиции, к которым придут кадеты в результате неудачи «приручения» мужика в период первой и второй дум.

---

[1] Там же, д. № 331, л. 11 (из письма секретаря Самарского комитета в центральный комитет).
[2] Там же, д. № 198, л. 2.
[3] «Северный край», 1905, № 284.
[4] «Полтавщина», 1905, № 302.
[5] Там же, 1905, № 302.

ГЛАВА 9

БУРЖУАЗИЯ И МОСКОВСКОЕ ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ

1. Октябристская буржуазия

Непрерывно нарастая, революционное движение в России поднялось в декабрьские дни 1905 г. на высшую ступень. Оно вылилось в вооруженное восстание в Москве и ряде других городов. Несмотря на поражение, московское вооруженное восстание имело всемирно историческое значение: впервые после Парижской коммуны был практически испробован путь, следуя по которому пролетариат может свергнуть иго своих угнетателей и на котором он впоследствии и одержал победу в великие дни Октября 1917 г. Насмерть перепуганное самодержавие ответило на это движение, непосредственно угрожавшее его существованию, применением артиллерии, обстрелом баррикад, домов и безоружной толпы. Московское восстание, по выражению Ленина, «заставило реакцию дойти до конца в сопротивлении».[1] Настроения крупной буржуазии в декабрьские дни слились с позицией черной сотни.

Еще 2 декабря на собрании биржевого общества лидер московских промышленников Ю. Гужон, обратив внимание на «усиленное за последнее время вооружение крайними революционными партиями рабочих», высказался за немедленное преобразование и увеличение комплекта полицейских чинов. Он предлагал дать полиции кавалерийские винтовки и хорошие револьверы вместо лефоше и железных шашек и предоставить ей действовать самостоятельно.[2] 7 декабря «Слово», обеспокоенное событиями в Москве и Прибалтийском крае, предлагало объявить социалистические партии вне закона на том основании, что «наши социалисты — враги всякого государства, всякого общества, всякого гражданства и потому не могут претендовать на распространение на них конституционных гарантий». Питерские фабриканты угрозой широкого и беспощадного локаута стремились не допустить развертывания всеобщей забастовки, объявленной Петербургским Советом рабочих депутатов в знак солидарности с московским вооруженным восстанием. С этой целью на общем собрании общества фабрикантов и заводчиков 9 декабря решено было вывесить

---

[1] Ленин, т. X, стр. 49.
[2] Моск. обл. архив, фонд М.Б.К., д. 712, л. 22.

объявление о расчете, если рабочие немедленно не приступят к работе. [1]

Эта угроза не подействовала, и 9 декабря в Петербурге бастовало 349 предприятий с 92 058 рабочими. Однако 2-й исполнительный комитет, возглавляемый единомышленником Троцкого, Парвусом, не дал лозунга о переходе стачки в восстание, ибо, с точки зрения этого предателя, всеобщая забастовка это и есть «наибольшее проявление политической воли народа», та «последняя борьба», которая, якобы, может привести к крушению самодержавия. Под влиянием меньшевиков стачка в Петербурге носила мирный характер, и это позволило правительству отправить Семеновский полк из Петербурга в Москву для подавления восстания.

На заседании московской городской думы черносотенный гласный Шмаков требовал подавления восстания с применением смертной казни. Это заявление было встречено весьма сочувственно большинством гласных. 15 декабря, т. е. в разгар вооруженного восстания, в помощь административным властям были избраны в состав совета при генерал-губернаторе два гласных. Одновременно дума обратилась к населению с воззванием «во имя христианской любви, милосердия и любви к родине — прекратить борьбу и кровопролитие». Думские заправилы публично каялись в своем прежнем либерализме. «Права была администрация, — говорил городской голова Н. И. Гучков на заседании думы, — что отказала в ходатайстве думы о выводе казаков и передаче полиции городу».

Выражая готовность оказать бесповоротное содействие властям в подавлении восстания, городская дума решительно отклоняла мысль о какой-либо, хотя бы и лойяльной критике распоряжений военных властей. Когда на заседании думы 16 декабря кадет Пржевальский внес предложение: «заявить московскому генерал-губернатору, что при разрушении баррикад, подавлении беспорядков и несении караульной службы военные и полицейские чины стреляют в мирных граждан и их жилища, причиняя населению города неисчислимые и непоправимые бедствия, и что ответственность за эти неправильные действия лежит на гражданской и военной администрации», — то это предложение было отклонено. Отвергнуто было также и предложение другого кадета — Левицкого: «Возлагая на правительство ответственность за жертвы вооруженного столкновения в Москве, московская городская дума признает необходимым безотлагательный созыв народных представителей, избранных всеобщей подачей голосов, для установления основного государственного закона». Обосновывая отклонение этих предложений, Гучков под дружные аплодисменты гласных заявил: «Теперь не время составлять зажигательные резолюции. Всякая резолюция, осуждающая действия администрации, подливает только масла в огонь. Это в кружках рабочих явится

[1] ЦАОР, фонд СПб. о-ва ф. и з., д. № 165, л. 5.

новым призывом». По его предложению дума ассигновала 5000 руб. на пособие полицейским и военным частям, пострадавшим при подавлении восстания. [1]

Аналогично было поведение «отцов города» и в других пунктах, где были попытки вооруженного восстания. Например, в Коломне городская дума раздаривала казакам часы, деньги, чтобы они энергичнее «работали». [2] Во время политической забастовки, которую объявили костромские рабочие в знак солидарности с восставшими пролетариями Москвы, костромская городская дума расклеила по городу воззвание, в котором провокационно заявлялось, что рабочие тут не при чем, действует же кучка «забастовщиков», с которыми надо расправиться. [3]

Крупнобуржуазные партии («Союз 17 октября», торгово-промышленная партия, партия правового порядка и умеренно-прогрессивная) обратились с воззванием к населению, в котором полностью становились на сторону царизма и заявляли, что виновниками «братоубийства» являются революционеры. «На улицах Москвы, — говорилось в воззвании, — льется кровь безвинных исполнителей служебного долга, убийства, грабежи и пожары по всей России, гнусные предательские нападения происходят не по воле правительства и не руками его сторонников, а революционерами и по их подстрекательству». Дальше воззвание занимается науськиванием темных элементов на революционеров. «Нет сил работать при настоящих забастовках... Гнет над печатью теперь такой, какого никогда прежде не было, но этот гнет не от цензуры и правительства, а от самовластных бунтовщиков...» Заканчивается воззвание обращением к русскому народу «сплотиться воедино, памятуя долг наш перед родиной и присягу нашу перед царем, чтобы сохранить единую, нераздельную Русь с главою ее, государем, и Государственной думой».

2. Кадеты

Мы видели, как под натиском революции кадеты вынуждены были объявить «левую» программу. В октябрьские дни даже правый Струве писал о том, что кадетская партия не имеет никаких оснований провозглашать себя нереспубликанской и несоциалистической. Но был один вопрос, по которому кадеты не шли даже на видимость уступок революционерам. Это — отношение к вооруженному восстанию. Проповедь вооруженного восстания кадеты всегда считали «безумной и преступной».

В октябрьско-ноябрьские «дни свободы» кадеты неизменно выступали против пропаганды вооруженного восстания. Су-

[1] Моск. обл. архив, фонд моск. гор. управы, № 10177, журналы гор. думы, лл. 200—201.

[2] «Москва в декабре 1905 г.», М., 1906, стр. 137.

[3] «1905 год в Костроме», сб. статей, 1926, стр. 110.

ществует интересный рассказ Войтковича, в котором он повествует о своей беседе с Милюковым относительно пожертвования на боевые дружины: «В московский комитет сообщили, в конце октября или в ноябре, что кадеты, у которых в это время происходил съезд, собираются пожертвовать крупную сумму — тысяч 30—40 — на боевые дружины. С санкции московского комитета я отправился на съезд. Милюков довел до моего сведения, что они не только не собираются делать пожертвование в пользу боевого дела, но что они вообще против вооруженной борьбы».[1] Действительно, из протоколов центрального комитета кадетов мы узнаем, что пожертвования, которые поступали в кассу кадетской партии, были «даны на условии, чтобы они не шли на вооруженное восстание и т. п.»[2] На общем собрании кадетов 18 ноября в Ярославле один из ораторов опровергал идею вооруженного восстания следующим оригинальным образом: «Для успеха восстания необходимы три фактора: духовная мощь борцов, прекрасное вооружение и организованность. Раз все они налицо, правительство само откажется от борьбы, раз хоть одного из них нет — успех невозможен... Поэтому по мере возможности следует бороться законным путем».[3]

Когда по призыву Московского Совета рабочих депутатов в первых числах декабря началась всеобщая политическая забастовка, которая должна была стать прологом к вооруженному восстанию, то кадеты заняли по отношению к ней резко враждебную позицию. Если раньше они «по-отечески» журили революционеров за «стачечный азарт», указывая, что «кадеты пользы забастовок не отрицают, но боятся, как бы, благодаря частому повторению, они не утратили эффекта»,[4] то теперь зазвучали иные ноты. «Решение начать политическую забастовку, — писал Милюков в статье «Своевременна ли всеобщая политическая забастовка», — которое было великим гражданским подвигом в октябре, которое, несомненно, было политической ошибкой при объявлении второй забастовки, — это решение теперь может оказаться преступлением перед революцией».[5] В другой статье, напечатанной в газете «Свободный народ» № 1, он выступает с предостережением по адресу «союзников слева»: «Мы должны твердо помнить, что есть известный предел, за которым созидательная и творческая сила революционной пропаганды становится разрушительной, и вчерашний друг и союзник может завтра стать ожесточенным врагом. Мы близко подходим к этому пределу, если слишком часто и легко прибегаем к таким сильно действующим тактическим средствам, как, на-

[1] «Пятый год», сб. 1, М., 1925, стр. 67.
[2] Протокол центрального комитета от 21 октября 1905 г. («Красный архив», т. XLVI, стр. 44).
[3] «Северный край», 1905, № 227.
[4] Выступление Щепкина на собрании кадетской группы в Ярославле 18 ноября 1905 г. («Северный край», № 227).
[5] Милюков, Год борьбы 1905—1906, СПб., 1907, стр. 171.

пример, политическая забастовка; средствам, рассчитанным на революционный энтузиазм и нарушающим более или менее глубоко нормальную хозяйственную жизнь в стране». Считая, что не на «увековечивание революции, а на создание нового закона и права» должны быть «дружно направлены все творческие революционные силы», Милюков обращался в этой статье с призывом к «сознательным» элементам общества «как можно скорее сорганизоваться, чтобы быть в состоянии сделать то, чего не могут сделать ни правительство, ни вожди революционного движения: спасти революцию от нее самой — ее положительные результаты от ее увлечений и эксцессов».

Однако спасти московских рабочих от «увлечений» кадетам не удалось: всеобщая политическая забастовка вступила в свои права. Перед кадетами стал вопрос, как отнестись к забастовке, имеющей целью перейти в вооруженное восстание. Конечно, о каком-либо сочувствии декабрьским событиям со стороны кадетского руководства не было и речи. Из сохранившихся черновых набросков прений на заседаниях центрального комитета 7—21 декабря 1905 г. видно, что на самом верху кадетского Олимпа оправдывали действия правительства против восставших рабочих («Защита правительства С. А. Котляревским: отвратительное впечатление от сочувствия забастовщикам»), считали необходимым «обратиться к революционерам, чтобы они прекратили» [так в подлиннике. — *Е. Ч.*], и высказывались за переговоры с Дубасовым. [1]

Но по вопросу о том, прокламировать ли открыто свое несочувствие забастовавшим рабочим и этим окончательно сорвать с себя маску «друзей народа» или попытаться лавировать и занять излюбленную кадетами «среднюю линию», — на этот счет единодушия между кадетскими вожаками не оказалось. Для выяснения колебаний, которые обнаружились в данном вопросе внутри кадетского руководства, большой материал дают протокольные записи прений, происходивших на заседании московского отдела центрального комитета 8 декабря с участием представителя от Петербурга Струве. [2] На этом заседании все были согласны в том, что «главное препятствие к сочувствию забастовке заключается в целях, выставленных рабочими депутатами». Но в то время как правые кадеты, например Львов, считали, что «не только надо отнестись отрицательно, но и бороться против этой забастовки», — большинство предпочитало маневрировать. При этом расчет кадетских вожаков строился на том, чтобы, опираясь на колеблющиеся эсеро-меньшевистские элементы из железнодорожного, [3] почтово.

---

[1] «Красный архив», т. XLVI, стр. 53—54.

[2] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 261, лл. 24—27.

[3] 5 декабря на конференции 29 железных дорог представитель железнодорожного союза выступил против предложения большевиков об объявлении всеобщей политической забастовки и перевода ее в вооруженное восстание. «Рвется к бою неорганизованная масса, а организованная понимает, что это бесполезно: для этого сил нет»—заявил он. Централь-

телеграфного союзов, московской меньшевистской группы, [1] партии эсеров [2] и пр., взорвать забастовку изнутри. Шаховской оспаривал утверждение, что « ...забастовка есть дело крайних партий; к ней только прицеплен флаг крайних партий. Вообще забастовку следует приписывать, главным образом, не крайним партиям, а сознательной части пролетариата — железнодорожному союзу и т. д., и так надо ее и принимать». Поэтому он предлагал выразить сочувствие народу и несочувствие вожакам. Эту точку зрения поддержал Кокошкин, заявивший, что если «главное препятствие к сочувствию забастовке заклю-

---

ное бюро предложило объявить не политическую, а экономическую стачку. Однако это предложение провалилось. Решено было начать всеобщую политическую забастовку. Центральное бюро железнодорожного союза вынуждено было, скрепя сердце, примкнуть к забастовке. 7 декабря в большевистской газете «Борьба» были опубликованы воззвания 1) московского комитета РСДРП и Совета рабочих депутатов и 2) конференции депутатов 29 железных дорог и центрального бюро всероссийского железнодорожного союза с призывом к всеобщей политической забастовке. В то время как в первом воззвании прямо говорилось о свержении царского правительства, во втором — только о том, что «до тех пор, пока существует военное положение, усиленная охрана, пока свободе слова, печати, собраний, союзов и неприкосновенности личности угрожает опасность, — всеобщая политическая забастовка не может прекращаться, она должна продолжаться». Как известно, в декабре забастовали все дороги, кроме Николаевской. Это обстоятельство стоит в прямой связи с дезорганизаторскими действиями заправил Всероссийского железнодорожного союза, которые, будучи противниками забастовки, вели ее на срыв. Это им и удалось в отношении Николаевской дороги, на которой они пользовались еще значительным влиянием, в отличие от других московских узлов, где большевикам удалось к декабрю отколоть рабочих от железнодорожного союза.

[1] Для кадетов не было тайной, что меньшевистская группа в Москве была против объявления всеобщей забастовки и, тем более, против перевода ее в вооруженное восстание. Правда, меньшевики подписали воззвание Совета рабочих депутатов и революционных партий с призывом к забастовке. Но они сделали это исключительно под давлением масс, из-за боязни разоблачения и изоляции. По свидетельству Васильева-Южина, 7 декабря на заседании федеративного комитета при обсуждении вопросов: что же делать дальше? Как перейти к следующему шагу — вооруженному восстанию? Как привлечь войска на свою сторону? Как использовать их, как вести технически вооруженную борьбу? Меньшевики, не решаясь открыто выступить против забастовки, «уныло молчали». Но уже 14 декабря меньшевистская группа принимает решение о прекращении забастовки, ссылаясь на «ослабление настроения в массах» и на то, что переход войск на сторону народа возможен только при подъеме масс, а без перехода войск победа немыслима. На заседании Совета 15 декабря, ввиду боевого настроения депутатов-рабочих, меньшевики не решились прямо поставить вопрос о прекращении забастовки, но в этот же день вечером на собрании своей группы они постановили, что забастовка должна быть окончена не позднее 17-го декабря и решили выпустить об этом прокламацию, если даже московский комитет РСДРП (большевистский) выскажется против.

[2] На заседании информационного бюро (в него входили представители комитета РСДРП, меньшевистской группы, железнодорожного союза и партии эсеров) эсеры при обсуждении проекта воззвания от имени Совета и революционных партий стремились сгладить его боевой тон, требуя не упоминать слов «вооруженное восстание» и даже «демократическая республика», считая, что эти лозунги могут отпугнуть от рабочих крестьян и «либеральную часть общества».

чается в целях, выставленных рабочими депутатами (вооруженное восстание), то ведь не все присоединяются ради этих целей». Указав на соглашательскую линию железнодорожного союза, Кокошкин считал, что «с этими служащими можно согласиться и в этих пределах выразить сочувствие».

В принятой на заседании резолюции говорилось, что кадетская партия не сочувствовала объявлению забастовки, считала ее в данный момент большой ошибкой и всегда отрицательно относилась к вооруженному восстанию. Но, в отличие от воззвания, выпущенного Комитетом четырех крупнобуржуазных партий, кадеты не отважились возложить ответственность за «братоубийство» на одних только «бунтовщиков», а как честные маклеры считают необходимым разделить ее между последними и правительством. В заключение, подчеркивая, что вся «смута» питается тем, что не исполнен манифест 17 октября, кадеты обращаются с мольбой к властям «послушать народного голоса» и установить такой политический строй, при котором «народ будет иметь возможность мирным путем осуществлять свою настоящую волю, может прекратить приемы революционной борьбы и сделаться глухим к призывам к восстанию». [1]

Но если официальное руководство кадетской партии, в душе приветствуя Дубасова, все же не решилось дать своим организациям санкцию на открытое противодействие восставшим рабочим, то правое крыло партии во главе с Струве сбрасывает с себя маску. В разгар московского вооруженного восстания начинает выходить «Полярная звезда», открывшая собою «веховское» направление в русском либерализме. К московскому восстанию будущие веховцы относились прямо с зоологической ненавистью. «Мы заклятые враги, — писал Струве, — враги по разуму, совести и чувству всякому насилию, исходит ли оно от власти или от анархии». [2] «Полярная звезда» резко обрушивается на революционеров, считая их «верными учениками политической философии Победоносцева и Плеве». «Они [революционеры. — *Е. Ч.*] полагают, — писал С. Франк, нападая на идею вооруженного восстания, — что насилием и принуждением можно сделать все; им кажется, что стоит только устранить власть или захватить ее в свои руки, чтоб перестроить по своему желанию весь общественный порядок, не считаясь с тем, что думает и как чувствует большинство общества. Этот взгляд, скажем прямо, есть полицейская мудрость». [3]

Будущие веховцы понимали, что выступая с «отважными и смелыми речами» против «нового кумира революционаризма», нельзя рассчитывать на успех в революционных массах населения. «С нашей тактикой, — писал А. Кауфман в статье «Познай самого себя», — очень трудно итти к забастовавшим ра-

[1] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 261, л. 39.
[2] «Полярная звезда», 1905, № 1, стр. 3.
[3] Там же, стр. 27.

бочим, ожидающим введения революционным путем 8-часового рабочего дня, или в среду крестьян, собравшихся на дележ владельческих земель». Но это не страшит Кауфмана. Ему не улыбается «итти в хвосте за левыми партиями», он считает, что кадетская «земельная и всякая другая программа не может определяться совершающимися фактами из области «захватного права» или страхом перед наступлением подобного рода фактов». Если сдерживающая линия поведения не сулит кадетам победных лавров в настоящий «патологический» момент, то она открывает для них заманчивые перспективы в будущем. «Именно в этой тактике, — подчеркивает Кауфман, — источник нашей силы, если иметь в виду не современный только патологический момент, а считаться с очень близким, несомненно, будущим». [1]

Нарастание революции доводит вчерашних «освобожденцев» прямо до истерики. На страницах «Полярной звезды» Струве с ужасом и возмущением пишет о «революциях по-русски», которые он изображает в виде слепой и дикой анархии. «Не надо нам больше, — вопит обезумевший кадет, — никаких забастовок и никаких забастовочных комитетов». [2] Какой глубины достигла в эти дни реакция в «обществе», можно судить по статье Мережковского, напечатанной в «Полярной звезде», под заглавием «Грядущий хам». «Тянулась, тянулась, — пишет он, — канитель марксистская, а потом потянула босяцкая». Его пугает захват власти революционным народом: «Воцарившийся раб и есть хам... хама грядущего победит лишь грядущий Христос». [3] Как видим, испуг перед революцией и сознание своего бессилия остановить победное шествие рабочих колонн повергает либералов в состояние мистического бреда.

Этот поворот в сознании идеологов либеральной буржуазии был лишь отражением той реакционной волны, которая захлестнула всю толщу интеллигентной буржуазии и буржуазной интеллигенции, еще так недавно кичившейся своей левизной, а после декабрьских дней бросившейся в объятия самодержавия и провозгласившей в союзе с последним истребительный крестовый поход против революционного движения.

Интересную бесхитростную зарисовку, иллюстрирующую поворот в сторону реакции средней городской буржуазии, являющейся наряду с капиталистическими помещиками социальной опорой кадетской партии, мы встречаем в обзоре деятельности кадетской группы в станице Урюпинской. Эту зарисовку, ввиду ее типичности, позволим себе привести целиком:

«После издания манифеста 17 октября кадетской группой на ст. Урюпинской был созван митинг 2000 преимущественно простого народа... Другого митинга устроить не удалось. Ясно

---

[1] Там же, 1906, № 2, стр. 140.
[2] Там же, № 3, стр. 228.
[3] Там же, № 2, стр. 192.

обнаруженное народом стремление к свободе, праву и удовлетворению насущных нужд напугало и власть имущих и солидным капиталом обладающих. Начальство... запретило дальнейшее устройство собраний. В этом отношении оно нашло поддержку и в обществе. Перепуганные местные обыватели стали понимать, что свобода грядет не только для них, но и для меньшего брата, который выдвигает социальные вопросы, разрешение которых заставляет опасаться за собственный карман. Весьма вероятно, что местная администрация не решилась бы так резко запретить устройство собраний, если бы не явился ходатаем за это перепуганный обыватель, еще вчера называвший себя радикал-демократом, а после московских дней объявивший беспощадную борьбу на левом фланге, отрицая существование врага справа». [1]

Да, переход «перепуганного обывателя» в реакционный лагерь вдохнул новые силы в отживающий самодержавный строй, «открыл и освятил» эпоху контрреволюции.

В декабрьские дни огромную услугу оказал царизму и европейский капитал. В конце 1905 г. в связи с массовой утечкой золота за границу и отливом денег из сберегательных касс царская Россия очутилась на краю финансового банкротства. В распоряжении казны не было никаких источников для покрытия предстоящих государству расходов по иностранным обязательствам. Нависла также угроза прекращения обмена кредитных билетов на золото. В эту критическую минуту царское правительство обратилось к иностранным банкирам с настоятельной просьбой о неотложной финансовой помощи. Выехавшему за границу для переговоров о займе б. министру финансов Коковцову было поручено в своих объяснениях представить финансовое положение России «как перед заинтересованными представителями финансовых сфер, так и перед главнейшими политическими деятелями в его неприкрашенной форме и не стесняться изложением неизбежных его последствий как для самой России, так и не менее того для заинтересованных кругов за границей». В телеграмме Витте Коковцову в Париж от 25 декабря 1905 г. предлагалось предупредить французское правительство, что в случае отказа в займе царское правительство вынуждено прекратить размен и вследствие этого не будет в состоянии оградить интересы иностранных владельцев русских фондов. Однако прибегать к шантажу особой нужды не было, ибо европейский капитал и без того ясно видел нежелательные для него осложнения в случае краха царизма. Иностранная буржуазия была напугана размахом русской революции, которая нашла живейший отклик в западноевропейских странах (Германия, Австрия и т. д.). Финансовый крах самодержавия мог бы привести к окончательному торжеству революции в России, что неминуемо вызвало бы революцион-

---

[1] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 202, л. 90.

ный взрыв на Западе. Под впечатлением этой угрозы европейский капитал спешит на помощь самодержавию. Правда, вследствие отсутствия всяких шансов на то, что широкие круги рантье, встревоженные известиями об усилении революционного движения в России, пойдут на заем, а также вследствие Марокканского инцидента, — иностранные банкиры не могли предоставить немедленно значительный заем, но тем не менее они бросили спасательную веревку царизму, выдав ему 100-миллионный аванс в счет будущего займа и отсрочив на несколько месяцев краткосрочные обязательства на сумму 150 млн. руб., выпущенные еще до 17 октября в Берлине. Особенно заинтересованной в устойчивости русского кредита была Франция, в которой было размещено более чем на 8 млрд.франков русских бумаг. К тому же дальнейшее ослабление царской России было бы гибельным для самой французской буржуазии, ибо оставляло ее один-на-один с ее «наследственным» врагом — кайзеровской Германией. Вот почему, несмотря на то, что тревожные известия из России производили «удручающее впечатление» на настроение парижской биржи, французское правительство без колебаний пришло на помощь своему военному союзнику. При совершении в Париже переходной операции Коковцов, по его же словам, «встретил самую широкую, деятельную и горячую поддержку, в особенности со стороны г. Рувье, председателя совета министров», которая перешла «даже в форму энергического понуждения кредитных учреждений к принятию участия во временной операции». Вместе с тем руководящие политические деятели Франции заявили Коковцову «вполне определительно, что, понимая недостаточность временной операции, они готовы оказать нам деятельную помощь в деле заключения более крупного займа, коль скоро вопрос о Марокко снимет с Франции настроение тревоги, ею теперь переживаемое».

Не ограничиваясь финансовой помощью самодержавию, западноевропейские империалисты готовились к вооруженному вмешательству во внутренние дела России. Как видно из депеши русского генерального консула в Карлсруэ от 20 (7) мая, Вильгельм II еще весной 1905 г. «со свойственной его характеру страстностью и увлечением создает в своем воображении целую картину мероприятий по водворению порядка в России. Он безусловно проникнут сердечной привязанностью к государю императору и симпатиями к нашему отечеству. Он охотно был бы готов проявить эти симпатии на деле».

В ноябре, под предлогом опасности перенесения революции из русской в немецкую Польшу, германское правительство стягивает свои войска к границам России с тем, чтобы в случае дальнейших успехов польского революционного движения вторгнуться в пределы России для подавления революции. Как доносил русский посол Остен-Сакен от 29 (16) декабря, в декабре германское правительство проектировало отправить в русские прибалтийские порты крейсер или несколько мино-

носцев для «защиты интересов германских подданных среди беспорядков в наших прибалтийских провинциях». Не дремали и английские империалисты. 29 декабря русский посол в Берлине сообщал своему правительству, что в Киль прибыл английский крейсер «Сафир» с предписанием ждать там распоряжений о следовании в рижский порт. Только разгром московского восстания помешал интервенционистским замыслам западноевропейской буржуазии претвориться в действительность.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
КОНСТИТУЦИОННЫЕ ИЛЛЮЗИИ И РЕАКЦИЯ

ГЛАВА 10
БУРЖУАЗНЫЕ ПАРТИИ НА ВЫБОРАХ В ПЕРВУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

1. Оценка момента

Поражение московского вооруженного восстания вызвало чувство глубокого облегчения в буржуазном лагере. «Теперь, — писал орган горнопромышленников Юга России 31 декабря 1905 г., — движение в острых своих формах, повидимому, затихло, революция исчерпала свое содержание и на некоторое по крайней мере время России не угрожает ничего подобного декабрьским событиям». [1] Заведующий екатеринбургским бюро съезда горнопромышленников в телеграмме совету съезда от 7 января 1906 г., давая общую характеристику положения, сообщал, что «уже начали проявляться благоприятные признаки... даже в Мотовилихе значительно успокоились после поражения в Москве». [2]

Однако либеральная буржуазия была далека от мысли, что наступил уже конец революции. И октябристы и кадеты в один голос утверждали, что наступило лишь обманчивое состояние мертвой зыби.

«Легкомысленно было бы думать, — заявлял один из лидеров «Союза 17 октября» — Петрово-Соловово, — что с подавлением мятежа в Москве и других городах революция окончательно побеждена. Она продолжает свою разрушительную работу менее ярко, менее заметно для нас, но никак не менее энергично». [3] «Мятежники, — вторил ему председатель петербургского отдела центрального комитета октябристов бар. Корф, — не сдали окончательно своего оружия. Положение нашего отечества в высшей степени тяжелое». [4] На совещании 18 января 1906 г. в екатеринбургском бюро совета съезда горно-

---

[1] «Горнозаводский листок», № 50—52, стр. 8264.
[2] Центральный архив народного хозяйства в Ленинграде, фонд совета съездов уральских горнопромышленников, д. № 29, л. 56.
[3] «Союз 17 октября и его критики», М., 1906, стр. 14.
[4] «Красный архив», т. XXXVI, стр. 84.

промышленников Урала было констатировано, что хотя «едва ли возможно ожидать в этой местности вооруженного революционного движения, но что тем не менее, в общем, положение неспокойное, грозящее во многих местах дальнейшими насильственными действиями, и доведено до того, что на многих заводах представляется необходимым, если не прекратить, то значительно сократить работы».[1] В качестве превентивной меры на случай возобновления рабочих волнений совещание, на котором — кстати заметим — присутствовал пермский губернатор, остановилось на «прогулках» военных частей и посылке казаков на особо неспокойные заводы.

«Москва — это был смерч. Ураган — впереди», — это мнение, высказанное октябристом Насакиным-Симбирским в его «Очерках московской революции», разделяли и кадеты. Среди последних было распространено убеждение, что крестьяне затихли в ожидании весны и что весною аграрные волнения вспыхнут с новой, еще невиданной силой.

«Приближается весна, — писала кадетская газета «Речь» (№ 12 от 6/19 марта 1906 г.), — и Россия стоит перед загадкой сфинкса... Никто не верит, чтобы русская революция приходила уже к своему завершению... Несомненно, что чисто революционное движение репрессиями подавлено, загнано вглубь, но не уничтожено... Наиболее грозным предчувствием в широких кругах общества и в высших сферах является, конечно, призрак весенних аграрных волнений».

У либеральной буржуазии были большие сомнения относительно заявления правительства, что оно раздавит новый мятеж, если он возникнет «в зародыше». Указывая, что министерство Витте — Дурново «обещало стране и свободы, и порядок, и спокойствие, а дало ей рабство, произвол, всеобщее восстание, всеобщий распад», кадетская «Народная свобода» (№ 5 от 20 октября 1905 г.) приходила к неутешительному выводу, что «правительство может победить революционеров, но совершенно не в состоянии победить революцию».

В результате в буржуазной среде наблюдались двойственные настроения. С одной стороны, страх перед революцией, перед «военными приемами революционеров, бомбами и баррикадами» толкал либералов в объятия самодержавия, чтобы в союзе с последним вести борьбу против «мятежников, которые еще окончательно не сдали своего оружия». С другой стороны, чувствовалось недоверие к правительству, сомнение в возможности с помощью голой военной диктатуры обуздать страну. Если правый фланг либерально-монархических партий (октябристы) подчеркивал необходимость вести беспощадную борьбу с революционерами, не стесняясь никакими средствами, то левый фланг (кадеты) сигнализировал об опас-

---

[1] Центральный архив народного хозяйства в Ленинграде, фонд совета съездов уральских горнопромышленников, д. № 29, л. 66.

ности, которая угрожает стране, если правительство отдастся всецело реакции вместо того, чтобы взяться за «спасительные» реформы.

Октябристы с воодушевлением приветствовали подавление жестокими репрессиями вооруженного восстания. М. Стахович в докладе об отношении «Союза 17 октября» к внутренней политике правительства, прочитанном 11 февраля 1906 г. на I всероссийском съезде делегатов «Союза», по этому поводу говорил: «Мы понимаем, что вооруженное восстание нельзя подавить увещаниями и лекциями, что его можно подавить только вооруженной силой. Мы даже убеждены, что так всегда и нужно энергично подавлять вооруженное восстание». Но М. Стахович видел ошибку правительства в том, что, подавив активную революцию, оно продолжает производить насилия уже над мирным населением; в частности, он указал на циркуляр Дурново о разгоне оружием собраний.

Поворот «высших сфер» к крайней реакционной политике, культивирование ими военно-полевых методов, после того как непосредственная угроза революционного переворота исчезла, не могли не внушать тревоги, не могли не возрождать оппозиционных настроений в буржуазной среде. «Если бы сторонникам старины, — бил тревогу «Горнозаводский листок» 31 декабря 1905 г. (№ 50—52, стр. 8264), — удалось стать у кормила государственного корабля, можно быть уверенным, что нас опять будут ожидать и бунты, и забастовки, и восстания, и полный разгром промышленности». Чтобы избежать этих «крайне неприятных сюрпризов», по мнению лейб-органа русского монополистического капитала, необходима «честная, искренняя реформаторская политика», ибо только при этом условии правительство будет в состоянии вывести Россию на дорогу мирного развития». «Горнозаводский листок» обращается с призывом к правительству поспешить исполнить свои обещания, провозглашенные в манифесте 17 октября.

В связи с появившимся в газете «Новое время» интервью с Витте, в котором он высказался в том смысле, что и после манифеста 17 октября царь остается неограниченным самодержцем и самый манифест во всякое время может быть взят обратно, было созвано 8 января 1906 г. соединенное совещание петербургского и московского отделений центрального комитета «Союза 17 октября», на котором обсуждался вопрос об отношении октябристов к правительству. Политика кабинета Витте — Дурново подверглась критике, впрочем, весьма осторожной. Например, Гейден жаловался на то, что от правительственных репрессий «страдают большей частью невинные, а виновных они почти не захватывают». Но считая, что «нельзя доверять политике гр. Витте», октябристы все же решили, «скрепя сердце», его поддерживать по той причине, что «в случае падения гр. Витте возможно назначение еще более реакционного премьера». Они лишь поставили условием дальнейшего содействия Витте, чтобы последний «последовательно и в должной

мере осуществлял свободы, дарованные манифестом 17 октября». [1]

Октябристы настаивали перед правительством на скорейшем созыве Государственной думы, которая рисовалась им как плотина против ожидающейся новой революционной волны.

Квалифицируя отсрочку созыва Государственной думы как «преступную волокиту», октябристы ставили условием своей поддержки кабинета Витте, чтобы созыв думы не откладывался. «Если в начале апреля дума не будет созвана, — заявлял Волконский на совещании 8 января, — волнения снова могут усилиться». На общем собрании петербургских членов «Союза» 29 января бар. Корф, требовавший беспощадной борьбы с врагами слева, считал в то же время, что лишь благодаря Государственной думе «мы спасем Россию от беды». [2] Октябристы считали необходимым торопиться собрать думу еще и потому, что некоторое замешательство в революционных рядах, наступившее после московского вооруженного восстания, казалось им очень удобным для производства выборов. «Сейчас, — утверждало «Слово» (№ 351 от 12 января 1906 г.), — даже рабочие в большинстве злы на революцию, и избрание умеренных обеспечено. Надо использовать настроение минуты».

Точно так же думали и кадеты. По словам Езерского, «январь 1906 г. был эпохой наибольшей реакции за все время революции.

Общее мнение лиц, наблюдавших перемену в настроении общества, было таково, что если бы правительство поторопилось собрать думу в январе, состав ее был бы значительно правее, чем вышел впоследствии». [3]

На втором съезде кадетской партии в январе 1906 г. делегаты с мест, рассказывая о настроении населения, отмечали, что со всех сторон слышатся голоса: «Скорей думу, какую угодно думу, но так далее жить нельзя». [4] Кадеты надеялись, что созыв думы положит «начало конца кровавого зарева революции». Опасаясь, как бы правительство при режиме усиленной и чрезвычайной охраны не подтасовало выборов и тем самым не подорвало бы доверия населения к думе, чем сыграло бы на руку революционерам, либералы настаивали

---

[1] «Красный архив», т. XXXV, стр. 158—159. В данном случае налицо известное «полевение» октябристской буржуазии по сравнению с ее позицией в период революционного вихря. В то время «Слово» в паническом страхе перед «уличной» революцией громило Витте за «либеральный» курс его министерства. Сейчас, с приближением выборов в Государственную думу, когда надо было перед избирателями появиться в «демократической» маске, и ввиду того, что буржуазия несколько оправилась от испуга, она снова обрела либеральный жаргон.

[2] Там же, т. XXXVI, стр. 84.

[3] Н. Езерский, Дума первого созыва, ст. 6.

[4] «Право», 1906, № 4, стр. 52.

на отмене военного положения и разрешении собраний. [1]

Октябристы и, в особенности, кадеты, страшась новой вспышки революционного движения, высказывались за необходимость реформ и скорейший созыв Государственной думы, на которую они смотрели, как на громоотвод от революции.

Считая, что после разгрома декабрьского восстания наступила только временная передышка, а окончательно добить революцию может только дума, буржуазные партии, естественно, пришли к мысле сосредоточить свои силы на выборах в Государственную думу.

2. Блок крупнобуржуазных партий

Правый фланг либерально-монархических партий — «Союз 17 октября», партия правового порядка, петербургская прогрессивно-экономическая партия, московская торгово-промышленная партия и всероссийский торгово-промышленный союз — заключили на выборах в первую думу избирательный блок. В Петербурге координирование действий этих партий с самого начала облегчалось тем, что здесь еще в ноябре они образовали соединенный комитет. Одним из первых шагов его было обращение к председателю совета министров с требованием издать временные правила для ограждения избирателей «от насилий тех политических партий, которые возвели бойкот Государственной думы в основной лозунг своей программы». [2] Это заявление было навеяно выступлением председателя петербургского центрального комитета октябристов бар. Корфа на царскосельском совещании, в котором он выражал опасение, что имущие классы «могут встретить препятствие принять участие в выборах со стороны революционеров, и необходимы серьезные меры для охраны избирателей и порядка, памятуя, что созыв думы — это конец революции».

В целях сплочения умеренно-либеральных сил центральный комитет октябристов решил пригласить на I съезд «Союза», который должен был установить избирательную платформу, не только членов «Союза», но и партии, близкие к нему. Это решение шло навстречу желанию возникших в провинции в период бури и натиска всевозможных партий порядка и законности присоединиться при выборах в Государственную думу к «Союзу 17 октября».

---

[1] В воронежском земском собрании 19 января кадет Будберг говорил: «Выборы деревенские должны начаться на-днях. Что же теперь делается в деревне? Там агитируют, с одной стороны, «День» и «Русское собрание», с другой — крайняя левая, и никакая охрана с ней не справится... Мы, умеренные партии, в ужасном положении. Ни митингов, ни собраний мы устроить не можем. Скоро будут выборы, и выборные будут писать законы. Что если законы не будут соответствовать интересам населения? Это грозит нам ужасами еще более тяжелыми, чем московские события» (Журнал очередного воронежск. губ. земск. собр. 19 января, 1906, стр. 21).

[2] ЦАОР, фонд СПб. о-ва ф. и з., д. № 157, л. 37.

Мы видели, что никаких существенных программных или тактических различий между крупнобуржуазными партиями не было, поэтому нет ничего удивительного в том, что они решили выйти на выборы с одним общим списком: только при объединении всех сил этих партий они могли рассчитывать провести своих кандидатов в думу.

При выработке избирательной платформы крупнобуржуазные партии оказались в большом затруднении. Еще в период формирования прогрессивно-экономической партии, накануне 17 октября, отдельные промышленники высказывали опасение, что выступление на выборах с особой платформой фабрикантов лишит их шансов быть избранными в Государственную думу. Учитывая это обстоятельство, собрание представителей участковых комитетов прогрессивно-экономической партии 17 февраля 1906 г. высказалось против издания брошюры с подробным толкованием программы партии.[1] Проявляя естественную светобоязнь, промышленники вообще полагали, что «обширным программам следует предпочесть короткие лозунги, девизы, которые могли бы объединить значительно большее число сторонников».[2]

Точно такую же светобоязнь проявил при выработке избирательной платформы и «Союз 17 октября». В этом отношении большой интерес представляют прения, которые происходили на заседании центрального комитета октябристов 9 января по вопросу о программе партийного съезда.[3] Ряд ораторов (Гучков, Стахович и др.) предлагал поставить на съезде вопрос о забастовках, ибо, по словам Стаховича, «определенное выяснение нашего отношения к этому вопросу в противовес отношению к нему левых партий (в том числе кадетов) может иметь очень большое значение для предвыборной агитации, так как большинство населения исстрадалось от политических забастовок и опасается возможности их повторения». Однако другие лидеры октябризма (Хомяков, Гейден), напротив, считали, что «постановка этого вопроса и отношение к нему съезда едва ли будут полезны в целях предвыборной агитации, так как в таком случае бастовавшие чиновники не примкнут к «Союзу», хотя и будут, может быть, согласны с положениями нашей программы».

Аналогичные затруднения получились и с постановкой на съезде национального вопроса. В то время как правые октябристы во главе с Гучковым считали, что постановка этого вопроса «важна для получения от отделов необходимого материала в боевых целях», менее задорные участники совещания опасались, что чрезмерное раздувание националистической травли может отпугнуть от «Союза» массового избирателя.

Первоначально на заседании центрального комитета верх взяло откровенно-правое крыло, и большинством голосов

[1] ЦАОР, фонд СПб. о-ва ф. и в., д. № 154, л. 251.
[2] «Горнозаводский листок», 1905, № 44—45, стр. 8176.
[3] «Красный архив», т. XXXV, стр. 167—174.

«боевые» вопросы о забастовках и национальный, которые должны были резко подчеркнуть отличие «Союза» от левых партий, были включены в программу съезда.

Но левое крыло центрального комитета взяло реванш, выдвинув предложение обсудить на съезде крестьянский вопрос. «Если, — говорил Гейден, — аграрный вопрос не будет поставлен на съезде, то «Союз» потерпит неудачу на выборах, так как мы будем иметь все крестьянские голоса против нас». Правые возражали против рассмотрения этого вопроса на съезде, не без основания полагая, что трудно будет в данном случае выйти с честью. По их мнению, если съезд выскажется против принудительного отчуждения, то «мы оторчим многих избирателей»; если решение будет в обратном направлении, т. е. если съезд согласится с аграрной программой кадетов, то октябристы дискредитируют себя в глазах помещиков и сами неминуемо расколются. Чтобы выйти из этого заколдованного круга, левые выдвинули компромиссное предложение: они соглашались обойти молчанием крестьянский вопрос, но при условии, если будут сняты с повестки съезда вопросы о забастовках и окраинный. Это предложение в конце-концов и было принято.

Центральный комитет решил ограничить программу съезда только вопросами тактики, которой следует держаться «Союзу» как по отношению к политике правительства, так и по отношению к предстоящим выборам. «Если на съезде, — мотивировал это решение Хомяков, — будут предложены на обсуждение разные общие вопросы для развития и деталировки основного положения нашей программы, то можно опасаться, что вместо укрепления «Союза» получится скорее разлад, так как относительно деталей притти всем к единомыслию — мало вероятия».

Опасения Хомякова, что какие-либо улыбки налево, хотя бы и исключительно по соображениям избирательной тактики, чреваты уходом из «Союза» его черносотенного крыла, полностью подтвердились на I всероссийском съезде делегатов «Союза». [1] На этом съезде ряд ораторов предлагал для успеха выборов обсудить аграрный вопрос, но другие члены съезда возражали, высказывая сомнение: «Ну, а если мы своим решением не удовлетворим крестьян?» Правое же крыло съезда стало прямо угрожать расколом в случае постановки на разрешение аграрного вопроса. Представители Юго-Западного и Северо-Западного края без обиняков заявили об отпадении своих отделов от «Союза» в случае, если съезд позволит себе

[1] На съезде, кроме делегатов от отделов «Союза 17 октября», принимали участие представители многочисленных буржуазных группировок, сочувствующих программе и тактике «Союза» (партия свободы и порядка, конституционно-монархический правовой союз, полтавская народная партия свободомыслящих, калужская партия «За царя и порядок», варшавское «Русское общество» и даже союз аптековладельцев и фармацевтов) («Слово», 1906, № 381—385; Шипов, Воспоминания и думы о пережитом, М., 1918, стр. 410—422).

демагогические посулы в аграрном вопросе. Вопрос был снят с обсуждения.

Вообще черносотенное крыло съезда чрезвычайно затрудняло октябристскому руководству какое-либо маневрирование. Октябристские вожаки, чтобы повысить шансы своей партии на предстоящих выборах в Государственную думу, выступили с притворным обличеньем «необузданного произвола и насилия со стороны правительства», которые-де после подавления вооруженного восстания «не находят себе никаких оправданий». Они не прочь были в демагогических целях найти извинение даже некоторым проявлениям революционного движения. М. Стахович в своем докладе об отношении «Союза» к внутренней политике правительства заявил: «Если в пользовании дарованными свободами люди иногда доходили до крайности, то ведь потому лишь, что чересчур проголодались в ожидании этих свобод».

Одновременно с этим от имени центрального комитета было внесено предложение об отмене положения об усиленной и чрезвычайной охранах и о введении военного положения только в случае крайней необходимости (например, при вооруженном восстании или приготовлении к нему). Однако многие члены съезда, преимущественно с окраин, горячо возражали против отмены военного положения, считая, что «это может привести к новому взрыву революции». Предложенная центральным комитетом резолюция о введении военного положения только в случае вооруженного восстания была принята большинством всего в 2 голоса (за — голосовало 142 человека, против — 140). Это скандальное голосование было плохим предзнаменованием для октябристов на предстоящих выборах в думу.

В избирательной кампании крупнобуржуазные партии ограничились, главным образом, печатной пропагандой. В этом отношении указанные партии, располагавшие крупными денежными средствами, развили значительную деятельность. Например, листок «Союза 17 октября» «О Государственной думе» был издан в количестве 4—5 млн. экземпляров. Распространялись воззвания «О стачках и забастовках», «К крестьянам», «К рабочим» и пр. Кроме летучей литературы, предвыборная агитация велась на страницах периодической печати. По данным, сохранившимся в архиве центрального комитета октябристов, в начале 1906 г. в провинции насчитывалось 37 газет, примыкающих к программе «Союза».

Надо сказать, что агитационные приемы крупнобуржуазных партий не отличались ни изобретательностью, ни искусством. Вот как описывает предвыборную агитацию этих партий либеральная газета «Молва» от 8 января 1906 г.: «В Москве наиболее оживленную деятельность проявляют партия 17 октября и торгово-промышленная: аршинные воззвания, масса листков, вербовка членов под угрозой лишиться места и пр. Очень возможно, что набранные таким образом члены будут баллотировать за кандидатов противной партии»,

В своей предвыборной агитационной литературе крупнобуржуазные партии не могли отрешиться от своей традиционной привычки рассматривать народную массу, как «быдло». Торгово-промышленная партия, например, в своем воззвании к крестьянам высокопарно поучала, что «русскому крестьянству нужно теперь не шуметь без толку, навлекая на себя справедливую кару закона за буйства, грабежи и поджоги, а должно, помолясь богу, сговариваться о том, кого выбирать в Государственную думу». [1] Вряд ли подобный барский тон мог иметь успех у массового избирателя.

Кроме печатной пропаганды, первоначально, по словам секретаря центрального комитета октябристов Милютина, в Петербурге предполагалось еще «устройство собраний во всех слоях общества». Однако этого не удалось выполнить потому, что, «к сожалению, рабочие и другие низшие слои населения несколько испуганно и недоверчиво относятся к пропаганде» (к пропаганде крупнобуржуазных партий, добавим от себя. — *Е. Ч.*). [2]

Из других приемов избирательной тактики блока можно указать разве еще на попытки подкупа избирателей. Так, банкир Хрулев в письме к Триполитову, руководителю прогрессивно-экономической партии, выдвинул мысль об организации под знаменем партии столовой для голодающих путиловских рабочих. «Это необходимо, — сознавался он, — ради завоевания сочувствия нашей партии». [3]

В связи с бойкотированием выборов левыми партиями, единственными серьезными противниками блока крупнобуржуазных партий были кадеты. Угнаться за последними по части фальшивых обещаний октябристы явно не могли. Это в значительной мере и предопределило исход выборов в Государственную думу.

Несмотря на то, что крупнобуржуазные партии во многих местах и, в частности, в Москве блокировались с черносотенцами, несмотря на то, что предвыборная агитация крупнобуржуазных партий, как соответствующая видам правительства, всемерно поощрялась царской администрацией (а возможно, отчасти именно поэтому), блок этих партий на выборах потерпел жестокое поражение. В думу прошло только 17 кандидатов крупнобуржуазных партий, или 3,6% к общему числу членов Государственной думы.

Неудача крупнобуржуазных партий на выборах в первую минуту вызвала в их рядах полное замешательство. С мест в центральный комитет посыпались запросы, «как поступить в настоящее время ввиду полного поражения». [4] Но и «верхи»

---

[1] Бюро торг.-пром. партии, О земле, М., 1905.
[2] «Красный архив», т. XXXVI, стр. 97.
[3] ЦАОР, фонд СПб. о-ва ф. и з., д. № 154, л. 219.
[4] Письмо председателя Макарьевского отдела в центральный комитет от 6 апреля 1906 г. (ГАФКЭ, фонд партии октябристов, д. № 70, л. 9).

первое время не знали, что делать. На заседании соединенного комитета крупнобуржуазных партий 28 марта 1906 г. Чистяков, например, предлагал «на время замереть». [1]

Октябристское «Слово» видело причину поражения крупнобуржуазных партий в вялости и неумелости агитации, в недостатке настоящей партийной организации, в почти совершенном отсутствии политической рекламы (фальшивых обещаний наподобие кадетских, что ли?! — *Е. Ч.*) и в союзе с мертворожденной партией правового порядка. Как на одно из решающих условий, определивших неудачу этих партий, «Слово» (№ 421 от 24 марта 1906 г.) указывало на отсутствие у них хотя бы внешнего демократизма. «Не говорю уже о торгово-промышленной партии, — развивал эту мысль Перцов, — самое название которой обличает ее чистопрофессиональный характер. Но и «Союз 17 октября» сосредоточивается пока почти исключительно в сферах высшей бюрократии и не умеет да и не хочет выйти со своей проповедью «на улицу».

По мнению руководителя Ялтинского отделения «Союза», «наиболее тяжкие удары» «Союзу» причинило его молчание по рабочему и земельному вопросам. В то же время, признавая, что выборы прошли под знаком протеста против правительственного гнета, он справедливо приписывал главную роль в провале «Союза 17 октября» на выборах той поддержке, которую «Союз» оказывал правительству. [2]

При «проработке» уроков избирательной кампании среди октябристов наметилось было два течения. Одни, считая, что необходимо «знамя иное, состав иной», высказывались за создание новой партии, ближе к кадетам — «союз народной правды». Другие, не отрицая пользы внешней демократизации, полагали, что «надо продолжать наше дело спокойно, выжидая событий и деятельности Государственной думы». [3] По их убеждению, «партия должна остаться верной себе и быть резко отмежеванной от партий справа и слева». [4]

К этому выводу пришло и совещание 25—28 апреля 1906 г. в центральном комитете с участием представителей местных отделов, обсуждавшее уроки избирательной кампании. В принятой на этом совещании резолюции выдвигались следующие мероприятия по реорганизации «Союза»:

1. Сильнее выставить на вид демократический (?! — *Е. Ч.*) характер программы и точнее определить национальный вопрос, особенно еврейский.

2. Принимать в союз лишь организации, сполна принимающие программу «Союза».

---

[1] ЦАОР, фонд СПб. о-ва ф. и з., д. № 157, л. 134.

[2] ГАФКЭ, фонд партии октябристов, д. № 93, л. 1—4.

[3] ЦАОР, фонд. СПб. о-ва ф. и з., д. № 157, л. 134. Заседание соединенного комитета партий «центра» 28 марта 1906 г.

[4] Мнение председателя харьковского отдела союза (ГАФКЭ, фонд партии октябристов, д. № 97).

3. Центральный комитет должен исключать из «Союза» те организации, которые, несмотря на предупреждения, уклоняются вправо и влево от программы и целей «Союза».

4. Необходимость своего столичного органа печати.

5. Оживление устной пропаганды идей «Союза». [1]

Заканчивая обзор деятельности крупнобуржуазных партий на выборах в первую думу, необходимо обратить внимание на тот факт, что в результате поражения на выборах всевозможные торгово-промышленные партии и партии порядка, возникшие в период наивысшего подъема революции, частью перешли на консервацию, частью растворились в «Союзе 17 октября». [2] Вообще эти партии после неудачи на выборах не проявляли больше решительно никаких признаков жизни, а попытки гальванизировать их труп во время избирательной кампании во вторую думу успеха не имели.

3. Кадеты

II всероссийский съезд кадетской партии в январе 1906 г., [3] занимавшийся составлением избирательной платформы, отразил тот поворот вправо, который проделали кадеты под впечатлением вооруженного восстания в Москве. На этом съезде Милюков усиленно подчеркивал демаркационную линию, отделяющую кадетскую партию от «союзников слева». Если на учредительном съезде партии Милюков декламировал о том, что кадеты соглашаются войти в думу с «исключительной целью борьбы за политическую свободу и за правильное представительство», если он тогда уверял, что кадеты будут «высоко держать тот флаг, который уже выкинут русским освободительным движением в его целом, т. е. стремиться к созыву Учредительного собрания», то на II съезде кадеты высказались за органическую работу в Государственной думе как нормальном законодательном учреждении.

Выступавший на съезде с докладом о задачах думы Кокошкин следующим образом аргументировал необходимость возвращения к отвергнутой раньше идее органической работы: «Для того чтобы предупредить впадение страны в состояние полной анархии и хаоса, необходимо положить начало созидательной работе быстрыми и решительными мероприятиями в области как чисто политической, так и социальной. А так как таких мероприятий нельзя ожидать от правительства, то следует употребить все усилия для осуществления их через

[1] ГАФКЭ, фонд партии октябристов, д. № 46, л. 2.

[2] Неудача на выборах ускорила процесс ассимиляции и поглощения «Союзом 17 октября» всевозможных торгово-промышленных партий, существование которых признавалось неудобным самой буржуазией, так как само название этих партий служило, по словам Шипова, поводом для заподозривания их «в склонности руководиться классовыми интересами» («Воспоминания и думы», стр. 427). Начался же этот процесс значительно раньше, еще в ноябре, когда был создан в Петербурге соединенный комитет крупнобуржуазных партий.

[3] «Право», 1906, № 4, стр. 5—87.

представительное собрание, как бы ни была неудовлетворительна система представительства».

Резолюция съезда о работе в Государственной думе отличается обычным для кадетов хамелеонством. В начале этой резолюции отрицается возможность органической работы в думе, раз она не избрана путем всеобщего голосования и поэтому не является выразительницей воли народа, а через несколько строк после этого фразеологического украшения говорится, что эта дума все-таки может заниматься органической работой, что она должна, кроме пересмотра избирательного закона и издания закона о свободах, выработать также законодательные мероприятия «безусловно неотложного характера, необходимые для успокоения страны».

Подобное фокусничанье показалось чрезмерным даже некоторым делегатам кадетского съезда. Кн. Е. Н. Трубецкой, например, заявил, что эта резолюция «производит такое впечатление, что мы избирателей вводим в заблуждение. Выходит так, что поднять один футляр — есть органическая работа, поднять другой футляр — нет органической работы».

Съезд демонстрировал свою лойяльность по отношению к царизму тем, что официально признал монархический характер своей партии. Редакция § 13 программы была уточнена в том смысле, что «Россия должна быть конституционной и парламентарной монархией».

По вопросам партийной тактики съезд постановил, что «главным полем своих действий партия считает и должна считать организованное представительное собрание, а вне такого собрания ее работа должна заключаться в агитации и пропаганде». Чтобы иметь успех на предстоящих выборах, съезд не скупился на «левые» жесты. Он высказался за необходимость всякого рода протестов, манифестаций и демонстраций против бюрократического режима, конечно, за исключением вооруженного восстания. Съезд признал даже в качестве одной из крайних форм борьбы с правительством мирную общеполитическую забастовку. Точно также, в интересах избирательной тактики, решено было к названию партии прибавить в виде подзаголовка слова: «партия народной свободы».

В предвыборной агитации кадеты ставили своей задачей борьбу с большевистской тактикой активного бойкота думы и внедрение в массы сознания, будто одними избирательными бюллетенями можно обуздать царское правительство. Стремясь внушить массам, что главной формой борьбы отныне должен стать парламентаризм, кадеты бесконечно варьировали мысль о том, что с народным вотумом правительству не «справиться так же легко, как оно справилось с забастовкой и вооруженным восстанием», [1] и что, в конечном счете, «победителями будут не те, на чьей стороне сила, а те, на чьей стороне право». [2]

---

[1] Милюков, Год борьбы, СПб., 1907, стр. 256.
[2] Там же, стр. 196.

Мы видели, что в период октябрь — декабрь 1905 г. проповедь кадетами социального мира и отравление народного сознания конституционными иллюзиями заметного успеха не имели. Одурманивающий яд кадетских иллюзий стал отравлять сознание масс лишь после поражения московского вооруженного восстания.

Несомненно, что после декабрьских дней в рядах мелкобуржуазных попутчиков революции, в рядах тех самых обывателей, которые в декабре помогали рабочим строить баррикады, стали замечаться известная усталость и разочарование в отношении революционных приемов борьбы. Этим и воспользовались кадеты для распространения в народе конституционных иллюзий. Недаром Ленин назвал кадетов могильными червями революции. Революция переживала упадок, и на первый план начинают выдвигаться кадеты, которые раньше в испуге сидели в своих норах. Сообщая, что «эсеры примыкают к кадетам очень усиленно», руководитель Самарской группы писал в центральный комитет, что «кадетская партия теперь что-то вроде спасательной лодки, подбирающей команду потопленных кораблей, плававших под красным флагом». [1]

Однако от самих кадетов не могло ускользнуть то обстоятельство, что присоединение к кадетской партии демократических элементов объясняется настроением минуты, а в действительности между кадетами как господской партией и народными массами почти нет точек соприкосновения. «Кадровые» кадеты не могли не видеть, что масса новых сторонников кадетской партии является по существу в партии чужеродным телом, которые неминуемо покинут кадетские ряды, как только раскусят двуличную тактику кадетов.

Во время избирательной кампании кадеты во-всю развернули свою тактику обмана. Сигнал был дан еще на II съезде кадетской партии в январе 1906 г. Несмотря на то, что съезд стал на точку зрения органической работы в думе, кадетские вожаки, чтобы пустить пыль в глаза легковерным избирателям, не скупились потрясать по адресу царизма картонными мечами. Так, «первый тенор» партии Родичев говорил на съезде: «Мы должны разъяснять избирателям, что Государственная дума — мертворожденное учреждение. Мы идем в думу для борьбы с самодержавием и для установления в России демократической конституции и демократического правления. Мы идем за тем, чтобы уничтожить старую систему выборов и организовать другую» [2] и т. д. Спекулируя на модном в то время лозунге Учредительного собрания, суджанский комитет кадетской партии обратился к избирателям с воззванием, в котором говорилось, что «наша партия решила принять участие в Государственной думе, чтобы добиться через эту думу своей цели — Учредительного собрания». [3]

[1] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 331, л. 33.
[2] «Право», 1906, № 4, стр. 45—46.
[3] ЦАР, фонд деп. пол., д. № 999, ч. 43, л. 176.

Подлаживаясь к демократической аудитории, кадеты в своих избирательных прокламациях изображали себя монархистами «поневоле». В листовке «Чего хочет кадетская партия?» на вопрос, почему кадеты хотят конституционной монархии, а не республики, следовал ответ: «Да просто потому, что крестьяне и вообще большинство привыкли иметь царя и не понимают, как это может быть правительство без царя и без царской власти. А ведь если мы хотим, чтобы государством управлял народ, так нельзя же итти против того, чего хочет народ». Точно так же Кизеветтер в своей лекции в Рязани 18 февраля по вопросу о монархизме кадетской партии разъяснил, что «против монархии, за которую стоит большинство народа, кадеты пока ничего не имеют, но когда народ воспитается и большинство его потребует республику, то кадеты не замедлят примкнуть к ней». [1]

Особенно широко практиковались фальшивые посулы кадетов в аграрном вопросе, что было важно для уловления крестьянских голосов, которые играли крупную роль на выборах в виттевскую думу. Здесь кадеты не останавливались перед прямым шарлатанством. Так, кадетская партия выпустила одно и то же воззвание в двух вариантах, для двух разных категорий читателей: для чистой публики — на белой бумаге и для крестьян — на серой. В первом говорится о выкупе земли от помещиков и ни словом не упоминалось об ее раздаче, во втором же была приписана фраза: «Крестьянам земля раздается в пользование даром».

Вспоминая об избирательной кампании в Воронежской губернии, Шидловский замечает: «...в первую голову был избран в члены думы местный землевладелец-кадет, который, произнеся накануне речь на одном из предвыборных собраний и приглашая голосовать за кадетскую партию, между прочим сказал, что кадеты в думе в первую очередь проведут раздачу всех помещичьих земель крестьянам безвозмездно». [2]

Что в данном случае мы имеем дело не с выдумкой октябристских конкурентов кадетской партии, видно из признания самих кадетов. Так, на III съезде партии один из делегатов проговорился, что «на выборах пришлось убеждать крестьян, что программа партии народной свободы не исключает национализации, и только тогда крестьяне стали голосовать за партийных кандидатов». [3]

Кадеты потратили не мало усилий, чтобы на предстоящих выборах впрячь в своих оглобли рабочих и внушить им, что главной артерией освободительного движения должна стать дума. При центральном комитете была даже создана специальная рабочая комиссия во главе с Струве, которая составила воззвание к рабочим о необходимости принять участие в выборах и подавать свои голоса за кадетскую партию. Центральный

[1] ЦАР, фонд деп. пол., д. № 999, ч. 43, л. 195.
[2] С. Шидловский, Воспоминания, ч. I, Берлин, 1923, стр. 104.
[3] Протоколы III съезда партии народной свободы, СПб., 1906, стр. 151.

комитет субсидировал также рабочие кружки, в которых должны были подготовляться организаторы профессионального рабочего движения под эгидой кадетской партии. Спекулируя на усталости части рабочих после декабрьского поражения, Струве мечтал о том, что воздействие кадетов на рабочих будет способствовать скорейшему образованию «истинной рабочей партии», которая во всех важных вопросах народной жизни будет союзницей кадетской партии. [1]

Однако жизнь разбила эти планы. Бойкотистское настроение среди рабочих было так велико, что меньшевики, поддерживавшие позицию кадетов по вопросу об участии в выборах, не осмелились (за исключением Плеханова) отвергнуть до конца бойкот и уселись между двух стульев: они высказались за участие в выборах уполномоченных и выборщиков, но признали недопустимым участие партии в финальной стадии выборов, т. е. в выборах самих депутатов думы. По плану меньшевиков рабочие выборщики вместо участия в выборах депутатов думы должны были создавать органы пресловутого «революционного самоуправления».

Борьба с большевистской тактикой бойкота думы в промышленных центрах страны, которые были опорными пунктами большевиков, явно оказалась не по плечу кадетам и их эсеро-меньшевистским подголоскам. Во время выборов в Петербурге 49% предприятий совсем не выбирали уполномоченных, а в остальных принимали участие в выборах менее 25% рабочих.

Предвыборные собрания кадетской партии, по донесению петербургского градоначальника, «превращались в митинги, на которых произносились речи самого крайнего направления, не исключая и призыва к бойкоту Государственной думы и вооруженному восстанию». [2]

28 января в Петербурге состоялось первое предвыборное собрание кадетов в зале фон-Дервиза, на котором присутствовало много рабочих. Кадеты отрядили на это собрание своих лучших ораторов — Родичева и Милюкова. Последние убеждали собравшихся, что достичь силой чего-нибудь невозможно и что надо с целью мирного завоевания свободы итти в думу. Однако эти призывы успеха не имели. При общем одобрении аудитории рабочий Никитин сказал: «Нам кадеты предлагают мирное завоевание свободы и порядок. Нет, мы в эту окаянную, предательскую, черносотенную думу не пойдем. Их порядок состоит из тюрем, кандалов, нагаек и пуль. Кадеты хотят, чтобы дума собралась, конечно, с тем, чтобы правительство могло сделать новый заем и снова могло бы бороться за реакцию». На 2 февраля было назначено предвыборное собрание кадетов в зале театра Неметти. По донесению петербургской охранки от 31 января, на этом собрании «социал-демократы намерены приложить все усилия, чтобы дискредитировать про-

[1] См. его статью «Рабочие и кадетская партия» в «Вестнике партии народной свободы», 1906, № 4.

[2] ЦАР, фонд деп. пол., д. № 999, ч. 43, л. 196.

грамму кадетов». Оберегая кадетов от неминуемого провала, министр внутренних дел распорядился не разрешать этого собрания. 8 февраля кадеты потерпели очередное поражение на созванном ими предвыборном собрании в народном доме Нобеля. Один оратор-кадет выступил было с демагогическими обвинениями по адресу «предводителей революции, которые, мол, посылали рабочих в Москве и Прибалтийском крае на верную смерть и давали им в руки браунинги, а между тем сами были уверены, что против правительственной силы успеха никакого не будет». Эти клеветнические измышления были встречены криками негодования. Когда следующий оратор, Родичев, стал говорить против 8-часового рабочего дня, раздались свист и возгласы: «Довольно, довольно!» Рабочий Холстов произнес резко антикадетскую речь, которая неоднократно прерывалась бурными аплодисментами: «Кто состоит в партии кадетов? Мы найдем там каких-то либеральных землевладельцев, либеральных земцев, буржуазию, адвокатов, профессоров, капиталистов, фабрикантов. И эти господа предлагают вам (обращается к своим товарищам-рабочим) защиту рабочего класса. Конечно, это абсурд... Кадеты хотят за наш счет получить места в Государственной думе и больше ничего... Товарищи, организуйтесь в свою партию. Мы будем сами требовать свободу и демократическую республику. Страшен волк, но страшнее он тогда, когда он, как кадеты, в овечьей шкуре». На отчете охранки об этом собрании Дурново наложил резолюцию: «Совершенно невозможно разрешение таких митингов». 13 февраля дальнейшие предвыборные собрания в Петербурге были запрещены. Касаясь обстоятельств, которые заставили правительство прибегнуть к этой мере, орган Витте «Русское государство» указывал, что запрещение собраний было сделано, чтобы спасти кадетов от сокрушительной критики слева. Дело в том, что предвыборными собраниями кадетов «...воспользовались левые партии более или менее красных оттенков для своих собственных целей и во в р е д хозяевам... Революционные ораторы стали произносить зажигательные речи... Революционные клакеры не довольствовались рукоплесканиями своим ораторам, но неистово шикали тем редким ораторам, которые осмеливались гладить их не по шерсти. Кадеты оказались в трудном и щекотливом положении... Неудобно было бы явно ссориться с социал-ораторами... В результате избирательные собрания кадетской партии омрачились безнаказанною политической разнузданностью. Эта разнузданность и повлекла за собой вмешательство властей в виде запрета дальнейших собраний. Революционные элементы сумели-таки заставить прекратить деятельность кадетской партии и тем самым нанести ущерб престижу и значению будущей палаты».

О «терроре» левых партий на кадетских агитационных собраниях сообщали в департамент полиции и из провинции. Так, на состоявшемся 23 января предвыборном собрании кадетской партии в Одессе, на котором произносились речи ораторами всех

партий, кадеты потерпели полное поражение. В Туле в самом начале собрания произошло столкновение между собравшимися и оратором-кадетом, проф. Кизеветтером. Кто-то из публики предложил почтить память лейтенанта Шмидта вставанием. Кизеветтер счел это неудобным. Но все встали. Три оратора, социал-демократы, произнесли речи против Кизеветтера. По донесению начальника тульского жандармского управления, «публика принимала эти речи с воодушевлением и аплодировала». Под шум, крик и свист профессор-кадет вынужден был бежать.

Неудачу своих антибойкотистских выступлений на предвыборных собраниях в рабочих районах не могли скрыть и сами кадеты. «Помню, — рассказывает кн. Оболенский, — как я, возражая своему оппоненту, сказал, что в настоящее время в России к свободе и к праву не проложено еще ни одной широкой и ровной дороги, а есть только одна проселочная дорога с ухабами, колеями и рытвинами, и эта дорога идет через несовершенную, но все же законодательную думу. На это неосторожное сравнение я получил реплику: «Ну, и сидите в грязи на вашем проселке, мы за вами не пойдем». Реплика вызвала одобрение и хохот». [1]

Из Самары Протопопов писал в центральный комитет: «Боремся с проповедью бойкота газетными статьями, беседами и собраниями. Было два публичных собрания по 500 и 1000 чел. Первое — о бойкоте, второе — об аграрном вопросе. Наши ораторы блестяще отвечают социал-демократам по поводу бойкота». Но вслед за этими бравурными нотами идут слова, звучащие прямым диссонансом с предыдущим текстом: «Но дальнейшие собрания — под знаком вопроса: социал-демократы пользуются случаем и нагоняют массу своих, которые ведут себя неспокойно, шикают, безмерно аплодируют и кричат, бросают прокламации». [2] После этих строк утверждение Протопопова в начале письма, что «социал-демократы бессильны», звучит совершенно неубедительно.

Хотя кадеты по соображению конкуренции были не прочь кивнуть на «подлинную» буржуазность «Союза 17 октября» в отличие от «мнимой» буржуазности своей партии, — они не могли утаить, что в самом кардинальном вопросе тактики, в вопросе о том, как предотвратить революцию, между ними и октябристами царило единение. По словам Маклакова, «общие черты у нас и у «Союза 17 октября»: когда мы говорим о том, как спасти Россию, то говорим, что сделать это может не бюрократия, а только Государственная дума, и смотрим на эту думу, как на последний исход, последнюю попытку мирного разрешения кризиса». [3]

---

[1] Сборник «К деятельности первой Государственной думы», М., 1916, стр. 38.

[2] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 331, л. 37.

[3] «Воронежское слово», 1906, № 56.

Неудивительно, что при подобной общности исходных позиций во всех тех случаях, когда раздробление голосов между буржуазными партиями могло быть на руку левым, кадеты вступали в блок с октябристами. Так было в Туле, Рыбинске и других городах, где кадеты и октябристы объединились и выставили одних и тех же кандидатов в выборщики. Там же, где опасности слева не предвиделось и где на выборах, как например в Воронеже, фигурировали списки кандидатов только этих двух партий, кадеты и октябристы могли допустить роскошь избирательной «борьбы» между собой. В данном случае кадеты, начавшие с большим усердием игру в парламентаризм, быстро переняли и заграничную систему двух партий, очень удобную для одурачивания неискушенных избирателей.

В свете этих фактов не надо обманываться насчет заявлений кадетов и октябристов, что они-де решили занять по отношению друг к другу «боевую позицию» и пр. Необходимо помнить чрезвычайно меткие слова Ленина: «... кадеты вместе с октябристами стоят на одной классовой почве. Это — разные крылья или представители разных оттенков либеральной буржуазии, которая больше боится демократии, чем Пуришкевичей».[1]

Победа кадетской партии на выборах была неожиданной для них самих. Еще накануне выборов в Петербурге Набоков, обеспокоенный провалом кадетских ораторов на народных митингах, писал, что «исход выборной борьбы гадателен и ни для каких предсказаний нет места».[2]

Особенно значительным был успех кадетов в городской курии. В 20 городах с отдельным представительством кадеты завоевали все 100% мандатов. На 468 кадетских выборщиков было лишь 76 правых, 128 октябристов, 32 прогрессиста, 32 трудовика. Всего кадетская партия провела в думу 179 депутатов. Впечатление от кадетской победы усиливалось еще тем, что много депутатов-крестьян, примкнувших в думе к трудовикам, прошли на выборах под флагом кадетской партии.

Чем же объясняется «триумф» кадетов на выборах? Надо сказать, что дума, избранная по антидемократическому закону 11 декабря 1905 г., вообще не могла отобразить подлинное настроение народа. Кроме того, ввиду бойкота выборов партиями «левее кадетов» избирателям, не решившимся бойкотировать думу, оставалось одно: отдать свой голос кадетам, как единственно оппозиционной партии. Ясно, что в этих условиях многие голосовали за кадетских кандидатов, как за «меньшее зло». Сами кадеты вынуждены были признать, что победа кадетской партии объясняется не столько ее «достоинствами», сколько «отрицательными свойствами других конкурирующих организаций».[3]

---

[1] Ленин, т. XVII, стр. 102.
[2] «Вестник партии народной свободы», 1906, № 4, стр. 200.
[3] «Речь» от 22 марта 1906 г.

Решающую роль в победе кадетов на выборах сыграло пленение «темных крестьян и запуганных обывателей» конституционными иллюзиями. Как пишет Ленин, в период март — июнь 1906 г. кадеты были «модной партией». «Именно тогда конституционные иллюзии и принесли ш и р о к и й вред». [1] В начале 1906 г., когда волны массового движения поднимались еще высоко, кадетское растление политического сознания масс парламентскими иллюзиями оказало неоценимую услугу самодержавию, ибо размагничивало волю масс к борьбе и разоружало их перед лицом карательных экспедиций царизма. Кадетская игра в парламентаризм являлась объективно составной частью царской политики удушения революции.

«Думой царь хотел отвлечь массы от революции. Значительная часть крестьянства верила в то время в возможность через думу получить землю. Кадеты, меньшевики и эсеры обманывали рабочих и крестьян — будто без восстания, без революции можно добиться нужных народу порядков». [2]

Одураченные кадетами и их эсеро-меньшевистской агентурой, мелкобуржуазные слои населения наивно верили, что дума «выхлопочет» им землю и свободы. «Аграрные волнения стихли, — сообщал Д. Протопопов в центральный комитет из Самары 24 января 1906 г., — настроение народа выжидательное, возлагают большие упования на думу». [3] Если мы перелистаем крестьянские наказы, то увидим, что они были проникнуты безотчетной верой в думу «народных надежд». Вот колоритный отрывок из одного такого наказа: «Члены Государственной думы — наши желания, наша воля, наше счастье, наша жизнь, наше воскресенье. Наша надежда — Государственная дума, и только у нее просим амнистии, земли и воли. Помните. Без понижения налогов, без всей земли не возвращайтесь. Дальше терпеть нет сил. Лучше смерть, чем беспросветное будущее».

В отравлении народных масс одурма́нивающим ядом парламентских иллюзий и следует искать ключ к объяснению причин успеха кадетской партии на выборах в I Государственную думу.

---

[1] Ленин, т. X, стр. 98.
[2] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 81.
[3] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 331, л. 34.

ГЛАВА 11

ТАКТИКА КАДЕТОВ В ПЕРВОЙ ДУМЕ

1. Попытки «посредничества» между революционными массами и правительством

Состав I Думы представлял собой в начале сессии следующую картину:

	Колич.	В %
Кадетов	153	34,1
Трудовиков	107	24,0
Автономистов (поляков, литовцев, латышей, украинцев, мусульман)	63	14,0
Членов партии демократич. реформ.	4	0,9
Октябристов	13	3,0
Членов умеренно-прогресс. партии	2	0,4
Членов торгово-пром. партии	1	0,2
Беспартийных	105	23,4

Как видно из этой таблицы, кадеты располагали немногим более $^1/_3$ депутатских мест. Но благодаря тому, что обычно трудовики, а также часть депутатов автономистов и беспартийных шла за кадетами, последним принадлежала руководящая роль в думе.

Завоевание большинства в думе несомненно затрудняло излюбленное кадетами лавирование между самодержавием и народом. Если бы кадеты прошли в думу в ничтожном меньшинстве, они с легким сердцем могли бы метать бутафорские громы по адресу правительства, ибо, с одной стороны, это было бы совершенно безвредно для последнего, а с другой, — сулило бы кадетам дешевые лавры и препятствовало бы разоблачению их лицемерной тактики в глазах народа. Если бы дума оказалась черносотенной, кадеты могли бы безвозбранно вносить ультра-радикальные законопроекты, зная наперед, что они будут провалены, и преследуя при этом чисто демагогические цели. Сейчас, когда кадетская партия располагала в думе большинством, ее законопроекты «рисковали» стать законами. Поэтому в данном случае опасно было «зарываться».

К тому же под впечатлением победы на выборах среди кадетов окрепли министериабельные настроения. Чтобы импонировать верховной власти, которая не сегодня-завтра могла вручить им министерские портфели, кадеты вынуждены были сдерживаться. Ведь в случае прихода к власти им пришлось бы расплачиваться по тем дутым векселям, которые они так щедро разбрасывали на предвыборных собраниях.

Тенденция сдерживать расходившиеся не в меру левые элементы ярко проявилась на III съезде кадетов, который происходил непосредственно перед открытием думы и был посвящен обсуждению думской тактики.

Мы видели, что еще II съезд кадетской партии принял решение об органической работе в думе. В промежуток времени между II и III съездами появился закон 20 февраля, чрезвычайно ограничивавший права Государственной думы как законодательного учреждения и ставивший рядом с нею аристократически-чиновничью вторую палату — Государственный совет, который, по мысли царских сановников, должен быть «щитом верховной власти при увлечениях Государственной думы». [1]

Из круга законодательной деятельности думы было изъято изменение основных государственных законов. Продолжительность думских сессий, сроки ежегодных созывов, продолжительность перерыва между роспуском думы и созывом новой — все это определялось царскими указами. Но особенно коварной, открывавшей неограниченный простор для правительственного произвола была ст. 87 этого закона. Эта статья сохраняла за царем право принимать во время прекращения занятий Государственной думы меры, требующие обсуждения в законодательном порядке, в случае «если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере».

Однако эта законодательная новелла не поколебала соглашательской линии поведения кадетов. Напротив, настроение кадетских лидеров на III съезде было более правое, чем на II съезде. Это обнаружилось в выступлении Милюкова, который прочитал на съезде доклад о тактике в думе.

Лейтмотивом доклада Милюкова была мысль о необходимости построить «золотой мост» от общества к правительству. Считая, что «известных пружин до известного момента нажимать не следует», Милюков предостерегал от попытки задеть область переустройства учреждения думы и Совета, так как это-де могло вызвать «неожиданные осложнения». Поэтому он призывал депутатов думы «провести свои задачи в рамках закона 20 февраля».

Тешась иллюзией, будто предупреждение конфликта с думой признается главной задачей самим правительством, —Милюков видел наглядное доказательство внимания верховной власти к Государственной думе... «в только что совершившемся факте отставки всего министерства Витте—Дурново». Если верить Милюкову, то выходит, что, «удалив министерство и отказавшись [?! — *Е. Ч.*] от проведения «основных законов», верховная власть показала этим, что конфликт между думой и правительством считается опасным и нежелательным». [2]

---

[1] Из речи Стишинского на царскосельском совещании в феврале 1906 г. («Былое», 1917, № 5—6, стр. 308).

[2] Между тем, в действительности отставка Витте явилась не уступкой думе, а, напротив, была вызвана «радикальной» позицией, которую занял Витте в аграрном вопросе. На царскосельском совещании в апреле 1906 г.

Призывая своих думских товарищей удерживаться от демагогических выпадов по адресу правительства, Милюков намечал следующую верноподданническую линию поведения кадетов в думе: «Если мы начнем в думе серьезно работать, — отослать нас домой будет опасно». [1] Нечего и говорить, что Милюков обошел молчанием вопрос об Учредительном собрании, учредительных функциях думы и тому подобных лозунгах, которыми жонглировали кадеты во время избирательной кампании.

Стремление Милюкова во что бы то ни стало построить мост от общества к правительству вызвало опасение среди части делегатов, как бы под устои его не пошли обломки репутации кадетской партии. Ряд участников съезда обращал внимание на то, что тактика, предлагаемая центральным комитетом, далеко не соответствует настроению страны. «Настроение на местах, — говорил делегат из Пензы, — более твердое и решительное. Крестьяне не раз говорили выбранным депутатам: «иди в думу и умри там со славой, иначе умрешь здесь со стыдом». [2] Костромской делегат Дурново указывал на неловкое положение, в которое доклад Милюкова ставит кадетских функционеров, расточавших на предвыборных собраниях широковещательные посулы: «мы работали на местах, проводя мысль об Учредительном собрании, которое может разрешить все более важные вопросы. Теперь в докладе этого слова — нет... Учредительное собрание у всех было на устах. Если слово это не будет упомянуто в нашей резолюции, партия безусловно проиграет. Мы должны быть мудры, как змии». [3]

Утверждая — в кричащем разладе с действительностью, — что «наиболее раздражающие и угрожающие элементы конфликта теперь устранены», [4] кадетские лидеры всячески ствиливали от ответа, как же поступит партия в случае, если конфликт возникнет по вине правительства. Они отделывались

Витте возражал против запрещения думе касаться вопроса о принудительном отчуждении земли, так как, по его мнению, это означало бы «заранее составлять план общей революции в России». «Если объявить крестьянам, — развивал он свою мысль, — что принудительное отчуждение не допускается вовсе для наделения их землею, то это будет величайшей ошибкой. Несомненно, у нас будет закон, который допустит отчуждение частной собственности в пользу крестьян. Через несколько месяцев государь император должен будет утвердить такой закон, ибо будет такое положение, что ему придется это сделать, или все крестьянство восстанет против верховной власти». Однако на совещании победила точка зрения Горемыкина о том, что «если дума поднимет вопрос о переделе земли, то надо ясно и определенно преградить ей к этому путь» (Былое, 1917, № 4). Это и решило участь Витте. Он был отставлен, а на его место был призван тупой реакционер, типичный царский бюрократ Горемыкин. Таким образом, вопреки кадетским «прорицателям», отставка Витте была не «наглядным доказательством внимания верховной власти к думе», а, наоборот, объявлением войны последней.

[1] «Право», 1906, № 18, стр. 1670.
[2] Там же, стр. 1676.
[3] Протоколы III съезда кадетской партии, стр. 23.
[4] Милюков, «Год борьбы», стр. 308.

при этом нечленораздельными репликами вроде: «Когда нас разгонят за таким занятием, это будет последним актом правительства, после которого оно перестанет существовать». [1]

Нетрудно видеть, что под мишурой этих цветистых фраз скрывался отказ кадетов от каких-либо конкретных форм сопротивления даже в том случае, если правительство само бросит перчатку.

Этой капитулянтской позиции кадеты не покинули и после того, как накануне открытия думы правительство бросило «новый вызов» обществу в виде опубликования новой редакции основных государственных законов, которые, по признанию ее автора, преследовали цель «отобрать от думы все, что опасно трогать». Этими законами от ведения думы были забронированы наиболее важные отрасли государственной политики. Так, прерогативой монарха были признаны: почин пересмотра основных законов, учреждения Государственной думы и Государственного совета, исполнительная власть, назначение и увольнение министров, внешняя политика, объявление войны и заключение мира, договоры с иностранными государствами, верховное командование над всеми вооруженными силами, устройство армии и флота, объявление местности на военном или исключительном положении, основные вопросы кредитной политики и т. д.

На съезде кадетские вожаки не щадили красок, чтобы заклеймить это «безумное покушение на права народа». Особенную «ярость» с их стороны вызывало то обстоятельство, что правительство при пересмотре основных законов обошлось без кадетских государствоведов. «Как тати в тиши ночной, — говорил по этому поводу Милюков, — устранивши всяких специалистов по государственному праву, эти люди составили заговор против народа». [2]

Однако, когда речь зашла об определении своего отношения к этому шагу правительства, кадеты ограничились расплывчатой декламацией о том, что «никакие преграды, создаваемые правительством, не удержат народных представителей от исполнения задач, которые возложены на них народом». Предложение Ромма «вынести практическое решение, что следует делать в виду изменившихся обстоятельств», — было отвергнуто. Этим лишний раз подтвердилось, что никакие плевки правительства в кадетскую физиономию не могут поколебать «стоического» пресмыкательства кадетов перед царизмом.

Политическая угодливость кадетов ярко обнаружилась в эпизоде с заключением займа на Парижской бирже.

Как мы указывали в другом месте, [3] заключение большого международного займа французское правительство ставило в зависимость от благополучной развязки конфликта с Гер-

[1] Речь Чубинского на III съезде кадетской партии («Право», 1906, № 18, стр. 1674.
[2] «Право», 1906, № 18, стр. 1694.
[3] См. гл. 9, стр. 232—233.

манией из-за Марокко и известного умиротворения внутри России. Благодаря поддержке со стороны России международная конференция в Алжезирасе, созванная для разрешения конфликта между Германией и Францией из-за Марокко, приняла желательный для последней оборот. В то же время после поражения московского вооруженного восстания революционное движение в России пошло на убыль. Таким образом была расчищена почва для размещения за границей нового русского займа. При этом царизм был кровно заинтересован в том. чтобы получить заем безотлагательно, не ожидая созыва Государственной думы, так как это развязало бы царизму руки в борьбе с революционным движением и значительно усилило бы его позицию по отношению к думе.

В своем докладе царю об отставке 14 апреля Витте, ставя себе в заслугу заключение займа перед открытием думы, писал: «Я сознавал свою обязанность приложить все мои силы, дабы Россию не постиг финансовый крах или, что еще хуже, чтобы не создались такие условия, при которых дума, пользуясь нуждой правительства в деньгах, могла заставить итти на уступки». [1]

Домогательства царизма заключить заем до созыва думы не встретили отпора со стороны иностранных банкиров. Для последних было важно, чтобы царизм был обставлен либеральными декорациями, чтобы царское правительство время от времени выступало с манифестацией либеральных идей. Все это было необходимо, чтобы пустить пыль в глаза многочисленным держателям русских займов и успокоить их насчет устойчивости царского режима. Но в расчеты иностранных повелителей царской монархии вовсе не входило слишком сильное ограничение царского самодержавия, вернейшего приказчика иностранного империализма. Нет ничего странного поэтому в том, что магнаты европейского финансового капитала не только признали законность заключения займа перед открытием Государственной думы, но и высказались за предоставление возможно большего займа, позволяющего царскому правительству не прибегать в течение продолжительного срока к новым займам. [2]

Кадеты не могли не сознавать, что успех займа значительно уменьшил бы шансы кадетов в их соперничестве с представителями «бюрократии». Но относясь «вполне отрицательно к проектируемому правительством иностранному займу» и находя его «крайне вредным» для интересов страны, центральный комитет кадетской партии тем не менее единогласно признал невозможным делать какие-либо шаги от имени партии для того, чтобы воспрепятствовать займу.

---

[1] ГАФКЭ, фонд. б. царскосельского дворца, дело № 537, л. 6. Ср. также С. Ю. Витте, Воспоминания, т. II, Л., 1924, стр. 176.

[2] 5% всероссийский государственный заем 1906 г. был выпущен на нарицательный капитал 843 750 000 руб.

Точно так же по поводу возбуждения некоторыми членами партии вопроса об освещении в иностранной печати случаев административных преследований кадетской партии, центральный комитет признал, что «партия, как таковая, не должна обращаться к общественному мнению Западной Европы с целью подрывать при его помощи престиж правительства». [1]

Как видим, план думской тактики кадетов заключался в том, чтобы старательно обходить «подводные камни», всякие острые вопросы, которые могли бы создать конфликт думы с правительством. Но при этом кадеты упустили из виду, что им придется действовать не в безвоздушном пространстве, а в атмосфере очень высокого революционного возбуждения. Сами кадеты вынуждены были впоследствии признать, что там, где население относилось к выборам сознательно, имели шансы быть избранными только те лица, которые принимали на себя обязательство бороться с правительством за полное осуществление обещанных манифестом свобод. Рассказывая об открытии думы, Винавер вспоминает, что депутаты думы, съезжавшиеся к Таврическому дворцу, были встречены криками с требованием амнистии. «Улица» оказалась, таким образом, фактором, грозящим опрокинуть кадетский план думской тактики.

2. Дума и министерство

Главный смысл кадетской тактики заключался в том, чтобы направить массовое движение в мирные рамки. Но эта задача, с точки зрения кадетов, могла быть выполнена лишь в том случае, если бы государственная власть стала на путь политического обновления страны, который предлагала кадетская партия в своей программе реформ.

На первых порах кадеты рассчитывали, что во главе реформаторской деятельности станет... министерство Горемыкина. Поэтому они не скупились на реверансы в сторону «горемычников». Так, в беседе с военным министром, Муромцев заявил, что «дума уважает власть и что лишь надо выступить с твердой программой». [2]

Между тем, вопреки надеждам кадетов, правительство не шло навстречу думе и не было склонно отказаться от палаческих средств расправы с революционным движением в пользу кадетского плана разоружения революции.

Несмотря на то, что сеянием конституционных иллюзий кадеты выигрывали время у революции и, таким образом, расчищали дорогу для карательных экспедиций царизма, представители и защитники «чистого» самодержавия (Горемыкин, «объединенное дворянство») относились к кадетам недовер-

[1] «Красный архив», т. XLVI, стр. 38.
[2] Из записок А. Ф. Редигера («Красный архив», т. LX, стр. 111).

чиво и враждебно. В то время как либеральную буржуазию стесняли «могучие остатки средневековья» (кабальные, полукрепостнические методы и формы эксплоатации в деревне, земские начальники, сословность, административный произвол, казнокрадство и тому подобные аттрибуты черносотенно-погромной монархии Романовых), для Марковых 2-х сохранение этих пережитков крепостного права было вопросом существования. Отсюда их органическая ненависть даже к тем половинчатым реформам, которые предлагали кадеты. Враждебность «горемычников» к кадетам усиливалась из-за сомнения в действенности кадетских приемов борьбы с революцией.

Растерянность кадетов в дни революционного вихря убеждала «горемычников» в неспособности кадетов «приручить» революционные массы Успехи кадетов на выборах, казалось, должны были поднять их престиж в глазах «горемычников», однако от последних не ускользнула эфемерность кадетского «триумфа»: они видели, что кадеты пожинали победные лавры во время избирательной кампании лишь постольку, поскольку делали вид, что они идут в ногу с массами и сочувствуют демократическим лозунгам. Но Горемыкин и К° понимали, что как только кадеты окажутся в думе (а тем более в правительстве) и бронзовые векселя, щедрой рукой раздаваемые на предвыборных собраниях, будут предъявлены к оплате, кадеты сразу окажутся несостоятельными и утратят всякое сдерживающее влияние на массы. «Горемычники» усматривали опасность кадетской тактики в том, что, заигрывая с демократией, прельщая ее, словно разноцветными шарами, различными реформами, кадеты только разожгли бы аппетит революционного народа, но не сумели бы во-время схватить его за горло. Этим объясняется кадетофобия «горемычников», не вяжущаяся, на первый взгляд, с пресмыкательской линией поведения кадетов и с тем, что и «горемычники» и кадеты были объединены смертельной ненавистью к революции.

Горемыкин относился к думе как к неприятельскому лагерю. В первые же дни думской работы верховная власть нанесла думе пощечину, отказавшись принять адрес думы через специально избранную делегацию. Это было тем более неожиданно для кадетов, что, нападая на «самовластие» чиновников, которые-де преграждают народу доступ к престолу, дума в своем ответном адресе всячески выгораживала личность царя, холопски превознося его «твердую решимость» (?! — *Е. Ч.*) «положить начала свободы, самодеятельности и участия самого народа в осуществлении законодательной власти и контроле над исполнительной».

Следующим шагом правительства, которым оно демонстрировало свой отказ от совместной работы с думой, было оглашение 13 мая министерской декларации. В своей декларации совет министров заявил, что разрешение аграрного вопроса на основе принудительного отчуждения помещичьей земли «безусловно недопустимо». На пожеланиях думы установить ответ-

ственность министров перед народным представительством, упразднить Государственный совет и расширить пределы законодательной деятельности думы совет министров не счел нужным останавливаться, так как эти установления не подлежат пересмотру по почину Государственной думы. Наконец, по поводу обращения думы к царю с «выражением желания и мольбы народа» об амнистии совет министров заявил, что он не находит возможным «в настоящее смутное время помилование преступников, участвовавших в убийствах, грабежах и насилиях».

Ошеломленные этой декларацией кадеты пошли на «штурм». «Чувство, охватывающее нас, — говорил Набоков, — есть чувство глубокого разочарования и неудовлетворенности... Мы усматриваем в министерской декларации вызов, и мы этот вызов принимаем. Раз нас призывают к борьбе, раз нам говорят, что правительство является не исполнителем требований народного представительства, а их критиком и отрицателем, то с точки зрения принципа народного представительства мы можем сказать только одно: исполнительная власть да покорится власти законодательной». [1]

Многочисленные ораторы кадетской фракции, выступавшие по поводу министерской декларации, варьировали одну и ту же мысль: «мы пришли сюда для того, чтобы задержать движение стихии, чтобы умиротворить страну... Мы надеялись, что министерство будет итти в согласии с народным представительством... Сегодня наши надежды рушились... Вместо сотрудничества мы встречаем со стороны власти отпор». [2]

Особенно тревожило кадетов, что министерская декларация, разрушавшая последние надежды, могла вызвать новый взрыв крестьянских волнений. «В этом смысле», — писала кадетская газета «Дума» (№ 24 от 25 мая 1906 г.), — горемыкинская декларация, пудами разбрасываемая по деревням, явилась прямо провокацией».

То, с каким разочарованием была встречена горемыкинская декларация в толще еще опутанных монархическими иллюзиями темных крестьян, прекрасно выразил депутат Тамбовской губернии крестьянин Лосев: «До сегодняшнего дня я был движим чувством радости, — сказал он. — Я думал, что голос измученной страны дошел до слуха великого священного нашего монарха... Я ныне услышал с этой трибуны ужасный голос премьера... Этот листок помутил глаза и сердца крестьян. И теперича, дорогие мои, я опять вижу свое несчастное положение, опять нам грозит та золотая туча этих золотых мундиров бюрократии, которая снова нас раздавит. Мы сильны, но всеми хитростями и кознями мы ослеплены, и поэтому нас берут, как Самсона брали филистимляне. Друзья, теперь я обращаюсь к вам и говорю, что все трудовое крестьянство

[1] Государственная дума, стенографические отчеты, 1906, сессия I, стр. 326.

[2] Там же, из речи Родичева, стр. 326—327.

поставлено теперь в такое критическое положение, что его сделали как этого жалкого, слепого Самсона. Но я одно должен сказать вам, я не ручаюсь за то, выдержит ли этот несчастный Самсон или также упрется и скажет: «Умри, душа моя, с филистимлянами». [1]

Но не скрывая своего разочарования и своей досады по поводу министерской декларации, кадеты были бесконечно далеки от мысли позволить себе какой-либо «неконституционный» шаг. Наоборот, они сосредоточили свое внимание на критике декларации с юридической точки зрения. Один оратор посвятил свое выступление доказательству, что декларация Совета министров... основана на полном незнании основных законов.

По предложению трудовиков дума выразила недоверие министерству и потребовала его отставки. Выражая вотум недоверия министерству, кадеты строили свои расчеты на том, что «совесть» министров заставит их «уйти и уступить место другим». Но министры не уходили. Мало того, они позволяли себе третировать депутатов думы, называя их «грязными подонками населения, сплотившимися в разбойничью шайку» (мнение Горемыкина).

При таком положении вещей дума должна была бы, по выражению одного из трудовиков, «перейти к делу, а не только выносить резолюции», т. е. заняться организацией общественных сил вне думы для активного воздействия на царское правительство. Но обращения к народу кадеты вовсе не хотели. Когда трудовики после оглашения министерской декларации предложили обратиться к народу, чтобы раскрыть ему глаза, кто его враг, и просить у народа поддержки, кадеты, ссылаясь на то, что это предложение противоречит парламентской тактике, даже не поставили его на баллотировку. Они твердо решили «до последней минуты держать знамя легальности, знамя борьбы за право, борьбы не кулаком, не пушкой, а законами во имя права и за право». [2] Кадеты тщательно избегали «подводных камней», всяких колючих вопросов, которые могли бы вызывать столкновения думы с правительством.

Бесплодность думских словопрений усиливалась в связи с полным бездействием правительства в смысле законодательной инициативы. Правительство ограничилось издевательским внесением законопроекта об отпуске денег на прачечную при Дерптском университете. Правда, члены думы сами могли вносить законопроекты, но только в случае отказа соответствующего министра взять на себя разработку законопроектов. Для ответа министра был установлен месячный срок, до истечения которого обсуждение законопроектов, внесенных в порядке думской инициативы, не могло состояться. А так как министры явно не

---

[1] Государственная дума, стенографические отчеты, 1906, сессия I, стр. 350—351.

[2] Там же, стр. 2034.

спешили с ответами, то для кадетских законодателей создавалось невыносимое положение. Чтобы обойти этот «дьявольский план затравить думу обреченьем ее на бездеятельность», кадеты пустились на уловку и провели через думу постановление о «предварительном обсуждении законопроектов на предмет направления дела». Нельзя без смеха читать рассказ Винавера о том, с каким «замиранием сердца» следили кадетские парламентарии за прохождением в думе этого постановления, которое должно было приоткрыть клапан для думских словопрений. [1]

После того как министерство, не взирая на вотум недоверия, спокойно продолжало оставаться у власти, кадеты поняли, что на полюбовную сделку с Горемыкиным надеяться нечего. Но так как приводить в движение «подземные силы» революции они считали принципиально недопустимым, то оставались лишь «гадательные расчеты» на «изменчивое настроение высших сфер». [2] И все усилия кадетов направились к тому, чтобы убедить придворные круги в том, что дальнейшее пребывание «горемычников» у власти становится величайшей угрозой для самого царизма, ибо эти гнилые столбы реакции «даже неспособны стать на точку зрения дальновидной защиты своих интересов и готовы смело итти навстречу катастрофе», — как писала в июне кадетская газета «Русские ведомости».

Любопытно, что кадетская пресса иногда проговаривалась, почему думские кадеты вынуждены выступать в оппозиционном духе. «Нельзя утверждать, — читаем мы в передовой «Русских ведомостей» от 6 июня 1906 г., — что Государственная дума не примет никаких уступок, что она окажется совершенно несговорчивой; но ведь ее желания, ее требования — это желания и требования страны. Если бы дума согласилась на существенные изменения своей программы, она потеряла бы значение, потеряла бы возможность благотворного влияния на судьбы страны...»

Как видим, кадеты считали, что влиять умиротворяющим образом на массовое движение можно, только облачаясь в демократические одежды. Это соображение удерживало их от окончательного свертывания оппозиционных знамен.

3. Аграрная реформа

На III съезде кадетской партии Петрункевич пытался оспаривать утверждение, что вопрос об аграрной реформе поднят кадетами только вследствие крестьянских беспорядков. Однако обсуждение на съезде проекта основных положений аграрной реформы, который потом фигурировал с легкими изменениями в думе в виде записки «42-х», было красочным подтверждением распространенного «предрассудка», что аграрная программа

---

[1] Государственная дума, стенографические отчеты, 1906, сессия I, стр. 68—73.

[2] Н. Езерский, Государственная дума первого созыва, стр. 49.

кадетов с ее принципом принудительного отчуждения была вызвана страхом перед «разорительной жакерией». Выступавшие на съезде делегаты не могли скрыть того факта, что руководящей идеей кадетского проекта земельной реформы является стремление «успокоить» крестьян.

Весь спор свелся к тому, достаточно ли будет для успокоения крестьян тех мер, которые предлагались в кадетском проекте аграрной реформы. [1] Ряд делегатов считал, что «крестьяне склонны к более радикальному решению земельного вопроса», и предлагал расширить рамки решения аграрного вопроса, чтобы избежать конфликта с крестьянством. «Крестьянство, — говорил делегат от тульской группы кадетов, — находится в ужасно напряженном настроении; его глаза устремлены в думу, и оно ждет от нас разрешения земельного вопроса в тех формах, какие выношены его сознанием, и в случае конфликта союз, сам собой образовавшийся на выборах, будет погублен. Мы потеряем народ». [2]

Опасаясь, что неудовлетворение крестьянских требований вызовет новый взрыв аграрных волнений, многие участники съезда полагали, что вне признания принципа национализации земли (конечно, на словах) не может быть «успокоительного» решения вопроса. «Если мы, — говорил делегат от таврической группы, — не решим этого вопроса, крестьянство возьмет решение в свои руки, и вина за последствия ляжет на нас. Логика вещей заставила партию итти дальше, чем она шла до сих пор. Логика вещей должна заставить ее итти и до конца». [3]

Возражения против «узости» проекта аграрной реформы, предложенного центральным комитетом, были так сильны со стороны провинциальных делегатов, что кадетскому руководству пришлось виться ужом, чтобы спасти свой престиж. Вожаки, рядясь в тогу «безусловных» сторонников национализации, уверяли, что в «проекте аграрной комиссии ни о какой классовой точке зрения не может быть и речи» и что «если осуществить все то, что намечено проектом, то от частной земельной собственности останутся только такие обломки, которые легко можно спрятать в жилетный карман». [4]

Учитывая «левое» настроение мелкобуржуазных прозелитов, влившихся в кадетскую партию в связи с фальшивыми обещаниями кадетов на выборах и довольно сильно представленных на съезде, центральный комитет признал необходимым сделать платонический жест налево. В дополнение к проекту

---

[1] Возражая против обвинения кадетов в III думе гр. Бобринским в том, что в борьбе с правительством они хотели... «поднять деревню», Милюков сделал следующее признание: «Если вы прочтете протоколы III съезда, то вы увидите, что конфликт, которого мы боялись, был конфликт с крестьянами, которые сочли бы наше решение недостаточно защищающим крестьянские интересы» (Государственная дума третьего созыва, сессия I, ч. 2, стр. 1215—1216).

[2] Протоколы III съезда кадетской партии, СПб., 1906, стр. 109.

[3] Там же, стр. 145.

[4] Там же, стр. 121.

аграрной комиссии он внес особую резолюцию с указанием, что основной принцип партии заключается в том, чтобы земля была в пользовании трудового народа. Под прикрытием этой расплывчатой формулировки центральный комитет хотел увильнуть от прямого ответа: стоит ли он за или против национализации. Признание — в декоративных целях — отвлеченного принципа трудового землепользования, конечно, ничего не меняло по существу в проекте аграрной комиссии, который, по признанию самих кадетов, представлял «попытку сделки с интересами старого строя».

Выступивший во время рассмотрения в думе записки «42-х» кадет Е. Щепкин признался, что «коренное, принципиальное разрешение аграрного вопроса может быть дано только революционным путем» и что кадеты в своем проекте аграрной реформы ограничиваются полумерами, поправками, которые укладываются в действующие правовые нормы. «Что такое, — развивал он свою мысль, — наш государственный земельный фонд? Это те же государственные земли, которые существовали раньше. Что такое отчуждение? Это то отчуждение, которое в частных случаях всегда применялось государством и освящается § 35 основных законов. Что такое проект «42-х»? Это в общих чертах повторение реформы 1861 г.»

Неудивительно, что, проектируя аграрную реформу в виде «второго издания» реформы 1861 г., кадеты относились к судьбам помещичьего землевладения с трогательной щепетильностью.

«Проект «42-х», — говорил тот же Щепкин, — представляет собой попытку сделки с теми интересами, с теми физическими силами старого строя, которые стоят за старую точку зрения в аграрном вопросе. Для того чтобы не доводить до отчаяния теперешних землевладельцев, партия народной свободы предлагает им вознаграждение и сохранение за ними усадеб и части земель». [1]

Точно также председатель Государственной думы Муромцев в беседе с военным министром успокаивал последнего, что «земельный вопрос не будет разрешен в радикальном смысле, так как ведь есть 6 миллионов крестьян-собственников». [2] И действительно, когда в думу был внесен проект аграрной реформы «33-х», предусматривавший немедленную и полную отмену частной собственности на землю, то кадеты провалили даже передачу этого проекта, как материала, в аграрную комиссию.

По проекту «42-х» не должны были подлежать принудительному отчуждению только «исключительно интенсивные, образцово-показательные имения». Но кадеты были склонны толковать этот пункт так широко, что он приобретал совершенно другой смысл. Так, главный кадетский специалист по аграрному

[1] Государственная дума, стенографические отчеты, 1906, сессия I, стр. 930.

[2] Из записок А. Ф. Редигера («Красный архив», т. LX, стр. 111).

вопросу Герценштейн сознался, что кадеты фактически стоят за передачу крестьянам только тех земель, которые они снимают в аренду, и что помещики, которые ведут собственное хозяйство, должны свои земли сохранить полностью. [1]

В своей статье, помещенной в кадетском сборнике «Аграрный вопрос», он считает выкуп всех помещичьих земель химерой «Такая финансовая операция, — пишет он, — по своей грандиозности превосходила бы все, что нам до сих пор приходилось встречать, и я не знаю, можно ли было на нее решиться». Больше того, Герценштейн выступает как принципиальный сторонник сохранения помещичьего землевладения, причем защита им этого тезиса окрашена в явно столыпинский цвет.

По мнению Герценштейна, сохранение частных землевладельцев необходимо по следующим причинам: 1) капиталисты должны иметь в палате противовес в лице землевладельцев, ибо... их антагонизм ведет к рабочим и аграрным реформам; 2) частное землевладение имеет важное значение для земского самоуправления; 3) помещичье хозяйство является во многих случаях культурным центром как в смысле техники, так и в смысле распространения всякого рода знаний и умственного развития; 4) огромный капитал, лежащий в постройках, пригодных для помещичьего хозяйства, при раздаче земли крестьянам погиб бы безвозвратно. Выступая таким рьяным адвокатом помещичьего землевладения, Герценштейн имел полное право квалифицировать обвинение правительства, будто кадеты добиваются черного передела, как аграрную провокацию.

В отличие от Бобринских и Пуришкевичей, которые боролись с революцией одними репрессиями и заявляли, что принудительное отчуждение недопустимо даже в виде исключения, ибо «из этой бреши учение социализма сделает громадное отверстие», [2] кадетские помещики считали, что без социальных и политических реформ нельзя остановить крестьянские волнения.

Защищая свою аграрную программу, кадеты с особенной силой подчеркивали, что «принудительное отчуждение есть единственное средство против разорительной жакерии». [3] Вот почему крепостнические зубры, отвергшие кадетский принцип отчуждения, рисовались им, как «революционеры справа», которые своей неуступчивостью подливают масла в огонь, питают и двигают вперед революционное движение.

---

[1] По настоянию кадетов аграрная комиссия думы признала необходимым отложить решение вопроса о тех владельческих землях, где ведется собственное хозяйство, до тех пор пока не будут образованы на местах земельные комитеты и не будут получены от них сведения, — т. е. на совершенно неопределенный срок (см. у Кауфмана «Аграрный вопрос» в сб. «Первая Государственная дума», вып. 3, стр. 104).

[2] Из заявления помещика Гримма на дворянском съезде (Труды первого съезда уполномоченных дворянских обществ 29 губерний 21—28 мая 1906 г., СПб., 1906, стр. 38).

[3] Милюков, Год борьбы, СПб., 1907, стр. 440.

«Вы хотите, — говорил в думе Герценштейн, обращаясь к крепостникам, — чтобы зарево охватило целый ряд губерний? Мало вам разве опыта майских иллюминаций прошлого года, когда в Саратовской губернии чуть ли не в один день погибло 150 усадеб? Сейчас пожар, его надо тушить, а потушить можно только увеличением площади землевладения» (крестьян).

Во время рассмотрения записки «42-х» выступил с особой точкой зрения кадет Петражицкий, который развивал мысль о необходимости поддерживать более зажиточные элементы крестьянства, предоставляя остальным отходить от земли. «Реформа, — говорил он, — должна быть так проведена, чтобы был из деревни свободный выход и даже вытягивание людей... Надо иметь в виду и промышленность и торговлю...» Главный изъян проекта «42-х» Петражицкий видел в том, что, создавая государственный земельный фонд с предоставлением крестьянам земли только во временное пользование, он искусственно прикрепляет крестьян к земле. «Желательно, — настаивал Петражицкий, — по возможности создание зажиточных людей, которые могли бы получать просвещение... Но для этого необходимо наделение частной собственностью, а не пользование ею, нужно, чтобы была возможность дифференциации, чтобы те, кто находит, что лучше в городе, могли продать свой участок и итти в город, избрать иные профессии, а другие, оставаясь на земле, могли бы прикупить земли. Нужно создать такие формы, при которых в сельском населении воспитывалась бы хозяйственная деловитость, развивалась предприимчивость, для этого нужно воспитать ее на праве собственности». [1]

Необходимо сказать, что в душе кадетское руководство сочувствовало ставке на «сильных», которую выдвинул Петражицкий. Но кадеты понимали, что в условиях разгорающегося аграрного пожара нельзя предлагать меры, рассчитанные на продолжительный срок, а необходима экстренная мера. Такой экстренной мерой они считали дополнительную нарезку малоземельным крестьянам. «На первый план (при дополнительной нарезке), — писал Герценштейн, — должны быть поставлены крестьяне, получившие четвертной или нищенский надел. Это тем более необходимо, что... местности, в которых всего больше практиковался такой способ наделения землей, являются постоянным очагом для аграрных неурядиц, принимающих подчас острую форму». [2]

В этих словах Герценштейна с поразительной яркостью выступает лейтмотив кадетского проекта аграрной реформы, который, в сущности, сводился к тому, что «надо прирезать землю крестьянам, иначе они нас прирежут».

---

[1] Государственная дума, стенографические отчеты, 1906, сессия I, стр. 454—457.

[2] «Аграрный вопрос», сборник статей, М., 1906, стр. 192.

Кадеты не могли не сознавать, что столыпинское разрешение земельного вопроса не может потушить аграрного пожара, а только подбросит новое горючее в костер деревенской «анархии». Поэтому, прежде чем приступить к созданию крепкого фундамента для буржуазной России в лице богатого крестьянства, они считали необходимым в виде подготовительной ступени пройти через известный этап успокоения всего крестьянства.

4. Кадеты и трудовики

История взаимоотношений между двумя главнейшими партиями думы — кадетами и трудовиками — является отражением, правда далеко неполным, той борьбы, которую тогда вела либерально-монархическая буржуазия за овладение крестьянством с целью ликвидировать революцию путем соглашения с царизмом.

Несмотря на то, что единственным организованным представителем оппозиции на выборах в думу оказались кадеты, и крестьяне, действуя вслепую, подавали нередко голоса за кадетов, особенно за тех, которые обещали в думе провести раздачу помещичьих земель даром, в ряде случаев, чувствуя инстинктивно недоверие к «господам» из кадетской партии, крестьяне быстро сплачивались и выдвигали своих кандидатов, будущих трудовиков.

Образование трудовой группы, по признанию кадетов, «было для партии неожиданностью и внесло осложнения в ее расчеты, основанные на результатах выборов, где огромное большинство членов думы прошло под флагом партии народной свободы». [1]

Еще 5 апреля на заседании центрального комитета кадетами обсуждался вопрос об оказании содействия членам думы из крестьян по части ориентирования их в новом их положении и о способах привлечения их в партию. С этой целью проектировалось устройство для депутатов-крестьян лекций, подыскание удобных и дешевых квартир, намечалась организация партийного клуба, — «на самых демократических основаниях и непременно с самой демократической обстановкой». [2]

Когда крестьянские депутаты стали конструироваться в отдельную группу, то кадеты все же на первых порах питали надежду, что «трудовая группа есть только временное образование и что она останется фракцией кадетской партии». [3] Поэтому центральный комитет кадетов решил ни в коем случае не подчеркивать отграничения от трудовой группы. Напротив, решено было устраивать совместные заседания, публичные чтения и распространять среди трудовиков кадетскую агитационную литературу.

---

[1] Н. Еверский, Государственная дума первого созыва, стр. 108.
[2] «Красный архив», т. XLVI, стр. 60.
[3] Государственная дума, стенографические отчеты, 1906, сессия I, стр. 331—332.

Кадеты хотели помешать оформлению трудовой группы, её идейному и организационному самоопределению. На первом собрании группы выступил с докладом о программе кадетской партии Родичев. Кадеты побуждали трудовиков установить более тесную организационную связь с кадетской фракцией.

Но к великому горю кадетов, в силу различия классовых корней, усилия кадетов превратить трудовую группу просто в филиал кадетской фракции не встретили отклика.

Тогда кадеты направили все свои старания на то, чтобы ввести стихийно революционное настроение трудовиков в парламентские рамки, отклонить их от внедумской агитации и парализовать их попытки превратить думу в трибуну.

Подчеркивая, что «единственный язык думы — язык законов», кадетская фракция убеждала трудовиков не оставлять чисто конституционной почвы. В частности, она выступила против предложения трудовиков об обращении к царю с требованием амнистии, ссылаясь на то, что по основным законам амнистия и помилование — это прерогатива монарха.

Нельзя сказать, чтобы усилия кадетов поддержать среди трудовиков веру во всемогущество парламентских форм борьбы пропали даром. В составе трудовой группы были несомненно элементы, представлявшие интересы кулацкой верхушки деревни, которые сознательно тяготели к кадетам. Значительная часть ее находилась под влиянием эсеров. В целом трудовая группа была сильно заражена конституционными иллюзиями. Трудовики смотрели на себя, как на парламентеров, которые посланы населением в думу для того, чтобы прекратить войну между народом и правительством и добиться свободы и земли мирным путем. В этом отношении очень характерно выступление лидера трудовиков Аладьина во время обсуждения декларации правительства в думе.

«— Я пришел сюда, — заявил наш доморощенный Ледрю-Роллен, — как и все вы, со страстным желанием избавить мою родину от тяжких испытаний пути революции! Я пришел сюда с тем, чтобы мирной работой, если только еще можно, спасти родину... и единственная сила, которая сдерживает в стране весь этот горючий материал, способный завтра же покрыть страну потоками крови, бросить ее в революцию, и единственная сила, которая сдерживает, — это мы, наша дума...» [1]

При подобном миросозерцании трудовики, если порой, в силу своей связи с многомиллионными массами крестьянства, и взлетали, по выражению Ленина, высоко, часто садились на насест в кадетский курятник. Вот один из многочисленных примеров.

26 мая 1906 г. при обсуждении запроса министру внутренних дел о мерах борьбы с голодом Аладьин сперва выступил

---

[1] Государственная дума, стенографические отчеты, 1906, сессия I, стр. 331 и 332.

было с требованием, чтобы дума взяла дело помощи голодающим в свои руки и устранила от этого дела царских министров, однако после возражений со стороны кадетов, которые заговорили об опасности отхода от позиции парламентской борьбы, Аладьин согласился снять свое предложение с обсуждения.

В составе трудовой группы было несколько рабочих, которые впоследствии вместе с социал-демократическими депутатами, избранными в думу на Кавказе, образовали социал-демократическую фракцию. Последняя во всех вопросах думской тактики стояла на меньшевистских позициях. Меньшевики считали, что Государственная дума — «...лучшее средство для разрешения вопросов революции, для освобождения народа от царизма». [1]

Устами Плеханова они на IV объединительном съезде заявили: «По-нашему, дума стоит на столбовой дороге революции». Думский адрес, составленный в верноподданнических тонах, под пером меньшевистских публицистов преображался в «революционный ультиматум», кадетский лозунг «ответственное министерство» — в «революционное требование» и т. д. Центральный комитет РСДРП, находившийся в этот период в руках меньшевиков, предложил партийным организациям взять за исходный пункт массовой агитации лозунг поддержки думы в ее требовании замены министерства Горемыкина министерством, назначенным думой. Приукрашивая деятельность кадетской думы, меньшевики поддерживали в народе неосновательные надежды, что дума может стать центром «революционных сил», и этим содействовали укреплению кадетского влияния среди трудовиков.

Колебания трудовиков в сторону либеральной буржуазии были не случайны: «...они неизбежны, — говорил Ленин на V съезде РСДРП, — вследствие самой сущности экономического положения мелкого производителя. С одной стороны, он угнетен, он подвергается эксплуатации. Он невольно толкается к борьбе против такого положения, к борьбе за демократию, к идеям об уничтожении эксплуатации. С другой стороны, он — м е л к и й х о з я и н. В крестьянине живет инстинкт хозяина, — если не сегодняшнего, то завтрашнего хозяина. Этот хозяйский, собственнический инстинкт отталкивает крестьянина от пролетариата, порождает в крестьянине мечты и стремления выйти в люди, самому стать буржуа, замкнуться против всего общества на своем клочке земли, на своей, как злобно говорил Маркс, кучке навоза». [2]

Но в отличие от кадетов, сознательно спекулировавших на конституционных иллюзиях масс, трудовики, равно как и та крестьянская масса, которая послала их в думу, были лишь бессознательно, добросовестно, вследствие своей политической отсталости и прямого обмана их буржуазией, зара-

---

[1] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 83.
[2] Ленин, т. XI, стр. 253.

жены монархическими и конституционными иллюзиями. И то обстоятельство, что реальные интересы крестьянства находились в непримиримом противоречии с помещичьими интересами, было порукой тому, что у трудовиков рассеется мираж конституционных иллюзий, слепивших им глаза. Освобождение трудовиков из-под кадетского влияния было бесспорно ускорено тем, что отсутствие реальных результатов работы думы обнажало всю призрачность кадетских уверений в действенности парламентских форм борьбы.

Ленин и Сталин, учитывая глубоко революционный характер борьбы крестьян за землю, боролись за завоевание крестьянства, за превращение его в союзника пролетариата, поэтому они стремились освободить трудовиков, представлявших широкие массы крестьянства, от влияния кадетов.

«Крестьяне требуют земли, и притом всей земли. Крестьяне требуют земли на таких условиях, которые действительно улучшили бы их положение, т. е. вовсе без выкупа или за самый скромный выкуп. Другими словами: крестьяне требуют, по существу дела, не аграрной реформы, а аграрной революции. Они требуют такого переворота, который нисколько не затронет власти денег, не затронет основ буржуазного общества, но подорвет самым решительным образом экономические основы старого крепостного порядка, всей крепостнической — и помещичьей и чиновничьей — России. Вот почему социалистический пролетариат всей душой, со всей энергией, поможет крестьянам осуществить их требования во всей их полноте». [1]

И в вопросе об отношении к трудовой группе Государственной думы со всей остротой выступило основное разногласие между большевиками и меньшевиками. В борьбе за откол трудовой группы от кадетов, т. е. за высвобождение крестьянства от влияния буржуазии, надо было итти вплоть до временного соглашения с эсерами, под влиянием которых находилось большинство трудовиков. Блок с эсерами в этом случае и означал антикадетский блок с трудовиками, т. е. с крестьянством. Против этого как раз и восстали меньшевики, требовавшие блока с кадетами, т. е. блока с либеральной буржуазией, — по сути дела против крестьянства.

«Пролетариату часто приходится слышать теперь от буржуазии: надо итти вместе с буржуазной демократией. Без нее пролетариат не в силах совершить революцию. Это верно. Но вопрос в том, с какой демократией может и должен пролетариат теперь итти вместе, с кадетской или с крестьянской, с революционной демократией? Ответ может быть только один: не с кадетской, а с революционной демократией, не с либералами, а с крестьянской массой...

...Поэтому глубокую ошибку сделали с.-д. правого крыла на съезде, восклицая (Мартынов и Плеханов): «кадеты важ-

[1] Ленин, т. IX, стр. 252.

нее, как партия, чем эсеры». Эсеры сами по себе ничто. Но эсеры, как выразители стихийных стремлений крестьянства, — часть именно той широкой, могучей революционной демократии, без которой пролетариат не может и думать о полной победе нашей революции». [1]

Высвобождению трудовиков из-под влияния кадетов много способствовало непримиримо-последовательное разоблачение большевиками контрреволюционной сущности кадетской партии, критика ими думских иллюзий, обличение предательской роли кадетов перед массами.

Еще в начале думской сессии появилась блестящая работа Ленина «Победа кадетов и задачи рабочей партии», в которой беспощадно и до конца срывалась с кадетов маска «борцов за народную свободу». Кадеты, — писал Ленин, — «...партия мещанского обмана народной свободы, партия мещанских иллюзий насчет народной свободы. Вы — партия свободы, ибо вы хотите подчинить свободу монарху и верхней, помещичьей палате. Вы — партия народа, ибо вы боитесь победы народа, т. е. полной победы крестьянского восстания, полной свободы рабочей борьбы за рабочее дело. Вы — партия борьбы, ибо вы прячетесь за кисло-сладкие профессорские отговорки всякий раз, когда разгорается настоящая, прямая, непосредственная революционная борьба против самодержавия. Вы — партия слов, а не дела, обещаний, а не исполнений, конституционных иллюзий, а не серьезной борьбы за настоящую (не бумажную только) конституцию». [2]

В этой работе Ленина поражает гениальная прозорливость, с которой он предвидел неминуемый — в результате опыта I думы — крах конституционных иллюзий.

В ряде статей, напечатанных в легальной большевистской газете «Волна», Ленин призывал трудовиков выступать независимо и самостоятельно от кадетов, заявлять полным голосом о всех требованиях народа, расширять внедумские связи, помнить, что не в думе будет решаться земельный вопрос.

Тов. Сталин в своей брошюре «Текущий момент и объединительный съезд партии» (1906 г.) с непревзойденным мастерством подверг уничтожающей критике предательское поведение кадетов в I думе, пытавшихся «успокоить» революционный народ и примирить его с царизмом. Предостерегая массы от увлечения конституционными иллюзиями, тов. Сталин звал их к внедумской революционной борьбе. «Одно из двух, — писал он: — л и б о победа революции и самодержавие народа, л и б о победа контрреволюции и царское самодержавие. Кто садится меж двух стульев, тот предает революцию. Кто не с нами, тот против нас! Жалкая Дума с ее жалкими кадетами как раз между этих двух стульев застревает. Она хочет революцию примирить с контрреволюцией,

---

[1] Ленин, т. IX, стр. 253.
[2] Там же, стр. 96—97.

чтобы и волки и овцы вместе паслись, — и таким образом «одним ударом» утихомирить бурю революции. Поэтому-то Дума до сих пор занимается только толчением воды; потому-то она никакого народа не сумела собрать вокруг себя и вынуждена беспочвенно болтаться в воздухе. Главной ареной борьбы опять остается улица». [1]

На народных митингах в Петербурге единодушно принимались большевистские резолюции, клеймящие кадетов за измену выставленным на выборах обещаниям: 22 (9) мая на трехтысячном митинге в доме графини Паниной выступил встреченный бурной овацией Владимир Ильич Ленин. После его речи была принята резолюция, предостерегавшая народ от предательской политики кадетской партии. Собрание обратилось к трудовикам с призывом открыто отмежеваться от кадетов и смело и без колебаний поддерживать революционные требования народа.

По мере того как кадетская дума шаг за шагом капитулировала перед царизмом (отказ от требования амнистии; [2] составление ответа на тронную речь в верноподданническом духе и пр.), среди трудовиков все более и более усиливалось стремление сбросить «иго кадетское», как они выражались.

Еще в связи с конфликтом между думой и правительством, вызванным отказом царя принять ответный адрес думы через специально избранную депутацию, кадетам пришлось употребить не мало труда, чтобы сдержать в конституционных рамках возбуждение трудовиков. Кадетская фракция командировала на заседание трудовой группы «самого» Милюкова. Последний, изображая отказ в приеме депутации только как вопрос придворного этикета, в течение трех часов склонял на все лады мысль, что «теперь не время решительных действий» и что «если мы покажем сдержанность, это будет оценено». Еле-еле удалось заставить трудовиков молча проглотить эту пилюлю, приготовленную правительством.

Однако чем дальше, тем все труднее становилось кадетам сдерживать возбуждение трудовиков, то-и-дело пробивающееся сквозь расставленные кадетами рогатки парламентского этикета. Боевое настроение трудовиков окрепло после оглашения министерской декларации 13 мая. По поводу кадетских призывов не сходить с парламентского пути один из лидеров трудовой группы Аникин говорил: «Если мы будем думать, что у нас есть конституция, есть возможность спокойно работать, то мы будем глубоко ошибаться... Решать судьбу зако-

---

[1] Л. Берия, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, 4-е издание, стр. 105—106.

[2] Выступая в думе по вопросу об амнистии, Родичев говорил: «Амнистия и помилование — это прерогативы монарха, и наше заявление есть заявление потребности, заявление страданий всего народа, обращенное к монарху. Оно является выражением желания и мольбы народа... Я хотел бы, чтобы оно не стало выражением требования русского народа».

нопроектов будут не министры, но вся страна». [1] Очень сильно разочарование кадетской тактикой прозвучало в выступлении трудовика Недоноскова. «Теперь, — говорил он, отвечая на нападки кадетов, — нам говорят, что дума не митинг, а довольствуются крохоборствующими резолюциями (председатель прерывает). Я только хотел сказать, что этими резолюциями мы обращаем думу в тот самый митинг, только замечу разницу, что наши резолюции идут к народу, а резолюции преобладающего большинства идут к министрам. Каждому свое (шум). (Председатель снова призывает к порядку.) Когда же мы перестанем только возмущаться тем, что происходит? Когда мы от дерзких слов перейдем к решительным действиям? Когда же мы будем считаться с возбужденными стихиями народного гнева, народных требований?.. Что удивительного, если масса потеряет свое терпение и, наконец, захочет взять целиком в свои руки власть?»

Мучаясь отсутствием реальных результатов работы думы, трудовики, правда, еще в очень смутной форме начинают понимать, что «надо теперь с другого конца начинать».

Кадеты все чаще и чаще испытывают тревогу по поводу недоверчивого отношения трудовой группы к господствующей в думе партии. Довольно заметно разрыв трудовиков с кадетами проявился при обсуждении законопроекта о собраниях. Этим законопроектом, заслужившим название «каторжного», воспрещались всякие собрания на полотне железной дороги, а также в расстоянии одной версты от царской резиденции и места заседаний Государственной думы; об устройстве собраний требовалось заблаговременно извещать полицию, причем последней предоставлялось право закрывать собрание, если оно примет революционный характер, и удалять неповинующихся силой. После жарких прений, во время которых кадеты чувствовали себя изолированными, как во время блокады, трудовики голосовали даже против передачи кадетского проекта в комиссию.

Трещину между кадетами и трудовиками увеличило кассирование думой выборов по Тамбовской губернии, где помещиков прокатили на вороных. «Это дело кадетов. Это дело дворян, — говорили исключенные крестьянские депутаты, — у нас не прошло ни одного кадета, ни одного дворянина — вот они теперь и стараются».

Коренное расхождение между кадетами и трудовиками обнаружилось, как и следовало ожидать, при обсуждении аграрного вопроса. В то время как кадеты стояли за сохранение помещичьего землевладения, «...лишь слегка очищая его от крепостнических черт и ведя к наименее быстрому, наименее свободному развитию капитализма, к развитию типа, так сказать, прусского, а не американского», [2] — крестьян-

[1] Государственная дума, стенографические отчеты, 1906, сессия I, стр. 596.

[2] Ленин, т. XI, стр. 24.

ские депутаты требовали коренной ломки крепостнического землевладения.

Проект земельной реформы трудовой группы (записка «104-х») провозглашал принцип трудового землепользования. По этому проекту помещичьи земли, поскольку размеры отдельных владений превышают трудовую норму, должны быть принудительно отчуждены в общенародный земельный фонд. Относительно условий отчуждения трудовики остановились на полдороге между выкупом части помещичьих земель (кадетский проект) и конфискацией всех земель (лозунг большевиков). Несмотря на свой непоследовательный характер, проект «104-х», тем не менее, верно выражал крестьянские интересы и надежды.

Выступая в думе по земельному вопросу, крестьянские депутаты говорили на совершенно ином языке, чем кадеты. Например, депутат от Полтавской губернии Тесля, нарисовав яркими мазками картину безысходного горя и нужды крестьян, придавленных крепостническими латифундиями, заявил: «Крестьяне теперь без земли дальше жить не могут... Все стомиллионное крестьянство объявляет помещикам теперь решительную войну». [1]

Аграрные прения способствовали изоляции кадетской партии в думе. Огромную роль в этом отношении сыграл инцидент с отклонением законопроекта трудовиков о создании на местах комитетов, которые занялись бы подготовкой аграрной реформы. Подозревая трудовиков в попытке «организации революции», кадеты встретили этот законопроект прямо в штыки. Особенно резко выступали они против организации местных земельных комитетов на основе всеобщего избирательного права, опасаясь, как бы при такой системе выборов немногочисленные голоса помещиков не потонули в крестьянском море и их интересам не был бы нанесен ущерб.

Самое тяжелое обвинение, которое выдвигали против кадетов критики справа, состояло в том, что кадетская фракция утратила руководящее значение в думе и очутилась на поводу у левых. По словам Брянчанинова, сильная голосами кадетская партия «превратилась в дряблое стадо, терроризованное трудовиками, которые в конце-концов сделались вместе с социал-демократической фракцией диктаторами положения». [2]

Конечно, в такой резкой форме обвинение это кадетами не заслужено. Но некоторая доля правды здесь есть. Сами кадеты признавались, что они из-за боязни потерять остатки своего влияния на массы, недостаточно парировали стремление трудовиков превратить думу в трибуну.

Приведем несколько примеров вынужденных уступок кадетов трудовикам. В первоначальном проекте адреса кадетская фракция хотела уклониться от каких-либо определенных ука-

[1] Государственная дума, стенографические отчеты, 1906, сессия I, стр. 848.

[2] А. Брянчанинов, Роспуск Государственной думы, Псков, 1906, стр. 42.

заний на разрешение аграрного вопроса. По настоянию трудовиков ответный адрес был дополнен указанием, что удовлетворение земельной нужды крестьян предполагается путем «...обращения на этот предмет земель казенных, удельных, монастырских, церковных, а равно и принудительного отчуждения земель частновладельческих». При обсуждении запроса о Белостокском погроме трудовики предложили командировать немедленно в Белосток 3 членов думы для расследования на месте кровавых злодеяний царизма. Кадеты сперва высказывали сомнения в «конституционности» подобного шага, но под напором трудовиков сдались. Забегая вперед, укажем, что своеобразное пленение кадетов трудовиками сказалось особенно сильно при обсуждении аграрного контрсообщения думы.

Чем же, однако, питался кадетский страх перед разрывом с трудовиками?

Несмотря на свою победу на выборах, кадеты убеждались на каждом шагу, что трудящиеся массы несравненно больше симпатизируют трудовикам, чем им. Кадетская газета «Речь» от 25 июня 1906 г. признавалась, что «для русского крестьянина несомненно понятие о думе очень часто сводится к понятию о трудовой группе».

Но если так, если настроение трудовиков в думе было барометром настроения крестьян, то кадеты, естественно, не могли пренебрегать этим «инструментом». Они боялись, что взрыв хотя бы фиктивной солидарности, которую кадетская фракция стремилась поддерживать в своих отношениях с трудовиками, приведет к изоляции кадетов в стране и разобьет вдребезги их мечту о гегемонии в массовом движении.

Однако по мере того как трудовики отходили от кадетов, а среди последних усиливались министериабельные настроения и связанное с ними стремление демонстрировать умеренность, чтобы импонировать правительству, внутри кадетской партии пробивает себе все больше дорогу течение, которое решает придать «деловой» характер думе, хотя бы и ценой разрыва с левыми.

Высмеивая «магическую силу революционных фраз», кадеты повели борьбу с тактикой левых — забрасывать думу запросами, в результате чего-де у думы не остается времени для законодательной работы. Они провели в думе постановление о том, чтобы для запросов был выделен только один день в неделю.

Склоняясь к мысли о необходимости провести резкую грань, отделяющую кадетскую партию от левых групп, кадетские лидеры при этом рассчитывали на раскол внутри трудовой группы. Некоторые основания для таких расчетов были. У трудовиков была оппозиция против ядра — Аникина, Жилкина, Онипко, Бондарева. Отдельные депутаты (Шапошников, Локоть, Назаренко), отражавшие интересы зажиточной верхушки деревни и в силу этого сознательно тяготевшие к кадетам, пытались теснее сплотить умеренные элементы трудовой группы.

Эти элементы и имел в виду Петрункевич, когда писал, что «в самой трудовой группе все более выяснялась необходимость законодательной работы и обнаруживалось два течения, из которых одно не довольствовалось стихийно-революционным настроением». [1]

Однако муссирование кадетами слухов о расколе внутри трудовой группы было во всяком случае преждевременным. Пока что трудовая группа выступала как единое целое, и с этим фактом кадетам волей-неволей приходилось считаться.

Кадетские лидеры, стремившиеся провести резкое отграничение от левых, встречали противодействие в рядах собственной партии. Провинциальные депутаты, правильнее представлявшие себе настроения масс, не могли не сознавать, что разрыв с трудовиками равносилен изоляции кадетов от крестьянского движения и ликвидации кадетов как «демократической» партии. Поэтому они настаивали на уступках трудовикам, дабы поддержать хотя бы внешнее единодушие в думе.

В то время как «цекисты» полагали, что сила кадетов растет по мере того, как они дифференцируются от левых и «выясняется их независимая политическая роль», [2] — масса партийных функционеров на местах, напротив, на каждом шагу убеждалась, что сила кадетов зависит от сочувствия слева и что даже для того, чтобы импонировать правительству, заставить его поверить, что кадетская партия в состоянии остановить революцию, необходимо демонстрировать свою способность вести на буксире за собой думских трудовиков.

Во время обсуждения правительственного сообщения по аграрному вопросу большинство кадетской фракции, вопреки советам лидеров, не нашло в себе мужества открыто разорвать с трудовиками и заняло промежуточную позицию: высказалось за необходимость контрсообщения, хотя по возможности и в самой безобидной форме.

5. Аграрное сообщение

После окончания аграрных прений дума поручила особой комиссии составить земельный закон на началах принудительного отчуждения частновладельческих земель. В ответ на это решение думы министерство Горемыкина бросило ей перчатку в виде опубликования 20 июня правительственного сообщения, подтверждавшего неприкосновенность помещичьей собственности. Это было новой демонстрацией со стороны правительства, свидетельствовавшей о грубом и циничном игнорировании им воли думы.

Вместе с тем правительственное сообщение, обнаруживая бессилие кадетской думы, наносило страшный удар ее авторитету среди широких слоев населения. Ведь весь секрет

---

[1] Первая Государственная дума, сборник статей, стр. 93.
[2] Милюков, Год борьбы, СПб., 1907, стр. 361.

кадетской тактики состоял в том, чтобы привить массам веру во всесилие думы и переключить их революционную энергию в русло парламентской борьбы. Несомненно, что торжество кадетов на выборах и тот эфемерный успех, которым пользовались в мелкобуржуазной массе кадеты в первые дни думской работы, объясняются проникновением в народное сознание одурманивающего яда конституционных иллюзий.

Между тем правительство не помогало кадетам в их игре в парламентаризм. «Призывая крайние партии перейти к парламентским формам борьбы, — сетовали кадеты, — мы и сами еще не можем считать эти формы завоеванными». [1]

Банкротство кадетской игры в парламентаризм, проявившееся в отклонении думского адреса, в отказе в амнистии [2] и особенно в опубликовании «правительственного сообщения» 20 июня, рассеивало гипноз кадетских иллюзий. Кадеты опасались, что массовое движение окончательно вырвется из-под их влияния и, покинув русло парламентаризма, широко разольется по стране. «Отсутствие реальных результатов работы на месте, — вспоминает депутат Езерский, — не только угнетало членов думы, но и подрывало авторитет думы в стране. И движение, приостановившееся на время, стало опять разгораться. Все кругом глухо или явно волновалось, и депутаты начинали себя чувствовать изолированными на утесе, который, казалось, с минуты на минуту зальют волны революции. Из разных губерний... стали приходить известия, что после «правительственного сообщения» 20 июня аграрные беспорядки усилились». [3]

Действительно, усмиренное к концу января 1906 г. крестьянское движение летом 1906 г. вспыхивает с новой силой. Движением было охвачено 49,2% всех уездов. Во второй четверти 1906 г. наблюдался также крупный подъем стачечного движения (479 тыс. стачечников против 269 тыс. в первой четверти 1906 г.). Рабочие и крестьянские выступления вызывали многочисленные случаи обращения царской администрации, помещиков и капиталистов к содействию войск. По свидетельству военного министра Редигера, «в течение первых 10 месяцев 1906 г. войска призывались гражданскими властями 2230 раз». [4]

Но и в войсках было не совсем благополучно. Только за июнь 1906 г. произошли следующие выступления солдат: 6-го — восстание солдат 1-го батальона крепостной артиллерии в Севастополе, 7-го — возмущение Болховского полка в Рязани, 9-го — волнения во владивостокском гарнизоне, 11-го — волнения во 2-й роте крепостной артиллерии в Батуме, 13-го взбунтовалась 13-я горная батарея во Владикавказе,

---

[1] Милюков, Год борьбы, СПб., 1907, стр. 349.

[2] Дума требовала амнистии, а правительство переполняло тюрьмы и усиливало кровавый террор против рабочих и крестьян.

[3] Н. Езерский, Государственная дума первого созыва, стр. 68—69, 72.

[4] Из записок А. Ф. Редигера («Красный архив», т. LX, стр. 127).

19—28-го — восстание 7-го кавалерийского запасного полка в Тамбове. Микробы брожения проникли даже в царскую гвардию: 4 июня в Петербурге состоялся 4-тысячный митинг солдат — семеновцев и преображенцев — с участием членов думы; 6—12 июня наблюдались волнения в Преображенском полку.

Ленин характеризовал период I думы как приостановку отступления и попытку отступающих перейти в новое наступление. «Эпоха I Думы, — писал Ленин, — была таким периодом, когда побежденный в декабре пролетариат собирал силы для нового натиска. Революционная стачка, ослабевшая после декабря, снова могуче подняла голову; за рабочими потянулись крестьяне... усилились солдатские «бунты». [1]

Из провинции в центральный комитет кадетской партии поступали пачками сведения о том, что настроение на местах стало настолько боевое, что массы не улавливаются в кадетские тенета.

«После первых выборов, — писали в центральный комитет из Орла, — были попытки послать агитаторов в уезд для бесед с крестьянами по аграрному вопросу и для того, чтобы постараться ввести аграрное движение в мирное русло». [2] Однако эти попытки не увенчались успехом ввиду отсутствия почвы для кадетской агитации. «Почва для агитации, — жаловался руководитель орловской группы, — в смысле поднятия крестьянских масс... на разграбление помещичьих экономий, дабы воспользоваться землей помещиков, совершенно готова, но сознательного отношения к освободительному движению в Орловской губернии нет». [3]

Такая же безотрадная картина для кадетского глаза наблюдалась и в других местах. Например, из замечаний центрального комитета по киевской группе видно, что среди крестьян дела кадетов «очевидно обстоят плохо, потому что в крестьянских наказах Киевской губернии требуется ни более ни менее, как Учредительное собрание». [4]

В ряде случаев наблюдался открытый бунт против капитулянтской линии кадетов в думе среди мелкобуржуазных элементов, принявших всерьез кадетские обещания на предвыборных собраниях и отдавших кадетам свои голоса на выборах. Для иллюстрации настроения мелкобуржуазной среды, обманувшейся в доверии, которое она оказала кадетской партии приведем постановление гдовского комитета кадетской партии от 22 июня 1906 г.: «Хотя в Гдовском уезде очень мало лиц, вошедших в партию народной свободы, но члены комитета имеют общение с массой населения по всему уезду и с уверенностью могут сказать, что население больше симпатизирует трудовикам, чем партии народной свободы; самый факт

[1] Ленин, т. XIV, стр. 385—386.
[2] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 302, л. 2.
[3] Там же, л. 27.
[4] Там же, д. киевской группы, л. 10.

невступления в члены партии доказывает, что партия не удовлетворяет народных желаний. Непонятным является несогласие с трудовиками по вопросу об образовании местных земельных комитетов, по законопроекту о свободе собраний, причем и в том и в другом случае видно боязливое отношение к революционному настроению народа. Непонятная массе народа игра в парламентаризм, фиктивная в действительности, бесплодна по результатам при подчинении основным законам и закону 20 февраля; поэтому не в соблюдении парламентских этикетов заключается продуктивная деятельность думы, а в солидарности думы со всем народом. Министерство же, составленное только партией народной свободы или тем более со включением правых или бюрократических элементов, не может успокоить страну и ликвидирует партию, как реальную силу освободительного движения... Если возможно умиротворение России, то только при образовании министерства по соглашению фракции партии народной свободы с трудовой группой (в виду престижа трудовой группы в народе)». [1]

В письме в центральный комитет Суджанский комитет кадетов сообщал, что «18 июня 1906 г. в Судже на собрании, созванном кадетами, дружными аплодисментами было приветствовано внесенное социал-демократическим оратором предложение собирать подписи под обращение (в социал-демократическом духе), которое должно быть послано депутату Суджанского уезда крестьянину Соломко (непременно ему), перешедшему из партии кадетов в трудовую группу». На другом собрании в той же Судже, по докладу кадетского профессора Гольцева о Государственной думе, была принята социал-демократическая резолюция, в которой требовалось, чтобы дума постоянно обращалась к народу с разъяснениями, воззваниями, организовала местные комитеты на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования «для решения всех наболевших нужд русского народа». [2]

«Большая часть крестьянской массы уже пробудилась, — узнаем мы из письма Елшина, секретаря Самарского губернского комитета кадетов, от 18 июня 1906 г., — часть ее смотрит с упованием на думу, часть уже решила отказать ей в полном своем доверии. Через мои руки прошло много приговоров обществ, все они были адресованы Аладьину и заключали в себе приветствия трудовой группе. Крестьянство хочет видеть в трудовой группе своих людей, которые уже не продадут его; не то мнение о партии народной свободы — там все-таки господа; так эта партия и начинает называться «господской». [3]

Приведенные данные об упадке влияния кадетов в народе приобретают особенное значение, если иметь в виду, что они заимствованы из кадетских источников, которые во всяком

[1] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 354, л. 1—2.
[2] Там же, д. № 238, лл. 1—2 и 7.
[3] Там же, д. № 238, л. 12.

случае не склонны были преувеличивать свои неудачи. Данные эти служат блестящим подтверждением слов Ленина о том, что: «Эпоха кадетской думы (май и июнь 1906 г.) оказывается эпохой наибольших успехов партий, стоящих левее кадетов...» [1]

От крестьянских наказов, которые нескончаемым ливнем затопляли думу, веяло духом непримиримой вражды к помещикам, в том числе и кадетским. В этих наказах полным голосом провозглашались требования земли и политической свободы. Так, в письме группы крестьян села Борского депутатам думы от Самарской губернии говорилось: «Заявите всем в думе, что мы, крестьяне, требуем освобождения из тюрем всех борцов за народное дело. Пусть знают в думе, что мы требуем, чтобы вся земля без всякой платы перешла в пользование тех, кто ее обрабатывает собственным трудом. Пусть налоги будут собираться с богачей, а бедняков совсем освободить от налогов. Добивайтесь всего этого и не уступайте врагам народа ни одной пяди из наших требований».

В крестьянских наказах слышалось возмущение по поводу «переговорной» тактики кадетов. Крестьяне села Ново-Царское Александровка просили объявить депутатам-кадетам, что «повязка с глаз у крестьян почти спала. Они отлично видят теперь, что интересы у этих депутатов расходятся с интересами трудового народа. Передайте им, что в опасную игру они вздумали играть с народом... Передайте всей думе, что во имя того, чтобы пролилось как можно меньше крови, ее обязанность — бросить безрезультатные переговоры с ненавистным всему народу правительством и обратиться к народу». [2] Выражая свое сочувствие трудовой группе и обещая ей поддержку, крестьяне в то же время предостерегали своих избранников, что если они отступят от народных требований и пойдут на сделку с правительством, то они лишатся поддержки крестьян, которые будут считать их изменниками и назначат над ними свой народный суд.

При отблесках разгоравшегося все более аграрного пожара, осложненного ростом военных волнений, в кадетской среде начинают раздаваться пессимистические нотки о том, что новую волну революции не удастся остановить плотине кадетской думы. В цитированном выше письме Елшин пишет, что «...есть люди, которые уже перестали интересоваться работой думы, говоря, что революция уже обошла думу и ее работа не может оказать существенного влияния на ход событий». Он идет дальше и заявляет, что «среди политически развитой интеллигенции начинает преобладать мнение, что теперь уже поздно думать о мирном (т. е. без пугачевщины и всеобщей резни) исходе революции: ни одно правительство, как бы оно радикально и энергично ни проводило реформы, не успеет физически проделать в столь короткий промежуток,

---

[1] Ленин, т. X, стр. 8.
[2] «Крестьянские наказы Самарской губернии», Самара, 1906.

который дается на это населением, столь громадную работу переформирования всего, буквально всего строя русской жизни».

С подобным же скептицизмом мы встречаемся у Муромцева, который, сознавая иллюзорность попыток кадетов подчинить своему влиянию революционные массы, в беседе с Шиповым по поводу образования кадетского министерства заявил, что «ввиду господствующего в стране возбужденного настроения в широких кругах населения и воспитания в обществе политикой правительства вообще [? — *Е. Ч.*] отрицательного отношения к государственной власти, никакой состав вновь образованного министерства при переживаемых условиях не может рассчитывать в ближайшем времени на спокойную и продуктивную государственную деятельность и не сможет сохранить свое положение более или менее продолжительное время». [1]

Кадеты не могли обойти молчанием правительственное сообщение от 20 июня, так как, по их мнению, оно, разрушая народную веру в думу, грозило зажечь уже не отдельные «иллюминации», а сплошной пожар, делало осязательно близкой перспективу всенародного восстания.

Но когда возник вопрос о том, в какой форме реагировать на правительственное сообщение, голоса разделились. Основное ядро кадетской фракции, соглашаясь с тем, что сообщение министерства колеблет в самом своем основании доверие народа к думе и ведет к взрыву аграрных волнений, в то же время не было склонно сойти с чисто конституционной почвы и поэтому возражало против «всенародного объявления». Оно предлагало ограничиться докладом, что аграрная комиссия продолжает свои работы на указанных ей основаниях, который думой мог быть принят к сведению. На заседании аграрной комиссии 28 июня председатель парламентской фракции кадетов кн. Пав. Долгоруков выступил против обращения к народу. «Последнее средство, — заявил он, — чисто революционное, и я не думаю, что наступил для этого момент... Самая лучшая, по-моему, форма, — это мотивированный переход к очередным делам... Если же мы обратимся с манифестом, то его трудно будет распространять, так как правительство примет меры к его конфискации. Да и что мы можем обещать населению в манифесте? Мы можем только призвать его к спокойствию».

Но внутри кадетской фракции было и другое течение (преимущественно провинциалы), которое не могло не сознавать, что подобная тактика бесповоротно подорвет авторитет кадетской партии и лишит ее всяких шансов влиять «умиротворяющим» образом на революционное движение. Они боялись, что уклонение думы от контрсообщения будет истолковано народом так, что дума продалась и стала поддерживать правительственную линию в аграрном вопросе. «Своим молчанием, — говорил депутат Буслов, — мы поведем народ к ужасным событиям. Такое течение дел дискредитирует самую идею народного

[1] Д. Шипов, Воспоминания и думы о пережитом, М., 1918, стр. 450.

представительства. Мы может дождаться, что на думу будут смотреть, как на ненавистное учреждение». [1]

Вот почему они настаивали на более энергичной тактике в связи с министерским сообщением, в частности они высказались за обращение думы к населению.

Несмотря на то, что сторонники обращения к народу предлагали ограничиться скромным разъяснением населению того, что делает дума, с целью его успокоения, аграрная комиссия отвергла предложение обратиться непосредственно от Государственной думы к населению и постановила представить в думу доклад о ходе работ комиссии в связи с правительственным сообщением.

Первоначально, под давлением трудовиков, кадетами был составлен проект воззвания с указанием на проектируемое думой принудительное отчуждение земли и с просьбой к народу о доверии. Стоит ли указывать, что кадеты были бесконечно далеки от мысли придать обращению к народу характер революционного выступления или замаскированного призыва к революции, в чем их потом обвиняла черная сотня. Целью контрсообщения было не возбудить народ, а, наоборот, предотвратить взрыв революции. По мнению депутата Езерского, в воззвании надо было только сказать народу: «Подождите еще немного, мы боремся за вас, верьте нам, держитесь мирно и спокойно». [2]

Однако кадеты, как мы сейчас увидим, не удержались даже на этой скромной позиции. 6 июля предстояло окончательно принять текст обращения и распубликовать его... «Но в промежутке, — вспоминает Езерский, — случился инцидент, опять осложнивший положение. В среду к вечеру стали распространяться слухи, что предположение образовать думский кабинет, о котором никогда так много не говорили, как в предшествующие дни, начинает терять почву, и колебание это вызвано именно проектом обращения к народу. Говорилось, что, если это обращение пройдет, самому существованию думы угрожает опасность. В высших сферах приняли это обращение чуть не за революционный манифест». [3]

Почуя колебание политического маятника в Петергофе в сторону роспуска думы, кадетские вожаки заметались и решили «спасать» положение. 5 июля на заседании парламентской фракции кадетов Милюков, предупредив фракцию, что обращение думы к народу может расстроить комбинацию с составлением кабинета из думского большинства, предложил заменить его переходом к очередным делам, с протестом против министерского сообщения по аграрному вопросу. На сле-

---

[1] Центральный архив внутренней политики, культуры и быта, фонд Государственной думы, д. № 715, лл. 52—55.

[2] Государственная дума, стенографические отчеты, 1906, сессия I, стр. 1985.

[3] Н. Езерский, Государственная дума первого созыва, стр. 75.

дующее утро в «Речи» появилась передовая, высказавшаяся против обращения к народу. «Министерская прокламация, — говорилось там, — несомненно была шагом неконституционным, но отсюда не следует, что дума должна в отместку присвоить законодательной власти исполнительные функции и тем формально сойти с почвы строгого конституционализма. Сдержанность есть лучшее доказательство силы, себя сознающей».

Кадеты очутились между двух огней. С одной стороны, как замечает Езерский, «было ясно, что уступка по первому намеку сверху дискредитирует думу окончательно не только в глазах крайних левых, но и в глазах самой придворной камарильи. Отступать от уже занятой позиции было бы полным признанием своего бессилия». [1] С другой стороны, кадеты боялись сойти с «чисто-конституционной» почвы и этим дать повод реакционерам обвинить их в революционных замыслах.

В конце-концов большинство кадетской фракции, вопреки предостережениям «вождей», решило не снимать обращения к народу, но подвергнуть его новой тщательной правке, чтобы сделать главное ударение на призыве к «успокоению».

6 июля на заседании думы Петрункевич, искусно переставив части обращения, придал ему характер исключительно призыва к народу не терять веры в мирный и успешный для него исход поединка думы с правительством, а самому оставаться спокойным и отнюдь не прибегать к каким-либо насильственным действиям. Трудовики были недовольны «успокоительным» содержанием кадетского проекта. Считая, что дума сильна лишь сочувствием населения, трудовая группа предлагала в думском обращении подчеркнуть необходимость активной помощи и поддержки требований думы организованным народом. При голосовании кадетского проекта аграрного сообщения социал-демократы и мирнообновленцы (группа Гейдена) голосовали против, а поляки и трудовики воздержались, так что он прошел только 129 голосами кадетов, демонстрируя, таким образом, изолированность кадетской партии даже в самой думе.

6. Разгон думы

Что привело к роспуску думы? «Эпоха кадетского конституционализма, — писал Ленин, — оказывается эпохой не кадетского и не конституционного, а революционного движения. Это движение *заставляет* распустить Думу. Опыт подтверждает, что кадеты — только «пена». Их сила — производная от силы революции. А на революцию правительство отвечает революционным по существу (хотя конституционным по форме) роспуском Думы». [2]

Дума имела бы смысл для царизма лишь при условии, если бы она гасила революцию. В действительности же, в пер-

---

[1] Н. Езерский, Государственная дума первого созыва, стр. 76.
[2] Ленин, т. X, стр. 8.

водумский период, вопреки кадетской игре в парламентаризм, наблюдается рост революционного брожения, чему отчасти способствовали и бесхитростные, дышащие ненавистью к помещикам речи крестьянских депутатов, с которыми они обращались к народу с думской трибуны.

На царскосельском совещании в апреле 1906 г., обсуждавшем тактику правительства по отношению к думе, победила точка зрения Горемыкина о роспуске думы в случае, если она поднимет вопрос о принудительном отчуждении помещичьей земли. Между тем аграрные прения были центральным фокусом всей работы думы. Какое впечатление производили эти прения на реакционное дворянство, можно судить по следующему отзыву о первой думе московского предводителя дворянства Ф. Самарина: «Слишком два месяца продолжался этот удивительный политический эксперимент, как будто имевший задачей определить, до какой степени можно возбуждать в народе противогосударственные и противообщественные страсти, не доводя дело до ниспровержения существующего государственного строя». [1]

Но обвиняя думу в том, что она является «очагом революции» и «претендует играть роль национального конвента», [2] высшие сферы долго колебались с ее разгоном. Они боялись, как бы в случае роспуска думы отдельные ручейки революционного движения не слились в бушующее море. По словам Редигера, «на совместную работу с нею, да и вообще на работу думы едва ли можно было надеяться, но население возлагало на нее такие большие надежды, что немедленный роспуск ее был бы для него большим разочарованием». [3]

Отсюда — противоречия, двойственность в позиции правительства, которую лучше всего можно иллюстрировать на примере Горемыкина. Последний, настаивая на царскосельском совещании на роспуске думы, если она поднимет вопрос о принудительном отчуждении помещичьих земель, в то же самое время в секретной записке царю писал, что «реакционная политика была бы теперь из всех возможных ошибок наиболее роковою» и что «монархической власти угрожала бы серьезная опасность, если бы сделаны были шаги, оправдывающие предположение о том, что с народным представительством намерены покончить или сузить его до пределов призрачности». По мнению Горемыкина, «ни бесплодные прения даже весьма острого и возбуждающего характера, ни беспорядочные и даже преступные выходки отдельных членов думы не должны быть причиной ее распущения». [4]

Между тем кадеты из кожи лезли, чтобы уверить верховную власть, что одна только кадетская партия может вывести Россию на дорогу мирного развития.

---

[1] ГАФКЭ, фонд совета объединенного дворянства, д. № 323, л. 5.
[2] Мнение К. Романова и Половцева («Красный архив», тт. XLV и IV).
[3] Из записок А. Ф. Редигера («Красный архив», т. LX, стр. 112).
[4] ГАФКЭ, фонд царскосельского дворца, д. 520, лл. 22 и 24.

Еще перед открытием думы Милюков писал в «Речи», что «строго конституционный принцип требовал бы теперь составления министерства из победившего на выборах большинства». «Большинство, — «просвещал» Милюков высшие сферы, — конечно, поддержало бы своих министров, и в результате, вместо оппозиционной думы, мы имели бы могущественную правительственную партию в думе, опирающуюся на поддержку всей страны». [1] Эту же мелодию варьировал Струве в своей газетке «Дума» (№ 36 от 9 июня 1906 г.), причем он с особенной силой подчеркивал, что думское министерство будет чувствовать себя «могущественной властью», о силу и твердость которой «разобьются все противонародные и противогосударственные посягательства, откуда бы они ни исходили». Этим кадеты давали понять, что кадетское правительство не остановится перед принятием строгих репрессивных мер против революционных вспышек, хотя бы и с риском для своей популярности.

В связи с лойяльностью кадетских лидеров в отношении царского правительства в недрах придворной камарильи, естественно, возникла мысль воспользоваться для разоружения революции услугами кадетов, тем более, что привлечение общественных деятелей в министерство произвело бы благоприятное впечатление на иностранных хозяев царской России. «Конечно, — говорил Д. Трепов, — кадетское министерство сопряжено с большим риском, но страна находится в таком положении, что следует пойти на этот риск. Если даже это средство не поможет, придется — и только тогда — обратиться к крайним средствам». [2]

Между кадетскими вождями и царедворцами начались переговоры о думском министерстве. Появились и «свахи» [3], вроде Шипова, который в беседе с царем резонно заметил, что оппозиционные замашки кадетской партии не должны внушать серьезных опасений, так как это-де объясняется «занимаемым ею положением безответственной оппозиции», и что представители ее как только войдут в состав кабинета, несомненно «сочтут своим долгом значительно ограничить требования партийной программы при проведении их в жизнь и уплатят по своим векселям, выданным на предвыборных собраниях, не полностью, а по 20 или 10 коп. за рубль».

---

[1] «Речь», №№ 52—53 от 19 и 20 апреля 1906 г., ст. «Новое министерство».

[2] Милюков, Год борьбы, стр. 495—496.

[3] В этой роли, кроме Шипова, еще подвизались Извольский и Н. Львов. Последние подали царю записку, в которой уверяли, что Муромцеву «даже может быть доверено употребление военной силы для подавления революционного движения». В разговоре с императором в начале июля Извольский говорил: «Ничто так не умеряет радикализма, как ответственность, связанная с властью... Разве можно серьезно поверить тому, что люди, вроде Муромцева, Шипова и кн. Львова, которые являются крупными землевладельцами и столь жизненно заинтересованы в поддержании спокойствия и в мирном разрешении аграрного вопроса, были бы менее преданными и менее консервативными, чем бюрократы à la Шванебах» (Извольский, Воспоминания, 1924, стр. 127).

На вопрос царя, как Шипов понимает предполагаемую расплату по векселям кадетской партии, последний высказал предположение, что, например, по вопросу о политической амнистии кадеты удовлетворятся предоставлением амнистии всем тем, которые в стремлении к скорейшему достижению свободы нарушили грани, поставленные законом, но при этом не посягали на чужие жизни и имущество. Что касается второго «острого» вопроса — земельного, то Шипов заявил, что кадеты прежде всего исправят ошибку положения 19 февраля 1861 г. и обеспечат за счет государства дополнительными наделами всех крестьян, получивших дарственные наделы, и затем организуют возможно широкое содействие крестьянству со стороны государства в покупке частновладельческих земель, прибегая к принудительному их отчуждению лишь в исключительных случаях. В заключение Шипов заверил царя, что если представители кадетской партии были бы призваны к власти, то весьма вероятно, что в ближайшем времени они признали бы необходимым распустить Государственную думу и произвести новые выборы, с целью освобождения от многочисленного левого крыла. [1]

После беседы с царем у Шипова и его приятелей из лагеря либеральных сановников (Извольский, Ермолов и др.) создалось впечатление, что мысль о кадетском министерстве встречена в Петергофе «сочувственно». Сами кадеты тоже считали вопрос о кадетском министерстве в «сферах» предрешенным. «Русские ведомости» (13 июля 1906 г.) писали, что «отставка нынешнего министерства и образование нового из состава думы — дело только времени». Между кадетскими лидерами происходила «дружеская» перебранка по поводу распределения портфелей, [2] и вдруг 9 июля дума была разогнана.

Что же случилось? Кадеты изображали историю краха плана думского министерства и роспуска думы таким образом, что всему виною, мол, была «переоценка сил», недостаточное отграничение слева, тактика «штурма», которая якобы особенно ярко проявилась в контрсообщении думы. Эту же версию защищали и критики кадетской партии справа. По утверждению Витте, если кадетская партия «решилась бы отрезать от

---

[1] Много лет спустя, уже находясь в белой эмиграции, Милюков косвенно признал правильность «предположений» Шипова. В своей брошюре «Три попытки» Милюков пишет: «Несомненно, Шипов был прав в том, что кадеты у власти оказались бы вовсе не такими разрушителями и революционерами, какими их представлял Столыпин и все, кому это было нужно. Несомненно, что в порядке практического осуществления программы были бы введены все поправки и дополнения, диктовавшиеся государственными соображениями» (Алексеев, Самодержавие и либералы в революции 1905—1907 гг., 1925, стр. 69—70).

[2] Муромцев в беседе с Шиповым выразил опасения относительно совместного с Милюковым участия в кабинете и, между прочим, сказал: «двум медведям в одной берлоге ужиться трудно» (Д. Шипов, Воспоминания и думы о пережитом, стр. 458).

себя «революционный хвост», то первая дума просуществовала бы долго». [1]

Это, разумеется, совершенно неверно. Ведь если бы причиной разгона думы было якшание кадетов с трудовиками, то тогда совершенно непонятно, почему дума была распущена в момент, когда в результате обсуждения обращения к населению рельефно обнаружился раскол кадетов с их «левыми друзьями».

В действительности же кадетское обращение к населению было использовано правящей кликой лишь как предлог для разгона думы. Настоящую же причину надо искать в другой плоскости.

Мы указывали, что необходимость разгона думы, если она поднимет аграрный вопрос, была предрешена еще накануне открытия думы, на царскосельском совещании в апреле 1906 г. Если тем не менее правительство медлило с разгоном думы, то лишь потому, что боялось, как бы этот разгон не повлек за собой нового взрыва революционного движения, с которым трудно было бы справиться из-за волнений в войсках.

В этих условиях не удивительно, что правящие круги пришли к мысли создать министерство «общественного доверия» для роспуска думы. Весьма прозрачно эта мысль была развита Столыпиным в беседе с Н. Н. Львовым. В этой беседе министр внутренних дел заявил, что «все более и более обостряющиеся отношения между правительством и Государственной думой и вызывающее положение, занимаемое последней», приводят его к убеждению в необходимости роспуска думы. Но вместо с тем он «оценивает все значение этого опасного шага и признает, что он не может быть сделан настоящим правительством с И. Л. Горемыкиным во главе, не пользующимся надлежащим авторитетом, и полагает, что роспуск думы должен быть произведен обновленным правительством, имеющим во главе общественного деятеля, пользующегося доверием в широких кругах общества». [2]

Милюков в своих «Трех попытках» доказывает, что в правящих кругах были две линии по вопросу об обновлении правительства: «Было два центра переговоров о кабинете думского большинства. Первый был при дворе; второй — в министерстве. Только первая инициатива, принадлежавшая Трепову, была серьезна». «Серьезность» треповской инициативы Милюков видит в том, что представители этой точки зрения «были добросовестно заинтересованы в успехе плана, который спасал думу от роспуска, а Россию — от риска революционного исхода», — в то время как Столыпин, представитель другого «центра переговоров», был «злейшим врагом парламентского министерства, преследовавшим с самого начала цель — расстроить комбинацию, в которой для него самого не нахо-

---

[1] Витте, Воспоминания, т. II, Л., 1924, стр. 285.
[2] Д. Шипов, Воспоминания и думы о пережитом, М., 1918, стр. 445.

дилось места», причем «идеей Столыпина было создать министерство «общественного доверия» для роспуска думы». [1]

Рассказ Милюкова о двух вариантах обновления кабинета является искусной фальсификацией действительного хода вещей. В интересах «чистоты» своей партии ему необходимо было отвести всякие подозрения насчет родства треповского варианта думского министерства, за осуществление которого так охотно брался Милюков, с планами разгона думы.

Пытаясь доказать, что «дилемма формулировалась так: либо думское министерство, либо роспуск думы», — кадеты соответственно разграничивали и «центры» переговоров об обновлении кабинета: Трепов — за парламентское министерство и сохранение думы, Столыпин — против думского министерства и за разгон думы.

Между тем, в действительности, расхождение между Треповым и Столыпиным было только в нюансах. Оба они сходились в том, что главная задача обновленного кабинета с участием общественных деятелей должна состоять в «безболезненном» роспуске думы. Только, по мнению Столыпина, обновленный кабинет должен быть составлен на коалиционных началах: в него должны войти общественные деятели и бюрократы, в то время как Трепов считал возможным пойти на «риск» образования кабинета из одних кадетов.

Что переговоры о министерстве думского большинства ничего не меняли в бесповоротном решении правительства разогнать «крамольную» думу, видно уже из хронологического совпадения начала переговоров о думском кабинете с новым вызовом, который бросило правительство думе своим аграрным сообщением.

Объявляя открытую войну думе, правительство прибегло к своеобразному провокационному ходу — оно начало переговоры с общественными деятелями о вхождении в правительство и вообще стало заигрывать с ними, чтобы заручиться их поддержкой при роспуске думы, а потом, в случае удачного «исхода боя», дать им пинка.

К этому времени относится циркуляр министерства внутренних дел о временной легализации кадетской партии. В переписке директора департамента общих дел с секретариатом кадетской партии первый просил сообщать ему каждый раз о всех встречаемых затруднениях со стороны местной администрации, дабы он мог предпринимать соответствующие меры к их устранению. [2] Некоторые администраторы, принимая за чистую монету заигрывания правящих верхов с кадетами, начали уже «подлаживаться к предполагаемым требованиям нового повелителя». [3] Так, белостокский генерал-губернатор

---

[1] Алексеев, Самодержавие и либералы в революции 1905—1907 гг., 1925, стр. 55—56.

[2] Центральный архив внутренней политики, культуры и быта в Ленинграде, фонд министерства внутр. дел, деп. общ. дел., 1906, д. № 125, л. 35.

[3] Выражение Ф. Самарина (см. его записку по поводу роспуска I думы).

Бадер не исполнил депеши Столыпина о высылке из своего района, тотчас по их прибытии, депутатов думы Щепкина и др., командированных думой в Белосток для расследования действий властей во время погрома, а, напротив, ухаживал за ними. [1]

Само по себе аграрное контрсообщение думы не могло нанести, вопреки утверждению кадетов, «самый тяжкий удар» идее думского министерства и повлечь за собой роспуск думы. Успокоительный тон обращения к населению, который ему придали кадеты, не мог вызвать сильного беспокойства в «высших сферах», тем более, что из-за отсутствия кворума не могло даже состояться постановление об его оглашении.

Но на правящие круги огромное впечатление произвело беспомощное барахтание и изолированность кадетов при обсуждении аграрного сообщения. Это обстоятельство действительно оказалось роковым для идеи думского министерства и ускорило роспуск думы. Как мы видели, трудовики воздержались при голосовании кадетского проекта, призывавшего население «покойно и мирно» ожидать окончания Государственной думой работы по изданию земельного закона.

Трепов и К° широко открыли глаза. Как же так — кадетские верхи без удержу трезвонили, что они сумеют прекратить революцию, а на деле выходит, что они не хозяева в самой думе, не в состоянии при всем своем балансировании вести за собой даже думских трудовиков? Но в этом случае кадетское министерство быстро лишилось бы большинства в думе и очутилось бы в таком же положении, как и «горемычники». Если кадетские демагоги не могли «обработать» крестьянских депутатов в думе, то ясно, что им не удастся успокоить разбушевавшееся море крестьянского населения.

Неспособность кадетов создать в думе послушное царизму большинство резала глаза придворной камарильи на фоне поступающих отовсюду сведений о том, что престиж кадетской думы падает и что революция уже обошла думу. Учитывая, что на митингах кадеты терпят поражение и что вообще почва у кадетов ускользает из-под ног, правящие круги все более и более убеждались в бессилии и дряблости кадетов и в их неспособности справиться с волнением «народного океана». Но этим автоматически выключались всякие комбинации с образованием «министерства роспуска думы», с участием общественных деятелей. Если влияние кадетов на народные массы ничтожно, а «без сочувствия слева, без этой карты не из ихней, а из чужой колоды, кадеты — только общество либеральных адвокатов» (выражение из одной записки правых), то тогда к чему толки о думском министерстве? К чему тогда церемониться с кадетами, а заодно и с думой? Придя к такому выводу, правящее дворянство бесповоротно становится на путь неприкрытого белого террора.

---

[1] Из записок А. Ф. Редигера («Красный архив», т. LX, стр. 113).

На решение правительства повлияла также позиция Германии и Австро-Венгрии, которые обещали оказать вооруженную помощь царизму в случае нового взрыва революции. В явно инспирированной статье «Иностранные державы и положение дел в России», опубликованной в министерском официозе, говорилось, что в результате обмена мнениями правящие сферы Берлина и Вены пришли к решению о желательности, при известных условиях, активного вмешательства этих держав во внутренние дела России, с целью подавления или «ограничения» русского революционного движения. Непременным условием возможности и целесообразности подобного вмешательства, с точки зрения указанных государств, должно быть «не только согласие, но также прямо и ясно высказанное соответствующее желание русского правительства». [1]

Решаясь на разгон думы, царизм считал, что шаг этот чреват большим риском. В этой связи не лишены интереса зигзаги в поведении Николая II относительно разгона думы, отразившие колебания в рядах придворной клики. По настоянию Горемыкина царь 7 июля подписал указ о роспуске Государственной думы. Однако уже ночью Горемыкин получил распоряжение приостановить печатание этого указа. Но указ был уже передан министру юстиции для распубликования, и на следующее утро дума была распущена. [2]

О том, какие опасения были у правительства насчет возможных последствий разгона думы, можно судить по следующему телеграфному обращению Столыпина (от 7 июля 1906 г.) к губернаторам: «Ввиду ожидаемого с 9 июля возникновения общих беспорядков, прошу немедленно распорядиться обысками, арестами руководителей революционных и железнодорожных, а также боевых организаций и агитаторов среди войск, сейчас же принять все меры к охранению правительственных и железнодорожных сооружений, телеграфов, банков, тюрем, складов и магазинов оружия и взрывчатых веществ... На случай перерыва телеграфа обеспечьте заранее способы сношений между органами власти хотя бы при помощи частных лиц. Затребуйте от жандармских начальников сведения о воинских частях, зараженных пропагандой. Примите действительные твердые меры к обузданию печати... и к защите помещичьих владений». [3]

Наряду с этой развернутой программой средств прямой расправы с неминуемыми, казалось, «общими беспорядками» царизм стремится найти поддержку в буржуазных кругах населения. С этой целью Горемыкин увольняется и заменяется на посту премьер-министра более гибким Столыпиным. Из кабинета удаляются наиболее одиозные сподвижники Плеве,

---

[1] «Россия», № 170 от 5 июля 1906 г.

[2] Витте, Воспоминания, т. II, стр. 292, а также показания Коковцова на допросе в чрезвычайной комиссии Временного правительства (Падение царского режима, стенографические отчеты, т. VII, стр. 96).

[3] ЦАР, фонд деп. пол., 4-е делопроизводство, 1906, д. № 716, л. 2.

вроде Стишинского, а в специальном обращении к обществу 11 июля 1906 г. новый премьер-министр спешит дать буржуазии успокоительные заверения, что «борьба ведется не против общества, а против врагов общества... Старый строй получит обновление. Сильная и твердая власть, действуя в указанном выше направлении, найдет несомненно поддержку в лучшей части общества». [1]

Разгон думы не вызвал «общего взрыва», как опасались крепостники и либеральная буржуазия. Не то, чтобы рабочие безразлично отнеслись к разгону думы. Нет, передовые рабочие учли серьезность положения. Но опыт кадетской думы убеждал широкие массы, что только боевое и решительное выступление, только всеобщая политическая забастовка и восстание могут привести к низвержению ненавистного царизма.

В связи с разгоном думы меньшевики выдвинули провокационный лозунг о демонстративной забастовке и о частичных проявлениях протеста против разгона думы. Ясно, что последние в силу своей неподготовленности, разрозненности и половинчатости могли привести только к бесцельному истреблению лучших сил рабочего класса. Ленин и большевики вскрыли вопиющую нелепость мирного демонстрирования, устраивания протестов в обстановке ожесточенной гражданской войны. Используя роспуск думы как повод к агитации за вооруженное восстание, большевики стояли, однако, не за немедленный революционный натиск, а за подготовку к решительной и организованной борьбе.

Пресмыкательская линия поведения кадетов дискредитировала думу в глазах народных масс, и последние не были склонны, несмотря на призывы меньшевиков, выступить на защиту кадетской думы. Рабочие сберегали силы для грядущих битв. Во второй половине июля вспыхнули восстания в Свеаборге и Кронштадте. Питерские рабочие объявили забастовку с целью поддержать восставших. Но восстания в Свеаборге и Кронштадте были быстро подавлены. Стачка для поддержки восставших солдат и матросов стала беспредметной, а стачки-протеста против роспуска думы рабочие все время не хотели. С 22 июля забастовка в Петербурге пошла на убыль.

Почувствовав себя прочнее в седле, представители старого режима исподволь сбрасывают с себя «либеральную» маску. По инерции Столыпин еще продолжает вести переговоры с умереннейшими общественными деятелями à la Шипов, Гейден, Гучков и Н. Львов, но ведет их в такой форме и отводит в своих комбинациях такую второстепенную роль этим деятелям, что даже эти «конституционалисты по высочайшему повелению» обиделись и отказались от министерских портфелей. [2] Впрочем, Гучков и Львов заявили о своей готовности содействовать пра-

[1] ЦАР, фонд деп. пол., 4-е делопроизводство, 1906, д. № 716, л. 55.

[2] Гейден по поводу приглашения Столыпина вступить в его министерство остроумно заметил, что, «очевидно, нас приглашали на роли наемных детей при дамах легкого поведения».

вительству, но не в качестве министров, а в роли депутатов Государственной думы.

Позорный крах игры в парламентаризм перводумских кадетов поколебал среди крестьян веру в возможность мирным путем получить землю и политическую свободу. Вера в царя и надежды на думу поблекли, но еще не исчезли совершенно. Понадобился опыт четырех дум, наглядные уроки столыпинской реакции с ее зверским террором против революционного движения и разорением деревни в угоду кулакам, наконец, империалистическая война, чтобы крестьянство окончательно рассталось с монархическими иллюзиями, перестало доверять либеральной буржуазии и повернуло к прочному союзу с рабочим классом.

Характеризуя эволюцию крестьянских настроений во время буржуазно-демократической революции (1905 г. — февраль 1917 г.), товарищ Сталин писал: «История этого периода есть история борьбы кадетов (либеральная буржуазия) и большевиков (пролетариат) за крестьянство. Судьбу этой борьбы решил думский период, ибо период четырех дум послужил предметным уроком для крестьянства, а этот урок воочию показал крестьянам, что им не получить из рук кадетов ни земли, ни воли, что царь всецело за помещиков, а кадеты поддерживают царя, что единственная сила, на помощь которой можно рассчитывать, — это городские рабочие, пролетариат». [1]

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 37.

ГЛАВА 12
МЕЖДУДУМЬЕ

1. Выборгское воззвание

Несмотря на то, что угроза разгона все время висела над I думой, кадеты всячески отвиливали от ответа, что они станут делать, если думу распустят. Они жонглировали бессодержательными утверждениями, что разгон думы «совершенно невероятен», что он будет последним актом правительства, после которого оно перестанет существовать, и т. п. Но кадеты избегали конкретной формулировки своей позиции в данном вопросе. Под этим умолчанием скрывалось, как мы увидим дальше, капитулянтское решение кадетов в случае разгона думы спокойно разъехаться и готовиться к новым выборам.

4 июня на заседании центрального комитета кадетской партии совместно с думской фракцией обсуждался вопрос: что делать, если думу распустят?[1] Никто из присутствовавших на этом совещании и не помышлял о каком-либо действительном сопротивлении. Часть кадетских вождей (Милюков, Набоков, Петражицкий) предлагали в случае разгона думы мирно «разъехаться и готовиться к новым выборам». «Левые» кадеты тоже «желали бы мирно разойтись», но они боялись, что в таком случае кадетская партия изолирует себя от массового движения и сойдет с политической сцены. Поэтому они считали, что «нужна жертва, внешнее сопротивление, сопротивление или общим арестом или физическим разгоном». Очень ярко эта позиция была изложена де-Роберти. «Для малокультурного народа, — заявил он, — необходим символизм, и поэтому надо устроить спектакль и не расходиться добром, а заставить полицию выталкать, а перед этим — хорошо составленное обращение к народу».

Однако подобная «театральная» тактика пришлась не по вкусу вожакам из правого крыла. Возражая «левым», Набоков говорил: «Правительство, если кого боится, то не кадетов... Если не подчинимся, то это будет... акт революционный, и уже тогда дальше мы, как мы, не будем иметь возможности действовать». Его поддержал Милюков, заявивший: «Если мы не хотим действовать легально, то надо объявить себя временным правительством, и это будет серьезная услуга революционному движению, хотя мы-то пойдем в хвосте».

---

[1] «Красный архив», т. XLVI, стр. 64—65.

Повидимому, равнодействующая на этом совещании все же прошла ближе к позиции сторонников театральных жестов. По крайней мере, приготовление резолюции, на случай если дума будет разогнана, было поручено Винаверу, Якушкину, Петрункевичу, т. е. как раз тем, кто высказывался за «внешнее сопротивление» и «разъяснение стране, почему не выполнены обязательства перед страной».

Но правительство спутало эти расчеты. Указ о роспуске был опубликован в воскресенье, когда не было заседания думы, а на следующий день, при попытке некоторых депутатов пробраться в Таврический дворец, оказалось, что здание оцеплено войсками, и никого из «народных избранников» туда не пускают. План устроить спектакль в зале думских заседаний, таким образом, был сорван.

Как отнеслись кадеты к разгону думы? Вначале среди них воцарилось замешательство. «Мы жили, — писали в центральный комитет из Ростова-на-Дону, — под тяжелым гнетом военного положения. Все наши ожидания, все чаяния сводились к новому министерству компромисса. Теперь после роспуска думы мы находимся в самом тяжелом положении». [1]

Близкий к кадетам кн. Е. Трубецкой обратился 24 июля 1906 г. к царю с письмом, в котором говорилось: «Узнав о роспуске думы, я был близок к отчаянию». И тут же он обнажает корни своего «отчаяния»: «Только надежда на думу удерживала крестьян от насильственного захвата чужой собственности... Пока в Петербурге заседала дума, мы могли надеяться сохранить часть наших земель и получить справедливое вознаграждение за остальные. Теперь надвигающаяся революция угрожает нам конфискацией, более того, — подвергает опасности самую нашу жизнь... При нынешнем настроении войска нельзя предугадать, куда в решительную минуту повернутся штыки: против крестьян или против помещиков». [2]

Либералы видели главную ошибку акта 8 июля в том, что он, заграждая «средние» пути, усиливает крайние элементы на противоположном полюсе. «Теперь, — пишет кн. Трубецкой в уже цитированном письме, — грозный признак заключается в ужасном бессилии умеренных партий. Защитники престола умолкают, ибо их не слушают: у них вырвана почва из-под ног и отняты все доводы». Кадеты, пугаясь сами, запугивали и правительство «страшными событиями», которые неизбежно вспыхнут, «если не произойдет резкого поворота правительственной политики».

Но что же предполагали делать кадеты в связи с разгоном думы? Под первым впечатлением кадетский официоз «Речь» напрямик отказался от дачи каких-либо лозунгов. «Наш вывод, — писал Милюков, — на этот раз нашего вывода мы не скажем.

---

[1] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 202, л. 40.
[2] «Красный архив», т. X, стр. 301—304.

Если он не написан в сердцах, то бесполезно писать его на бумаге». [1]

Однако долго играть в молчанку было невозможно. Узнав, что трудовики предполагают собраться в Петербурге, чтобы обратиться к народу с призывом сплотиться вокруг думы и объявить, что она не подчиняется незаконному акту о роспуске, кадеты решили перехватить инициативу у трудовиков и предложили ехать в Выборг.

К счастью для кадетов, трудовики никогда не отличались четкостью своей политической линии. Поэтому, хотя они и чувствовали в этом предложении подвох и опасались, что поездка в Выборг может быть истолкована как простое бегство народных представителей, тем не менее они согласились поехать вместе с кадетами.

На первом заседании бывших членов думы в Выборге [2] вечером 9 июля трудовики предложили обратиться к населению с манифестом, заключающим в себе призыв к отказу от повиновения существующим властям, прекращению платежей, повинностей и поставки рекрут. Относительно своей деятельности после манифеста трудовики остановились в нерешительности перед альтернативой: либо считать себя попрежнему думой, либо присвоить себе функции правительства. Наконец, они выдвинули мысль об «общественной забастовке» в знак протеста против разгона думы.

Конечно, кадеты не могли итти так далеко. Возражая трудовикам, Винавер, в сущности, развивал ту же мысль, которую он отстаивал на заседании центрального комитета 4 июля, — мысль о «внешнем сопротивлении». Считая несерьезным выдвинутый трудовиками лозунг о превращении «охвостья» думы во временное правительство, Винавер направил стрелы своего красноречия, главным образом, против предложения трудовиков, чтобы бывшие члены думы остались в Выборге и продолжали изображать из себя законодательное собрание. «Если бы мы могли, — говорил он, — в полном составе здесь остаться, это, может быть, было бы самым могущественным средством настоящего воздействия на общественное мнение, но только при одном условии: если на местах найдутся довольно сильные и деятельные органы для организации там работы». Но у Винавера на этот счет «большие сомнения», точно так же как и относительно осуществимости политической забастовки. Поэтому он предпочитает ограничиться только демонстративным актом в виде собрания бывших членов думы в Петербурге, которое кончилось бы их арестом.

Однако правое крыло кадетской фракции (надо заметить, что кадеты в Выборге действовали вразброд) «не видело смысла в таких поступках, которые повели бы к заарестованию депутатов», и предлагало найти исход своему возмущенному чув-

[1] Речь, 1906, № 122.

[2] Государственная дума в Выборге («Красный архив», LVII, стр. 87—121).

ству... в обращении к верховной власти через особую к ней депутацию.

К концу дня 9 июля было решено образовать смешанную комиссию для составления общего текста воззвания. В комиссию входило по 2 от каждой из принимавших участие в совещании фракций: кадетов, трудовиков и социал-демократов (меньшевиков).

Все три пункта в будущем выборгском воззвании о пассивном сопротивлении — не давать рекрут, не платить податей, не признавать займов, — встретили, по словам Винавера, «столь живой отпор в среде фракции, что положительное решение по ним прошло лишь весьма незначительным большинством». Предложение же о политической забастовке было отвергнуто кадетами «очень быстро и чуть ли не единогласно» вследствие его «полной непрактичности». [1]

В своем проекте воззвания кадеты ограничились обзором поведения думы, отношения к ней правительства и простым упоминанием о незакономерности ее роспуска. В согласительной комиссии трудовикам удалось внести в проект воззвания указание на необходимость борьбы за права народа и сохранения связи между народом и бывшими депутатами думы. На следующий день, 10 июля, предстояло утвердить текст воззвания.

Между тем из Петербурга получались вести, что там внешне спокойно, и это в значительной мере остудило первоначальный пыл кадетов. 10 июля на утреннем заседании кадетской фракции раздались голоса, что проект воззвания даже в том виде, в каком он вышел из недр согласительной комиссии, «слишком резок и революционен». После страстных прений большинством голосов решено было «ограничиться первой частью воззвания, разъясняющей событие, и совершенно отбросить всякие призывы к населению».

Но так как обсуждение проекта воззвания на утреннем заседании кадетской фракции не было закончено, то на собрании б. членов думы 10 июля кадеты выступили разрозненно. На этот раз докладчиком от кадетской фракции вместо «левого» Винавера с его тактикой «внешнего сопротивления» выступил правый Герценштейн, который прямо заявил, что «практически рекомендовать те средства, которые указаны во второй части воззвания, для многих из нас невозможно. Пойти на них значило бы для некоторых изменить прежним убеждениям, а для сохранения единства не следует настаивать на включении этих средств в воззвание».

Правое крыло кадетов приводило всевозможные доводы в защиту своей точки зрения, не брезгая при этом демагогическими приемами. Например, Хрущов уверял, что, призывая население к неплатежу налогов, «мы подсекаем земство и губим главный нерв освободительного движения — третий элемент». Некий Скульский предлагал отказаться от второй части обра-

[1] Винавер, История выборгского воззвания, Петроград, 1917, стр. 22.

щения на том основании, что «ведь самые мощные средства борьбы не попали и не могли попасть в него, а то, что там есть, в сущности, похоже на булавочные уколы».

«Левые» кадеты рекомендовали своим правым коллегам согласиться на пункты о пассивном сопротивлении, убеждая их, что это есть «меньшее зло». «Если, — говорил Гредескул, — ограничиться одним только отчетом в сделанном, без всяких указаний, исход будет еще хуже: захваты». В этих словах Гредескула уже заключалось, в сущности, то объяснение своему поведению в Выборге, которое дали кадеты в своих показаниях на судебном процессе.

Из 23 кадетских ораторов, выступавших при обсуждении проекта воззвания, за сохранение второй части высказалось только 8 человек. Остальные предлагали ограничиться первой частью, т. е. довести только до сведения населения, что дума распущена в тот момент, когда она была занята аграрным законодательством.

Кадетская фракция, по всей вероятности, отвергла бы вторую часть воззвания, содержавшую лозунги пассивного сопротивления, если бы не одно происшествие, которое имело место перед самым концом заседания. Во время обсуждения поправок к проекту воззвания стало известно, что выборгский губернатор потребовал прекращения заседаний бывших членов думы. Кадеты, по свидетельству кадетского секретаря выборгского совещания, «были непрочь подчиниться непреодолимой силе и оставить дело недоведенным до конца». Муромцев, который вел заседание, под предлогом, что он дал губернатору слово не продолжать его, удалился. Порядок собрания был нарушен. «Выручил» Петрункевич, предложивший подписать воззвание, «как оно есть». Его предложение было принято огромным большинством.

Чем же объясняли кадеты свое «революционное» выступление в Выборге?

Мы видели, что большинство кадетской фракции в душе не сочувствовало воззванию, не верило в него, считало его ошибкой. Почему же в таком случае кадетская партия отдала дань «революционному» увлечению в Выборге?

Мы неоднократно подчеркивали, что в решительную минуту (например, в октябрьские дни 1905 г. во время обсуждения аграрного сообщения в думе) кадеты из-за боязни саморазоблачения и изоляции не решались открыто выступить против массового движения, а, напротив, притворялись, что идут в ногу с массами.

В период I думы кадеты, по собственному признанию, переоценили силы революции и недоучли жизнеспособность старого режима. Отсюда и их «ошибки», заключавшиеся якобы в том, что они шли на «штурм».

Нечто похожее произошло с ними и в Выборге. Они ехали с тяжелым предчувствием, что роспуск думы вызовет взрыв «стихийных кровавых столкновений». В этих условиях они не

могли не искать компромисса с представителями революционной демократии, так как в противном случае они рисковали бы очутиться в «барском уединении» и лишились бы всяких шансов ввести поток массового движения в «закономерные» берега.

Выборгский манифест был для кадетов предохранительным клапаном на случай общего революционного взрыва. «Для членов партии народной свободы, — вспоминает Милюков, — это была попытка предотвратить вооруженные столкновения на улицах Петербурга и дать общему негодованию форму выражения, которая бы не противоречила конституционализму». [1]

Ожидая и опасаясь усиления аграрных волнений, кадеты полагали, что указанием народу мирного пути пассивного сопротивления они, как выразился на суде над выборжцами Муромцев, «стремятся прорыть каналы и отвести поток по этим каналам от угрожаемых им жилищ». [2]

Еще в момент обсуждения выборгского воззвания кадетские лидеры, узнав, что в Петербурге сравнительно спокойно, начали сдерживать «левые» элементы своей думской фракции. Патетическая сцена, разыгранная кадетами в конце выборгского совещания, в которой наши незадачливые жирондисты пародировали 4 августа 1789 г., оказалась последним всплеском волны кадетской «революционности».

Сразу же после подписания выборгского манифеста кадетская партия, по выражению Ленина, стала усиленно практиковать «... провозглашенный этим воззванием принцип пассивного сопротивления по отношению к самому же воззванию». [3] В то время как трудовики склонялись к мысли попытаться продолжать занятия Государственной думы в Петербурге, руководители кадетской фракции предлагали еще на некоторое время остаться в Выборге или переехать в Гельсингфорс, пока не определятся события в России.

Затем кадеты предприняли новое обходное движение: начались проволочки с ответом на вопрос, когда кадеты согласны участвовать в собрании бывших членов думы. Эти проволочки закончились внезапным отъездом всей кадетской фракции в Териоки, куда они пригласили и трудовую группу на соединенное заседание 14 июля.

На териокском заседании кадеты, наконец, нашли в себе мужество отграничиться от «левых друзей». Кадеты категорически заявили трудовикам, что «... пока дума не может продолжать заседаний в Петербурге, сейчас мы должны сложить оружие, притаиться и ждать девятого вала. Когда же он поднимется, мы постараемся его использовать». [4] Напрасно трудовики доказывали, что дума, наоборот, должна пойти впереди и повести за собой народное движение. Кадеты отвергли предложение трудовиков выделить из думы особый орган, которому и

[1] Милюков, Три попытки, Париж, 1921.
[2] С. Муромцев, Статьи и речи, вып. V, М., 1910, стр. 119.
[3] Ленин, т. X, стр. 119.
[4] М. Субботин, Роспуск первой гос. думы, СПб., 1907, стр. 29.

передать ее права и согласились лишь на образование чисто-информационного комитета из представителей бывших думских фракций.

Оправившись от «революционного» головокружения, кадеты начинают бить отбой по всей линии. «Необходимо, — писали «Русские ведомости» 22 июля, — не потерять себя — остаться самими собой, отделяя себя достаточно отчетливой демаркационной чертой как от реакции, так и от анархии. Необходимо двустороннее отграничение, ибо в конечном итоге обе силы играют друг другу в руку».

Лучше подвергнуться упреку в бездействии, чем направить тактику по несвойственным кадетам путям, — вот смысл кадетской философии.

Спустя несколько дней после изготовления выборгской «революционной бомбы» руководящий штаб кадетской партии под влиянием «гробового молчания», с которым в стране был встречен роспуск думы, начинает разряжать эту бомбу. Центральный комитет кадетов на своем заседании 15 июля отказался присоединиться «принципиально, как представитель партии», к выборгскому манифесту. Он отверг также «до решения съезда» предложение признать «партийной задачей как распространение, так и содействие к осуществлению требований манифеста».[1]

Посмотрим теперь, как отнеслись к выборгскому воззванию местные группы кадетской партии.

Мы уже указывали, что ядро кадетской партии, состоявшее из либеральных помещиков и верхов буржуазной интеллигенции, во время избирательной кампании в I думу, когда кадетская партия впервые развернула свои силы, обросло слоем мелкобуржуазных попутчиков, толкавших партию влево, вопреки воле кадетского руководства. Между кадетскими верхами и низами, привлеченными в партию в связи с бронзовыми векселями кадетов на предвыборных собраниях, в острые моменты возникали конфликты, которые заканчивались или компромиссом или уходом из партии мелкобуржуазных элементов.

Подобное положение создалось и при обсуждении на местах [2] вопроса об отношении к выборгскому манифесту. В Москве, например, половина районных комитетов признала воззвание осуществимым, а половина — неосуществимым. В Воронеже вопрос о распространении манифеста чуть-чуть не вызвал раскола в кадетской организации. Помещичьи элементы партии указывали на «ответственность такого шага — бросить манифест в обращение среди крестьян, которые и без того уже жгли имения». Дело закончилось компромиссом: признано было, что распространением манифеста могут заниматься лишь желающие. В Таврической губернии все кадетские группы высказались скептически по вопросу об осуществлении выборг-

[1] «Красный архив», т. XLVI, стр. 68.

[2] См. протокол совещания центрального комитета 2—3 августа 1906 г. с представителями губ. комитетов («Красный архив», т. XLVII—XLVIII, стр. 114—127).

ского воззвания. В Костромской губернии по этому вопросу произошел раскол: многие находили выборгский манифест «шумихой», другие даже безнравственным («сами ведь не будем исполнять» [1]). Однако подавляющее большинство решило распространять воззвание, меньшинство же заявило, что уйдет из партии, если съезд одобрит его. В Саратове и Нижнем кадетские организации не пришли ни к какому решению по этому вопросу.

Реально по организации пассивного сопротивления на местах ничего предпринято не было. Инсценируя впоследствии процесс над «выборжцами», прокуратура могла сослаться в обвинительном акте лишь на одиночные попытки распространения выборгского воззвания.

Между тем кадетские верхи все определеннее склоняются к мысли окончательно свернуть оппозиционные знамена. Часть «староверов» еще повторяет, что «надо опираться на массы» и возражает против мирнообновленческого отрицания всякого соглашения с «крайними».

Эти две точки зрения по отношению к массовому движению выявились на совещании центрального комитета с представителями губернских комитетов 2—3 августа при обсуждении вопроса, какой тактики следует держаться до партийного съезда.

На этом совещании правое крыло кадетов предостерегало от союза с левыми партиями «ввиду их авантюризма» и настаивало, чтобы на предстоящих выборах блоки заключались с правыми партиями. Вместе с тем, чтобы отвести от себя всякое подозрение в революционных замыслах, правые кадеты считали необходимым и формально разоружиться, открыто осудить выборгское воззвание как политическую ошибку.

Однако «левые» кадеты не соглашались пойти на открытое отречение от воззвания. Они предлагали его принять. «Это не значит, — говорил Тесленко, — чтоб мы исполнили à la lettre» (т. е. текстуально). Нет, так далеко наши демагоги не шли. Они хотели только, чтобы выборгский манифест, подобно дамоклову мечу, висел в виде угрозы по адресу правительства на случай, если оно не назначит новых выборов. «Выборгское воззвание, — комментировал эту точку зрения Чубинский, — условно правильно. Если не будет выборов, — пустить его в ход, если выборы будут, — тогда нужда в таких мерах исчезает, и перед нами парламентский путь открыт».

Одновременно «левые» кадеты были против третирования революционных партий как авантюристов. «К партиям левым, — говорил Тесленко, — нельзя относиться как здесь. Мы теперь можем быть отброшены в положение до Святополк-Мирского.

[1] Действительно, многие «выборжцы» сразу же после подписания воззвания поспешили выехать за границу, получив заграничные паспорта и уплатив за них пошлину. Но особенно «отличился» Родичев, который принял на себя председательство в воинском присутствии одного из уездов Тверской губ. во время призыва новобранцев.

Причина — раскол освободительного движения... Союза нельзя заключать. А соглашения должны быть не только о выборах, но и о забастовке». [1]

Вряд ли нужно здесь доказывать, что лидеры «левого» крыла кадетской партии (Шаховской, Мандельштам, Е. Щепкин) не одобряли тактики революционеров и, если они высказывались за соглашение с ними, то исключительно из боязни потерять всякое политическое влияние и значение.

Напомним в немногих словах политическую обстановку этого периода. Правительство после продолжительных колебаний набралось храбрости и разогнало думу. Но далеко еще не уверенное в своих силах, оно не решилось заодно с роспуском думы произвести государственный переворот, т. е. изменить избирательный закон. Правительство избрало средний путь — путь сенатских «разъяснений»: так, несколько миллионов избирателей, принадлежавших к демократическим слоям населения, были устранены от выборов посредством ограничительного толкования ряда статей закона 11 декабря 1905 г. Кроме того, правительство оставило себе лазейку, не назначив срока выборов во II думу. Эта лазейка пригодилась бы в том случае, если бы революционное движение резко пошло на убыль. Итак, вопреки кадетской легенде, выжидательная позиция правительства была вызвана не выборгским воззванием, а опасением вспышки аграрного движения осенью 1906 г. [2]

«Левые» вожаки кадетской партии, учитывая, что революция далеко не исчерпала себя до конца, не решались снять с себя маску, отречься от воззвания и открыто порвать с левыми партиями. К тому же они понимали, что отказ от признания выборгского воззвания не выгоден для кадетов с точки зрения избирательных шансов партии на будущих выборах в Государственную думу.

---

[1] «Красный архив», т. XLVII—XLVIII, стр. 132.

[2] Какие предчувствия одолевали в то время правящие круги, видно из циркуляра Столыпина от 15 сентября 1905 г. генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам. По мнению премьер-министра, Свеаборгское и Кронштадтское восстания моряков «лишь партизанские, неподготовленные, преждевременные выступления, повредившие с точки зрения революционеров успеху их общих начинаний. Поэтому, объявив в некоторых местах отмену начавшихся стачек, они нашли нужным заняться ныне подготовкой революционных сил к решительному выступлению против существующего строя. План революционеров... всю энергию пропаганды и агитации направить на крестьянство, поднять его по окончании уборки хлебов на повсеместные беспорядки, а затем при одновременном устройстве всеобщей забастовки двинуть в действие городской пролетариат и создать таким образом народное вооруженное восстание». Дальше в циркуляре содержится длинный перечень мер для отпора надвигающейся революционной грозы. Здесь продажа крестьянам земли при посредстве Крестьянского банка, подавление волнений «самыми решительными приемами», преследование революционных партий, собраний, политических и профессиональных союзов, агитация в «охранительном» духе и «изъятие» революционных агитаторов, цензурные скорпионы, нарушение в случае необходимости университетской автономии, повальные обыски для изъятия оружия у населения, формирование и вооружение погромных дружин из черносотенцев и т. д. (см. «Красный архив», т. XXXII, стр. 162—182).

«Левые» кадеты стремились сохранить в рядах партии мелкобуржуазные элементы и в этих видах не скупились на громкие слова по адресу правительства. Между правым и «левым» крылом кадетской партии было своего рода разделение функций: в то время как первые вели р е а л ь н у ю политику, вторые с помощью левой фразы маскировали в глазах масс предательскую сущность своей политики.

На гельсингфорском съезде кадетской партии 24—28 сентября 1906 г., который должен был подвести итог дискуссии о выборгском воззвании, верх одержало правое крыло. Съезд (большинством 89 голосов против 53) высказался против осуществления воззвания. Чтобы несколько завуалировать свою капитуляцию перед Столыпиным, съезд решился на платонический жест: он признал желательным ознакомление широких масс с идеей пассивного сопротивления.

2. «Расцвет» и упадок кадетской партии

Деятельность кадетской партии даже в лучшую пору ее существования (весной 1906 г.) проявлялась почти исключительно на выборах. Это подтверждается как данными охранки, занимавшейся освещением деятельности этой партии, так и признаниями самих кадетов. Например, по сообщению петербургского охранного отделения, «агитационная деятельность центрального комитета проявлялась в Петербурге, главным образом, на предвыборных думских собраниях».[1] Точно также «деятельность партии в Симбирске заключалась, главным образом, в избирательной кампании в I и II Государственные думы».[2] В Нижнем «организация усиленно проявляла свою деятельность в 1906—1907 гг., главным образом, в период предвыборной кампании в думу».[3] По сообщению фастовских кадетов вся деятельность их группы «сводилась к использованию местным населением избирательных прав».[4] Совершенно такую же картину мы встречаем и в других местах.

Если вся деятельность кадетской партии была приноровлена к избирательной борьбе, то нет ничего удивительного в том, что с окончанием выборной кампании партия впадала в летаргическое состояние. «После открытия Государственной думы, — читаем мы в корреспонденции о московской группе кадетов, — жизнь партии, как и следовало ожидать, замерла».[5] Из Тулы сообщали в центральный комитет, что «с окончанием выборов губернский комитет прекратил свою работу».[6] На августовском совещании руководитель таврической группы кн. Оболенский заявил, что «комитет наш после выборов почти перестал функ-

[1] ЦАР, фонд деп. пол., 1905, д. № 999, ч. 43, т. III, л. 7.
[2] Там же, л. 202.
[3] Там же, л. 38.
[4] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 216, л. 1.
[5] «Вестник партии народной свободы», 1906, № 41—42, стр. 2276.
[6] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 401, л. 27.

ционировать». В Петербурге, по словам Федорова, «партия бездействовала, следила только за работой думы». [1] По донесению новгородского губернатора, «с окончанием выборной кампании партия себя ни в каком отношении не проявляет». [2] На заседании агитационной комиссии московской группы «послышались даже голоса, что, раз выборы окончены, партии нечего больше делать». [3] Обобщая свои впечатления о состоянии кадетской периферии, инструктор центрального комитета Колюбакин подчеркивал, что «вся наша деятельность только при выборах, а во всех других случаях позорное бездействие». [4]

Но если, по признанию самих кадетов, «партия выросла во время и для выборов», то вполне естественно, что местные группы кадетов никогда — даже в период своего наибольшего расцвета — не представляли собой сколько-нибудь прочных организаций с устойчивым составом, системой членских взносов, выборными комитетами и тому подобными аттрибутами упорядоченной партии.

Мы указывали, что в период формирования кадетская партия, благодаря расплывчатости программы, привлекала в свои ряды элементы, несродные ей. Приток мелкобуржуазных элементов особенно усилился во время предвыборной кампании, когда кадеты развили безудержную демагогическую агитацию. Это делало местные группы «до-нельзя пестрыми и нестройными».

В приводимой ниже таблице мы даем численный состав местных кадетских групп. Таблица составлена нами по данным, которые мы обнаружили в фонде кадетской партии, архиве департамента полиции, и по сведениям, почерпнутым из периодической печати.

Численность кадетских организаций (1905—1907 гг.)

1.	Северный край	1 175 чел.
2.	Северо-западный	6 783[5] »
3.	Западные губернии	593 »
4.	Прибалтийский край	697 »
5.	Поволжье	6 503 »
6.	Украина и Крым	1 620 »
7.	Азиатская Россия	1 020 »
8.	Центрально-черноземн. обл.	2 169 »
9.	Центрально-промышл. обл.	2 791[6] »
10.	Урал	510 »
11.	Кавказ и Дон	1 486 »
	Итого	25 347 чел.

[1] «Красный архив», т. XLVII—XLVIII, стр. 116.
[2] ЦАР, фонд деп. пол., д. № 999, ч. 43, т. III, л. 44.
[3] «Вестник партии народной свободы», 1906, № 37, стр. 1976.
[4] Протокол засед. ЦК от 5 сентября 1906 г. («Красный архив», т. XLVII—XLVIII, стр. 138).
[5] В том числе в Петербурге 6 000 чел.
[6] Не считая Москвы.

К этим цифрам следует отнестись с известной осторожностью: они несомненно преувеличивают действительную силу кадетской партии. В лучшем случае они дают сведения о «списочных», зарегистрированных членах, но отнюдь не о живых душах. Огромное большинство этих «списочных» членов партии было фиктивным. Это сплошь и рядом признавали сами кадеты. Как жаловался делегат костромской группы на августовском совещании, некоторые члены ограничиваются лишь взносами денег и даже скрывают свою принадлежность к партии. [1]

Но в большинстве случаев положение было еще хуже: «мертвые души» отказывались даже от уплаты членских взносов. Почти все организации сообщали в центральный комитет о крайне неаккуратном поступлении членских взносов. В Нарвском районе (октябрь 1906 г.) при сборе членских взносов отказалось от участия в партии 60%, 10% уплатили членский взнос, но просили сохранить анонимность, 30% при обходе не застали дома. При этом обнаружилось, что некоторые члены петербургской городской организации кадетов забыли, что они записались в партию. [2]

Мудрено ли, что при такой перегруженности фиктивными членами местные комитеты кадетской партии не могли составить себе даже приблизительного представления о социальном облике своих членов. Когда центральный комитет попросил местные группы выслать ему сведения о разбивке членов партии по профессиональным признакам, то смогли откликнуться только 13 организаций. [3]

	Число	в %
1. Землевладельцы	146	6,6
2. Фабриканты, домовладельцы	320	14,5
3. Чиновники	302	13,7
4. Духовенство	11	6,5
5. Лица «свободных профессий»	592	20,9
6. Земские служащие	67	3,1
7. Приказчики	102	4,6
8. Ремесленники	69	3,1
9. Мещане	91	4,2
10. Рабочие [4]	114	5,2
11. Крестьяне	105	4,8
12. не указано	280	12,8
Итого	2199	100%

Эта таблица, охватывая незначительную часть кадетских групп, дает лишь приблизительное представление о социальной физиономии партии. Но при всей своей неполноте эти данные все же могут служить некоторым подтверждением слов

[1] «Красный архив», т. XLVII—XLVIII.
[2] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 334, л. 4.
[3] Орловская городская, Ковенская, Симбирская, Смоленская, Ташкентская, Тверская, Нарвская, Калужская, Варшавская, Могилевская, Гороховецкая, Ковровская и Устюжская.
[4] В эту категорию кадеты зачисляли, повидимому, железнодорожных служащих, ремесленных рабочих, мастеров и т. п.

Ленина о «чрезвычайно широкой, неопределенной и внутренне-противоречивой классовой опоре» кадетской партии. Наряду с крупнобуржуазным элементом мы видим в составе этой партии городскую мелкую буржуазию, приказчиков, крестьян [1] и даже рабочих, причем численно обе эти части партии уравновешивают друг друга (21,1 и 21,9%). Связующим звеном между этими крайними группами являются лица свободных профессий, которые вместе с близкими к ним группами земских служащих и чиновников занимают доминирующее положение в кадетских организациях (43,7%).

Ввиду разношерстности состава кадетской партии задача переварить кадетов перводумского набора нередко оказывалась не по плечу кадетскому ядру. Так, инструктор центрального комитета Новицкий, сообщая, что часть пензенского комитета партии уклонилась влево, объясняет это тем, что «первоначально примкнули к организации стоящие левее кадетов, без разбора». [2] Из письма председателя сарапульского комитета мы узнаем, что «в группу записывались лица с весьма различными политическими воззрениями и с исключительной целью только использовать выборы под общим флагом партии народной свободы. А когда выборы окончились, то элементы, не сродные партии народной свободы, тотчас же отпали от группы и стали кристаллизироваться независимо от нее на почве других политических программ, преимущественно социалистических». [3]

Иногда целые группы выходили из повиновения центрального комитета. Так, авиловская сельская группа после годичного существования поставила центральному комитету ультиматум: «если партия не признает даровой раздачи земель, то вся группа выйдет из партии». [4] Мы уже приводили [5] постановление гдовского комитета, который резко нападает на игру в парламентаризм, составлявшую, как известно, основу кадетской тактики.

В мае 1906 г. в низах петербургской городской организации вспыхнул «бунт» против партийного руководства. По заявлению Ольденбурга, в Василеостровском районе велась кампания

---

[1] Ничтожно малый процент крестьян в таблице (4,8%) свидетельствует лишний раз о том, что кадетская партия мало распространялась на деревню, ограничиваясь городами. Указание на это, между прочим, мы постоянно встречаем в материалах местных групп кадетов. Из Орловской губ., например, сообщали, что «каждый комитет работал преимущественно в своем городе, оставляя без влияния уезд» (ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 302, л. 16). Ср. также выписку из перлюстрированного письма от 21 февраля 1906 г. к кн. Туманову, руководителю тифлисской кадетской организации: «Из личных заявлений делегатов на заседании центрального комитета кадетов выяснилось, что ваша группа разделяет участь всех прочих групп в России: где только организовались отделения кадетской группы, везде деятельность ограничивается городом» (ЦАР, фонд деп. пол., д. № 999, ч. 43, л. 228).

[2] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 277, л. 1.

[3] Там же, д. № 199, л. 31.

[4] Там же, д. № 193, л. 2.

[5] См. главу 11.

в пользу «большей демократизации», причем резкой критике подвергалась вся позиция партии: «все время на собраниях упорно говорили, что партия обманула рабочих», и т. д. 16 мая районное собрание выразило недоверие районному комитету, который, как и все к.-д. комитеты в Петербурге, был не выборный, а назначенный городским комитетом. Возмущение партийных низов против партийного руководства не в шутку переполошило заправил кадетской партии в Петербурге, и инцидент в Василеостровском районе был предметом страстных прений на ряде заседаний петербургского комитета, который в конце концов принял решение о чистке Василеостровской организации ввиду «несомненного проникновения в партию социал-демократов». [1]

О пестроте кадетской партии свидетельствует также инцидент с депутатом I Государственной думы Галецким. Будучи организатором архангельской группы кадетов, Галецкий прошел в думу как кадет. Но в думе он вышел из кадетской фракции и примкнул к трудовикам. Центральный комитет обратился к членам архангельской группы с призывом осудить поступок Галецкого и предложить ему сложить депутатские полномочия. Однако вышел конфуз. Видимо сочувствуя поступку Галецкого, общее собрание архангельских кадетов, вместо осуждения Галецкого, решило обратиться к нему лишь за объяснением мотивов его решения о переходе к трудовикам. Председатель архангельской группы, оставшийся верным центральному комитету, после этого вышел из комитета партии и, таким образом, вся архангельская группа откололась от партии. [2]

Разброд среди кадетов особенно усилился после роспуска думы, когда ярко обнаружился крах кадетской игры в парламентаризм. Как мы уже знаем, при обсуждении выборгского воззвания в ряде групп (Воронеж, Чернигов, Кострома, Москва и др.) произошел раскол. Правда, на гельсингфорском съезде, благодаря двурушнической тактике лидеров, удалось предотвратить формальный раскол, но положение внутри партии продолжало оставаться напряженным. Центральный комитет явно не доверял своей периферии. Это всплыло наружу, когда был поднят вопрос о созыве перед открытием II Государственной думы традиционного партийного съезда, который должен был утвердить основные линии думской тактики кадетов. На заседании центрального комитета 30 января 1907 г. произошли оживленные прения по вопросу о целесообразности созыва съезда. Правое крыло (Струве, Петражицкий) считало, что «нельзя в этот срок разумного съезда устроить» и что вообще «в ответственный момент и тактика должна решаться фракцией, а не съездом». Де-Роберти заявил, что «съезд нужен, но центральный комитет должен созвать его под своей ответственностью, что раскола не будет. Созывайте съезд, если убеждены,

---

[1] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 333, л. 75.
[2] «Вестник партии народной свободы», 1906, № 13, стр. 879.

что ваши тактические директивы будут приняты». «Левые» считали необходимым созыв съезда в интересах сохранения связи партии со страной. Большинством голосов было решено съезд созвать, но руководящий триумвират партии (Милюков, Петрункевич, Набоков) это решение саботировал. [1]

Кадеты держались на силе конституционных иллюзий в народной массе. Предательское поведение кадетов в думе содействовало, как мы видели, разоблачению их в широких кругах населения. Разгон думы и «пассивное сопротивление» кадетов осуществлению выборгского воззвания рассеивают мираж кадетских иллюзий и усиливают изоляцию кадетов от массового движения.

Кадетская партия, достигшая в марте — апреле 1906 г. кульминационной точки своего развития, начинает быстро клониться к упадку. Почти все делегаты с мест, выступавшие на августовском совещании, подчеркивали, что партия — «в плачевном состоянии», «бездействует», «тает», «заглохла», проявляет «растерянность» и т. д. «Положение партии в губернии, — говорила на совещании костромская делегатка Лапотникова, — ухудшается... В деревне партия тает. У нас числится 20 отделений, но некоторые из них состоят всего из нескольких лиц». Тамбовский делегат заявил, что у них «партия слаба и непопулярна... Публика относится на митингах сочувственно к нападкам на кадетскую партию». [2] В письме со съезда подмосковных губерний сообщалось, что «картина внутренней жизни комитетов и партии в провинции грустная до чрезвычайности». [3] Из Ряжска писали, что «членов партии в уезде почти не осталось». [4]

Что картина внутренней жизни кадетской партии была крайне неприглядной — об этом сообщали и из других мест. «Я отправился, — пишет инструктор центрального комитета, — на собрание калужских кадетов, устроенное для выбора делегатов на съезд, и нашел крайне грустную картину: собрание в 6 человек, которые сами себя избрали, и полное разногласие по вопросам программы и тактики. В Калужской губернии партии народной свободы нет». [5]

Кишкин в своем докладе о положении партии в 11 подмосковных губерниях (сентябрь 1906 г.) обращает внимание на то, что деятельность партии ограничивается городом. «Я решил, — пишет он, — прежде всего выяснить себе, насколько эти губернии сильны своими партийными организациями и близко ли эти последние подошли к крестьянству. В громадном большинстве губерний устроены только губернские комитеты и только 3—4 уездных, причем и те и другие комитеты скорее могут назваться городскими, так как деятельность их за пре-

---

[1] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 28, л. 126.
[2] «Красный архив», № XLVII—XLVIII, стр. 211.
[3] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, письмо Топоркова Корнилову 7 мая 1907 г.
[4] Там же, № 327, л. 6.
[5] Там же, д. № 215, л. 35.

делы города почти не выходит и только в 2—3 губерниях существуют волостные комитеты». На первое место по организационной и агитационной деятельности Кишкин ставит Владимирскую губернию: в ней было целых 6 волостных комитетов. Всего же в 11 губерниях он насчитывал только 19 волостных комитетов, т. е., в среднем, меньше двух на губернию. [1]

На этом фоне относительно светлым для кадетов пятном было положение их партии в казачьих областях. Мы уже указывали, что с самого начала своей деятельности кадеты рассматривали зажиточное казачество как очень добротный материал для вербовки себе приверженцев и не без основания. Так, из Амурской области сообщали в департамент полиции о популярности кадетов в казачьих верхах. [2] На августовском совещании, где все делегаты жаловались на бездействие партии, только делегат из Области войска донского заявил, что «положение партии народной свободы в области не плохо». На заседании центрального комитета 10 сентября Харламов говорил, что «кадеты вообще имеют корни в казачьем населении, которое очень ценит выступление в думе депутатов кадетов по казачьему вопросу. Казачий союз разделяет лозунги партии народной свободы». [3]

Упадок своей партии кадеты склонны были объяснять административными репрессиями и непривычкой, вследствие отказа в легализации партии, действовать конспиративно. «Собраний у нас нельзя было делать, — говорил Оболенский на августовском совещании, — и деятельность партии вообще замерла». Из Курска писали, что было «образовано курское городское, судженское, фатежское, имелось в виду корочанское отделение, были избраны там комитеты, но все эти организации скоро рассеялись под влиянием административных репрессий». [4] О бездействии партии ввиду объявления военного положения сообщали также и из других местных групп (Тамбов, Херсон и пр.).

Вряд ли правильно объяснение причин развала кадетской организации усилением административных репрессий. Прежде всего, совершенно очевидно, что «репрессии», которым подвергались кадетские активисты, по сравнению с теми, которые обрушивались на революционные партии, носили опереточный характер. Едва ли не самым «суровым» приговором по отношению к кадетам было присуждение «выборжцев» к трехмесячному заключению. «Кары», которым подверглись сторонники кадетской партии, могли «угнетать» разве только «зависимых», состоящих на государственной службе людей. В Воронеже главным препятствием к вербовке новых членов среди чиновничества являлось «косое, подозрительное отношение к партии начальства». [5]

---

[1] Там же, д. 119, л. 1—7.
[2] ЦАР, фонд деп. пол., 1905, д. № 999, ч. 43, т. III, л. 17.
[3] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 28, л. 8.
[4] Там же, д. 236, л. 12.
[5] Там же, д. № 198, л. 1.

Ясно, что члены кадетской партии из числа «зависимых» и запуганных обывателей не могли устоять даже перед самой легкой формой административных преследований и моментально отрекались от своей партии, не останавливаясь при этом перед прямым предательством. Вот что мы узнаем из письма секретаря екатеринославского комитета о печальном финале местной организации: «После арестов в конце декабря кадетская партия прекратила свое существование. Главная причина — возмутительные свидетельские показания, данные некоторыми из членов партии, которые из боязни отсидки готовы были утопить других. Более или менее энергичные члены партии опасаются опять нарваться на подобное явление».

Так как во многих случаях «зависимые» от начальства лица составляли значительный процент в составе кадетских групп, то нет ничего удивительного в том, что местные комитеты возлагали надежды «на энергию и настойчивость центрального комитета кадетов добиться от либерального премьера легального признания партии». [1] С своей стороны центральный комитет шел на далеко идущие уступки правительству, чтобы добиться легализации партии. Вопрос о легализации не сходил с повестки центрального комитета. Он соглашался даже на изменение устава партии, чтобы «действовать в рамках основных законов».

Что не административные преследования были причиной упадка партии, об этом проговаривались сами кадеты. Они не могли утаить, что в ряде случаев, где репрессий по отношению к кадетам совершенно не было, положение партии было все же «очень плохое». Так, в Тамбове «партия слаба и непопулярна. Тает, несмотря на снятие репрессий». [2] Клинская группа, сообщая об «охлаждении рабочих к партии», в то же время признает, что «нас отнюдь не притесняли», что «исправник — человек очень порядочный» и т. д. [3]

Больше того. Те весьма слабые кары, которым иногда подвергались кадетские организации, служили даже своеобразной рекламой, подогревали интерес к кадетской партии со стороны обывательских слоев населения. На заседании центрального комитета в сентябре Колюбакин, полемизируя с противниками выборгского воззвания, говорил: «Нам важно не отношение правительства, а отношение к нам населения. У нас нет престижа среди населения. Он будет благодаря репрессиям». [4]

Ссылкой на репрессии кадеты нередко оперировали как дымовой завесой, чтобы скрыть настоящую подоплеку слабости своей партии. Даже в самую лучшую пору своего существования — весной 1906 г., — когда кадеты пожинали победные лавры на выборах в I думу, они, в сущности, не имели корней в массе населения. Крах конституционных иллюзий, особенно

---

[1] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 202, л. 40.

[2] Заявление делегата от тамбовской группы на августовском совещании ЦК («Красный архив», т. XLVII—XLVIII).

[3] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 268, л. 7.

[4] Там же, д. № 28, л. 3.

после разгона кадетской думы, заметно подорвал кредит кадетов в народе. Мелкобуржуазные крестьянские массы отворачиваются от кадетов, и политически активная часть их переходит на революционные позиции. В этом и только в этом следует искать причину упадка кадетской партии.

Этот факт настолько сильно бьет в глаза, что его не могли замолчать и сами кадеты. «Обращаясь к партийной агитации в деревне, — читаем мы в докладе нижегородского комитета, — комитету приходится констатировать печальный факт почти полной бездеятельности... Агитация в деревне под флагом партии народной свободы невозможна». [1]

Опросный лист, заполненный тульским комитетом, не оставляет никаких сомнений насчет того, почему агитация под кадетским флагом стала невозможной. «Между первой и второй думой, — говорится там, — деятельность партии в Тульской губернии совершенно замерла ввиду быстрого роста эволюции общества влево, особенно среди крестьян». [2] На упадок влияния кадетов в связи с полевением народной массы указывал и ряд делегатов на августовском совещании. Так, Езерский из Пензы говорил: «Положение партии очень плохое. Замерла. Замечается тенденция налево». Воронежские делегаты, ссылаясь на то, что роспуск думы совпал с аграрными пожарами и что в крестьянстве после роспуска революционное настроение сильно повысилось, признавали, что левые партии на митингах сплошь и рядом побеждают. Все делегаты в один голос заявили, что разгон думы явился резким ударом по идее царизма и что повсеместно наблюдается усиление боевого настроения среди крестьян, которое проявляется в виде пения рабочей марсельезы, награждения царя эпитетами «Николай кровавый» и т. д.

«Оппозиционное» настроение в крестьянской массе нарастало семимильными шагами, сдерживать ее «от более левых и резких проявлений» оказывалось не по плечу кадетским демагогам.

В это время кадетское руководство, успокоенное, надо полагать, тем, что открытое революционное движение было неслыханным белым террором загнано внутрь, взяло курс на сближение с правительством, на подчинение своих тактических установок видам правительства. Но значительная часть кадетских функционеров в провинции, чувствуя, что правый курс неизбежно приведет к гибели надежд на завоевание масс и, следовательно, к политической смерти партии, еще пробовала

[1] Там же, д. № 290, л. 7. Против подчеркнутых нами слов председателем центрального комитета кн. Пав. Долгоруковым сделана пометка, с головой выдающая кадетских двурушников: «флаг незачем совать в нос».

[2] Там же, д. № 401, л. 27. Из с. Сергиевского Крапивенского уезда руководитель группы в ответ на опросный лист центрального комитета сообщал, что «настроение в обществе и среди крестьян настолько оппозиционно, что я считаю необходимым при беседах с крестьянами сдерживать их убеждениями от более левых и резких проявлений» (Там же, л. 29).

жонглировать «левыми» лозунгами. Так, костромской комитет 21 июля 1906 г. решил, что «партия должна принять активное участие в подготовительной ко всеобщей политической забастовке работе путем сношения с местными профессиональными и политическими организациями и популяризовать идею всеобщей политической забастовки в широких слоях населения». [1] Конечно, это было лишь платоническим расшаркиванием кадетов перед популярным в массе лозунгом. О практическом осуществлении своего решения костромские кадеты и не думали.

Съезд делегатов кадетских групп Курской губернии (август 1906 г.) настаивал на том, чтобы в программу партии включить, что земля должна принадлежать трудящимся и что конечной целью аграрной программы должна быть национализация земли и передача ее трудящимся. Оправдываясь перед центральным комитетом в этом левом маневре, председатель губернского комитета Долженков уверял, что «это совершенно изменит отношение к партии крестьян, которые настроены враждебно к неясно выраженным положениям настоящей программы». [2]

«Чтобы вновь завоевать утраченное доверие переместившегося влево крестьянства», ржевский комитет, подражая курским кадетам, счел необходимым уточнить термин «справедливая оценка» (за отчуждаемые помещичьи земли) в программе. [3] Московские кадеты носились с планом устройства «межпартийного креста помощи политическим заключенным и безработным», [4] и т. д.

Однако, эти левые жесты, как показало поражение кадетов на выборах во II думу, уже не в состоянии были обмануть демократического избирателя. Кадетская партия в значительной мере утратила популярность, обнажив свою контрреволюционную природу. В разоблачении кадетов, как партии народной измены, огромную роль сыграли большевики во главе с Лениным и Сталиным.

От местных групп непрерывно поступали в центральный комитет известия, что деятельность кадетов усиленно парализуется большевиками. «Сторонники социал-демократической партии, — жаловались рыбинские кадеты, — держат себя на собраниях крайне вызывающе, в прениях не соблюдают должного спокойствия и такта, взамен классового самосознания (?) развивают классовую ненависть». [5] Кадетский активист из гор. Киржача Владимирской губернии сообщал, что «наш район исключительно фабричный, а в подобных слоях населения успех имеют только социал-демократы, с которыми бороться негде и нельзя, на тайные митинги мы ходить не можем». [6] В другом

---

[1] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 222, л. 22.
[2] Там же, д. № 236, л. 11.
[3] Там же, д. № 392, л. 16.
[4] Там же, д. № 252, л. 1.
[5] «Вестник партии народной свободы», 1906, № 15, стр. 1004.
[6] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 177.

письме он категорически заявляет, что «вести здесь агитацию невозможно. Ввиду этого присылка литературы является совершенно бесполезной».[1]

Напрасно московские кадеты принимали решение «наводнять партийной литературой села и уезды».[2] Благодаря последовательно-революционной тактике большевиков, боровшихся за гегемонию пролетариата в буржуазно-демократической революции, высвобождение широких полупролетарских масс из-под влияния либералов шло такими шагами, что уже в период междудумья доверие к кадетам в народных массах было решительно подорвано. Не успевши расцвести, кадетская партия явно увядала.

3. Октябристы в период I думы и междудумья

В I думе была немногочисленная фракция «Союза 17 октября» во главе с будущими учредителями партии мирного обновления гр. Гейденом и М. Стаховичем. Оба они стояли на левом фланге октябризма, и потому их линия поведения не во всем совпадала с официальным курсом «Союза».

По ряду вопросов, обсуждавшихся в думе (об амнистии, об отношении к министерству Горемыкина, по аграрному вопросу) думская фракция октябристов разошлась с кадетами, в сущности, лишь в деталях. Так, по вопросу об отношении к правительству группа Гейдена — Стаховича солидаризировалась с кадетами. «Я думаю, — говорил гр. Гейден при обсуждении декларации правительства, — что представителями власти должны быть представители современных идей, а не носители тех ветхозаветных мыслей, того ветхозаветного строя, каким является большинство теперешнего министерства, и мое глубокое убеждение, что это министерство должно уступить место другому, пользующемуся доверием думы».[3]

Точно так же думские октябристы не возражали и против кадетского принципа «отчуждения» помещичьей земли. «Раз уступка частной собственности, — заявил Гейден, — в пользу успокоения страны является государственной необходимостью, то право частной собственности должно, разумеется, уступить государственной необходимости, и это не есть мера ни революционная, ни насильственная, это есть мера успокоения страны, и потому я лично подам голос за то, чтобы не останавливаться перед принятием меры обязательного отчуждения».[4] Гейден только подчеркивал, что принудительное отчуждение допустимо лишь как «крайняя мера» — во всех тех местностях, где иным путем нельзя разрешить земельного вопроса. Кадеты в своем аграрном законопроекте трактовали обязательное от-

[1] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, письмо от 11 декабря 1906 г.
[2] Там же, д. № 252, л. 2.
[3] Государственная дума, стенографические отчеты, 1906, сессия I, стр. 350.
[4] Там же, стр. 137.

чуждение как «общую меру», по их проекту только образцово-показательные имения не подлежали ликвидации. Но если мы вспомним, что, по признанию самих кадетов, при практическом осуществлении кадетской аграрной реформы были бы сделаны все необходимые скидки и поправки, то станет совершенно ясно, что принципиальной разницы между кадетским проектом аграрной реформы и проектом Гейдена не было.

Только в одном вопросе — вопросе об отношении к революционному насилию — группа Гейдена разошлась с кадетами. В то время как кадеты не нашли в себе мужества сбросить маску и под разными предлогами отвиливали от прямого ответа, Стахович от имени своей группы внес предложение решительно осудить революционный террор.

Когда зашла речь о том, как должна дума реагировать на аграрное сообщение правительства, то думские октябристы заняли в этом вопросе позицию, идентичную с позицией правых кадетов. В тон с Долгоруковым, который рассматривал обращение к народу как средство чисто «революционное» и предлагал ограничиться мотивированным переходом к очередным делам, октябристы, — может быть, только в более прямой форме, чем правое крыло кадетов, — предлагали «лучше молчать», указывая, что «входить в споры с правительством — это начало междоусобицы». [1]

После роспуска думы Гейден и К° не поехали в Выборг и осудили выборгское воззвание, но вместе с тем заявили о своей солидарности с деятельностью I думы.

Крупная буржуазия, составлявшая ядро «Союза 17 октября», не сочувствовала направлению работы I думы. В частности, промышленники опасались, что «при рассмотрении думой вопросов, имеющих отношение к промышленности, эти вопросы получат одностороннее разрешение». [2]

Еще перед открытием думы саратовское купеческое общество обратилось в министерство финансов с докладной запиской, в которой, указывая, что «ход выборов, почти повсеместная победа партии народной свободы, не оставляет сомнения, что Государственная дума будет состоять из крестьян, кадетов и более левых партий», продолжает: «... Такой состав думы вселяет торгово-промышленному классу серьезные опасения за его будущее. Прежде нам давала надежду политика министерства финансов, справедливо и верно оценивавшего значение торговли и промышленности. Где искать опоры теперь, когда центр законодательный переместился к народному представительству?» [3]

---

[1] Заявление кн. Волконского в аграрной комиссии Государственной думы (Центральный архив внутренней политики, культуры и быта в Ленинграде, фонд 1 Государственной думы, д. № 715, л. 55).

[2] «Горнозаводский листок», 1906, № 25, стр. 8572.

[3] Центральный архив внутренней политики, культуры и быта в Ленинграде, фонд канцелярии совета министров, д. № 75, л. 225.

По поводу кадетского аграрного законопроекта председатель совета горнопромышленников юга России фон Дитмар заявил, что «аграрная реформа в той форме исключительно дополнительного наделения землей, в какой она выставлена в думе, не определяется объективными условиями данного момента». [1]

Но, не сочувствуя направлению деятельности I думы, верхи торгово-промышленной буржуазии в то же время возражали против ее роспуска, сомневаясь в способности правительства справиться с революционными волнениями. Южные горнопромышленники, обратив внимание на то, что «настроение рабочих весьма тревожно и волнения вспыхивают в разных районах Донецкого бассейна» и что, таким образом, промышленность «находится в преддверии сильнейших потрясений и, может быть, полного разгрома», приходят к заключению, что «если Государственная дума и Совет будут распущены, то вся страна будет поставлена в критическое положение... и не будет внесено в страну то умиротворение, для которого призваны оба законодательные учреждения». [2]

Вот почему верхам торгово-промышленной буржуазии акт 8 июля казался прыжком в неизвестность. Крупнобуржуазные партии первоначально заняли выжидательную и двойственную позицию, а их левый фланг — только что образовавшаяся партия мирного обновления — поспешил осудить роспуск думы и даже заявил о своей солидарности с деятельностью I думы.

Так как роспуск думы был встречен народом относительно спокойно, то крупная буржуазия пришла к выводу, что правительство одержало победу над революционным движением. Вот почему среди крупной буржуазии крепнет решимость открыто перейти на позицию военно-полевого режима Столыпина с его знаменитым девизом: «сперва успокоение, а потом реформы».

«Союз 17 октября» превращается в приказчика Столыпина. Отдельные лидеры «Союза» — Шипов, Гейден, М. Стахович, — не перестроившиеся в этом направлении, оттираются на задний план и вынуждены выйти из «Союза». Вождем октябристов становится Гучков, который с самого начала выступает как преданный слуга Столыпина. Еще во время переговоров Столыпина с общественными деятелями по поводу вступления в его кабинет только один Гучков полностью одобрил мысль Столыпина о неизбежности разгона думы; он также, по словам Шипова, «более продолжительное время, чем остальные, продолжал выражать доверие к политике нового премьера и готов-

---

[1] Записка фон Дитмара «Проекты аграрной реформы и их значение для горной области» (напечатана в виде приложения к № 26 «Горнозаводского листка» за 1906 г.).

[2] «Горнозаводский листок», 1906, № 21, стр. 8535. Заявление члена Гос. совета Авдакова в бюро группы центра членов Государственного совета.

ность принять его предложение». [1] Правда, комбинация с включением Гучкова и его единомышленников в состав «министерства роспуска думы» встретила затруднения вне их доброй воли, [2] но они тем не менее изъявили готовность служить правительству, «не уходя в настоящую минуту от общественной деятельности, которая им свойственна и которая требует мобилизации всех трезвых общественных сил». [3]

После опубликования правительственного сообщения от 24 августа 1906 г. об учреждении военно-полевых судов Гучков в беседе с корреспондентом «Нового времени» заявил, что он горячо одобряет эту меру. «Указания правительства, — говорил он, — на решительные меры в борьбе с революцией дают надежду, что люди мирного труда встретят в правительстве твердую власть, умеющую охранять нашу молодую политическую свободу... Что касается самого закона о военно-полевых судах, то он является жестокой необходимостью; он как бы легализирует карательные экспедиции, которые совершались и раньше. Но ведь у нас в некоторых, по крайней мере, местностях идет, право, междоусобная война, а законы войны всегда жестоки. Для победы над революционным движением такие меры необходимы». Дальше в интервью содержался поток дифирамбов по адресу Столыпина: «Я глубоко верю в Столыпина. Таких способных и талантливых людей еще не было у власти», [4] и т. д.

В связи с обращением кн. Трубецкого к Гучкову с ироническим вопросом, к какой партии он принадлежит — мирного или военного обновления, — Гучков поместил в газетах открытое письмо к кн. Е. Трубецкому, которое можно рассматривать как декларацию октябристов о безоговорочном переходе их на рельсы столыпинского белого террора. В этом письме Гучков осуждает освободительное движение, которое привело

[1] Д. Шипов, Воспоминания и думы о пережитом, М., 1918, стр. 491.

[2] Мы упоминали в конце 11-й главы, что после разгона думы Столыпин, далеко еще не уверенный в своих силах, чтобы выиграть время, продолжал некоторое время вести переговоры с общественными деятелями октябристского и мирнообновленческого направления о вступлении их в министерство. Несмотря на то, что он предполагал использовать эту публику только в роли статистов, крепостнические зубры не в шутку переполошились. Совет объединенного дворянства обратился в Столыпину с протестом против этого шага. Образование «коалиционного» министерства представлялось «объединенным» дворянам в высшей степени опасным, потому что «народ может увидеть в правительственном акте лишь новую уступку в целой системе таковых». Укрепить же положение правительства, создать для него атмосферу всеобщего доверия указанные общественные деятели, по мнению Совета, не могут, так как они «даже не являются представителями большинства населения, ибо по крайней мере в Государственной думе они составляли небольшую группу меньшинства, политический же их кредит в массе народа вне думы является далеко не доказанным» (ГАФКЭ, фонд совета объединенного дворянства, д. № 40, л. 3) Эти соображения, по всей вероятности, и заставили Столыпина бросить мысль о коалиционном кабинете.

[3] Д. Шипов, Воспоминания и думы о пережитом, М., 1918, стр. 475.

[4] «Вестник партии народной свободы», 1906, № 27—28, стр. 1510—1513.

к манифесту 17 октября: «То, что в нем есть положительного — демократизация избирательного права и расширение прав народного представительства — было нам обеспечено и через посредство думы 6 августа. То, что принесло это движение отрицательного, это все то, что мы с тех пор пережили и что поставило наше отечество буквально на край гибели». Гучков рисует дальше мрачную перспективу, как «торжество революции или даже новое обострение революционного кризиса похоронит и нашу молодую политическую свободу и остатки нашей культуры и благосостояния». Считая, что «революция, а не правительство является помехой к обновлению нашего отечества», Гучков приглашает общество в тесном единении с правительством вступить в смертельный бой с революционным движением. Он призывает воевать «по-военному» и приветствует учреждение военно-полевых судов.

После опубликования письма Гучкова один из учредителей «Союза 17 октября» Шипов вышел из «Союза», разойдясь с Гучковым в оценке политики Столыпина. По мнению Шипова, массовые казни «не могут обновить нравственный облик земли русской, — мера эта может содействовать лишь еще бóльшему развитию процесса деморализации и одичания в обществе». [1]

Вскоре после выхода из «Союза 17 октября» Шипов примкнул к партии мирного обновления, которая составилась из перебежчиков с правого крыла кадетской партии (Н. Львов, кн. Е. Трубецкой и др.) и левых октябристов (Шипов, Гейден, Рябушинский и т. д.). В отличие от «Союза 17 октября» партия мирного обновления объявила себя «непримиримо-оппозиционной ко всякому антиконституционному правительству» и ввиду этого заявила об отказе поддерживать министерство Столыпина. От кадетов мирнообновленцев отделяло отрицание каких бы то ни было соглашений с революционерами, прямое — без кадетских увертюк — осуждение революционного насилия и решительный отказ от «антиконституционных» способов борьбы против правительства», к которым, якобы, прибегали кадеты (в данном случае подразумевалось выборгское воззвание).

В аграрной части своей платформы мирнообновленцы отвергали кадетский проект образования государственного земельного фонда и отвод земли крестьянам в пользование и высказывались за создание «прочного крестьянского землевладения». В то же время мирнообновленцы считали допустимым в целях умиротворения крестьян «обязательное отчуждение потребного количества частновладельческих земель». Руководители новой партии рассчитывали, что в ее ряды войдет значительная часть правых кадетов и левых октябристов.

Однако эти надежды не оправдались. Несмотря на то, что правые кадеты по своим тактическим взглядам действительно ничем не отличались от мирнообновленцев, они тем не менее

[1] Д. Шипов, Воспоминания и думы о пережитом, М., 1918, стр. 497.

не склонны были покинуть ряды своей партии. Правые кадеты полагали — и не ошиблись в этом, — что время работает за них, что в партии усиливается правое настроение и что, таким образом, им удастся подчинить своему влиянию левых кадетов, не прибегая к расколу и используя при случае левых фразеров в качестве «демократической» ширмы.

Что касается октябристов, то под впечатлением безнаказанного для правительства роспуска думы в их среде происходит консолидация на почве безоговорочной поддержки Столыпина. В условиях, когда революция в глазах перепуганного буржуа грозила похоронить «остатки» буржуазного благосостояния, буржуазия все больше и больше убеждалась в том, что искоренить «смуту» могут только «крайние» меры. А так как «после роспуска думы правительство стало бороться с революцией во-всю», то естественно, что буржуазия пошла на всемерную поддержку правительства.

Гучков, полностью одобрявший систему столыпинского белого террора, отразил в своей декларации настроение всей крупной буржуазии, смертельно напуганной призраком революции. Не только не оправдались расчеты мирнообновленцев на раскол октябристов, но, наоборот, после заявления Гучкова и выхода из «Союза» Шипова «Союз 17 октября» превращается из временного объединения различных партий, каким он был до сих пор, в политическую партию обычного типа. В период междудумья прекращают свое существование торгово-промышленная и тому подобные партии, и большая часть их членов присоединяется к «Союзу 17 октября».

Октябристы на земских собраниях конца 1906 и начала 1907 гг. значительно усилили свои позиции в органах земского самоуправления за счет разгрома кадетских управ. Как сильно был изменен состав руководящих органов земства, показывает следующая табличка о партийной принадлежности председателей губернских земских управ в старом и новом их составе:

Партийность	Председателей прежних управ	Председателей новых управ
Кадеты	15	1
Прогрессисты	6	3
Октябристы	13	19
Правые	—	11
Всего	34	34[1]

Как видим, в результате новых выборов октябристы превратились из меньшинства в доминирующую силу в земстве. Естественно поэтому, что в том походе против «третьего элемента», которым ознаменовалась история земства в 1906—1907 гг., очень видную роль играли октябристы.

Краеугольным камнем аграрной программы октябристов была ставка на развитие кулачества. Неудивительно поэтому,

[1] Б. Веселовский, История земства, СПб., 1913, т. IV, стр. 35.

что после издания указа 9 ноября центральный комитет «Союза» постановил вычеркнуть из своей программы раздел по аграрному вопросу, ибо «все положения по этой части уже разрешены и осуществлены правительством в своих законах». [1]

Октябристы всячески чернят I думу. В тон Горемыкину В. Львов назвал ее «грязной пеной, всплывшей наверх взбаламученного народного моря». [2] Московская городская дума, в которой руководящую роль играли октябристы, отказалась от чествования английской и итальянской парламентских делегаций, прибывших в Москву для поднесения адреса бывшим членам думы. [3]

Любопытно, что октябристы не останавливались даже перед нападками на манифест 17 октября, несмотря на то, что они сами же избрали его официальным знаменем своей партии. Они признавали крайне неудачной редакцию манифеста на том основании, что им провозглашены свободы «без всякого ограничения их законом». [4] «Союз 17 октября» мог с полным правом носить кличку, данную ему кн. Е. Трубецким: «союз пропавшей грамоты».

4. Борьба промышленников против рабочего движения в 1906—1907 гг.

В 1906—1907 гг., наряду с резким поправением всех буржуазных партий, происходило также и усиленное объединение капиталистов для борьбы с забастовками и перехода в контрнаступление против рабочего класса с целью отобрать назад все завоевания рабочих в 1905 г. Правда, организации крупной буржуазии существовали и до революции, но тогда главное назначение их состояло в «представительстве» интересов различных групп промышленников и торговцев в правительственных учреждениях (фабричное законодательство, покровительственные пошлины, казенные заказы и субсидии, налоги и т. п.). С забастовками же капиталисты, как правило, боролись сепаратно, тем более, что и рабочие выступали разрозненно. Зарождение боевых предпринимательских союзов с целью организованной борьбы с рабочим движением относится к январю 1905 г. Напуганные необычайным подъемом январской стачечной волны, промышленники заключают порайонные и отраслевые соглашения, чтобы установить единый фронт по отношению к требованиям рабочих (конвенция московских фабрикантов в феврале 1905 г., ноябрьская конвенция петербургских фабрикантов и заводчиков и др.).

Не ограничиваясь соглашениями от случая к случаю, капиталисты объединяются в постоянные союзы. Членам предпри-

---

[1] «Русское слово» от 26 ноября 1906 г.

[2] В. Львов, Программные речи и статьи в самарском отделе союза, М., 1907, стр. 49.

[3] Журнал моск. гор. думы, 1906, № 18.

[4] В. Львов, цит. книга, стр. 11.

нимательских союзов вменяется в обязанность не делать никаких уступок рабочим без санкции общего собрания, не признавать рабочего представительства, бойкотировать рабочих, внесенных в так называемые черные списки, и немедленно закрывать свои предприятия в случае решения союза подвергнуть всех рабочих данного района или отрасли промышленности массовому локауту. Предпринимательские союзы вводят специальное обложение членов для создания забастовочных фондов, откуда можно было бы оказывать взаимную поддержку в случае стачек рабочих. Многие союзы сверх того брали с своих членов крупные денежные залоги, которые утрачивались членами союза при нарушении устава.

Самыми влиятельными организациями предпринимателей были петербургское общество фабрикантов и заводчиков, которое в 1906 г. насчитывало 169 членов с 110 тыс. рабочих, и общество фабрикантов и заводчиков Центрально-промышленного района (50 членов с 139 тыс. рабочих). Кроме Петербурга и Москвы, союзы фабрикантов возникли в Варшаве, Лодзи, Риге, Одессе и других промышленных городах страны. В октябре 1906 г. состоялся I съезд представителей промышленности и торговли, который положил прочное основание всероссийскому объединению крупного капитала. Все эти союзы были организациями крупной или, вернее, даже крупнейшей буржуазии. Например, по уставу общества фабрикантов и заводчиков Центрально-промышленного района в союз принимались только те предприниматели, у которых работало не меньше 100 рабочих в Московской губернии и не меньше 300 рабочих в остальных губерниях.

В борьбе объединенных капиталистов против рабочего движения в 1906—1907 гг. надо различать два периода: первая половина 1906 г. и вторая половина 1906 г. и 1907 год. Весной и летом 1906 г. напор стачечной борьбы был так велик, что капиталисты в большинстве случаев вынуждены были итти на уступки. Число рабочих, выигравших стачки, превышало число проигравших. Во второй четверти 1906 г. из 222 тыс. экономических стачечников 86 тысяч победили, 58 тысяч закончили стачку компромиссом и 78 тысяч проиграли.

Начиная со второй половины 1906 г., экономическая борьба рабочих падает и начинается наступление капитала. Промышленная депрессия, рост безработицы, разгул правительственного террора, сплочение капиталистов, наконец, усталость рабочих вследствие крайнего перенапряжения их стачечной энергии в 1905 г. и во второй четверти 1906 г. — все это предопределяло успех наступательных действий капиталистов и поражение рабочих. Организацией локаутов, голода и безработицы капиталисты хотели сломить революционный дух рабочих, ликвидировать все завоевания революции и вернуть рабочих в состояние дореволюционного рабства. С помощью локаутов капиталисты стремились вернуться к дореволюционной продолжительности рабочего дня, добиться снижения заработной платы и разгрома

рабочих организаций. Локауты имели целью очистить предприятия от «смутьянов», устранить какое-либо участие рабочих в установлении расценок и в контроле за приемом и увольнением рабочей силы.

Поводом к локауту обычно служило «оскорбление» рабочими особо ненавистных лиц из заводской администрации. Так, предлогом для грандиозного лодзинского локаута, начавшегося в середине декабря 1906 г., послужил вывоз рабочими на тачке инженера фабрики Познанского. Воспользовавшись этим инцидентом, Познанский закрыл фабрику и объявил, что откроет ее только в том случае, если рабочие согласятся на увеличение рабочего дня до 10 часов, на снижение расценок и ликвидацию рабочего представительства. Кроме того, Познанский уволил каждого пятого рабочего того отделения фабрики, где произошло оскорбление инженера и объявил о восстановлении обысков. Закрытие фабрики Познанского явилось сигналом к локаутированию всех 40 тысяч рабочих хлопчатобумажного производства Лодзинского района. Стремление лодзинских фабрикантов «проучить» рабочих голодом встретило полную поддержку со стороны царских властей: они ввели усиленную военную охрану фабрик, разгоняли и расстреливали «сборища» рабочих, производили массовые аресты и высылки. Однако, несмотря на ужасные страдания (люди падали на улицах от истощения), рабочие упорствовали. Тогда фабриканты прибегли к террору против рабочих при помощи боевых дружин, организованных партией народовых демократов.[1] Банды эндеков, при явном попустительстве полиции, охотились за революционными рабочими, подстреливая их из-за угла на улицах, в домах, на фабриках. Народовцы создали в помощь фабрикантам также желтые союзы штрейкбрехеров, вербуя их из самых темных и отсталых элементов среди рабочих. Чтобы не умереть от голода, рабочие вынуждены были принять почти все требования фабрикантов, но не давали своего согласия на увольнение 98 рабочих фабрики Познанского, которые вывезли на тачке инженера. Тогда фабриканты прибегли к следующей уловке: польские ксендзы произвели обход этих 98 рабочих и от шестидесяти им удалось добиться «добровольного» отказа от работы на фабрике Познанского. В конце-концов лодзинским фабрикантам, действовавшим в тесном союзе с полицией, черной сотней и духовенством, удалось сломить героическое сопротивление рабочих, длившееся 4 месяца.

Лодзинские события послужили грозным предостережением для рабочих всей России. Одной из главных причин поражения лодзинских текстильщиков была недостаточная организованность и отсутствие единства в их собственных рядах. На опыте лодзинских событий рабочие убеждались, что объединенным

---

[1] Партия народовых демократов (эндеки) являлась блоком польской буржуазии и помещиков.

капиталистам с их тактикой локаутов необходимо противопоставить единый рабочий фронт. Рабочие стали сознавать, что необходимым условием для успешной борьбы с союзами фабрикантов является создание сильных профессиональных организаций и объединение их в областные и всероссийские союзы. Буржуазия и царское правительство отлично учитывали, какая опасность грозит им в случае образования единого рабочего фронта, и всячески стремились парализовать тягу рабочих к организации. Объявляя локауты, капиталисты ставили одной из главных своих целей разгром рабочих организаций. Причиной длительного локаута на заводах Крейтона, Эриксона и «Атлас» в Петербурге в 1906 г. послужил отказ заводчиков иметь дело с профессиональным союзом рабочих металлического производства. Щетинщики Северо-западного края, организуя массовый локаут, приняли решение: 1) не вести никаких переговоров с союзом рабочих, 2) не принимать на работу более деятельных членов союза рабочих и 3) в случае упорства рабочих выдавать их руководителей полиции. Нередко промышленники в ультимативной форме требовали от рабочих выхода из профсоюзов и ликвидации на заводах рабочего представительства, угрожая в противном случае остановкой производства на неопределенное время. Московский металлозаводчик Гужон, 31 июля 1906 г. выступая на собрании рабочих по поводу забастовки солидарности с кронштадтскими и свеаборгскими моряками, угрожающе заявил: «Впредь буду немедленно останавливать производство на неопределенное время, коль скоро будет начата политическая забастовка. Никакого негласного или гласного заводского комитета социал-демократической рабочей партии не должно быть. Поэтому прошу всех вас помочь мне обнаружить, кто составляет самозванный рабочий комитет. Правлением будут приняты меры, чтобы всеми средствами парализовать этот комитет, не исключая также самой остановки завода и роспуска всех рабочих, если не удастся вместе с вами обличить имена лиц, которые так нагло думают взять в свои руки распоряжение над всеми остальными заводскими рабочими».

Царское правительство, особенно после разгона I думы, принялось за свирепую расправу с профессиональными организациями. Отказ в регистрации и закрытие профсоюзов, обыски и аресты профсоюзных активистов, преследование рабочей печати и т. п. стали обычным явлением.

В дезорганизации рабочего движения большую услугу оказывали капиталистам предательские, раскольнические действия меньшевиков в профессиональном движении. В то время как большевики стояли за организацию централизованных профсоюзов на производственной основе и добивались идейного и политического руководства профсоюзами со стороны партии, меньшевики насаждали карликовые локальные и цеховые организации по типу английских тред-юнионов и защищали «нейтральность» и «независимость» профсоюзов по отношению к со-

циал-демократической партии. Так, в Баку, в противовес возникшему по инициативе большевиков единому союзу нефтерабочих, меньшевики создали несколько цеховых союзов: профессиональное общество рабочих механического производства, профессиональное общество рабочих по добыче нефти и др. Культивирование тред-юнионистских предрассудков внутри рабочего движения было как нельзя более на руку объединенным капиталистам и правительству. Было совершенно ясно, что лицом к лицу с централизованными союзами фабрикантов, поддерживаемых всей мощью государственного аппарата царской монархии, рабочие, разделенные цеховыми переборками, будут бессильны и станут легкой добычей капиталистических акул. Недаром, преследуя производственные союзы рабочих, находившиеся под влиянием большевиков, царская администрация редко отказывала в регистрации профессиональным обществам, построенным на узко-цеховых началах.

Капиталисты пытались внести разложение в рабочие ряды также с помощью черной сотни. [1] «Союз русского народа» поставлял фабрикантам штрейкбрехеров, погромщиков и убийц. «Союзники», снабженные оружием и пользуясь всемерной поддержкой как заводской администрации, так и полиции, терроризировали рабочих. Они избивали, грабили и убивали сознательных рабочих, производили обыски в рабочих квартирах, составляли особые списки «крамольников», подлежащих немедленному увольнению с завода, занимались сыском и шпионажем, срывали митинги и стачки рабочих. Черносотенцы пытались идеологически обрабатывать рабочих, раздавая им погромные листки, и с револьверами в руках сгоняли их утром на молитву. Не поддающиеся описанию издевательства и зверства черносотенцев вскоре вызвали энергичный отпор со стороны рабочих. Заводские дружины боевиков уничтожали главарей черной сотни на заводах, уцелевшие спешили скрыться. Завербованные в «Союз русского народа» темные элементы из среды рабочих публично на собраниях отрекались от него и сдавали свое оружие и черносотенные значки.

В 1906 и 1907 гг. наблюдалась массовая безработица. Она была не столько конъюнктурного происхождения, сколько результатом преднамеренной политики локаутов, организованного голода и репрессий со стороны капиталистов и царских

---

[1] Ср. со следующей выдержкой из донесения екатеринославского губернатора департаменту полиции 29 июля 1907 г. о положении дел на местных заводах и фабриках. «Два года смуты отрезвили до неузнаваемости большинство капиталистов... Многие из капиталистов и почти все иностранцы в душе стали сами черносотенцами. Из разговоров моих с некоторыми представителями заводов и фабрик видно, что в настоящее время они охотно готовы были бы даже поддерживать союзы (по типу союза русского народа), но прямо боятся отчасти местных революционеров, а, главное, издевательств со стороны левой печати. Все же я знаю, что некоторые фабриканты негласно внесли кое-какие суммы для содержания недавно образованного в Екатеринославе союза русских рабочих Брянского завода» («Красный архив», т. XXV, стр. 195).

властей. Как цинично заявляли лодзинские фабриканты, «наших рабочих можно проучить единственным, хотя и страшным средством — голодом». Из опрошенных в Выборгском районе безработных только 29% были уволены вследствие экономического кризиса, 34% были уволены за участие в политической забастовке, 15% — за политические убеждения, 7,5% — за столкновение с заводской администрацией и т. п. Вследствие бойкотирования фабрикантами «зачинщиков», которые заносились в черные списки, основной состав безработных комплектовался из наиболее развитых и революционных рабочих. Весной 1906 г. среди петербургских рабочих развернулось движение под лозунгами: организация общественных работ для безработных, решительная борьба с сверхурочными работами, возвращение на заводы рабочих, уволенных по политическим мотивам и др. По инициативе большевиков был организован общегородской совет безработных, куда вошли представители от политических партий, профсоюзов и делегаты от фабрик и заводов столицы. Меньшевики всячески противодействовали движению безработных: их пугал революционный дух этой организации. Ставя крест на революции, меньшевики в это время агитировали за созыв широкого рабочего съезда и создание открытой мирной рабочей партии, которая могла бы органически врасти в столыпинский режим. Меньшевики распространяли кабинетнические измышления о том, что организации безработных стали центрами притяжения «темных элементов», и пытались взрывать эти организации изнутри.

Однако, несмотря на все происки меньшевиков, движение безработных быстро развивалось. Петербургский совет безработных объединил 19 659 человек из общего числа 42 000 безработных. 12 апреля 1906 г. совет отправил депутацию в городскую думу с требованием организации общественных работ в Петербурге. Дума, испуганная размахом движения, постановила ассигновать 500 тыс. руб. для оказания помощи безработным и для выяснения вопроса об организации общественных работ избрала комиссию с участием представителей от рабочих и общественных организаций. Но решение думы было опротестовано министерством внутренних дел, и общественные работы были организованы лишь для небольшой части безработных. Дума, состоявшая из представителей крупной буржуазии, естественно, была настроена враждебно к идее организации общественных работ, ибо не в интересах капиталистов было смягчение ужасов безработицы, которую они сами же провоцировали, чтобы «проучить» дерзких рабов, осмелившихся разогнуть спину и подняться на борьбу против царизма и ига капитала.

С июля 1906 г., после роспуска I думы, начинаются со стороны правительства гонения на организации безработных, руководители движения заточаются в тюрьмы, столовые для безработных закрываются, производятся массовые высылки безработных из Петербурга. Осенью 1906 г. городская дума, успокоенная явной убылью революционного движения, отказала

в дальнейшей помощи безработным, что привело к окончательному свертыванию общественных работ. Аналогичной была судьба движения безработных в Москве и других промышленных центрах страны.

Жестокие репрессии, обрушившиеся на пролетариат, со стороны объединенных капиталистов и царизма в обстановке общего упадка революции, [1] приводят, начиная с третьей четверти 1906 г., к ослаблению напора стачечной волны и вследствие этого к поражению рабочих. Это видно из следующей таблички:

Результаты стачек [2]

(1906 г.)	Четверти года II	III	IV
В пользу рабочих	86	37	6
Компромисс	58	46	8
В пользу хозяев	78	42	23
Всего	222	125	37

В следующем, 1907 г., наблюдается непрерывное отступление рабочих и наступление капитала. Процент числа стачечников, понесших поражение, в 1907 г. достигает 57,6 (против 33,5 в 1906 г. и против 29,4 в 1905 г.). Эти данные свидетельствуют о глубоком упадке революции и наступлении полосы кровавой реакции, военно-полевых судов и столыпинских «галстуков».

---

[1] Об упадке крестьянского движения можно судить по следующим данным. Число уездов, в которых проявлялось движение, в мае—августе 1906 г. составляло 250 (50% всего числа уездов), в сентябре—декабре — 72 (14%). В 1907 г. январь — апрель — 44 (8,8%), май — август — 28 (5,6%), сентябрь — декабрь — 3 (0,6%).

[2] Ленин, т. XV, стр. 47.

ГЛАВА 13
ВТОРАЯ ДУМА

1. Избирательная платформа кадетской партии

Избирательная платформа, с которой выступили кадеты на выборах во II думу, свидетельствует о сильном поправении кадетов. Деятельность перводумских кадетов подвергается суровому осуждению. По словам «Речи», в I думе кадетская партия «нарушила пределы благоразумия» и пошла вместе с другими «на штурм». Правда, обстоятельством, смягчающим «вину» перводумских кадетов, было то, что они шли на «штурм» против своей воли, лишь «повинуясь голосу страны»,[1] но во всяком случае, раз тактика парламентского штурма не удалась, необходимо теперь «лучше взвесить препятствия и найти новые способы борьбы с ними».

Эти новые формы борьбы были открыты Милюковым с его формулой: «от штурма — к медленной осаде». «Вместо прежних надежд, — читаем мы в объяснительной записке к тезисам по поводу избирательной платформы, составленной Милюковым, — взять политическую позицию штурмом, нам приходится рассчитывать на правильную осаду». [2] Нет нужды говорить, что тактика «осады», которую провозгласили теперь кадеты, имела столь же мало общего с настоящей осадой, как и тактика кадетской партии в I думе — со штурмом. В действительности, эффектным лозунгом «от штурма к правильной осаде» кадеты только маскировали капитулянтское содержание своей новой избирательной платформы.

Прения в центральном комитете кадетов по поводу избирательной платформы отчетливо вскрывают закулисную возню вокруг новой думской тактики. Прежде всего центральный комитет решает снять лозунг «полновластной думы», который украшал кадетскую избирательную платформу в I думу. На заседании центрального комитета 20 октября Милюков, указав, что «вопрос борьбы за власть уже выдвигался и на нем дума потерпела крушение», заявил, что «вопрос о расширении прав думы надо поставить как цель, но обещаний давать невозможно». [3] Гораздо определеннее высказался правый кадет

---

[1] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 28, л. 82. Из выступления Милюкова на конференции кадетской партии 28—30 октября 1906 г.

[2] «Вестник партии народной свободы», 1906, № 35, стр. 1781.

[3] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 28, протоколы центрального комитета кадетов, л. 95.

Имшенецкий, который прямо заявил, что надо отказаться от требования полновластной думы, ибо это равносильно требованию Учредительного собрания и революции. [1]

За отказом от термина «полновластная дума» логически должно было бы следовать также снятие лозунга о думском министерстве и признание, что дума будет действовать в рамках основных законов. Правые кадеты так и поступали. Петражицкий, например, советовал «приспособиться» к основным законам. Струве предлагал термин «ответственное министерство» заменить в избирательной платформе термином «солидарное с думой». [2]

Однако центр и левое крыло кадетов предпочли занять по этому вопросу излюбленную кадетами двуличную позицию. Милюков выступает против термина «полновластная дума», но отстаивает требование думского министерства. При этом он дает интересное объяснение своей непоследовательности, сразу же разоблачающее, что лозунг думского министерства им выставляется не всерьез, а исключительно по соображениям избирательной тактики. «Это требование, — говорил Милюков, — историческое и снять его нельзя». [3]

Изображая II думу в виде еле проходимой тропинки, кадеты стремились внушить населению бережное отношение к думе. Считая, что в I думе следовало бы «не допускать некоторых речей, которые превращали думу в митинг», [4] теперь кадеты обещают, что «думу больше трибуной не сделаем». [5] По поводу «организации общественных сил» решено было в избирательной платформе прямо сказать, что это — «задача будущего» и что «непосредственно дума этого делать не может». [6] С точки зрения «бережения думы» необходимо избегать всяких колючих вопросов, которые могли бы повлечь за собой конфликт между думой и министерством. Изгоев и Петрункевич, при обсуждении избирательной платформы, предлагали исключить даже само слово «конфликт».

По вопросу об аграрной реформе правые кадеты высказывались за снятие лозунга принудительного отчуждения. Но в данном случае, как и в вопросе о думском министерстве, большинство центрального комитета по соображениям избирательной тактики не решилось прямо отречься от своей аграрной программы. Кадеты превосходно учитывали, что в случае отказа от принципа принудительного отчуждения они не смогут опереться на губернских избирательных собраниях на голоса

---

[1] Там же, л. 82.
[2] Там же, л. 52.
[3] Там же, л. 74.
[4] Из доклада Набокова на заседании центрального комитета 19 сентября 1906 г. (ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 28, л. 12.)
[5] Заключительное слово Милюкова об избирательной платформе на конференции кадетской партии 29 октября 1906 г. (ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 28, л. 82.)
[6] «Вестник партии народной свободы», 1906, № 35, стр. 1784.

крестьянских выборщиков и кадетскую партию постигнет на выборах такой же разгром, как и правых. Вот почему центр и «левые» возражали против «смазывания» (разумеется, только в избирательной платформе) аграрного вопроса.

Интересная дискуссия происходила на заседаниях центрального комитета по вопросу о том, включить ли вопрос о фабричных реформах в избирательную платформу или нет. Здесь размежевка среди кадетов прошла иначе, чем обычно. На этот раз противником устранения рабочего вопроса из платформы выступил правый Струве в союзе с «левыми» кадетами. Струве издавна мечтал об образовании «истинной рабочей партии», которая во всех важных вопросах народной жизни была бы «союзницей» кадетской партии. На III съезде кадетской партии, по его инициативе, была принята резолюция о содействии со стороны партии «нейтральному» (по отношению к социал-демократам, конечно) рабочему движению. Это решение съезда не нашло практического осуществления. Но надежда отколоть от большевиков хотя бы часть рабочих не оставила Струве и перед выборной кампанией во II думу. «Правительство, — защищал он свою точку зрения на заседании центрального комитета — придет в думу с серией законопроектов по рабочему вопросу. Как же нам устранить рабочий вопрос из платформы?» [1]

Конечно, Струве далек был от мысли выдвинуть какие-либо радикальные реформы в области рабочего законодательства. По его мнению, «все наши работы должны быть направлены на поправки к правительственным законопроектам». [2]

«Левые» цекисты настаивали на включении фабрично-заводских реформ в платформу, исходя из тех соображений, что «рабочий класс может пополнять кадры разных партий» и что среди рабочих есть «люди, смотрящие на вопросы по-нашему». [3]

С отповедью «левым» выступил Милюков. «Скоро переломить социал-демократическое владычество у рабочих, — заявил он,— нам не удастся». При этом он сослался на то, что даже в профсоюзах «социал-демократы обращают против нас острие беспартийного профессионального движения». Но если так, то «тактические результаты будут не велики», [4] хотя бы кадетская партия и отвела место рабочим реформам в платформе.

Выступление Милюкова весьма симптоматично. Мы видели, что он был против снятия аграрной части платформы, надеясь использовать ее в качестве приманки для уловления голосов крестьянских избирателей. В отношении рабочих, распропагандированных социал-демократами (да притом еще большевиками), у Милюкова никаких иллюзий не было. Поэтому он возражает даже против всяких попыток подлаживания к рабочим.

---

[1] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 28, л. 79.

[2] Там же, д. № 28, л. 127.

[3] Из выступления Мандельштама и Щепкина на конференции кадетской партии в октябре 1906 г. (там же, лл. 82 и 80).

[4] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 28, речь Милюкова.

Собираясь действовать в думе исключительно в рамках основных законов, кадеты решили выдвинуть на первое место в избирательной платформе вопрос о переустройстве органов местного управления и судебную реформу, ибо это область самая неконфликтная: «само правительство может даже на нее пойти». Достаточно сравнить эту установку с лозунгом созыва думой всенародного Учредительного собрания, с торжественным обещанием перводумских кадетов «изгнать и отдать под суд преступное правительство», чтобы убедиться в откровенном повороте кадетов на сторону контрреволюции.

2. Кадеты на выборах

На выборах в I думу кадетам противостоял только нестройный конгломерат правых партий. Во второй избирательной кампании выступали новые силы: мелкобуржуазные демократы — эсеры и меньшевики, а также партия революционного пролетариата — большевики. Кадетам предстояло разрешить вопрос об избирательных соглашениях.

Правые кадеты предостерегали от соглашений налево и высказывались за объединение на выборах с мирнообновленцами и октябристами. Полемизируя со сторонниками блока с левыми партиями, правые кадеты указывали, что это может отпугнуть от кадетов «солидного» избирателя. Они полагали также, что в результате сенатских «разъяснений» избирательные шансы партий «левее кадетов» значительно уменьшились, и поэтому их конкуренция на выборах не так уж страшна для кадетов. Но главную опасность блокирования налево правые кадеты видели в том, что в этом случае кадетская партия много проиграет в глазах правительства. «Если соглашение с левыми состоится, — аргументировал эту точку зрения Ольденбург, — то не в праве ли будет правительство нам сказать: вы сами слабы, вы прошли в думу на голосах левых. Авторитет нашей партии будет умален». [1]

Кадетское руководство, которое в это время вело переговоры с Столыпиным о легализации партии, всячески стремилось поддерживать лойяльный тон по отношению к правительству. Поэтому оно соглашалось с правыми кадетами, что союз на выборах с «крайними» партиями может дать новую пищу для черносотенных выдумок о «революционных замыслах» кадетской партии и повредит таким образом репутации партии в высших сферах, но в то же время оно считало, что открытое объединение с правыми партиями было бы для кадетов гибельным. Кадеты не могли не видеть, что правые, в частности мирнообновленцы, были бессильны, и от сложения своих сил с ними кадеты не только не выиграли бы, но, наоборот, ослабили бы свои позиции на выборах. Недаром на августовском совеща-

[1] Там же, д. № 334, л. 23. Выступление на заседании петербургского комитета кадетов 1 января 1907 г.

нии кадетской партии делегат черниговской группы Полторацкий заметил, что «проскользнувшее в газетах известие о каких-то переговорах членов нашей партии в Москве с представителями мирного обновления имело у нас значение скандала». [1] По этим соображениям центральный комитет кадетов признал «несвоевременным» соглашение с партией мирного обновления и 22 декабря отверг блок с этой партией.

Главную опасность для себя с точки зрения избирательных шансов кадеты видели не в правых партиях, а в левых. Несмотря на то, что революционное движение неслыханным белым террором было загнано вглубь, ненависть рабочих и крестьян к царскому режиму усилилась, захватывая новые пласты доселе политически аморфной массы. Пропасть между кадетами, которые в эти дни быстрыми шагами шли вправо, и левеющими низами все более и более углублялась. Это обстоятельство не сулило кадетам ничего хорошего на выборах. «Настроение крестьян, — говорил на заседании центрального комитета кадетов киевский делегат, — стало сознательнее, и они передвинулись влево». [2] На августовском совещании делегат орловской группы заявил, что «в деревнях предстоит сильная борьба с левыми, и трудно сказать, насколько эта борьба будет успешной». Подытоживая выступления делегатов с мест, Колюбакин на заседании центрального комитета кадетов 5 сентября 1906 г. выразил опасение, что партию кадетов могут «вытолкать» на выборах, так как «у нас нет престижа среди населения». [3]

При наличии резко революционного настроения среди населения кадетские функционеры подчас были склонны итти по линии наименьшего сопротивления и ограничиться избирательной агитацией только в тех слоях населения, где кадеты могли рассчитывать на успех. На конференции кадетской партии в октябре, созванной по вопросу о предстоящей избирательной кампании, ряд делегатов подчеркивал необходимость работы исключительно в городах, среди мещан, торговцев и приказчиков, другие предлагали обратить внимание на мелких землевладельцев-собственников, а также использовать в избирательных целях кадетов низшее духовенство. Вопрос же об агитации среди рабочих и в крестьянской массе почти не затрагивался на этой конференции, очевидно, вследствие безнадежности этого предприятия.

Многие кадетские функционеры, учитывая отсутствие у их партии серьезной массовой базы, просто не представляли себе, как она может вести избирательную кампанию без поддержки слева. «Организация на месте слаба, — предупреждал кадетские верхи руководитель курской группы, — и партия работала на выборах без партийного флага, а в блоке с левыми». [4] Демократические «низы», которые шли за кадетами в силу прямого на-

[1] «Красный архив», т. XVII—XVIII, стр. 126—127.
[2] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 28, л. 62.
[3] Там же, л. 3.
[4] Там же, д. № 29, л. 6.

дательства, инстинктивно тянулись к соглашению с левыми, и «верхи» не могли игнорировать этого факта. На заседании петербургского городского комитета кадетов 1 января 1907 г. представители районов, обратив внимание на то, что «за блок с левыми стоят приказчики и интеллигентный пролетариат», высказались и сами за соглашение влево.[1] Точно также, «ввиду требований публики», руководители ярославской группы кадетов вынуждены были вести переговоры по организации блока с левыми.

Вследствие реальной опасности слева кадетское руководство склоняется к мысли об избирательном соглашении с партиями «левее кадетов», но на условиях, которые бы обеспечили гегемонию кадетов. Главными из этих условий были: признание левыми кадетской избирательной платформы и преобладание кадетских кандидатур в общих избирательных списках.

Надо заметить, что меньшевики и народнические группы (народные социалисты, трудовая группа, социалисты-революционеры) сами усиленно напрашивались на блок с кадетами. Меньшевистская в своем большинстве II конференция РСДРП (3—7 ноября 1906 г.) под предлогом опасности победы черносотенцев на выборах, во имя предпочтения «меньшего зла», признала необходимость избирательного соглашения между социал-демократами и кадетами. Вслед за меньшевиками и народнические группы выразили готовность пойти на блок с кадетами.

Попытка кадетов образовать под своим главенством широкий оппозиционный блок и заполучить для себя таким образом голоса демократических избирателей была в значительной мере сорвана благодаря последовательно революционной тактике большевиков. Петербургская конференция социал-демократов, на которой большинство было на стороне большевиков, отвергла соглашение с кадетами и решила предложить народническим группам, за исключением народных социалистов, образовать «левый блок» на выборах. Это решение питерских большевиков послужило сигналом к организации левого блока и в провинции.

Отказ большевиков от избирательного соглашения с кадетами и образование левого блока, преследовавшего задачу вырвать из-под кадетского влияния мелкобуржуазные элементы, доставили кадетам не мало грустных минут. Ярославские кадеты, вынужденные под давлением демократических избирателей вести переговоры с большевиками о заключении блока, сообщили в центральный комитет, что «времени и сил затратили массу, а толку никакого не вышло».[2] На пленуме центрального комитета кадетов 28 декабря делегаты с мест указывали, что с «социал-демократами канитель», так как «большевики не желают блока», что, например, в Самаре «социал-демократы

[1] Там же, д. № 334, л. 22.

[2] Письмо Шаховского от 18 января 1907 г. (ГАФКЭ, фонд кадетской партии, переписка лидеров).

очень энергичны. С ними желателен блок, но может не состояться». Тамбовский делегат жаловался на невозможность соглашения с социал-демократами вследствие преобладания в местной социал-демократической организации большевиков,[1] и т. д.

Избирательная тактика большевиков вызвала замешательство в переговорах кадетов с меньшевиками и народниками. Эсеры под давлением рабочих низов вынуждены были в Петербурге и ряде других городов войти в блок с большевиками, не прекращая, впрочем, своих закулисных переговоров с кадетами.

С другой стороны, после отказа большевиков от соглашения с кадетами, для последних блок налево терял почти всякое значение. Для кадетов было ясно, что основная масса питерского пролетариата идет за большевиками, а кредит меньшевиков и народников в широких слоях населения невелик. Комментируя большевистские решения петербургской конференции социал-демократов, кадетская «Речь» заявляла, что при всем кадетофильстве меньшевиков и народнических групп блок с ними едва ли желателен, ибо «техническую важность» соглашение представляет, главным образом, с большевиками.[2]

От кадетов не укрылось, что выдвинутая большевиками идея левого блока приобрела такую популярность, что какие бы то ни было верхушечные комбинации между кадетами и эсеро-меньшевиками не в состоянии были предотвратить голосование политически сознательной массы демократических избирателей и даже рядовых членов мелко-буржуазных партий за кандидатов левого блока.

Неудивительно поэтому, что кадеты стали проявлять в переговорах с эсеро-меньшевиками определенную «несговорчивость». Напрасно в Петербурге меньшевики предлагали кадетам уговориться о том, чтобы установить районы, где «избиратели кадеты будут голосовать за выборщиков, выставленных меньшевиками, и наоборот».[3] Перед самым началом выборов кадеты заявили об отказе от избирательного соглашения с меньшевиками и народниками.

Во время избирательной кампании кадеты попробовали было отыграться, как и в I думе, на распространении конституционных иллюзий. Снова в потоке кадетской агитационной литературы и в выступлениях кадетских ораторов начинает бесконечно варьироваться уже порядком набившая оскомину легенда о том, что «маленький избирательный бюллетень» является «самым сильным средством борьбы», что только с его помощью можно одержать «бескровную победу над умирающим режимом».

Однако, как ни погрязли сами кадеты в парламентском кретинизме, все же они не могли не отдавать себе отчета в том, что после позорного провала кадетской игры в парламентаризм в I думе вера во всесилие избирательного бюллетеня, думской

[1] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 28, л. 118.
[2] «Речь» от 4 января 1907 г.
[3] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 334, л. 29.

трибуны и парламентского голосования среди широких слоев населения была поколеблена основательно.

Чтобы сохранить свое влияние на мелкобуржуазных избирателей и получить от них голоса кадеты прибегли к искусному трюку — к запугиванию обывателей черносотенной опасностью, т. е. опасностью победы на выборах ставленников правительства в случае раздробления голосов между кадетами и левым блоком. В действительности же, криками о черносотенной опасности кадеты хотели отвлечь от себя опасность слева.

Впоследствии сами кадеты вынуждены были признать, что сторонников правительства среди городских избирателей было немного и что «центр борьбы на собраниях поэтому перенесся на другую сторону — на спор между партией народной свободы и левыми социалистическими партиями».[1] В докладах местных групп об итогах выборов красной нитью проходит мысль, что борьба велась почти исключительно между кадетами и левым блоком. Так, в докладе общему собранию нижегородский комитет, указывая, что кадетской партии пришлось сражаться с левым блоком, пишет: «Эти два миросозерцания, встретившиеся лицом к лицу, противоречивые по существу, создавали горячую страстную атмосферу на предвыборных собраниях. В результате кадетская партия в Нижнем, вступившая во вторую избирательную кампанию одинокой, потерпела поражение».[2] По признанию Милюкова, в Петербурге «были районы, в которых благодаря преобладанию среди публики рабочих состязание кадетов с большевиками стало трудным или почти невозможным».[3]

Большевики во главе с Лениным и Сталиным шаг за шагом разоблачали кадетскую легенду о «черносотенной опасности» и воевали с меньшевиками и народническими партиями, которые, ссылаясь на фиктивную черносотенную опасность, считали допустимыми блоки с кадетами.

Нельзя утверждать, что запугивание кадетами обывателей криками о черносотенной опасности не возымело никакого действия. «В Москве, — говорит Ленин, — большинство мелкобуржуазных обывателей поверило кадетской басне о черносотенной опасности».[4] «Хотя и далеко не в такой степени, как в Москве, выборы в Петербурге все же были выборами з а п у г а н н ы х и о д у р а ч е н н ы х к а д е т а м и м е щ а н».[5]

Мелкие торговцы, приказчики, ремесленники, сбитые с толку кадетскими криками о черносотенной опасности, нередко подавали голоса за кадетских выборщиков. «Им (левым), — заявил один из таких околпаченных мещан в беседе с кадетом, —

---

[1] А. Смирнов, Как прошли выборы во II Государственную думу, СПб., 1907, стр. 90—91.
[2] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 290, л. 9.
[3] «Речь», 1907, № 12.
[4] Ленин, т. X, стр. 372.
[5] Там же, стр. 374.

хлопки, а вам шары». [1] «Именно мир мелких торговцев, мелких чиновников, приказчиков, швейцаров, дворников, ремесленников, — вспоминает руководитель петербургской кадетской организации Протопопов, — оказался тем элементом, который особенно поддерживал партию народной свободы на выборах». [2]

Несмотря на то, что большевики, руководившие левым блоком, принуждены были в отличие от кадетов вести предвыборную кампанию в условиях жесточайших преследований, несмотря на то, что у кадетов фактически была монополия оппозиционного печатного слова, несмотря на то, что меньшевики и народники до последней минуты вели политику поддержки кадетов, несмотря на все эти препятствия, — левый блок по 22 городам отвоевал у кадетов более $^1/_3$ голосов. Этим самым большевики одержали моральную победу над кадетами, ибо они подорвали гегемонию кадетов в широких слоях мелкобуржуазного населения.

Результаты выборов во II думу свидетельствуют о быстром отпадении мелкой буржуазии от кадетов. Выборы доказали отсутствие настоящей массовой базы у кадетов, обнаружили, что кадеты представляют городскую буржуазию, а вовсе не демократию вообще. Итоги выборов явились блестящим подтверждением слов Ленина, что «сила» кадетов... «сила» у з у р п и р о в а н н а я, зависящая от влияния буржуазной интеллигенции на другие классы, поскольку они не успели еще выработать себе ясной самостоятельной политической идеологии, поскольку они подчиняются идейному руководству буржуазной интеллигенции...» [3]

Сами кадеты обвиняли в своем поражении правительство, которое «своей политикой дало торжество революционным партиям». [4] Несомненно, что правительство своей системой оголенного белого террора чрезвычайно суживало поле и подрывало убедительность кадетской проповеди социального мира. Но решающую роль в поражении кадетов сыграли большевики, беспощадно разоблачавшие кадетскую игру в парламентаризм и срывавшие с кадетской партии маску «народолюбия».

Значение моральной победы левого блока увеличивается еще благодаря тому, что за его кандидатов голосовали наиболее политически активные элементы, в то время как кадеты имели успех у косных избирателей. Это не было тайной и для самих кадетов. Так, на заседании петербургского комитета кадетской партии 28 января 1907 г. Струве сообщил о «держащемся в районах убеждении, что есть значительная опасность со стороны левого блока и что ей следует противодействовать путем уступки

---

[1] Д. Протопопов, Очерки деятельности СПб. городской группы партии народной свободы с 1 октября 1906 г. по 1 ноября 1907 г., СПб., 1908, стр. 17.

[2] Там же, стр. 9.

[3] Ленин, т. X, стр. 207—208.

[4] Из выступления Петрункевича на заседании центрального комитета 9 февраля 1907 г. (ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 28, л. 133.)

левым трех мест». Однако это предложение было отвергнуто на заседании комитета. Возражая против уступки левым, большинство участников заседания подчеркивало, что кадетам удастся пройти на голосах политически аморфных обывателей. «Мы загипнотизированы, — говорила по этому поводу Красносельская, — митингами, на которых левые пожинают триумфы. Мы мало считаемся с избирателем-обывателем, который сидит дома, на митинги не ходит и думает свою думу. А он к нам относится сочувственно». [1]

Интересно, что из шести мест по Петербургу кадеты еще накануне выборов обещали одно место рабочей курии. Но им страшно не хотелось, чтобы это место досталось большевику. На заседании петербургского комитета кадетов 8 февраля 1907 г. Тыркова говорила: «А как поступить с местом, отдаваемым рабочему: неужели уступать его большевику? Это было бы неудобно». [2] Только после выступления Милюкова, рекомендовавшего не вмешиваться в выбор рабочего, комитетчики отказались от соблазнительной мысли нарушить свое обещание об уступке места рабочему. Московские же кадеты вовсе отказали рабочим в депутатском месте, несмотря на то, что 19 выборщиков от рабочей курии представляли 75 тысяч избирателей, а кадетские выборщики — только 21 тысячу. Напрасно на собрании кадетских выборщиков г. Москвы левый кадет Мельгунов убеждал уступить одно место рабочему, так как «определенный шаг в пользу рабочих благотворно повлиял бы на последних в смысле смягчения классовой розни их с интеллигенцией». Этот взгляд собранием был признан «старомодным». При общем сочувствии аудитории Кокошкин заявил, что «все аргументы за уступку места рабочему относятся к невозвратному прошлому, являясь для настоящего политического момента прямым архаизмом». [3]

3. Тактика «бережения думы»

В думе «резких крайностей» [4] кадеты предполагали сыграть роль «равнодействующей» между черносотенцами и революционным народом. Эта «равнодействующая», как мы сейчас увидим, в действительности проходила очень близко к линии капитуляции перед Столыпиным. «Наша программа, — говорил на заседании центрального комитета Изгоев, — целиком не осуществима. Необходим компромисс. Мы будем соглашаться с теми

[1] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 334, л. 29.
[2] Там же, л. 31.
[3] «Вестник партии народной свободы», 1907, № 8, стр. 469.
[4] Распределение членов II думы по партиям:

Черносотенцы	10	Казачья группа	17
Октябристы	42	Трудовики	104
Польское коло	46	Народные социалисты	16
Партия демократич. реформ	1	Социал-революционеры	37
Мусульмане	30	Социал-демократы	65
Кадеты	98	Беспартийные	50

группами, которые признают оппортунизм. Если левые против этого, мы будем заключать союзы с правыми». [1]

Оппортунизм свой правые кадеты расшифровали в том смысле, что необходимо «воздерживаться от инициативы» и «демонстрировать умеренность». При этом один из лидеров правого крыла партии Петражицкий привел перед открытием думы интересные соображения в защиту такой ползучей тактики. Он заявил, что «дума недолговечна. Будет или отмена конституции или изменение избирательного закона. Последнее хуже самодержавия. Нам надо это предотвратить и сохранить себя для будущего. Демонстрировать умеренность. Пусть изменяют тогда уже избирательный закон так, чтобы левые остались за флагом, а не мы». [2] Из этих слов Петражицкого нетрудно заключить, что к периоду II думы правые кадеты окончательно свернули оппозиционные знамена и бросили заигрывать с левыми. Их тактика стала всецело определяться предначертаниями правительства.

«Левые» кадеты предлагали выступить в думе с декларацией от имени партии, в которой указать, что кадеты считали бы нужным провести в думе, если бы они были в большинстве. Соглашаясь с правыми кадетами, что задача кадетской партии должна заключаться в изоляции большевиков, «левые» кадеты, однако, считали, что для этого необходимо, чтобы позиция кадетов была «левая», так как иначе не удастся расколоть левых и вовлечь в орбиту кадетского влияния колеблющиеся элементы из левого сектора думы.

Но в общем «левые» кадеты (их было сравнительно много в думской фракции и единицы в центральном комитете) оказывали мало влияния на думскую тактику кадетов, которая определялась больше деятелями правого крыла партии. Официальным девизом кадетской фракции в думе стало «демонстрировать умеренность». В этих видах решено было «воздерживаться занимать место правительства и вносить в думу законопроекты и запросы в таком безумном количестве», как в I думе. Как правило, законодательная работа должна вестись путем использования министерских проектов. Набоков даже полагал, что «некоторые из министерских законопроектов нам придется принять почти без изменений». Возражая против проекта «левых» кадетов выступить в ответ на предполагаемую тронную речь с декларацией партии в думе, большинство членов центрального комитета указывало, что «тактика должна быть гибка, декларация этому помешает». В конце-концов, и «левые» кадеты согласились, что «ответный адрес — опасная вещь, и вообще всякие декларации». [3]

В центральном комитете кадетов обнаружилось сильное течение в пользу примирения с «безответственным» министерством. Например, В. Гессен предлагал в докладе о тактике вста-

[1] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 28, л. 129.
[2] Там же, л. 132—133.
[3] Там же, лл. 134—135.

вить звено между необходимостью смены теперешнего министерства и необходимостью с ним все-таки работать. [1] Кадеты фактически сдали в архив лозунг думского министерства, который раньше украшал их избирательную платформу. Петражицкий прямо заявил, что надо требовать не ответственного министерства, а смены министерства. По тактическим соображениям центральный комитет не решился открыто выбросить за борт требование думского министерства, и он поэтому прибег к повторению своего излюбленного фокуса с «двумя футлярами». Решено было наравне с термином «ответственное министерство» поставить в другом месте доклада более эластичную формулировку: «министерство, пользующееся доверием большинства». [2] Что касается аграрного вопроса, то цекисты считали, что «его опасно выдвигать сейчас в прежнем виде и во всем объеме», но они еще не знали, как от него отделаться, ибо «партия слишком связана с ним», [3] и поэтому не решались вовсе замолчать свою прежнюю аграрную программу. «Действительную» законодательную работу решено было начать с наименее спорных, хотя бы и менее принципиальных законопроектов, как, например, о реформе местного суда и самоуправления.

В целом план думской тактики, предложенный Милюковым, носил такой ультраумеренный характер, что даже сами кадеты признавали, что он «производит впечатление, что мы отступаем от программы». [4] Чтобы поднять тон доклада, Изгоев предложил коснуться в докладе действий правительства «резко, для настроения». Однако времена, когда кадеты позволяли себе роскошь «для настроения» метать бутафорские громы и молнии по адресу правительства, безвозвратно прошли, и предложение Изгоева не встретило поддержки.

План думской тактики кадетов был неожиданно нарушен в самом начале деятельности думы тем, что правительство решило выступить с декларацией о направлении своей политики. Под впечатлением этого «неосторожного» шага Столыпина один из столпов кадетской фракции, Кизеветтер, писал: «У членов нашей партии, попавших в Государственную думу, самое серьезное и спокойное настроение. Никто не хочет делать каких-либо преждевременных резких выходок. Все озабочены тем, чтобы по возможности дольше сохранить думу от каких-либо роковых случайностей. После проверки полномочий мы предполагаем прямо приступить к законопроектам, но Столыпин заявил Головину, что он желает сделать думе сообщение о направлении своей политики. Несомненно, Столыпин делает большую глупость, ибо этим он отвлекает думу от законо-

[1] Там же, д. № 28, л. 142.
[2] Там же, л. 143.
[3] Там же, л. 142, из выступления Черенкова на заседании центрального комитета 15 февраля 1907 г.
[4] Там же, из выступления Шаховского на заседании центрального комитета 15 февраля 1907 г.

дательной работы, его декларацию придется обсуждать, и дума должна будет выразить свое отношение к министерству». [1]

Декларация Столыпина изобиловала лицемерными фразами о готовности правительства во всех своих действиях держаться «исключительно строгой законности». Эти заверения в устах обер-вешателя и погромщика звучали наглой издевкой. Столыпин обещал от имени правительства внести в думу законопроекты о свободе вероисповеданий, о неприкосновенности личности, о бессословной самоуправляющейся волости, об увеличении компетенции земских учреждений, об упразднении земских начальников, о государственном страховании рабочих, о введении подоходного налога и т. д. Расшаркиваясь перед думой, Столыпин уверял, что министерство предоставит в ее распоряжение свой «труд, добрую волю и накопленный опыт» для проведения в жизнь совместно с думой «новых начал государственного строя». Своими демагогическими жестами Столыпин хотел найти почву для соглашения с умеренной частью крестьянских депутатов. В то же время, облачаясь в «либеральный» плащ, Столыпин рассчитывал успокоить иностранных повелителей царской России и, прежде всего, империалистические круги Франции, которые выражали опасения, что торжество крайней реакции может привести в недалеком будущем к новому обострению революционного кризиса в стране. Неслучайно рупор парижской биржи «Temps» призывал Столыпина и кадетов найти общий язык путем обоюдных уступок с тем, чтобы направить Россию на путь «внутреннего мира и методических реформ». [2]

В душе кадеты во многом сочувствовали декларации Столыпина. Теша себя тем, что вообще перечень министерских законопроектов «явно заимствован у партии народной свободы», они печатно выражали взгляд, что «законопроекты, разработанные на тех основаниях, которые указаны министерской декларацией, можно было бы принять как возможную основу для думской законодательной работы». [3]

В отличие от периода I думы кадеты теперь не выдвигают своих рецептов, с помощью которых они могли бы остановить революционное движение. В I думе кадеты без конца говорили о том, что кадетское министерство, и только одно оно, может вывести страну из «рокового тупика». Теперь, если по инерции они и говорят о применении кадетских приемов борьбы с революцией, то очень неуверенно. Так, Милюков в одной из своих статей на вопрос: «Не придется ли кадетскому правительству вести против более левых «народных желаний» такую же «упорную борьбу», ответом на которую будет и такой же политический террор, как теперь?» — отвечает: «Теперь... когда страна взбудоражена сверху донизу и когда из этих низов

[1] ЦАР, фонд деп. пол., 1907, д. № 110, ч. 1, л. 34.

[2] Статья «La nouvelle Douma», помещенная в «Temps» от 25/12 февраля 1907 г.

[3] Каминка и Набоков, Вторая Государственная дума, 1907, стр. 40.

поднялась вся муть, систематически взбалтываемая «неумелым врачеванием», — дело не так просто. Разговор может быть лишь о том, может ли увеличить существующую государственную опасность применение кадетских приемов борьбы с противогосударственными тенденциями и нет ли шансов на то, что опасность эта, напротив, уменьшится». [1]

Архиосторожная постановка вопроса о кадетском министерстве в данном случае представляет резкий диссонанс с перводумским периодом, когда кадеты считали чем-то само собой разумеющимся, что кадетская партия сумеет «само революционное движение ввести в культурные рамки». Ясно, что в результате краха конституционных иллюзий в массах кадеты не могли не усомниться в действенности своих приемов борьбы с революцией.

Но если кадеты не могли противопоставить столыпинским методам военно-полевого террора своих приемов, в сущности солидаризируясь с этими методами, как с неизбежным злом, то в начале думской сессии они еще не решались открыто высказывать доверие министерству Столыпина. Ведь еще так недавно, во время предвыборной кампании, они обещали взять «правильной осадой политические позиции» и жонглировали лозунгом «думского министерства». Поэтому они опасались, как бы чересчур быстрая смена вех не произвела впечатления скандала. Надо было производить спуск на тормозах, надо было искать каких-то средних путей.

Все члены парламентской фракции кадетов сходились на том, что «надо бить министерство законами, а не выражать формально недоверие». [2] Но в то же время кадеты находили неудобным голосовать с правыми против социал-демократов, которые решили внести вотум недоверия правительству. Кадеты решили приготовить свою формулу, которая, по бесподобному выражению Кизеветтера, должна была «не выражать определенно недоверия, но вместе с тем и не выражать доверия». [3]

«Левые» в рядах фракции не были довольны тактикой холопского молчания, с которой центральный комитет предлагал отнестись к декларации Столыпина. «Правительство, — говорил Татаринов, — уже начинает эксплоатировать излишнее стремление всех сберечь думу. Не надо проявлять избыток боязни роспуска и заигрывать с правой. Высказать недоверие, но не в форме требования отставки». Несмотря на ублюдочность этих «левых» выступлений, руководящее ядро кадетской партии встретило их в штыки. «Я протестую, — заявил Кизеветтер, — против того, что необходимо прислушиваться к левым и соображать свои действия с ними». Точно также и Милю-

---

[1] «Речь» от 1 июня 1907 г.

[2] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 1, л. 18. Из выступления де-Роберти на заседании парламентской фракции 25 февраля 1907 г.

[3] Там же, л. 18.

ков считал, что «не следует нервничать и смотреть, что скажут левые». [1]

В связи с решением социал-демократической фракции предпринять самостоятельное выступление по поводу декларации Столыпина, центральный комитет вступил в переговоры с народническими группами с целью изолировать социал-демократов. Гессен и Струве (правые) предлагали реагировать на выступление социал-демократов выходом из зала. Некоторые предлагали вмешаться в прения. В конце-концов относительно министерской декларации было постановлено: «Вотума недоверия выражать не следует. Декларацию министерства встретить молчанием, к вотуму недоверия, если он предложен будет левыми, присоединяться не следует». [2]

Так и сделали. После декларации Столыпина кн. Долгоруков выступил с заявлением, в котором говорилось, что думская фракция кадетской партии находит более целесообразным обсуждать политику правительства при рассмотрении отдельных законопроектов, намеченных министерской декларацией, а поэтому фракция в настоящее время предлагает ограничиться принятием следующей формулы: «Выслушав заявление председателя совета министров о вносимых законопроектах, Государственная дума переходит к очередным делам». [3] Эта формула, не выражающая ни доверия, ни порицания, и была принята думой.

Любопытно, что после второй речи Столыпина, в которой он по отношению к социал-демократам вызывающе заявил: «не запугаете», а по адресу кадетов послал несколько воздушных поцелуев, [4] кадетская «Речь» в умилении писала: «Столыпин обнаруживал в своей второй речи желание найти тот общий язык, на котором он мог бы говорить с большинством думы». [5]

Свою лойяльность по отношению к правительству кадеты продемонстрировали в первые же дни думской работы при обсуждении вопроса о помощи голодающим и безработным.

---

[1] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 1, л. 18.

[2] Там же, д. № 24, л. 23.

[3] Государственная дума, второй созыв, стенографические отчеты, 1907, т. I, стр. 130.

[4] В своей речи во время обсуждения правительственной декларации Столыпин, между прочим, сказал: «Я убежден, что та часть Государственной думы, которая желает работать, которая желает вести народ к просвещению, желает разрешить земельные нужды крестьян, сумеет провести тут свои взгляды... Но иначе должно правительство отнестись к нападкам, ведущим к созданию настроения, в атмосфере которого должно готовиться открытое выступление. Эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти паралич и воли и мысли, все они сводятся к двум словам, обращенным к власти: «руки вверх». На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить только двумя словами: «не запугаете» (Государственная дума, второй созыв, стенографические отчеты, 1907, т. I, стр. 169).

[5] «Речь» от 7 марта 1907 г.

Левые фракции думы предложили организовать местные комитеты для оказания помощи голодающим, безработным и для расследования правительственной постановки продовольственного дела. Они настаивали также, чтобы необходимые средства на продовольственную помощь были ассигнованы не в распоряжение министерства внутренних дел, а общеземской организации.

Кадеты отнеслись крайне враждебно к этим предложениям, так как усмотрели в них попытку подготовить при помощи думы на местах «активные выступления». Возражая против посылки контролеров от Государственной думы, Гессен демагогически спрашивал: «Имеют ли (члены думы) право подвергать опасности то население, в среде которого, благодаря приезду депутатов, возникнет движение, что, если вместо того чтобы накормить народ хлебом, получатся расстрелы и новые пролития крови (аплодисменты справа, смех слева»). [1] Призывая думу не вмешивать политику в дело прокормления голодающих, Родичев от имени кадетской фракции предложил ассигновать средства на продовольственную кампанию в распоряжение министерства внутренних дел «по принадлежности», а задачи продовольственной комиссии ограничить исследованием документов, цифр и дел о помощи голодающим здесь, в центре.

Такая благонамеренная позиция вызвала похвальный отзыв по адресу кадетов со стороны Столыпина, который присоединился к предложению Родичева. Предложение кадетов было принято, но трудовики вместе со всем левым сектором думы голосовали против.

Точно также кадеты выступили единым фронтом с правительством при обсуждении вопроса о помощи безработным. Мы указывали в гл. 12, что в 1906—1097 гг. в стране царила массовая безработица, которая была вызвана не столько промышленным кризисом, сколько политикой локаутов со стороны буржуазии и царизма. Социал-демократическая фракция предложила организовать помощь безработным независимо от причины их увольнения. В ответ на это требование министр торговли и промышленности заявил, что «правительство может итти на помощь безработным, когда идет вопрос о помощи безработным, не имеющим работы вследствие промышленного кризиса или стихийных причин. Но когда поднимается вопрос о том, чтобы правительство приходило на помощь безработным, страдающим от безработицы не вследствие непреодолимых условий, а по собственной воле, от забастовок, то я должен заявить, что правительство на такого рода ассигновки не пойдет никогда». [2] Кадеты объявили о своей полной солидарности с точкой зрения правительства.

---

[1] Государственная дума, второй созыв, стенографические отчеты, 1907, т. I, стр. 309.

[2] Там же, л. 614.

Вместе с тем кадетская фракция решительно отвергла предложение большевиков о поручении комиссии помощи безработным расследования положения на местах и о присвоении ей каких-либо исполнительных функций. Необходимость такой позиции по отношению к предложениям левых Милюков аргументировал следующим образом: «Рабочие потребуют, чтобы ассигновка была передана не столовым, а большевистским организациям. Эти последние будут распределять суммы не между нуждающимися, а на возбуждение революционного движения». [1]

Заметим, между прочим, что на заседании думской фракции кадетов ряд влиятельных членов фракции (Струве и др.) первоначально высказывались даже против образования комиссии, и если в конце-концов согласились на это, то только для того, чтобы, по циничному признанию Петрункевича, «заткнуть рот социал-демократам». [2]

На этот раз кадеты потерпели поражение. Правда, вопрос о расследовании на местах был снят голосами правых, кадетов и отчасти трудовиков, но зато слова о том, что помощь может быть оказана лишь безработным, «пострадавшим от промышленного кризиса», были исключены 223 голосами против 202 (правые и кадеты).

Следующим подводным камнем, который угрожал столкнуть думу с «строго парламентского» пути, был вопрос о политической амнистии. В данном случае кадетам надо было парировать намерение левых фракций провести вопрос об амнистии законодательным путем. По мнению кадетов, это было бы покушением на прерогативы монарха и явно неконституционным шагом. Некоторые члены фракции (преимущественно провинциалы) предлагали вместо законопроекта об амнистии обратиться к монарху через председателя Государственной думы. По их мнению, этот путь не стоит в противоречии с основными законами и не вызовет упреков думе в попытке захватить прерогативы верховной власти и действовать незаконным путем. Однако кадетское руководство опасалось, что обращение к монарху будет принято как давление на него и предлагали ограничиться в думе заявлением о государственной необходимости амнистии. Полемизируя с точкой зрения кадетского руководства, левый кадет Тахтамиров говорил: «Мы ни за законопроект, ни за обращение к монарху. Значит между двух стульев? Что скажет провинция?» [3] На этот раз низы одержали «победу» над своими лидерами — и большинством 27 голосов против 24 решено было обратиться к монарху и принять на себя в этом отношении инициативу. [4] Однако верхи не спешили

---

[1] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 1, л. 43, речь на заседании фракции 10 марта 1907 г.
[2] Там же, д. № 1, л. 42.
[3] Там же, л. 69, речь на заседании фракции 3 апреля 1907 г.
[4] Там же, л. 70.

выполнить эту директиву фракции, и вопрос об амнистии был похоронен в думской комиссии.

Много беспокойства доставляли кадетам запросы, которые вносились левыми фракциями думы по поводу творившихся повсюду беззаконных убийств, высылок, арестов и т. д. При призрачности законодательных функций думы чуть ли не единственное реальное значение имело обсуждение запросов, когда с думской трибуны перед лицом народных масс происходило изобличение дикого произвола царских опричников. Большевики уделяли много внимания запросам, ибо они «... шли в думу не для органической «законодательной» работы в ней в блоке с кадетами, как это делали меньшевики, а для того, чтобы использовать ее как трибуну в интересах революции». [1] Пытаясь ограничить пользование думой как трибуной, кадеты внесли предложение, чтобы вопрос о направлении запроса, равно как и принятие или отклонение его по существу решался думой по выслушивании только одной речи — за и одной — против. Кадеты систематически отвергали также спешность запросов, добиваясь сдачи их в комиссию. Так было поступлено с запросом большевиков об истязаниях в рижских тюрьмах, с запросом министру внутренних дел о преследовании петербургским градоначальником профессиональных рабочих организаций, с запросом, чем вызвано назначение с диктаторскими полномочиями жандарма Таубе в Баку и др. В тех случаях, когда вследствие отпора слева кадетам не удавалось избежать обсуждения запроса в думе, они стремились не допустить вотума недоверия правительству, проваливая соответствующие предложения левых фракций. Так, в кадетской формуле по запросу об отмене московским генерал-губернатором Гершельманом приговора военно-полевого суда [2] говорилось лишь о «незакономерности» действий московского сатрапа, но ни словом не упоминалось об ответственности правительства, которое при даче объяснений думе полностью солидаризировалось с Гершельманом. Поправка социал-демократической фракции о признании объяснений правительства неудовлетворительными была отклонена 162 голосами (кадеты и правые) против 136 (социал-демократы и народники).

4. Аграрный вопрос

Как ни сигнализировали кадеты об опасности выдвижения аграрного вопроса, им не удалось провести думу мимо этого подводного камня. Аграрные прения в думе заняли, как и

---

[1] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 85.

[2] Военно-полевой суд приговорил 4-х человек, обвиненных в нанесении ран городовому, к долгосрочным каторжным работам. Гершельману этот приговор показался чересчур «мягким». Он отменил его и предложил суду в другом составе судить тех же лиц. В этот же день суд приговорил всех 4-х обвиняемых к повешению. Новый приговор был немедленно приведен в исполнение.

следовало ожидать, самое видное место. При этом все усилия кадетов были направлены к тому, чтобы незаметно спрятать в карман свою прежнюю аграрную платформу с принудительным отчуждением, государственным земельным фондом и другими приманками, на которые кадеты ловили доверчивых избирателей во время предвыборной кампании.

Перед открытием думы при центральном комитете кадетской партии была образована специальная комиссия, которая обсуждала кадетский проект аграрной реформы. Занятия этой комиссии обнаружили дальнейшее поправение кадетов. Точка зрения проекта «42-х», с которым выступали кадеты в I думе, была отвергнута, как чересчур «радикальная». Революция шла на убыль, и в уступках левым (словесное признание частичной национализации земли в проекте образования государственного земельного фонда) не было уже необходимости.

Аграрная комиссия высказалась за уничтожение государственного земельного фонда и отвод отчуждаемой земли крестьянам не во временное, а в постоянное пользование. «Наша обязанность, — говорил в аграрной комиссии Кауфман, — защищать до конца то, что мы считаем истиной, хотя бы и в разрез с крестьянскими взглядами». [1] Если по проекту «42-х» вознаграждание за отчужденную землю относилось полностью за счет казны, то теперь $^1/_2$ платежей за землю возлагались на крестьян. Помимо этого, аграрная комиссия решила допустить изменение оценки «по ходатайству владельцев».

Комиссия высказалась также против преимуществ, которые проект «42-х» предоставлял владениям среднего размера по сравнению с крупными, и решила считаться при отчуждении не с размерами владений, а исключительно со способом их эксплоатации. Вместе с тем круг изъятий из принудительного отчуждения был значительно расширен. В то время как по проекту «42-х» не подлежали принудительному отчуждению лишь «исключительно-интенсивные, образцово-показательные» имения, — теперь от обязательного отчуждения освобождались помещичьи хозяйства при наличии более высокой урожайности, чем у окрестных крестьян, или при технически-заводском характере хозяйства.

На первый взгляд казалось, что при наличии признака аренды или обработки крестьянским инвентарем помещичьи земли должны были бы подлежать принудительному отчуждению без всяких ограничений. Но не тут-то было. Оказывается, что даже в отношении этих владений кадеты склонны теперь допустить ряд оговорок. Они предлагают с крайней осторожностью отнестись и к хозяйствам этого типа на том основании, что есть «промежуточные типы», которые нельзя с уверенностью отнести ни к землям владельческой эксплоатации, ни к арендному фонду, равно как и нельзя повсюду точно определить земли, обрабатываемые собственным инвентарем владельцев,

[1] Аграрный вопрос, СПб., 1907, стр. 317.

и земли, обрабатываемые преимущественно крестьянским инвентарем, и т. д.

Проект аграрной комиссии, одобренный центральным комитетом, был встречен с известным разочарованием «левой» частью думской фракции кадетов, которая опасалась, что он причинит непоправимый ущерб престижу партии в населении. «Исчезновение фонда, — говорил Мамин, — большая ошибка, он нам только и давал победу над социал-демократами». [1]

В выступлениях «левого» фланга кадетской фракции послышались нотки протеста против партийных лидеров. «Мы не можем — заявлял один депутат, — внести от фракции проект, который мы не обсуждали. Мы не можем быть обращены в голосующую машину». [2] Чтобы спасти положение, кадетское руководство прибегло к трюку. Оно предложило, чтобы кадетский проект земельной реформы был внесен в думу не от имени партии в целом, а от группы депутатов. Это предложение и было принято.

Выступая в думе по аграрному вопросу, кадет Кутлер сосредоточил главный огонь налево. Прежде всего он признал «совершенно неосуществимым» наделение крестьян по трудовой норме и обрушился на проект национализации земли, демагогически заявляя, что в этом случае надо требовать и национализации капитала. «Будем просто требовать одного, — сказал он, — помогать крестьянам в их малоземелье, не усложняя этой задачи какими-нибудь иными реформами, которые могут затруднить эту реформу, сделать ее химеричной или фантастичной».

Указав на то, что улучшение крестьянского хозяйства не может быть достигнуто в ближайший срок, а между тем положение обострилось и необходимо немедленно притти на помощь крестьянам, Кутлер перечислил те меры «успокоения», которые содержались в кадетском проекте земельного закона: 1) предоставление крестьянам потребительной нормы или даже меньше, в зависимости от того, сколько окажется свободной земли; 2) отдать земли, подлежащие отводу крестьянам, не во временное, а в постоянное пользование, ограничив только крестьян в праве отчуждения и в праве залога; 3) не менее половины расходов, предстоящих казне по принудительному выкупу частновладельческих земель, должна быть возмещена крестьянами. Что же касается условий пользования крестьянской землей, то, по мнению Кутлера, «закон не должен этого предрешать. Надо предоставить самим крестьянам устроиться так, как им удобно». [3]

Во время аграрных прений в думе кадеты всячески стремились примирить свою точку зрения с видами правительства.

---

[1] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 18, л. 54, речь на заседании фракции 17 апреля.

[2] Там же, л. 54.

[3] Государственная дума, второй созыв, стенографические отчеты, 1907, т. I, стр. 731—741.

Удобный повод для капитуляции перед Столыпиным скоро нашелся. Столыпин в своей речи по аграрному вопросу упомянул об «обязательном отчуждении». Несмотря на то, что Столыпин тотчас же сделал оговорку, что принудительное отчуждение может быть допущено только качественного, а не количественного порядка, например, когда необходимо устроить водопой, дороги, прогон к пастбищу, избавиться от чересполосицы, — кадеты усмотрели в этих словах премьер-министра «поворотный пункт», с которого начинается «новая эра правительственной политики по аграрному вопросу». [1]

Презрительный отзыв Столыпина о кадетском проекте аграрной программы, который он поставил на одну доску с «утопическими» проектами левых партий, не смущал кадетов. Они считали, что уже одно то, что Столыпин решился упомянуть термин «принудительное отчуждение», открывает широкую лазейку для компромисса, который оказался бы приемлемым для обеих сторон.

«Теперь, — захлебывался от восторга Петрункевич, — сила на стороне правительства, а не думы. Но все же посмотрите перемену в самом правительстве. В прошлом году оно, менее сильное, заявило о недопустимости отчуждения. И это правительство, более сильное, провозглашает этот принцип». Либеральный Манилов не задумывается над причинами подобной перемены во взглядах правительства, он предпочитает тешиться радужными перспективами, которые открываются перед кадетами: «Пройдет может быть еще год, и правительство под давлением тех же (?) факторов пойдет и дальше». [2]

Один только Шингарев высказался более осторожно: «Мы провозгласили принцип отчуждения, правительство же урезало до неузнаваемости те границы, которые мы провели». Однако и он был подкуплен обмолвкой Столыпина об обязательном отчуждении, заявив с облегчением, что «мы ждали даже худшего». Не разделяя сдержанного тона Шингарева, депутат Татаринов, ходивший до сих пор в «левых», заявил: «А предо мной речь Столыпина открыла более приятные перспективы. Я вижу, что столковаться можно». [3]

Если в период междудумья кадеты не скупились на резкие фразы по адресу указа 9 ноября 1906 г., расценивая его как «адский план», который вызовет в деревне «форменную гражданскую войну», [4] то теперь настроение кадетов сильно изменилось. Большинство кадетской фракции приходит к выводу, что речь может итти не об отмене министерских законов, проведенных по 87 статье, а лишь о поправках к ним. Например, по поводу закона о выходе из общины Родичев без обиняков

---

[1] Каминка и Набоков, Вторая Государственная дума, СПб., 1907, стр. 157.

[2] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 1, л. 97, речь на заседании фракции 10 мая.

[3] Там же, л. 97.

[4] «Вестник партии народной свободы», 1906, № 40, стр. 2155.

признал, что отменить его начисто нецелесообразно, ибо «там ценно освобождение личности от рабства общине». [1] Парламентская фракция кадетов одобрила законопроект Кутлера, который в главных своих чертах приближался к столыпинскому закону о выходе из общины, смягчая только его наиболее острые углы. Этим самым кадетская партия выразила свою солидарность с столыпинской идеей прочной крестьянской собственности.

Но окончательно разоблачили себя кадеты как партия, считающаяся прежде всего с видами правительства, при обсуждении формулы перехода к очередным делам по аграрному вопросу. Происходившие по этому поводу прения в думской фракции кадетов представляют исключительный интерес для освещения сползания кадетской партии в период II думы на позиции столыпинского военно-полевого режима.

Руководящее ядро центрального комитета выступило с заявлением, что формула с принудительным отчуждением опасна, ибо она несовместима с позицией правительства и может привести поэтому к роспуску думы. Они предлагали «от формулы, от слов» отказаться. На случай же, если предложение о снятии вообще формулы провалится в думе, то внести «формальную формулу», отводящую все другие.

Такая капитулянтская линия поведения кадетского руководства вызвала страстные нападки со стороны тех немногих депутатов-крестьян, которые примыкали к кадетской фракции. «Крестьянство, — говорили они, — не хочет ждать. Если дума не скажет, что она за принудительное отчуждение, то крестьяне откачнутся от нее. Если партия наша не вынесет такой резолюции, то мы, крестьяне, не можем в ней оставаться, мы уйдем». [2]

Этот ультиматум побудил лидеров «левого» крыла фракции настаивать на формуле с принудительным отчуждением. «Нота недоверия, сказавшаяся со стороны крестьян, — бил тревогу Колюбакин, — должна быть устранена навсегда. Иначе партийная работа невозможна, и лучше разойтись... Я боюсь, что наше поведение будет осуждено крестьянством, истолковано как измена аграрному вопросу». Его поддержал Шингарев, заявивший, что «с точки зрения настроения страны нам необходим мотивированный переход». «Беречь думу, — пояснил он свою мысль, — надо, главным образом, в глазах народа. Нас не поймут, если мы не заявим снова о принудительном отчуждении. Отказ от принудительного отчуждения — вызов стране. Вся аграрная анархия уже идет, и твердое слово думы о принудительном отчуждении способно будет содействовать успокоению». [3]

---

[1] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 1, л. 98, речь на заседании фракции 10 мая.

[2] Там же, д. № 1, л. 109, речь Герасимова на заседании фракции 25 мая.

[3] Там же, л. 109.

Во II думе все чаще и чаще прорывается наружу имманентное тяготение кадетов к октябристам и жгучая ненависть к революционерам. Стремление отрешиться от заигрывания с последними особенно рельефно отразилось в выступлениях кадетских вожаков против оглядывания на настроение страны. Возражая Шингареву, заявившему, что «отказ от принудительного отчуждения — вызов стране», Гессен говорил: «Если мы будем оглядываться налево и бояться, что наш переход будет принят за измену, то что у нас за положение? Оно нетерпимо». [1]

Подчеркивая, что не надо считаться с тем, что о них скажут левые, кадеты отдавали себе отчет, что этим они упустят последние шансы удержать крестьян под своим влиянием. Ведь даже крестьяне, входившие в кадетскую фракцию, недвусмысленно заявляли о своем уходе из кадетской партии, в случае если она снимет лозунг «принудительного отчуждения». Сбрасывание кадетами маски в земельном вопросе должно было провести непроходимую демаркационную черту между кадетами и крестьянами из трудовой группы. Несмотря на колеблющуюся тактику фракции трудовиков, ее крестьянские корни, однако, ярко обнаруживались в вопросе о земле. На выступление Столыпина перед концом аграрных прений трудовики реагировали совершенно иначе, чем кадеты. В то время как кадеты усмотрели в речи Столыпина желание найти общий язык с большинством думы, у подавляющей части трудовиков выступление Столыпина вызвало сильное возмущение и решимость в виде вызова потребовать от правительства, во-первых, немедленной отмены аграрного законодательства по 87 статье, и, во-вторых, принудительного отчуждения без выкупа помещичьих земель. После аграрного заявления Столыпина ряды сторонников кадетского лозунга «беречь думу» в трудовой группе заметно поредели. Трудовики стали убеждаться, что «правительство прикрывается думой, как крестом, в который народ верит». Отношение широких масс крестьянства к бонапартистским заигрываниям Столыпина видно из речи члена думы от Харьковской губернии, крестьянина Васютина, который заявил: «Мы видим здесь в лице г. председателя совета министров не министра всей страны, а министра 130 000 помещиков. 90 миллионов крестьян для него ничего не составляют... Что бы правительство ни говорило, но народ знает вашу опеку, он на вас не надеется и вам ни на грош не будет верить. Нас народ послал сюда требовать, чтобы были удовлетворены его нужды, так как он более не в силах все это переносить. Председатель совета министров сказал — «нас не запугаете», но мы тоже скажем ему: нас не запугаете, мы будем настаивать на том, чтобы эту нужду удовлетворили, и мы никогда не уступим». [2]

---

[1] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 1, л. 105.

[2] Государственная дума, второй созыв, стенографические отчеты, 1907, т. II, стр. 643.

Полярное расхождение, которое обнаружилось между кадетами и трудовиками в оценке аграрной программы правительства, лишний раз заставляет кадетов признаться в неудаче своего опыта «приручения» мужика. Все более и более убеждаясь в бесплодности своих попыток примирить на данном этапе крестьян с помещиками, кадеты сбрасывают с себя личину «народолюбия» и открыто выступают против революционных масс. В этом отношении чрезвычайно симптоматичным было выступление в кадетской фракции Милюкова, в котором содержался ключ ко всей будущей «веховской» философии. «Я не боюсь, — сказал он, — что мы, может быть, будем дискредитированы, но я верю, что нас поймут после. Мы — единственно понимающие положение вещей. И темной аудитории поддакивать мы не должны, а, напротив, учить их». [1] Этой фразой Милюков, в сущности, солидаризировался с девизом Столыпина: «Сперва успокоение, а потом реформы». Сперва насильственное подавление «темной аудитории», затем, когда последняя «поумнеет» и пойдет на поводу у кадетов, тогда в «умиротворенной» стране можно будет заняться осуществлением «разумных» реформ.

В конце-концов верх в парламентской фракции кадетов одержало правое течение с его «формальной формулой». После окончания аграрных прений кадеты предложили не входить в обсуждение и не принимать никакой формулы перехода к очередным делам по данному вопросу. Тщетно трудовик Березин призывал кадетов отвлечься от «узко партийных своих стремлений» и признать принцип принудительного отчуждения, не предрешая условий его осуществления. От имени кадетов Булгаков цинично заявил, что «принудительное отчуждение в программе партии народной свободы, принудительное отчуждение в программах партий, левее этой фракции стоящих, это все вещи различные. Здесь речь идет не столько о том — «что», сколько о том — «как». [2] 26 мая дума большинством 238 голосов (кадеты и правые) против 191 (социал-демократы, эсеры и трудовики) решила, что «заключать прения по аграрному вопросу принятием какого-либо перехода к очередным делам не надо». Этим самым кадеты сдали в архив свой лозунг принудительного отчуждения.

5. Отношение к революционному террору

В связи с обсуждением вопроса об отмене военно-полевых судов Пуришкевич от имени правых внес предложение «выразить глубокое порицание и негодование всем революционным убийствам и насилиям». Это предложение правые повторяли

---

[1] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 1, л. 109, речь на заседании фракции 25 мая.

[2] Государственная дума, второй созыв, стенографические отчеты, 1907, т. II, стр. 1241.

непрерывно на всем протяжении работы думы, превращая его таким образом в орудие своеобразной обструкции.

Кадеты очутились между двух огней. С одной стороны, правительство и правое крыло думы до октябристов включительно угрожали им, что если Государственная дума не осудит революционного насилия, — она совершит самоубийство. С другой стороны, осуждение актов революционного насилия, которого добивалось от кадетов правительство, вело к полной утрате контакта кадетов с массовым движением. Вследствие этого мы наблюдаем в кадетской фракции сильные колебания, хотя в общем их эволюция и в этом вопросе шла по линии капитуляции перед правительством.

Вопрос о необходимости установления отношения партии к революционному насилию обсуждался в центральном комитете кадетской партии еще перед открытием думы, так как кадеты учитывали, что справа будет усиленная провокация и поэтому необходимо дать директивы членам партии, которые будут выступать в думе по этому вопросу.

Правые кадеты (Струве, Изгоев, Маклаков) защищали мирнообновленческую позицию и предлагали уступить домогательствам правых.

Однако Милюков предостерегал против шага, «на который партию провоцируют и который она не может делать».[1] Первоначально верх одержала точка зрения Милюкова.

Отражая нападки правых на кадетскую позицию, «Речь» писала, что кадетская партия «не может оказать моральной поддержки правительству, не потерявши немедленно сама своего морального авторитета». [2] Вот по каким соображениям кадеты, до поры до времени, воздерживались от определения своего отношения к революционному террору.

Однако на этой позиции кадеты удержались недолго. По мере того как в процессе думской деятельности все больше и больше обнаруживалась иллюзорность попытки кадетов найти общий язык с былыми «друзьями слева», или по крайней мере отколоть от них колеблющиеся элементы, чтобы создать «сильный конституционный центр», среди кадетов крепнет решимость сказать «слово умиротворения» и принять требование правых.

На заседании фракции 4 апреля большинство фракции дружно аплодирует Тесленко, который выступает с заявлением, что «у нас скорее беспорядочная анархия, и осудить такую анархию мы можем». Напрасно один из «староверов» указывал», что «это будет уступкой правым, мы дадим нравственное право правительству применять репрессии». [3] На заседании кадетской фракции 4 апреля было решено, в случае если не

---

[1] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 28, л. 140.

[2] «Речь» от 30 мая 1907 г., ст. Милюкова, «Почему невозможна «поддержка» правительства?»

[3] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 28, л. 71, речь Богданова на заседании фракции 4 апреля.

удастся оттянуть обсуждение предложения правых о выражении порицания политическим убийствам и террору, включить в формулу перехода осуждение революционного террора.

6. Обсуждение бюджета в думе

Еще в своей декларации 6 марта Столыпин требовал, чтобы дума приступила к немедленному рассмотрению государственной росписи. Правда, формально царское правительство могло производить те или иные расходы и без утверждения думой бюджета: если б не был утвержден бюджет на текущий год, остался бы в силе прошлогодний. Но с точки зрения международного престижа, для укрепления курса русских ценных бумаг и возможности заключения новых займов за границей правительство было крайне заинтересовано в проведении бюджета через думу.

Кадеты безоговорочно пошли навстречу правительству. Они заранее решили утвердить бюджет без каких-либо существенных изменений. Предвыборные обещания о том, что кадеты в своей «осаде» царского режима используют бюджетные права думы и, в частности, будут указывать на незаконность заключений внешних и внутренних займов без участия народного представительства, — теперь были выброшены за борт.

В тезисах центрального комитета о росписи на 1907 г. в полном диссонансе с предвыборными обещаниями говорилось, что роспись на 1907 г. «вряд ли возможно использовать как орудие политической борьбы». [1] Точно также на заседании Государственной думы Струве успокаивал правительство, что кадеты не пойдут по отношению бюджета 1907 г. путем «беспредметных бюджетных демонстраций».

И, действительно, после легкой фронды насчет того, что «платье бюджетных прав Государственной думы, скроенное для законосовещательного учреждения, было механически перенесено на думу, получившую права законодательного учреждения», и что необходимо поставить вопрос о реформе бюджетного права, Струве поспешил заверить правительство, что сейчас на этом кадеты не станут настаивать, а сделают «все, что можно сделать в интересах народа с данным нам расходным бюджетом, в рамках действующего бюджетного права». [2] Это «все», по мысли кадетов, должно состоять из отдельных заплаток в росписи.

7. Кадеты и народнические группы

История II думы является в то же время историей борьбы кадетов и большевиков за крестьянство. Мы видели, что уже избирательная кампания во II думу превратилась собственно

[1] «Вестник партии народной свободы», 1907, № 10, стр. 658.
[2] Государственная дума, второй созыв, стенографические отчеты, 1907, т. I, стр. 862.

в арену борьбы кадетов и левого блока, которым руководили большевики, причем моральным победителем вышел левый блок: кадеты потеряли сотню мест, которые в значительной части были отвоеваны у них левыми партиями.

В самой думе кадеты снова попытались подчинить своему влиянию крестьянских депутатов. С этой целью кадеты выступили инициаторами устройства межфракционных совещаний оппозиционных партий, информационного бюро и т. д.

Задача кадетов — посредством дезорганизации левых добиться руководящей роли в думе — облегчалась оппортунистической линией меньшевистского большинства социал-демократической фракции, которая вела к подчинению пролетариата гегемонии либеральной буржуазии. Укорачивание социал-демократических лозунгов ради сохранения единства с кадетами проходит красной нитью через всю тактику меньшевиков. Умолчание в социал-демократической декларации, прочитанной в думе Церетели, об основных классовых требованиях пролетариата, замена в этой декларации термина «конфискация помещичьих земель» словом «отчуждение», под которым подразумевался выкуп, поддержка буржуазно-либерального лозунга подчинения исполнительной власти законодательной в форме «ответственного» министерства, опущение социалистической мотивировки бюджетной резолюции, попытка избежать полемики с кадетами по аграрному вопросу, снятие предложения о срочности запроса по поводу истязаний в рижских тюрьмах, голосование за кадетского председателя думы, посещение общих собраний оппозиционных партий, устраиваемых кадетами, и т. д. — все это бесспорно свидетельствует об оппортунизме меньшевистской социал-демократической фракции.

На V съезде партии меньшевики, под предлогом необходимости противопоставить реакции объединенный фронт «оппозиционно-революционного» блока, защищали свою тактику поддержки и соглашения с кадетами. Оспаривая большевистскую оценку кадетской партии, как контрреволюционной силы, меньшевики утверждали, что интересы средней буржуазии, политическими представителями которой являются-де кадеты, находятся еще в глубоком антагонизме с существующим в России политическим строем, и это обстоятельство ставит буржуазию в непримиримую оппозицию к самодержавию. Меньшевикам невозможно было открыто отрицать бьющий в глаза факт контрреволюционных заигрываний кадетов с правительством, но они объясняли упадок оппозиционности среди буржуазии упадком революции. По их уверениям, либеральное движение оживает при подъеме революционной волны и, наоборот, вянет при ее убыли: «оборотной стороной той жалкой, трусливой политики, которую ведет у нас наш либерализм, является сила старого режима и слабость в настоящий момент движения», — заявлял на съезде лидер московских меньшевиков Череванин. Но, мол, как только начнется подъем народного движения, кадеты воспрянут духом и снова займут свои оп-

позиционные посты. В расчете на «революционную будущность» кадетов, по мнению меньшевиков, социал-демократы и должны входить в соглашение с кадетами.

Троцкий, пытавшийся играть на съезде роль вождя центра, взял на себя задачу прикрывать меньшевистскую политику подчинения пролетариата влиянию и руководству либералов. Лицемерно заявляя о своем расхождении с меньшевиками в оценке либеральной буржуазии как вождя революции, Троцкий в то же время всячески стремился выгородить меньшевиков, мошеннически утверждая, что их политические действия лучше их тактических намерений.

В своем докладе об отношении к буржуазным партиям Ленин вдребезги разбил меньшевистскую теорию о «ведущей» роли буржуазии в революции. Буржуазия не только не способна была играть эту роль, но, наоборот, она панически боялась доведения буржуазно-демократической революции до победного конца и переметывалась при обострении борьбы в лагерь реакции. Трусливость и реакционность российской буржуазии объясняется тем, что «... наша революция происходит в такое время, когда пролетариат уже начал сознавать себя особым классом и объединяться в самостоятельную, классовую организацию. При таких условиях пролетариат пользуется всяческими завоеваниями демократии, пользуется каждым шагом свободы, чтобы усиливать свою классовую организацию п р о т и в буржуазии. Отсюда неизбежно вытекает стремление буржуазии притупить острые углы революции, не позволить довести ее до конца, не дать пролетариату возможности с полной свободой вести его классовую борьбу. Антагонизм буржуазии и пролетариата заставляет буржуазию стремиться сохранить известные орудия и учреждения старой власти, чтобы применять эти орудия п р о т и в пролетариата». [1]

Отметив дальше, что крупнейшей особенностью нашей революции является острота аграрного вопроса, Ленин указывал, что борьба крестьян против помещиков за землю неизбежно толкает трудящиеся массы крестьянства на союз с рабочим классом, превращает их в могучий резерв революции. Наиболее заинтересованным в доведении буржуазно-демократической революции до конца является рабочий класс, ибо полная победа над самодержавием, решительное уничтожение феодально-крепостнических пережитков создает необходимые условия для его успешной борьбы за социализм.

«Из такого соотношения общественных сил получается неизбежный вывод: буржуазия не может быть ни главным двигателем, ни вождем революции. Довести ее до конца, т. е. до полной победы, в состоянии только пролетариат. Но эта победа может быть достигнута лишь при том условии, если пролетариату удастся повести за собой большую часть крестьянства. Победа современной революции в России возможна

---

[1] Ленин, т. XI, стр. 246.

только, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».[1]

Эта постановка вопроса о характере и движущих силах революции, данная еще в решениях III съезда партии и гениально обоснованная в ленинской работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции», была подтверждена всем ходом первой русской революции. Рабочий класс был передовой, основной силой революции. Трудовое крестьянство, несмотря на его колебания, оказалось «...все же единственной серьезной силой, способной пойти на союз с рабочим классом».[2] Наконец, либеральная буржуазия, вопреки меньшевистским «прогнозам», не только не шла во главе революции, но, наоборот, на всех решающих поворотах революции выступала как определенно контрреволюционная сила, искавшая союза не с народом, а с царем.

Резолюция V съезда партии об отношении к непролетарским партиям, оценивавшая кадетскую партию как антиреволюционную и запрещавшая какие-либо соглашения с этой партией, явилась решительным осуждением меньшевистской политики поддержки кадетов и знаменовала собой победу большевистской, революционно-марксистской линии в рядах с-д.

Лакейство меньшевиков перед либеральной буржуазией открывало перед кадетами шансы захватить гегемонию во II думе. Благодаря соглашательскому поведению меньшевиков кадетам часто удавалось увлекать за собой группы, стоящие левее их, и вследствие этого думские решения принимали кадетскую окраску.

Народники поддерживали кадетский лозунг «берегите думу». На экстренном съезде партии эсеров Гершуни в своей речи о думской тактике полностью солидаризировался с кадетским лозунгом «бережения думы» и высказался за поддержку кадетов в целях «изолирования» реакции. «Тактика наших депутатов, — говорил он, — должна быть такова, чтобы в сознании народном ответственность за разгон всею тяжестью легла на правительство... Дума должна стать стране близкой и дорогой. Кадеты пока — не наши враги и нам не опасны. Чего же ради мы будем тратить силы на борьбу с ними?.. И мы должны приложить все усилия, чтобы все социалистические группы выступили дружно, а в борьбе за свободы и против реакции — совместно со всей оппозицией». В соответствии с этими словами Гершуни эсеровский съезд признал необходимыми как частичные, так и «длительные» соглашения с кадетами.

Народники боролись с «митинговым» направлением в работе думы. Из отчета о деятельности фракции трудовиков во второй думе мы узнаем следующее о настроении подавляющего большинства трудовиков в начале сессии: «они ставили своей задачей возможно шире использовать законодательные и бюд-

---

[1] Ленин, т. XI, стр. 246—247.
[2] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 90.

жетные права думы, избегая лишних речей, имеющих лишь демонстративное значение, обеспечить возможно более продолжительный период существования думы и усилить ее законодательную работу... Фраза «мы законодатели» нередко повторялась на фракционных собраниях. [1] Подражая кадетам, народнические фракции решили встретить декларацию Столыпина холопским молчанием. Вместе с кадетами трудовики голосовали за передачу бюджета в комиссию, т. е. принципиально согласились вручить царскому правительству требуемые им средства.

Эсеры выступали в думе с чисто кадетским гимном в честь «мирной парламентской работы». При обсуждении правительственной декларации лидер думской фракции эсеров Архангельский говорил: «Мы пришли сюда сказать, что мы страстно тоскуем по мирной работе, мы с трепетом ждем наступления такого момента, когда для нас открыта будет возможность мирной культурной работы. Мы пришли сюда с желанием мирной работы на думских парламентских скамьях. И малейший луч просвета, дающий нам возможность думать, что наступили лучшие условия работы, заставит нас в думе устремиться на эту мирную, культурную работу». [2] Подобный мирнообновленческий тон вызвал со стороны Столыпина ироническое «предположение», что думские эсеры только «по созвучию названий» причисляют себя к «социальной и революционной партии», на деле же вовсе не разделяют программы этой партии.

Бичуя сползание народнических групп в лагерь либеральной буржуазии, Ленин писал: «Правда, «трудовики», н.-с. и с.-р. постоянно колеблются между буржуазией и пролетариатом, оказываясь сплошь да рядом фактически политическим хвостом либералов. (Голосование за Головина, «тактика молчания», согласие сдать бюджет в комиссию и пр., и т. д.). Эти колебания не случайны. Они вытекают из классовой природы мелкой буржуазии». [3]

Только большевики путали карты в кадетской игре и срывали с кадетов маску поборников «народной свободы».

При выборах президиума социал-демократическая фракция по требованию большевиков отвергла кандидатуру в товарищи председателя думы кадетского депутата от Москвы Тесленко в связи с тем, что московские кадеты не дали депутатского места рабочей курии. Во время обсуждения этого инцидента в кадетской фракции лидеры партии заняли крайне агрессивную позицию и прямо говорили, что «исполнение требований социал-демократов положительно безумно». [4] Как ни уговаривали их «левые» кадеты, что «не следует устраивать кон-

---

[1] ГАФКЭ, фонд трудовой группы, д. № 2, лл. 24—25.

[2] Государственная дума, второй созыв, стенографические отчеты, 1907, т. I, стр. 494—495.

[3] Ленин, т. XI, стр. 154.

[4] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 1, л. 11, речь Петра Долгорукова на заседании фракции 20 февраля.

фликт между оппозиционными группами из-за повода, не имеющего принципиального характера», — «вожди» твердо стояли на своем. «Отказываться от кандидатуры Тесленко, — заявил Гессен, — невозможно из-за излишней боязни поссориться с социал-демократической фракцией. Обостренные отношения с ними неизбежно возникнут по многим другим поводам». Руководящее ядро кадетской фракции считало, что «объединить все группы для нас невозможно, а уступая социал-демократам в данном случае, кадеты идут навстречу организации левого блока под руководством социал-демократов». Между тем, «наша цель иная, пусть с нами останутся трудовики и эсеры. Пусть останутся социал-демократы изолированными». [1]

Правые кадеты предлагали в случае, если не последует капитуляции левых в этом вопросе, пойти по пути соглашения с черносотенцами. Они высказывались за пропорциональное представительство в президиуме думы. «Поскольку, — говорил Булгаков, — «правая» — парламентская партия, необходимо считаться с нею». [2] В частности, они выдвигали польскую кандидатуру на пост тов. председателя. [3]

Это предложение вызвало возражения со стороны той части кадетов, которая еще не потеряла надежды подчинить себе массовое движение.

На «левых» кадетов большое впечатление произвела позиция крестьянских депутатов в инциденте с Тесленко. Последние заявляли, что «они тоже против кандидатуры Тесленко, ибо рабочие депутаты им ближе и с мнением их они прежде всего желают считаться». Кадеты опасались, что польская кандидутура вызовет недовольство со стороны крестьян и упрочит мнение, что кадетская партия защищает интересы помещиков. По убеждению «левых» кадетов, не следует обострять отношений с левыми фракциями думы, так как иначе кадетам нельзя будет занять руководящее положение в думе. Поэтому они настаивали на уступке обоих мест товарищей председателя левым фракциям.

Однако большинство кадетской фракции явно склонялось к сделке с правыми фракциями Государственной думы за счет левых, указывая, что «присутствие в президиуме двух левых товарищей председателя отразится крайне печально на деятельности и существовании думы». [4] Если в конце-концов ка-

[1] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 1, л. 11, речь Кизеветтера.
[2] Там же, л. 7.
[3] Польские депутаты, образовавшие в думе «польское коло», принадлежали в огромном большинстве к партии народовых демократов, которая являлась блоком польской буржуазии и помещиков. Эта партия открыто помогала царскому правительству в его жестокой расправе с революционным движением внутри Польши, поддерживая фабрикантов в организации локаутов. Взяв на себя задачу искоренения революционной социал-демократии, партия народовых демократов под руководством своего лидера Дмовского организовала «боевые отряды» (боювки) из подонков и убивала передовых революционных рабочих (Лодзь, Домброво).
[4] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 1, л. 15, речь Котляревского на заседании фракции 22 февраля.

деты отказались от мысли ввести в президиум правых, то только потому, что после состоявшегося соглашения с левыми при выборе председателя думы было «уже поздно вступать в какое-либо соглашение с правыми». [1]

В дальнейшем депутаты-большевики много портили крови кадетам, парализуя их попытки повести за собой на буксире левых крестьян. Для высвобождения последних из-под кадетского влияния большую роль сыграла речь большевистского оратора по аграрному вопросу, написанная Лениным. В этой речи провозглашался с думской трибуны большевистский лозунг конфискации помещичьей земли без выкупа и содержался призыв к крестьянам взять решение земельного вопроса в свои руки. Почти ежедневно в большевистских газетах «Новый луч», «Пролетарий», «Наше эхо», «Рабочая молва», «Труд» и др. появлялись статьи Ленина, которые разоблачали до конца кадетских предателей народной свободы. В этих статьях Ленин разоблачал также неустойчивость народников и меньшевиков, противопоставляя их оппортунистическим колебаниям линию революционного марксизма.

Неудача в борьбе с большевиками за крестьянство настраивала кадетов на минорный лад. Больше всего их беспокоило, что дума не производит впечатления работоспособной в глазах правительства. «Мы в отвратительном положении и настроении, — писал Шингарев 17 апреля 1907 г., — левое наше крыло [левые фракции в думе. — *Е. Ч.*] теряет реальную почву окончательно и не дает нам возможности быстрее приступить к законодательной работе». [2] На собрании кадетской фракции 30 апреля Стахович предлагал «двинуть готовые законопроекты, поменьше делать запросов и делать их во всяком случае с разбором». [3] В целях противодействия «обычному митингованию» социал-демократов, кадеты подали в президиум думы заявление, чтобы запросам отводился лишь один день в неделю. Точно также ради скорейшего перехода к «серьезной» законодательной работе кадеты внесли предложение о прекращении прений по аграрному вопросу и очень пеняли на Столыпина за то, что в тот момент, когда «аграрные прения умирали естественной смертью», он вдруг «бросает в этот гаснущий костер думского красноречия новый богатый горючий материал» [4], выступив с программной речью по аграрному вопросу.

Кадеты мечтали о наступлении такого времени, когда думские дебаты по общей политике станут исключением и на смену «героического» периода парламентской жизни придет период «просто житейский». [5] А между тем, в думе действовал

---

[1] Там же, л. 17, речь Гессена на заседании фракции 22 февраля.
[2] А. Хрущев, «А. И. Шингарев», М., 1918.
[3] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 1, л. 92.
[4] «Вестник партии народной свободы», 1907, № 19, стр. 1166.
[5] Милюков, Вторая дума, СПб., 1908, стр. 154.

«революционный яд — социал-демократия» и «$^2/_3$ нашей энергии уходило на борьбу с товарищами слева». [1]

Под давлением большевиков народники, часто против своей воли, опасаясь саморазоблачения и изоляции от революционно настроенных избирателей, начинали отходить от кадетов. Уже в вопросе о помощи голодающим и безработным трудовики разошлись с кадетами. И чем дальше, тем все сильнее порывались трудовики освободиться из-под кадетской опеки. 24 мая трудовая группа предложила в первую очередь рассмотреть два вопроса: 1) об отмене смертной казни и 2) об амнистии. Запугивания кадетов, что обсуждение этих вопросов может повлечь за собой разгон думы, не «образумили» трудовиков и они голосовали против кадетов, которые настаивали вместо вопросов об отмене смертной казни и амнистии поставить на повестку думы законопроекты о реформе местного управления. В отличие от кадетов трудовики голосовали против законопроекта военного министра о контингенте новобранцев на 1907 год.

Не рассчитывая подчинить своему влиянию трудовую группу в целом, кадеты направили свои усилия на взрыв трудовой группы изнутри, на выделение из нее более умеренной части.

Члены трудовой группы, конечно, не были все на одно лицо. В ее составе были депутаты, которые представляли собой кулацкие элементы деревни, склонные к сделке с Столыпиным.

В острые моменты думской жизни усиливались трения внутри трудовой группы. При выборе председателя аграрной комиссии некоторые депутаты-трудовики во главе с лидером трудовой группы Караваевым голосовали за кадета Кутлера и против кандидата, намеченного левыми фракциями думы. При обсуждении в собрании трудовой группы вопроса о контингенте новобранцев на 1907 год обнаружилось два течения: большинство (29 голосов) было против того, чтобы давать царскому правительству новобранцев; меньшинство же (17 голосов) стояло за то, чтобы дать, хотя и в сокращенном размере.

Эти колебания не могли не возбудить среди кадетов надежды расколоть трудовую группу и вовлечь в свою игру «менее устойчивую» часть трудовиков. Когда на заседании кадетской фракции 30 мая ряд депутатов жаловался на то, что дума не производит впечатления работоспособной и считал необходимым занять более резкую позицию по отношению к левым фракциям, то один из кадетских лидеров, И. Гессен, заявил: «Я не разделяю тех пессимистических взглядов на думу, какие здесь высказывались. Работа произведена уже огромная и в будущем предстоит еще улучшение». Возможность «улучшения» Гессен видел в том, что «трудовики теперь в неопределенном положении более чем когда-либо». [2]

[1] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 1, л. 123, речь Булгакова на заседании фракции 2 июня.

[2] Там же, л. 93.

С целью распропагандирования колеблющихся элементов трудовой группы в духе кадетских намерений и планов относительно думской работы, кадеты тайно приглашали отдельных трудовиков на свои фракционные собрания.

Однако расчеты кадетов на распадение трудовой группы не сбылись, и камнем преткновения явился земельный вопрос. В этом пункте трудно было примирить «объединенное дворянство» даже с более умеренной частью крестьянства. Несомненно, что классовая дифференциация в деревне уже перед революцией 1905 г. сделала значительные успехи. Бесспорно также, что аграрное законодательство Столыпина пришлось по вкусу деревенским живоглотам. Не случайно на заседании аграрной комиссии трудовой группы, совместно с народными социалистами, эсерами и социал-демократами, 13 мая меньшевик Герус, указав, что «некоторые законы по ст. 87 пользуются в некоторых местах сочувствием населения», сомневался, «удобно ли думе делать решительное постановление об их отмене». [1]

Но «столыпинцы» представляли в деревне довольно тонкий слой, и наличие их не могло парализовать глубокий классовый антагонизм между помещиками и всем крестьянством, который побуждал крестьян как класс итти против помещиков и царизма.

Как указывает Ленин: «Крестьяне самым бурным и непосредственным образом выразили стихийную революционность своей борьбы против остатков средневековья и всех форм средневекового землевладения, не вполне отчетливо сознавая политические условия этой борьбы и наивно идеализируя «обетованную землю» буржуазной свободы». [2]

По земельному вопросу даже крестьяне из правых фракций произносили речи, проникнутые непримиримой ненавистью к помещикам. [3]

---

[1] Там же, д. № 3, л. 77.

[2] Ленин, т. XI, стр. 492.

[3] Когда октябристы пригласили на II съезд «Союза» несколько крестьян, то организаторов этой комедии ожидал неожиданный конфуз: выступления крестьян на съезде не только не явились демонстрацией социального «перемирия», а, наоборот, лишний раз обнаружили пропасть, отделяющую крестьян от помещиков. Так, делегат Орловской губернии крестьянин Микулин заявил: «Человек я необразованный. Недаром говорят: «мужик неученый — что топор неточеный»... Как бы этот топор неточеный не тяпнул по шее тех землевладельцев, которые не хотят мужику земли прибавлять».

Но что замечательно — даже крестьяне, завербованные в союз русского народа, насчет земли высказывали, с точки зрения черносотенных помещиков, прямо «кощунственные» взгляды. По словам Тихомирова, на IV съезде союза русского народа, происходившем во время II думы «... вся крестьянская и вообще народная часть съезда требует отчуждения земель, а о переселениях говорят, что нужно переселить помещиков, а их земли отдать здесь крестьянам. Грингмут [главарь черной сотни. — *Е. Ч.*] обошел это тем, что выдвинул кн. Щербатова, который объяснил, что аграрный вопрос может решить только земский собор. Но

Так, крестьянин Петроченко, заявивший в начале своей речи, что он «до смерти будет защищать царя и отечество от врагов внешних и внутренних», дальше, обращаясь к помещикам, заговорил иным языком: «Сколько прений не ведите, другого земного шара не создадите. Придется, значит, эту землю нам отдавать . . . А что мы невежественны, так мы ничего иного и не просим, как земли, чтобы по своей глупости в ней же ковыряться. С своей стороны я думаю, что, конечно, дворянину и неприлично возиться с землей». Наивный монархист Петроченко в аграрном вопросе оказался значительно левее либерального помещика. К кадетскому выкупу по «справедливой оценке» он отнесся неодобрительно: «Конечно, Кутлер, как человек богатый, дорого сказал, — и мы, крестьяне бедные, столько не можем заплатить».

Если такую несговорчивость проявляли правые крестьяне, то еще в большей мере враждебность к помещикам должна была прорываться среди крестьян-трудовиков. Нечитайло (Киевская губ.) говорил: «Эти земли, которые принадлежат народу, — нам говорят: покупайте их. Разве мы приезжие иностранцы? Мы народ здешний, с какой стати мы должны покупать свои земли? Они нами уже десять лет отработаны кровью, потом и деньгами». Захаров (Пермская губ.): «Народ требует земли и воли. Народ протягивает руки к земле и говорит: «отдайте мне мою землю». Кирносов (Саратовская губ.): «Я думаю, что не может быть, чтобы земля была неприкосновенна, раз того желает народ . . . Я прямо скажу: украли у нас землю. Но мы, господа, пришли сюда не искать, а пришли взять ее, это наше . . .»

Выступления крестьянских депутатов с думской трибуны порядком нервировали правящее дворянство. В собственноручной записке царю Столыпин писал: «Крайние речи по аграрному вопросу, рассылаемые по всей России, а также печатные письма от имени депутатов представляют серьезную опасность для спокойствия деревни».

Как указывалось выше, в самой думе речь Столыпина по аграрному вопросу, в которой он защищал неприкосновенность помещичьей собственности, а крестьян прельщал укреплением в постоянное владение их надельных лоскутков, — не только не привела к расколу трудовой группы, но, наоборот, способствовала ее консолидации.

Это настроение трудовой группы показало как Столыпину, так и кадетам, что надеяться на соглашение с крестьянством на базе столыпинской аграрной реформы нет оснований. В данном случае оставались лишь расчеты на будущее, когда в де-

---

так как на отложку «отчуждения» до собора согласились только с протестами, то Грингмуту пришлось все время, силу и ловкость употреблять на то, чтобы как-нибудь не допустить крестьян опомниться и энергически потребовать отчуждения, требуемого их наказами. Нужно было проволочить только один день — тут и подбор ораторов, и гимны, и «ура» все пошло в ход» («Красный архив» т. LXI, стр. 102—103).

ревне, наконец, окрепнет кулачество, которое и послужит опорой для столыпинской монархии.

Сознание, что заигрывание с крестьянством бесплодно, что на данном этапе невозможно примирить помещика с крестьянином, и продиктовало поведение кадетов, когда они решили снять свою формулу с принудительным отчуждением.

8. Октябристы во II думе

Вступая во вторую избирательную кампанию, крупнобуржуазные партии («Союз 17 октября», торгово-промышленная и другие партии) не обольщались иллюзиями относительно своего успеха на выборах. Так, руководитель «законсервированной» после неудачи на выборах в I думу прогрессивно-экономической партии Триполитов заявил, что при существующей «демократичности выборной системы» он «не усматривает больших шансов на успех в предстоящих выборах не только для своей партии, но даже и для всех партий центра».

Последние надежды на успех должны были улетучиться у «Союза 17 октября» после его открытого перехода на позиции столыпинского военно-полевого «обновления» России. С мест поступали вести, что поправение «Союза» угрожает ему полным провалом на предстоящих выборах.

Накануне избирательной кампании в Петербурге была сделана попытка гальванизировать труп прогрессивно-экономической партии. На совещании актива этой партии 20 октября 1906 г. было решено: «1) сохранить и поддерживать не только для предстоящих выборов, но и вообще для будущего достигнутое партией объединение, 2) придать партии более строгую организацию выработкой соответствующего устава, 3) принять участие в предстоящих выборах, но предпочтительно без самостоятельного выступления, а в тесном союзе с одной из партий центра».

Но не рассчитывая на успех даже при объединении всех своих сил, крупнобуржуазные партии решают «застраховать» себя еще блоком с крайними правыми. Почва для такого блока была подготовлена непрерывной эволюцией октябристов, торгово-промышленной и тому подобных партий вправо, в результате чего они местами так переплелись с черной сотней, что невозможно стало отличить их друг от друга. Так, на собрании октябристов в Витебске было решено слиться с союзом русского народа. В Воронеже октябристы вступили в блок с монархическими организациями. Чтобы облегчить такое слияние, харьковские и екатеринославские октябристы решили исключить из своей программы пункт о еврейском равноправии. Торгово-промышленная партия в Ельце всецело присоединилась к союзу русского народа и т. д.

При таком поправении массы членов «Союза 17 октября» нет ничего странного в том тесном единении, которое наблюдалось на выборах во II думу между октябристами и чер-

ной сотней. Правда, на собрании членов петербургского отдела «Союза» в ноябре 1906 г. Гучков утверждал, что «есть один пункт, который кладет резкую грань между нами, — это пункт политической реформы. Они (правые) допускают народное представительство лишь в качестве законосовещательного органа, а избирательное право строят на началах сословного представительства». Но вслед за этим Гучков заявил, что «их присутствие в Государственной думе желательно, ибо дума должна явиться выразительницей по возможности всех течений народной мысли». [1] В ответ на этот комплимент по адресу крайних правых, черносотенец гр. Олсуфьев на II съезде уполномоченных дворянских обществ высказался за блок всех правых партий, включая и «Союз 17 октября», ибо последний «после речи Гучкова и выхода из него Шипова является партией государственного порядка». [2]

Сближение октябристов с черной сотней нисколько не препятствовало уменьшению расстояния между «Союзом 17 октября» и конкурирующей с ним кадетской партией. Так, на собрании избирателей петербургской части в декабре 1906 г. октябрист Чистяков прямо изъяснялся в любви к кадетской партии: «она прекрасна как оппозиция, она не даст другим остановиться» [3] и т. д. С своей стороны кадеты тоже смягчили свои полемические приемы в избирательной борьбе с октябристами. Больше того, среди кадетов наметилось сильное течение в сторону открытого соглашения на выборах с октябристами. Если этого не последовало, то только потому, что прямое объединение с правыми было бы, по заявлению кадетов, «гибельным» для них с точки зрения избирательных шансов. Но во всяком случае, каждый раз, когда перед кадетами возникала альтернатива — оказать поддержку кандидату левого блока или провести октябриста, их симпатии склонялись в пользу последнего.

Уменьшение дистанции между кадетской партией и «Союзом 17 октября» находилось в прямой связи с тем, что социальная опора кадетов со временем становилась у них все более и более общей с октябристами. Кадеты превращались в рупор монополистического капитала. И если они в конце-концов не слились с октябристами, то в значительной мере потому, что с точки зрения буржуазии было выгоднее установить разделение труда между буржуазными партиями таким образом, чтобы правый фланг вел деловую политику, а «левый» был приноровлен к улавливанию в буржуазные сети мелкобуржуазных простаков.

Во время избирательной кампании октябристы использовали в качестве опорных пунктов земские управы, город-

---

[1] Речи, произнесенные 5 ноября 1906 г. на общем собрании петербургского отдела «Союза 17 октября», СПб., 1907, стр. 13—14.

[2] Труды II съезда уполномоченных дворянских обществ, СПб., 1907, стр. 33.

[3] Чистяков, Речи октябриста, СПб., 1907, стр. 66.

ских голов, церковный причт, чиновников. Известные надежды при проведении своих кандидатов октябристы возлагали также на съезды мелких землевладельцев.

Чувствуя, что октябристы имеют мало шансов на выборах, крупная буржуазия скудно субсидировала избирательную кампанию «Союза». Сколько ни обращались октябристские функционеры к капиталистам с приглашением потрясти мошной в пользу «Союза», указывая, что этим они совершают «только акт политического самострахования», [1] — все это «подогревание» не возымело должного действия. Имущие классы низко расценивали избирательные шансы октябристов. По крайней мере, из протоколов центрального комитета октябристов мы узнаем, что финансовое положение «Союза» было далеко незавидным. Так, на издание органа «Союза» 17 октября» было собрано всего только 100 руб. Из-за недостатка средств решено было прекратить выпуск «листков Союза 17 октября», ликвидировать квартиру «Союза» в Петербурге [2] и т. д.

На выборах октябристы не прочь были иногда «для настроения» пустить несколько стрел в правящее дворянство. Так, Чистяков на одном избирательном собрании говорил о том, что «Россия идет к упадку потому, что правящие в ней классы потеряли свою жизненность. Все они являются разновидностями одного и того же дряблого растения — барства, развившегося сначала на крепостном праве, а потом на казенном и общественном пироге». [3]

Но в основном избирательная агитация октябристов, как и черной сотни, сводилась к запугиванию демократических избирателей карами земными и небесными, в случае если они посмеют голосовать за неугодных правительству кандидатов. Вот колоритный образец тактики устрашения, к которой прибегали октябристы на выборах: «Власть достаточно сильна, чтобы распустить и II думу, но все же камни, брошенные в небо, не достигнув облаков, падут на наши головы в виде новой смуты и общего разорения». [4] В свете подобных приемов избирательной агитации октябристов становится понятным утверждение черносотенца Говорухи-Отрока по поводу предвыборной борьбы, что «никаких различий между монархистами, членами союза русского народа и октябристами в решительный момент не оказалось вовсе». [5]

Результаты выборов для октябристов получились неутешительные. В городах с отдельным представительством октябристы собрали 34 тыс. голосов, оставшись позади кадетов

---

[1] Речи, произнесенные 5 ноября 1906 г. на общем собрании петербургского отдела «Союза 17 октября», СПб., 1907, стр. 28.

[2] ГАФКЭ, фонд партии октябристов, д. № 1, л. 70.

[3] П. Чистяков, Речи октябриста, стр. 89.

[4] В. Львов, Программные речи и статьи в Самарском отделе «Союза 17 октября», М., 1907, стр. 48.

[5] ГАФКЭ, фонд совета объединенного дворянства, д. № 323, л. 137.

(74 тыс.) и левого блока (41 тыс.) и завоевали только два места. [1] Среди уполномоченных от мелких землевладельцев октябристов оказалось лишь 9%. Единственно более или менее заметной величиной октябристы являлись в крупноземлевладельческой курии — 18%. Успех их в этой курии объясняется тем, что часть либеральных помещиков, уверовавших в столыпинские методы «успокоения», перекочевала от кадетов к октябристам. В общем, октябристам удалось провести в думу 42 депутата, или 8,8% к общему числу членов думы.

При обсуждении уроков избирательной кампании в центральном комитете «Союза» сперва обнаружились две тактические линии. Одни, жалуясь на то, что октябристы «собрали лишь господ», убеждали «в необходимости демократизации «Союза» и широкой просветительной (?) деятельности среди избирателей». Однако верх быстро взяло другое течение, представителем которого выступил Родзянко. «Чрезмерная демократизация, — говорил он на заседании центрального комитета 13 февраля 1907 г., — не приведет к благоприятным результатам. Кадетам это стоило 100 мест в думе. Путь идей важнее посулов. Мы не имеем успеха потому, что в разгуле страстей голос холодного рассудка не слышен». [2]

Эта точка зрения стала руководящей нитью для «Союза 17 октября». Призывая своих сторонников сохранить себя для будущего, один из вождей октябристов, В. Петрово-Соловово, писал: «Не льстить корыстным инстинктам, не заманивать к себе широковещательными обещаниями, хотя бы и неисполнимыми, а обещать лишь то, что можно и должно сдержать, — таковым должен остаться основной принцип октябристов и в думе и вне думы. Страна поймет и оценит его, если не сейчас, то со временем». [3]

При победе в «Союзе» такого настроения неудивительно, что октябристы спешат очиститься и от тех жалких «демократических» побрякушек, которые раньше украшали их программу. Так, на втором съезде «Союза» решено было устранить § 11 программы о принудительном отчуждении земли, ибо «это не более как улыбка в сторону левых партий». [4]

В самой думе позиция октябристов по всем существенным вопросам совпадала с позицией крайних правых. Расшаркиваясь перед последними, октябристский официоз «Голос Москвы» заявлял, что крайние правые в думе представляют «превосходное противоядие, ослабляющее влияние революционных фракций». С первых же дней думской работы октябристы участвовали в объединенных совещаниях с черносотенными членами

[1] Октябристские кандидаты были избраны в Казани и Туле, где они прошли благодаря соединению на выборах с союзом русского народа.
[2] Заседание центрального комитета 13 февраля 1907 г. (ГАФКЭ, фонд партии октябристов, д. № 1, лл. 70—72).
[3] «Голос Москвы», № 54, от 4 марта 1907 г.
[4] Там же, № 108.

думы. Они вошли в соглашение с правыми фракциями при выборах председателя думы, выставив в качестве общего кандидата октябриста Хомякова. Вместе с правыми они требовали, чтобы дума выявила свое отношение к революционным насилиям, и внесли мотивированный переход к очередным делам, в котором резко осудили революционный террор. Октябристы высказались против амнистии политическим заключенным. Они расхваливали военно-полевые суды, которые, по их мнению, «подорвали не устои государственности, а устои революции». В аграрном вопросе октябристы полностью солидаризировались со Столыпиным, считая, что отчуждение помещичьей земли допустимо только в виде крайнего исключения. Наконец, относительно помощи безработным октябрист Шидловский с нескрываемым цинизмом высказался за передачу организации помощи в руки частной благотворительности.

На всем протяжении истории II думы октябристы в крайне агрессивном тоне нападали на ее левое крыло и не скрывали, что в их интересах разгон думы. По поводу отказа левых фракций голосовать за контингент новобранцев «Голос Москвы» с пеной у рта писал: «Четверть думы решила воспротивиться набору новобранцев, четверть депутатов стала открыто на сторону революции... Теперь ясно видно, что дума не окрепла, что она погибнет от внутреннего разложения». [1] Из этого орган октябристов делает вывод, что настала пора «всем конституционным партиям вместе с правительством вступить в упорную борьбу с революцией».

Но особую ярость помещичье-капиталистического блока, каким, в сущности, являлся «Союз 17 октября», вызвало предложение левого крыла думы о создании местных земельных комитетов. Здесь октябристы показали себя более ревностными столыпинцами, чем сам Столыпин. «В огромный ворох горючего материала, — бил в набат «Голос Москвы», — предполагается сразу по всем направлениям подбросить новые угли. Мы слышали, что власть не напугана. Но этого мало. Если на мятеж не наступает решительно государственная власть, если против него не ополчается общество, то мятеж всегда начинает наступать сам и на государство и на общество одновременно. Это — неизбежно. Это и наблюдается. Аграрные волнения уже вспыхнули кое-где. План «советчиков» выполняется в точности. Долго ли это будет продолжаться? Кто и когда избавит нас от этого преступно-больного законодательствования?» [2]

В этом вопле с ослепительной яркостью выступает звериный контрреволюционный лик крупного собственника, до истерики перепуганного красным призраком и в неодолимой

---

[1] «Голос Москвы», от 18 апреля 1907 г.
[2] Там же, от 8 апреля 1907 г.

панике хватающегося за военно-полевые репрессии, как за последний якорь спасения.[1]

9. Роспу́ск думы и государственный «переворот» 3 июня 1907 г.

Правящие круги не обольщались надеждой на возможность сработаться со II Государственной думой, и вопрос об ее разгоне, в сущности, был предрешен еще до открытия думских занятий. Известные колебания наблюдались лишь относительно того, соединять ли роспуск думы с провозглашением нового избирательного закона или повторить опыт с сенатскими «разъяснениями». В то время как «объединенные» дворяне сожалели о том, что, когда была распущена первая дума, у правительства не хватило смелости совершить государственный переворот, и требовали изменения избирательного закона, — более дальновидные защитники помещичьих интересов, и в числе их Столыпин, не могли отогнать от себя предчувствия, что государственный переворот убьет остатки монархических иллюзий в народе и до крайности обострит классовые противоречия в стране.

Когда махрово-правый кадет Петражицкий выступил с парадоксальным на первый взгляд заявлением о том, что изменение избирательного закона хуже самодержавия, то его слова отнюдь не надо понимать таким образом, что мол с точки зрения Петражицкого, чем хуже, тем лучше, что царизм в своей допотопной форме скорее канет в Лету. Было бы смешно заподозреть Петражицкого в подобном «пораженчестве». Нет, он боялся, что «представительная» монархия на основе «бесстыжего» избирательного закона будет выглядеть в народном сознании еще отвратительнее, чем патриархальное самодержавие.

Эти же опасения, повидимому, разделял Столыпин, когда он, по свидетельству Шванебаха, в совете министров предлагал не соединять роспуска думы с изданием нового избирательного закона. Он не мог не сознавать, что власть, опирающаяся на одни штыки, крайне неустойчива. К тому же в период II думы снова стал расправлять плечи рабочий класс. Число стачечников во 2-ой четверти 1907 г. поднялось до 271 тысячи против 94 тысяч в 1-ой четверти. Уроки «страшного» пятого года заставляли Столыпина лихорадочно работать над расширением социальной базы царизма. Как известно, указ 9 ноября 1906 г. преследовал цель — создать в лице кулачества массовую опору для помещичьей власти.

---

[1] Ср. со следующим местом из дневника В. Брюсова (М., 1927): «*Июль 1907 г.* Познакомился с В. П. Рябушинским. Убежденный «буржуазист». Все сделают буржуа. Пролетарии должны быть рабами. Если кто мятежничает, — убивать. Крестьяне жгут усадьбы? А зачем вы бежите в Петербург? Перестреляйте тех, которые нападают, и сожгите сами, а не с помощью казаков, десять деревень кругом, и мужики поймут, что у вас есть право на землю».

Нащупывая общий язык с деревенской верхушкой, Столыпин рассчитывал использовать в качестве посредников кадетов. В этой связи становится понятным его флирт с последними в период между I и II думами. Так, летом 1906 г. на даче премьера велись частные беседы Столыпина, Извольского и других министров с кадетскими вожаками. 11 августа Столыпин предложил на обсуждение совета министров вопрос: не разрешить ли кадетам созвать очередной партийный съезд в Петербурге. По утверждению Шванебаха, только покушение на даче Столыпина 12 августа предотвратило эту «роковую ошибку». Наконец, в январе 1907 г., т. е. непосредственно перед открытием II Государственной думы, между Столыпиным и Милюковым начались переговоры по вопросу о легализации кадетской партии при условиии принятия последней такой программы, которая была бы приемлема для правительства. [1]

В самой думе, чтобы облегчить кадетам их посредническую миссию, Столыпин выступил с «либеральной» декларацией, а в своей аграрной речи признал возможным «в виде исключения» принудительное передвижение земельных границ. Обмолвка Столыпина об обязательном отчуждении не была случайной, а представляла пробный шар, с помощью которого он рассчитывал сплотить под знаменем своей аграрной программы умеренную часть крестьянских депутатов. [2]

Но к великому разочарованию Столыпина и его кадетской агентуры аграрная речь премьер-министра произвела диаметрально противоположное действие. Крестьянские депутаты по достоинству оценили его коварный план расколоть крестьянство приманкой отчуждения помещичьих земель, в то время как на деле правительство стояло за неприкосновенность помещичьей собственности. Аграрная речь Столыпина лишь укрепила единство трудовой группы и заметно подняла ее настроение.

Мы видели, что усилия кадетов примирить крестьян с помещиками на базе столыпинского аграрного законодательства не встретили отклика даже со стороны умеренных элементов трудовой группы. Таким образом, становилось очевидным, что пока существует старый избирательный закон, предоставляющий численный перевес на выборах крестьянским голосам,

[1] «Записки сановника», опубл. в «Голосе минувшего», 1918, № 1—3, стр. 116—118.

[2] Этого не поняли крепостнические мастодонты, которые на происходившем в эти дни III съезде уполномоченных дворянских обществ открыли яростную атаку на Столыпина за его фразу о принудительном отчуждении. Н. Е. Марков предложил обратиться к царю и просить его еще раз подтвердить, что частная собственность неприкосновенна. Другой мракобес кн. Касаткин-Ростовский пришел даже к заключению, что «правительство нас предаст». Съезд поручил совету объединенного дворянства «в случае необходимости, решительно выступить перед его императорским величеством в защиту неприкосновенности частной собственности» (Труды III съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний с 27 марта по 2 апреля 1907 г. СПб., 1907, стр. 265—267).

нельзя собрать послушную думу. Этим самым автоматически выключались колебания Столыпина в вопросе о государственном перевороте.

Под влиянием неудачи попыток «приручить» крестьянских депутатов и таким путем добиться руководящей роли в думе, для кадетов лозунг «беречь думу» все более превращался в стремление беречь кадетскую партию в глазах правительства. Для кадетов не было тайной, что своим капитулянтским поведением в думе они умаляют ее престиж перед лицом народа и тем самым льют воду на мельницу правых «заговорщиков», требовавших с первых же дней работы думы ее разгона.

Однако эти соображения не беспокоили кадетов, так как они заранее примирялись с казавшимся неизбежным роспуском думы. Больше того, раз в думе было многочисленное левое крыло, раз опыт первых двух месяцев существования думы показал кадетам, что нельзя надеяться на образование сплоченного большинства под их руководством, — то неудивительно, что кадеты, по признанию Родичева, «могли бы даже сочувствовать» ее роспуску.

Кадетов обуревали другие страхи. Они боялись, как бы вслед за роспуском думы избирательный закон не был изменен таким образом, что кадетская партия очутилась бы за бортом. Чтобы предотвратить эту опасность, кадеты всячески стремились подчеркнуть свою лойяльность по отношению к правительству. Этот лейтмотив думской тактики кадетов был отчетливо сформулирован еще до открытия думы Петражицким в его речи на заседании центрального комитета 9 февраля 1907 г. Указав, что дума недолговечна и что неминуемо изменение избирательного закона, Петражицкий считал, что думская тактика кадетов должна быть направлена к тому, чтобы «сохранить себя для будущего». С этой целью он призывал своих коллег по партии «... демонстрировать умеренность. Пусть изменяют тогда уже закон так, чтобы левые остались за флагом, а не мы».

При «скандалах», которые разыгрывались между правыми и левыми в думе, через всю тактику кадетов проходит не стремление к поддержанию престижа думы в целом, а попытка выгородить себя, не допустить, чтобы легла тень на кадетскую фракцию, не дать заподозрить свою партию в недостатке верноподданнических чувств. [1]

Эта черта поведения кадетов особенно ярко обнаружилась во время зурабовского инцидента. Выступая на закрытом заседании думы по вопросу о контингенте новобранцев, социал-демократ Зурабов в своей речи обратил внимание на то, что «...армия в самодержавном государстве не будет никогда приспособлена в целях внешней обороны, что такая армия будет

[1] Еще перед открытием думы Петрункевич говорил на заседании центрального комитета 9 февраля 1907 г.: «При скандале важно, чтобы все-таки мы-то не скомпрометировали себя» (ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 28, л. 133).

великолепно воевать с нами..., но всегда будет терпеть поражение на Востоке». В этих словах Зурабова правые усмотрели «оскорбление армии» и потребовали от председателя думы Головина принятия репрессий против оратора. Так как Головин не сразу лишил слова Зурабова, то крайние правые выступили с обвинением кадетского председателя думы в потачке «оскорблению» армии. Чтобы реабилитировать себя в глазах черной сотни, кадетам необходимо было провести через думу осуждение поступка Зурабова. Но сочувствие, с которым было встречено выступление Зурабова левыми фракциями думы, крайне затрудняло кадетам выполнение их задачи. Тогда Головин прибег, по собственному признанию, к следующему трюку: «Я решил неожиданным предложением внести смятение среди левых и таким образом надеялся получить большинство за нежелательное для них предложение... Я выразил глубокое сожаление, что в стенах думы раздалась речь, недостаточно уважительная к доблестной русской армии, и за эту речь я, как председатель думы, делаю Зурабову замечание и лишаю его слова — и сразу же: одобряет ли дума действия председателя? (левые ушли из зала, предложение принято единогласно)». [1]

Однако это Столыпину показалось недостаточно, и он потребовал у Головина, чтобы дума приняла переход к очередным делам с выражением «уважения к доблестной русской армии и уверенности в беззаветной ее преданности родине и царю» и исключила на ряд заседаний Зурабова. Кадеты готовы были полностью выполнить этот ультиматум, но они тут встретили препятствие не только со стороны левых, но и националистических партий. «Головин просил, — писал Столыпин царю, — чтобы я его принял, и был у меня в 12 час. ночи. Он очень смущен и говорит, что не мог выполнить мое желание вследствие отказа польского коло голосовать за исключение Зурабова. Головин обещал мне все сделать, чтобы провести первое мое предложение, и обещал завтра же быть у военного министра с извинением за происшедшее». [2] Растерянность Головина объясняется тем, что кадеты панически боялись такого роспуска думы, при котором хотя бы часть вины правительство могло бы отнести на их счет.

Надо сказать, что кадеты до самой последней минуты не покинули «строго-конституционной» почвы. Когда правительство внесло в думу провокационное требование о выдаче всей социал-демократической фракции, уличенной якобы в военном заговоре против существующего государственного строя, то кадеты напрягли все свои силы, чтобы отвести от себя подозрение в «потворстве революции». На заседании кадетской фракции 2 июня 1907 г. раздавались речи, что «нельзя прикрывать грехи социал-демократов», что «мы не допускаем объединения

---

[1] «Красный архив», т. XIX, стр. 144—145.
[2] Там же, т. V, стр. 112.

заговора и законодательной деятельности» и что поэтому «зачинщиков необходимо выдать». [1] Но кадеты считали, что правительство сделало ошибку, перейдя на политическую точку зрения, на борьбу с социал-демократами как таковыми, вместо того чтобы потребовать выдачи лишь юридически уличенных в заговоре. Исправляя эту «оплошность» Столыпина, фракция решила выдать судебной власти тех членов думы, фактическое участие которых в заговоре было бы установлено.

В комиссии Государственной думы, назначенной для рассмотрения требования Столыпина о выдаче социал-демократической фракции, кадеты утверждали, что «нельзя жертвовать ни крупицей достоинства доклада ради скорейшего окончания». [2] Эта проволочка была необходима кадетам чтобы выиграть несколько дней для закулисных переговоров с правительством, которые вращались вокруг вопроса, не будут ли при изменении избирательного закона кадеты оставлены «за флагом». Накануне роспуска думы, когда стало известно, что правительство решило соединить роспуск думы с изменением избирательного закона, кадетская депутация в составе Маклакова, Челнокова, Струве и Булгакова посетила Столыпина, у которого она, повидимому, зондировала почву относительно местечка для кадетской партии в третьеиюньской монархии.

На заключительном заседании II думы кадеты больше всего опасались допустить какой-либо жест, который мог бы дать повод к обвинению их в отступлении от парламентских форм. Когда от имени левых фракций было внесено предложение прекратить прения о местном суде и перейти к обсуждению вопроса о бюджете и отмене изданных правительством законов по 87 ст., то кадетская фракция без колебания отвергла это предложение, как «решительно антиконституционное». [3] Кадеты делали вид, что они не замечают готовящегося государственного переворота, а когда им об этом напоминали, они все равно отвергали мысль сойти хоть на дюйм с конституционной почвы. «Если нам говорят, — отвечал левым ораторам кадетский депутат Аджемов, — что готовится переворот, если этот переворот явится контрреволюционным актом и будет низвержением того строя, который существует, то мы не должны становиться на ту же почву. Мы будем продолжать ту же работу создания права на основании конституционных начал». [4]

---

[1] «Красный архив», т. XLIII, стр. 68

[2] Там же, стр. 91. Возможно, что дум кая комиссия в конце-концов согласилась бы на выдачу всей социал-демократической фракции, лишь бы отвести от себя подозрение в «потачке» революции. Однако подобное пресмыкательство со стороны кадетов вовсе не входило в планы правительства, так как в этом случае оно лишилось бы удобного повода для разгона думы. Поэтому правительство, не дожидаясь результатов работы комиссии, поспешило избавить кадетов от окончательной потери ими «демократического» лица и издало акт 3 июня.

[3] Государственная дума, второй созыв, стенографические отчеты, 1907, т. II, стр. 1593.

[4] Там же, стр. 1600.

Этой холопской позиции кадеты не покинули и после того, как роспуск думы с провозглашением нового избирательного закона стал совершившимся фактом. Из записок Головина видно, что члены кадетской фракции встретили весть о роспуске думы с полным спокойствием. На вопрос Головина, «не собираются ли в Выборг или еще куда и что вообще намереваются делать бывшие члены думы», ему заявили, что «решено принять совершившееся вполне спокойно и разъехаться по домам». У самого Головина было «чувство облегчения от сознания, что дума не сделала ни одного жеста, который мог бы дать повод обвинить ее в нарушении конституции». [1]

* * *

Всем своим поведением, особенно после 17 октября, русский либерализм показал, что он больше боится революции, чем реакции. Как пишет Ленин: «Сознательность социалистического пролетариата, идущего рука об руку с международной армией социалистического пролетариата в Европе, — крайняя революционность мужика, доведенного вековым гнетом крепостников до самого отчаянного положения и до требования конфискаций помещичьих земель, — вот какие обстоятельства бросили русский либерализм гораздо сильнее, чем европейский, в объятия контр-революции». [2]

Мы видели, что верхи торгово-промышленной буржуазии, панически напуганные размахом революции, сразу же после 17 октября стали на путь открытой активной поддержки царизма. Кадеты продолжали еще лавировать между самодержавием и революционным народом, судорожно пытаясь найти компромисс с революционно-настроенными массами, ибо в то время сила была на стороне революции.

Однако кадетский опыт «приручения» мужика, попытка опереться на деревенскую демократию (провозглашение лозунга принудительного отчуждения помещичьих земель), в период I и II дум терпит крушение вследствие революционности «низов» и четкой классовой линии большевиков, которые парализовали попытки кадетов овладеть движением крестьянства, и сами становились знаменосцами борьбы с самодержавием, сплачивая вокруг революционного пролетариата широчайшие массы трудящегося крестьянства.

Безуспешные поиски массового социального базиса для русского либерализма приводят все группировки буржуазии, начиная от октябристов и кончая кадетами, к заключению, что до поры до времени единственный якорь спасения — в военной диктатуре. «Какие мы есть, — писал впоследствии М. Гершензон в «Вехах», — нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех казней власти

---

[1] «Красный архив», т. XVIII, стр. 67.
[2] Ленин, т. XII, стр. 206.

и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной». [1]

Но если так, то необходимо оппозиционные «знамена спрятать в карман». На конференции кадетской партии 18—20 августа 1907 г. почти все участники высказались за исключение из партийной программы лозунга принудительного отчуждения. Заодно кадеты решили «порвать с левыми партиями», а «для спасения конституции [третьеиюньской! — *Е. Ч.*] искать союзников направо». На совещании было очень сильное течение ограничить агитационную деятельность только кругом лиц, допущенных законом 3 июня 1907 г. к избирательным урнам. Например, Ледницкий говорил «о ненужности чтения декларации партии сторожам, которые не будут иметь избирательных прав». [2] Центральный комитет кадетов 10 июня высказался против непосредственного обращения к населению по поводу разгона думы. Делая вид, что ничего особенного не случилось, кадетское «Право» писало о том, что «роспуск — неизбежная сторона парламентской жизни. А в стране, где парламент вводится впервые, роспуски должны быть часты до тех пор, пока парламентская жизнь не наладится твердо». [3] Подобная тактика свидетельствует о том, что кадетская партия стала, в сущности, на рельсы «военно-полевого обновления» России, на которые октябристы вступили сразу же после 17 октября.

«Разоружение» либералов, пресмыкательство их перед Столыпиным, естественно, не могло усилить удельного веса буржуазных партий в стране. Правда, октябристы, которые с самого начала фигурировали как партия «последнего правительственного сообщения», в результате изменения избирательного закона заняли видное положение в российском лже-парламенте. Однако огромный перевес в третьеиюньской монархии остался за крепостниками, а октябристы были обречены на жалкую роль камердинера при Столыпине.

Что касается кадетов — левого фланга либерально-монархических партий, — то им труднее было приспособиться к Столыпину, но вовсе не потому, что у них для этого нехватило доброй воли. Мы видели, что в «демонстрировании умеренности» со стороны кадетов недостатка не было. Просто история I и II дум доказала царизму политическую дряблость кадетов, их неспособность парализовать влияние большевиков и с помощью демагогических жестов направить половодье революционного движения в мирное русло.

Раз кадеты не могли гарантировать царизму прекращение революции, то тем самым автоматически предрешался вопрос об оставлении их на задворках третьеиюньской системы. По новой избирательной механике им было отведено второстепенное место в Государственной думе, а это несомненно было

---

[1] «Вехи», сборник статей о русской интеллигенции, М., 1909, стр. 88.
[2] ГАФКЭ, фонд кадетской партии, д. № 28, л. 222—223.
[3] «Право», 1907, № 23, стр. 1641.

большим ударом для партии, вся деятельность которой, как мы видели, была приноровлена к избирательной борьбе.

Но существование кадетской партии на данном отрезке времени теряло в значительной мере свой смысл и в глазах широких кругов буржуазии. Для буржуазии было ясно, что в царстве столыпинских «галстуков», при крайнем обострении классовых противоречий, заигрывание с демократией, проповедь социального мира и сеяние конституционных иллюзий, на распространении которых в массах была построена вся карьера кадетов, представляется весьма сомнительным делом.

В свете указанных нами соображений становится понятным то состояние глубокого оцепенения, в которое впала кадетская партия после 3 июня 1907 г. 16 декабря 1907 г. департамент полиции обратился к губернаторам с запросом, в котором предлагал сообщить данные о кадетских организациях. Материалы, полученные с мест, рисуют картину полного развала кадетской периферии. [1]

Из ряда губерний сообщали, что существование кадетской партии «никакими данными не устанавливается» (Калужская, Минская, Подольская и Волынская губ.). В Чернигове партия «существует, хотя и не действует», в Екатеринославе — не проявляет «никаких признаков жизни», то же самое в Николаеве и т. д.

Но даже в тех случаях, когда кадетская партия подавала некоторые признаки жизни, по единодушному убеждению корреспондентов полицейской анкеты, она пребывала «в состоянии распада и разложения». Так, пензенский губернатор доносил, что местная группа кадетов обнаруживает «значительный и ярко заметный упадок». По словам орловского губернатора, «всюду, где эта партия проявляла жизнедеятельность, увлекая в свои ряды лиц свободных профессий, служащих, а также учащуюся молодежь, — наблюдается в настоящее время упадок».

Численность кадетской партии резко сократилась. По донесению петербургского градоначальника, число членов партии по всей империи к январю 1908 г. по сравнению с периодом ее расцвета (весна 1906 г.) уменьшилось вчетверо (с 100 тыс. до 25—30 тыс.). Одновременно с этим наблюдался процесс поправения сохранившихся кадетских кадров. Так, ростовский градоначальник, указывая, что деятельность кадетской партии «ни в чем не проявляется», а «численность сочувствующих уменьшилась более, чем наполовину», сообщает, что «и оставшиеся значительно поправели и даже настолько, что большинство из них по своим убеждениям скорее подходит к октябристам». В Рыбинске многие члены кадетской партии после роспуска II думы прямо перешли к октябристам, и т. д.

---

[1] ЦАР, фонд деп. пол., № 999, ч. 43, т. III, Партия народной свободы, 1905 г.

Касаясь обстоятельств, которые вызвали разложение кадетской партии, помимо ссылки на общие причины неуспеха кадетов («программа не встретила сочувствия ни среди рабочих, ни среди крестьянского населения»), губернаторские отчеты подчеркивают, что «вера в будущность партии» среди населения оказалась «совершенно подорванной» после третьеиюньского переворота. Орловский губернатор приписывает упадок партии изменению избирательного закона. По донесению пермского губернатора, деятельность кадетской партии прекратилась «с роспуском II Государственной думы и изданием нового закона о выборах». Точно также в Ярославской губ. «за роспуском II Государственной думы кадетская партия утратила свою организацию».

«Объединенное дворянство», проводником диктатуры которого, в сущности, был Столыпин, чувствовало, что постоянно сидеть на штыках невозможно. Оно не могло не сознавать, что известную устойчивость третьеиюньской монархии может придать только расширение социального базиса. И это расширение классовой опоры для себя оно видело в создании «крепкого фундамента» в лице кулаков.

Столыпин мечтал о наступлении «тысячелетнего царства», когда помещичьи усадьбы будут окружены плотным кольцом кулацких хуторов, которые и станут защитным валом от революции. «Я полагаю, — заявил он в беседе с редактором одной провинциальной газеты, — что прежде всего надлежит создать гражданина-крестьянина, крестьянина-собственника и мелкого землевладельца, а когда эта задача будет осуществлена, гражданственность сама воцарится на Руси... Эта великая задача наша — создание крепкого единоличного собственника, надежнейшего оплота государственности и культуры — неуклонно проводится правительством. Вероятно крупные земельные собственности несколько сократятся, вокруг нынешних помещичьих усадеб начнут возникать многочисленные средние и мелкие культурные хозяйства, столь необходимые как надежнейший оплот государственности на местах». [1]

В трогательном согласии с Столыпиным либеральный князь Е. Трубецкой связывал свои надежды на укрепление либеральных позиций в стране с развитием кулачества, которое будет стоять на страже буржуазной собственности и порядка. «Когда растительные силы истории, — писал он, — создадут у нас новый тип экономически независимого крестьянина-собственника, тогда хищения, погромы, грабеж не только индивидуальный, но и массовый, найдут в себе непримиримого врага в каждой крестьянской избе... Тем самым создастся недостающий теперь социальный базис для русского либерализма». [2]

Но не сбылись мечты Столыпина и его либеральных лакеев. Слишком стремительно надвигался новый бурлящий поток

[1] Высший подвиг. Столыпин, СПб., 1912, стр. 70.
[2] «Русская мысль», 1911, кн. 2, стр. 191.

революции, чтобы дать время для успешного завершения столыпинских опытов!.. Ленин еще в 1911 г. писал: «Ни новый шаг по пути превращения старого царизма в подновленную буржуазную монархию, ни организация в национальном масштабе дворян и верхов буржуазии (III Дума), ни буржуазная аграрная политика, проводимая земскими начальниками, — все эти «крайние» меры, все эти «последние» усилия царизма на п о с л е д н е й оставшейся ему арене, арене приспособления к буржуазному развитию, оказываются недостаточными. Не выходит и так!... Революционный кризис на почве неразрешенных буржуазно-демократических задач остается неизбежным. Он назревает снова, мы идем опять навстречу к нему, идем по-новому, н е т а к, как прежде, не тем темпом, не в старых только формах, но идем несомненно». [1]

Через 12 лет после «генеральной репетиции» 1905 года полностью осуществились пророческие слова Владимира Ильича.

Пройдя через этап буржуазно-демократической революции, рабочий класс в союзе с остальными трудящимися и эксплоатируемыми массами, под руководством партии Ленина — Сталина, совершил Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

Началась новая эпоха в истории человечества, эпоха победоносного шествия социализма.

---

[1] Ленин, т. XV, стр. 209.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ..... Стр. 3

Часть I. Канун революции

Глава 1. Крупная буржуазия перед революцией 1905 г. 7
Глава 2. Земская фронда 26

Часть II. 9 января и буржуазное оппозиционное движение

Глава 3. Январские события и петиционная кампания 59
Глава 4. Восстание броненосца «Потемкин» и объединенное выступление либеральной буржуазии 94
Глава 5. Акт 6 августа и поворот либералов вправо 121

Часть III. Период революционного штурма

Глава 6. Буржуазия в октябрьские дни 133
Глава 7. Единый фронт буржуазии и правительства против революционного движения 146
Глава 8. Формирование буржуазных партий 178
А. Партийные группировки торгово-промышленной и банковской буржуазии 178
Б. Союз 17 октября 190
В. Кадеты 201
Глава 9. Буржуазия и московское вооруженное восстание .. 224

Часть IV. Конституционные иллюзии и реакция

Глава 10. Буржуазные партии на выборах в первую Государственную думу 235
Глава 11. Тактика кадетов в первой думе 254
Глава 12. Междудумье 294
Глава 13. Вторая дума 326

Редактор *Н. Б. Крушкол.* Техредактор *Г. Н. Краюхин.*
Корректор *Г. А. Лучинский.*

Сдано в набор 3/IX 1939 г. Подписано к печати 27/XI 1939 г.
Соцэкгиз № 1685. Заказ № 1257. Тираж 10 000. Формат бумаги 60×92¹/₁₆.
Печ. л. 23¹/₂. Уч.-изд. л. 26,3. Бум. л. 11³/₄. Тип. знак. в 1 бум. л. 89 600.
Леноблгорлит № 5306.
Цена книги 5 р. 50 к., переплет 2 р.

2-я типография ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига» «Печатный Двор» им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

1893

9

7 руб. 50 коп.